

Наталья Ткаченко

300
ДИКТАНТОВ
для поступающих
в
ВУЗЫ

Четвертое издание

МОСКВА

АЙРИС ПРЕСС
2003

УДК 82(075)
ББК 81.2Р-2
Т48

Серия «Домашний репетитор»® основана в 1996 году.

Ткаченко Н. Г.

Т48 300 диктантов для поступающих в вузы. — 4-е изд. — М.: Айрис-пресс, 2003. — 384 с. — (Домашний репетитор.)

ISBN 5-8112-0374-8

В сборник включены словарные диктанты, а также тесты-диктанты по орфографии и пунктуации. Диктанты составлены по произведениям русских и советских писателей. Тесты-диктанты снабжены ключами.

Сборник предназначен для всех желающих подготовиться к выпускным экзаменам в школе и вступительным экзаменам в вуз.

ББК 81.2Р-2
УДК 82(075)

ISBN 5-8112-0374-8

© Айрис-пресс, 1998, 2003

Предисловие

Книга предназначена для учащихся, готовящихся к поступлению в высшие учебные заведения. Сборник может быть использован как для самостоятельной работы, так и с преподавателем, может быть также использован слушателями подготовительных отделений, преподавателями-русистами для работы в старших классах средней школы.

Структура сборника. Сборник состоит из 4 разделов: I — Словарные диктанты, II — Орфографические диктанты, III — Пунктуационные диктанты, IV — Комплексные диктанты. Все разделы снабжены диктантами-ключами, позволяющими учащемуся проверить и оценить свои знания. Диктанты в разделах располагаются по степени возрастающей сложности. Последние диктанты в разделах наиболее трудные и могут быть использованы как контрольные. Отдельные диктанты содержат элемент занимательности, нацеливают на самостоятельную работу со словарями и справочными пособиями.

I раздел — Словарные диктанты — включает диктанты на основные правила орфографии, а также направлены на более глубокое изучение правил правописания. Материал может быть использован как для комментированных объяснительных диктантов, так и для самостоятельной работы.

II раздел — Орфографические диктанты — содержит тексты, направленные на проверку орфографических правил. Во всех диктантах раздела необходимо вставить пропущенные буквы, раскрыть скобки, что позволяет повторить правила орфографии, затем проверить свои знания в разделе «Ключи». В разделе преобладают тексты, связанные с наиболее трудными правилами русской орфографии.

III раздел — Пунктуационные диктанты — включает тексты, распределенные по наиболее важным темам пунктуации. Тексты имеют пропуски пунктуационных знаков.

IV раздел — Комплексные диктанты — состоит из наиболее трудных в орфографическом и пунктуационном отношении текстов, имеющих обобщающий характер. Тексты подбирались с учетом наличия в них орфограмм и пунктограмм на многие правила.

При составлении настоящего сборника использовались тексты произведений художественной русской литературы как классической (XIX в.), так и современной русской литературы XX в.

I. СЛОВАРНЫЕ ДИКТАНТЫ

Безударные гласные в корне слова

Проверяемые безударные гласные

№ 1

Долина, продвигаться, привлекать, припадать, мясной, лебединый, ошипать, преподавать, роптать, грошовый, возить, плескать, ворона, цветок, кормить, **трещать**, убежать, толковать, увязать, присягать, удивление, пастух, припаять, улетать, тропинка, **привлекательность**, неопределенный, предзнаменование, облегчение, облакачиваться, пренебрежение, впечатление, обнажить, поглотить, наслаждение, позволять, скрипеть, полоть, трясина, усмирать, черстветь, **выпскать**.

№ 2

Обвевать — обвивать; частота — чистота: валы — волны; спешите — спешите; **поседеть** — посидеть; слепить — слипаться; скрепить — скрипеть; разредить — разрядить; посветить — посвятить; отворить — отворить; запивать — запевать; обижать — обежать; висит — весит; примерять — примирять; старожил — сторожил; развиваться — развеваться; полоскать — поласкать; прожевал — проживал; распевать — распивать; подражать — подрожать (от холода); умолять — умялять; окатиться — окотиться; увидать — увядать; **заплотить** (реку) — заплатить.

№ 3

Упл...тнить, прил...скать, обн...жить, раск...лить, усл...жнить, обл...котиться, отд...лить, погл...щать, отк...заться, угр...жать, опр...вдать, ж...лтеть, в...пиющий, зап...вала, зар...дить, р...птение, см...гчение, ув...дание, загл...дение, загр...ждение, зач...рованный, кл...ска, обр...мление, нагр...вание, г...лодание, уд...вление, вскл...коченный, пок...яние, т...птать, св...щенник, см...рение, озл...бление, ст...рона, угн...тение, упр...шенно.

№ 4

Б...льной, б...гуший, разм...гчить, б...сином, загл...нуть,

зак...лоть, засв...стеть, настр...чить, в...рсистый, раскр...шить, обл...мать, поб...лить, обн...вленный, од...рить, пор...дить, ор...шение, опл...тить, сл...мать, осн...щенный, пов...литься, уд...вляться, щ...дрота, м...лодежь, насв...стать, наскр...сти, оп...лчение, нар...диться, разг...вор, разув...рение, убл...жить, просв...щение, раст...жение.

№ 5

Нам...лоть, нас...дить, обг...ворить, обр...тение, отр...виться, ук...ротить, обл...ниться, оч...рствовать, подб...дрить, похв...лить, окр...вавленный, поз...лотить, растр...пать, отр...дить, обл...мать, обн...вленный, оскв...рнить, разб...леться, тр...петать, осн...стить, одр...хлеть, опр...вдать, пок...яние, разг...родить, озл...бление, спл...ченный, от...ждествление, соедин...ние, см...рение, настр...ение, щ...бетание, обл...гчение, ст...рожил, ут...лщение, утр...ение, ут...пический.

№ 6

Зал...зять на дерево — зал...зять рану; зап...вать куплет — зап...вать лекарство; нав...вать сны — нав...вать локоны; обв...вала лицо веером — обв...вала косы вокруг головы; волосы разв...вались на ветру — разв...вали промышленность; ударился оз...мь — созревает оз...мь; пол...скать белье — пол...скать котенка; посв...тить фонариком — посв...тить жизнь науке; сп...шите видеть — сп...шите данные; ч...стота посещений — ч...стота помещений; ум...лять о помощи — ум...лять значение; разв...вается стяг — разв...вается сюжет; пос...деть на лужайке — пос...деть от горя; цветы стали ув...дать — надеялся ув...дать чудо; прим...рять костюм — прим...рять спорщики; шумят и пенятся в...лы — устало брели в...лы; детишки были очень м...лы — приходилось стоять на м...лу; прор...дили морковь на грядке — зар...дили пушки; нак...лить железо докрасна — нак...лоть сосновых дровишек; носить прист...жные воротники — понукал прист...жных лошадей; спуститься в цветущую д...лину — быть вд...леке от дома.

Непроверяемые безударные гласные

№ 7

Афоном, аплодировать, бетон, бидон, берлога, ватрушка, велосипед, вестибюль, ветчина, винегрет, воробей, восток, горизонт,

готовый, громадный, жаворонок, индеветь, интеллигенция, инцидент, компания, коноплянка, лелеять, лопата, лотерея, лягушка, наваждение, облигация, одолеть, палисадник, памятник, пластилин.

№ 8

Вентилятор, конфорка, корнишон, камфара, компостировать, периферия, привилегия, свидетельство, свирепый, стипендия, шероховатый, экзаменатор, экскаватор, метрополитен, гегемония, бечевка, иждивение, пескарь, снегирь, акробат, адаптация, акварель, агрегат, абориген, авангард, богатырь, бакалея, богатство, балласт, бандероль, бефстроганов.

№ 9

Бегемот, бифштекс, бизнесмен, бекас, берет, богема, ботфорт, батальон, баррикада, бордюр, баталист, бостон, браконьер, бронхит, вазелин, вакцина, волейбол, валидол, валюта, валун, вандализм, ванилин, ворковать, вельвет, велюр, вираж, вертолет, виртуоз, вискоза, витамин, верзила, веснушчатый, ковырять, беседа, табурет, ураган, каблук, ватага, мачеха, вестибюль.

№ 10

Алгоритм, бакалавр, канифоль, олигархия, равелин, агломерат, гиацинт, дивертисмент, какофония, керогаз, люминисцентный, меценат, реаниматолог, сакраментальный, триумвират, ацетат, громоздить, импонировать, конкистадор, мадаполам, мозоль, отображение, обагренный, биатлон, вернисаж, гармония, декларировать, интерпретация, карбюратор, когорта, ноктюрн.

№ 11

Верм...шель, к...в...тина, м...р...диан, отр...жение, пер...фраз, п...ктография, сп...нтанный, сув...ренный, ф...рель, фест...валь, ч...снок, эл...ксир, ол...андр, пр...т...ндент, тр...ада, р...тонда, в...д...виль, г...бардин, акк...мпаниатор, д...летант, к...н...нада, в...олончель, к...ромысло, к...нгуру, нав...ждение, об...грить, пар...дигма, пр...рогativa, ф...рватер, фил...грань, д...адема, ...саул, Г...стролер, д...кламировать, м...ниатюра.

№ 12

Г...б...рит, д...ф...рамб, мар...над, м...норный, ...реол, респ...ратор, пр...оритет, тр...умфальный, нум...рация, пр...амбула,

р...гата, р...зонанс, р...кошет, скомп...нованный, фантазм...гория,
юв...лир, фр...каделька, ф...аско, ст...лактит, т...ршер, с...нтагма,
с...ната, р...н...гат, н...стальгия, ...монимия, к...строля,
экстр...вагантный, эпист...лярный, фл...минго, к...ростель,
тр...туар, тот...лизатор, с...рпантин, руд...мент, през...нтабельный.

№ 13

Б...кал, б...лкон, ар...мат, аб...жур, б...рьер, г...раж, г...мак,
герм...тизировать, загр...м...ждение, к...мар, оке...нолог,
персп...ктива, пол...семия, ув...ртюра, хр...стоматия, ш...велюра,
экз...стенциализм, эст...када, д...л...жанс, д...л...тантизм,
иск...верканный, к...стелянша, комп...тентный, клер...кальный,
...лимпиада, пар...бола, пер...фраз, п...ртьера, рез...денция,
ск...латина, торе...дор, фен...мен, фл...мандский, хр...зантема,
р...естр, рот...принт.

№ 14

К...нонерка, к...либри, п...нихида, н...тюморт,
п...рамидальный, пр...з...дент, р...гламент, р...туал, д...з...нтерия,
инсп...рировать, к...рамика, к...лчан, фр...нтон, фл...бустьер,
труб...дур, с...нт...ментальный, с...нет, пант...он, мет...морфоза,
мадр...гал, орд...натура, инж...нер, ген...рация, д...р...ктива,
ид...оматический, к...ламбур, к...алиция, м...крель, обв...рожить,
опт...м...стический, плаг...ат, пр...зид...ум, рад...атор, сер...нада.

№ 15

Д...агоналевый, им...тация, кабр...олет, м...взолей, мет...орит,
оранж...рея, рев...ранс, кат...комба, стр...коза, г...белен, инд...веть,
кат...васия, к...таклизм, каш...мир, к...рпорация, пар...пет,
пл...яда, поб...гроветь, пр...тензия, реф...рендум, к...мбинезон,
прив...редничать, прив...л...гированный, респ...ктабельный,
феш...небельный, конф...денциальный, к...ричевый, об...яние.

Чередующиеся гласные в корне

№ 16

Выщирать, выщернуть, собирать, соберут, блистательный, блес-
тящий, запирать, заниматься, начинающий, обжигание, умирать,

обсчитаться, опереться, отблеск, отереть, отмереть, отчитать, пересчитанный, пробираться, поджигание, поднимать, подпирать, подстелить, разбирать, расстелить, расстилаться, сочетание, сочетать, упереться, устилать.

№ 17

Касаться, коснуться, коснувшись, неукоснительно, прикосновение, соприкасаться, соприкосновение, предлагать, предложить, безотлагательный, вложение, возложить, доложить, излагать, обложение, предполагаемый, предрасположенный, предложение, слабое, усложнять.

№ 18

Заря, зори, зарница, зоренька, озарение, озаренность, озарять, озариться, горение, безугарный, возгорание, горелка, догорание, загорелый, нагореть, огарок, перегорать, погорелец, самовозгораемость, угорелый, творец, благотворительность, вытворить, одухотворенность, сотворение, растворимость, сотворить, удовлетворение, утварь, творение, поклонение, наклон, наклонить, неуклонный, отклонение, откланиваться, уклончивый, преклонный, наклонять.

№ 19

Плавание, плавучий, пловец, пловчиха, поплавок, плавучесть, заплывать, вскочить, выскочить, наскакаться, обскакать, отскачить, скачок, скачи, подскочить, скачет, соскочить, подскочить, на скаку, выскочка.

№ 20

Взрастать, растение, взростеть, возрастной, врасти, вырастить, выращенный, доморощенный, дорасти, заросль, нарастание, отрасль, отросток, перерастание, переросток, взрослый, подростковый, подросток, прирастить, произрастать, проращать, прорасти, разрастись, растение, расти, растительный, ростовщик, Ростислав, срastись, Ростов.

№ 21

Обмакнуть в воду, плащ промокает, выровненный асфальт, зровнять поверхность, подровнять края, приравнять величины, подравняться в строю, подровнять листы, поравняться с прохожим, равнение на середину, красивая равнина, равнобедренный треугольник,

боротся за равноправие, разровнять грядку, лестное сравнение, ровесник века, сравнительный метод исследования, решить уравнение, уравновешенный человек.

№ 22

Прик...снуться — прик...саться, прик...сновение, к...сательная; предл...жить — предл...гать; распол...житься — распол...гать; покл...ниться — кл...ниться, накл...ниться — покл...н — раскл...ниться; тв...рение — тв...рчество — тв...рь; заг...релый — заг...р, уг...релый — уг...р, разг...раться — г...реть — г...рь; пл...всц — пл...вать, пл...вчиха — пл...вучесть — попл...вок; з...рька — з...ря — з...рница, з...ренька — оз...рять — оз...ренный — оз...рение; р...стить — р...сли, выр...стить — выр...сли — выр...сший, выр...щивать — зар...стать, пор...сль — зар...сль; ур...вень — ур...внение, ср...внять — ср...внить, ур...внять — выр...внять — пор...вняться, р...весник; пром...кать — м...кать, обм...кнуть — пром...кнуть — пром...кательный — вым...кнуть; вск...чить — ск...кать, подск...кать — выск...чить.

№ 23

Зам...реть от восторга, отп...рать замок, зам...рять от восхищения, приб...ру в квартире, пост...лить постель, любоваться раст...лавшейся равниной, уд...рать с места происшествия, уд...ру без оглядки, изл...гать мысли вслух, написать изл...жение, к...саться темы, прик...снуться к прошлому, скл...ниться над ручьем, откл...нение в сторону, раств...рить окно, домашняя утв...рь, несг...раемый шкаф, заг...рять на берегу моря, выпл...вка чугуна, хороший пл...вец, пл...вучие льды, рыбные пл...вники, пл...вучая глина, обувь пром...кает, обм...кнуть кисть в краску, пром...кашка, непром...каемый плащ, обм...кнуть перо в чернильницу, держать р...внение в рядах, подр...внять кусты сирени, зар...сти травой, пор...сло мхом, совершить СК...ЧОК, подск...чить от неожиданности.

№ 24

Бл...стать красотой, нач...нать работу, бл...стеть на солнце, зам...реть от счастья, зам...рять от страха, соб...рательный образ, бл...стящий оратор, изб...рательная кампания, предл...гать помощь, накл...нить голову, зар...внять канаву, выр...стить цветы, первое скл...нение, земная р...внина, далекая з...рница, раст...рание красок, соч...тание теории с практикой, проск...кать на лошади, проск...чить мимо, обм...кнуть вареник в сметану, вым...кнуть под дождем,

покл...няться солнцу, отр...словое производство, вск...живать на ходу, заносчивый выск...чка, заск...чить на минуту, рассч...тывать на помощь, произвести расч...т.

Гласные после шипящих и ц

№ 25

Ажурный, Алжир, беспощадный, брошюра, выжидать, жури, жемчужина, зажимать, зажиточный, начало, очутиться, оживление, ощупью, отчаяние, ощущение, парашют, площадка, пережиток, счастье, соучастие, сочувственный, чародей, широкий, шиллинг, шифровка, шиферная (крыша), посадить, шифоновый, щупальца.

№ 26

Коробчонка, казачок, холщовый, лапшой, собачонка, орешек, овражек, ручонка, башмачок, зайчонок, горошек, чужой, сверчок, старичок, дружок, парчовый.

Бережет, тушенный, корчевка, сгущенка, сечет, печеный, выточенный, перченый, размежевка, обнаженный, замороженный, толченный, стережет, моченый.

Черный, решетка, жердочка, кошелка, бечевка, расческа, шепот, щеголь, учеба, шелковый, шелка, пшенный, прожеванный, чопорный, обжора, шорох, чокаться, трешотка, черточка, сжеванный.

№ 27

Боржом, желчный, пощечина, вечерка, пижон, шоколадный, шофер, корнишон, жонглировать, крыжовенный, дирижер, шовинизм, молодожены, печеночный, стажер, ретушер, дешевка, мажорный, полушепот, прожорливый, жокей-клуб, розовощекий, шоферский, электросчетчик, капюшон, счетно-решающий, шоковый, сжеванный, удрученный, многоженство, дешевый, решетчатый, пшеница, шелканье, шерстка, шоссе, Шотландия, щелочь, четкость, четный, желудь, герцогиня, скерцо, меццо-сопрано, пальтецо.

№ 28

Дикция, цирк, цыганский, цыпленок, смуглолицый, цивилизация, циркуль, циклевать, циклоп, циркуляр, цистерна, циферблат, милиция, цитрусовый, цинизм, цианистый, цигейковый, Царицыно, сестрицын, волчицын, скворцы прилетели, спицы мелькают,

огурцы выросли, пылают зарницы, циклон, инициалы, инициативный, панцирь, принципиальный, пацифизм, пациенты.

№ 29

Забавная девчонка, галчонок выпал из гнезда, толченное стекло, следить за матчем, тесная лавчонка, жалкая душонка, порывы свежего ветра, удрученный вид, главный дирижер, причесанный ухажер, гашеная известь, вкусная сгущенка, перченая тушенка, короткая рубашонка, камышовые заросли, короткие шорты, ровная черточка, обнаженная натура, машина с кирпичом, Лисицын хвост, свежей струей, тяжелая кошелка, подавился лапшой, спорить горячо, французский герцог, ровный шов, сильный ожог руки, четко произносить слова, желтый крыжовник, дешевый товар, приехал коммивояжер, чопорный вельможа, сел за решетку, сильно ожег руку, рассказывала певуче, шоколадные конфеты, ночевка в лесу, мокрое шоссе, прожорливая гусеница, совершен поджог дома, цианистый калий, шоковая терапия, неизвестный поджег дом, чужого не надо, почему пшенка?

№ 30

Ш...пот ночи, тяж...лая сумка, ч...порный человек, покрыться румянц...м, ж...сткие условия, старый ч...лн, лесные ш...рохи, трещ...тка сторожа, ож...г лица, реш...тка сада, трудолюбивые пч...лы, укрыться плащ...м, мраморный ц...коль, городские трущ...бы, ж...лтые листья, боч...нок с водой, спорить горяч..., ш...в разошелся, идти вдоль ш...ссе, подж...г сарая, вош...ная бумага, грош...вая опера.

№ 31

Камыш...вая заросль, новая расч...ска, смешной галч...нок, разбитый паралич...м, красивая прич...ска, суш...ные фрукты, кипяч...ное молоко, ч...тные числа, увитый плющ...м, парч...вое платье, смущ...нный студент, толч...ные орехи, глаза-щ...лки, горящей свеч...й, с большим багаж...м, моч...ные яблоки, платяная щ...тка, раствор щ...лочи, ноч...вка в лесу, спелый крыж...вник, новые ш...рты, возмущ...нный тон, рекордный прыж...к, ненасытный обж...ра.

№ 32

Тихий ш...пот, печ...ный хлеб, деш...вый товар, ч...рствый человек, маж...рный тон, зажж...нный факел, паштет из печ...нки,

переплывать реку саж...нками, ноч...вка в лесу, ож...г лица, шум
трещ...тки, вкусный ш...колад, уч...ный зверь, говорить общ...,
детская руч...нка, тонкая беч...вка, пш...нная каша, короткая ч...лка,
устный сч...т, зубная ш...тка, ж...сткий вагон, опытный ш...рник,
сломанный суч...к, ш...мпол винтовки, спелые ж...луди.

№ 33

Ч...рная черточка, получить пощ...чину, старая кош...лка, тонкая
беч...вка, новые ч...боты, выпить борж...ми, измерять в дж...улях,
опытный ж...нглер, пальто с капюш...ном, защ...лка замка,
никч...мный человек, прож...рливый медвеж...нок, новая расч...ска,
произвести расч...т, танцевать чеч...тку, старый ш...фер,
ш...тландская песня, красивое понч..., исполнять каприч...,
готовить харч..., играть на бандж....

Употребление букв э, е

№ 34

Поэзия, дуэль, проект, диета, кафе, Мэри, гигиена, менед-
жер, нонсенс, силуэт, сэр, фонема, фужер, гротеск, евангелие,
трехэтажный, идентификация, квинтэссенция, маэстро, реквием,
рэкет, модерн, политэкономия, статуэтка, экземпляр, кабаре, мэ-
рия, игрек, кашне, штемпель, Эвклид, Эллада, Эмилия, Эльба,
экстерн, элегия.

№ 35

Кибернетика, лорнет, фуэте, сэкономить, дизель, отэкзамено-
вать, фэзтон, каре, дуэт, идентичный, кордебалет, модель, па-
де-де, randevu, шедевр, экспансия, эпилог, коктейль, пюре, спро-
ектировать, широкоэкранный, пленэр, дециметр, патент, модера-
то, эвкалипт, эдельвейс, эфемерный, эмбарго, экология, эксперт,
элита, эстет.

№ 36

Куп..., кр...пд...шин, б...львед..., по...тический, силу...,
...ффе́кт, т...мп, с...кономить, портмон..., гену...зцы, ди...з,
пиру..., папъ...маш..., кли...нт, паци...нт, ш...злонг, пенсн...,
ст...нд, б...з..., н...повский, котт...дж, т...рмос, проц...ссия,

б...н...фис, р...н...ссанс, ду...лянт, ду...нья, ид...нтичность,
фи...ста, ...мигрант, ...зоп, ...фиопия, ...лектрик, ...кспромт,
бель...таж, ...скорт.

Звонкие и глухие согласные

№ 37

Редкие волосы, хрупкое здоровье, модный галстук, меткий стрелок, людская молва, поздняя женитьба, вкусная ватрушка, гладкая поверхность, толстая книжка, вкусная похлебка, сруб колодца, дерзкий ответ, убедительная просьба, древесная стружка, шерстяные варежки, искусная резьба, шефский концерт, подвергаться насмешкам, старый дуб, веселая свадьба, высшая школа.

№ 38

Полезный тру..., непростительный поро..., переступить поро..., пасутся стада ко..., любоваться красотой девичьих ко..., на крышах изморо...ь, сеет мелкая изморо...ь, дамы и господа сидят за столом впереме...ку, газеты и письма лежали на столе впереме...ку, частые перебе...ки, кру...ка пива, новые скворе...ни, свежие коври...ки, выру...ка леса, громоз...кий багаж, деле...ка барышей, зы...кая надежда, модная засте...ка, кровавый мяте..., издер...ки производства, перевя...ка раны, высший пилота..., маленькая пичу...ка, реви...ские списки, старая уса...ьба, свежая сма...ка, дальнее ро...ство, последний раун..., помо...ник директора.

Непроизносимые согласные

№ 39

Доблестный, радостный, страстный, полновластный, счастливый, гигантский, буревестник, тростник, вестник, известняк, неизвестность, присутствие, пастбище, сверстник, отсутствие, агентство, празднество, поздно, объездчик, мундштук, громоздкий, шестнадцать, сумасшедший, уздцы, ягдташ, лестница, масштаб, монпансье.

№ 40

Пристрас...ный, разнома...ный, опас...ный, ужас...ный, громоз...кий, повис...нуть, чу...ствовать, уча...ствовать, здра...ствовать, че...ствовать, безмол...ствовать, со...нце, я...ственный, сверс...ник, ярос...ный, я...ства, корыс...ный, захолюс...ный, завис...ливый, искус...ный, словес...ный, ровес...ник, с...рам, воскрес...ник, блес...нуть, древес...ный, компроме...тировать, инци...дент, дерма...тин, конста...тировать, комме...тировать.

№ 41

Влас...ный, глас...ный, горес...ный, декаден...ство, интриган...ство, несчаст...ливый, окрес...ный, праз...ный, бескос...ный, ислан...ский, мес...ность, наперс...ник, пакос...ник, редкос...ный, дилетан...ский, сладос...ный, конъю...ктивит, ревнос...ный, лан...шафт, подвлас...ный, юрис...консульт, целос...ный.

№ 42

Бе...покойное хозяйство, ласковое со...нце, ярос...ное сопротивление, ше...ская помощь, кос...ный взгляд, полно-влас...ный хозяин, извес...ный писатель, кос...ный бульон, словес...ный портрет, счас...ливый день, чу...ствовать усталость, праз...ничное шествие, грус...ная повесть, гнус...ный поступок, уча...ствовать в спектакле, тревожное предчу...ствие, вкус...ный обед, гиган...ское строительство, президен...ские выборы, влас...ные структуры, радос...ный возглас, блес...нуть на солнце, неумес...ный вопрос, длинные рес...ницы, угостить разнообразными я...ствами, мои ровес...ники, мерзопакос...ный человек, час...нособственнические интересы.

Двойные согласные

№ 43

Профессор, ассистент, диссертация, дискуссия, экспресс, стюардесса, колоссальный, фоссмейстер, кроссовки, матросский, рассчитывать, колледж, коллега, коллоквиум, интеллигенция, аллегро, троллейбус, артиллерия, целлюлоза, целлофан, галлюцинация, аппетит, аппарат, труппа, группа, оппонент, диафамма, комментариев, коммюнике, программа, симметрия, иммунитет, килограмм.

№ 44

Аккомпанемент, аккордеон, хоккей, оккупант, аккуратный, можжевельник, жженный, жужжание, либретто, оперетта, коттедж, эффект, юннат, дрожжи, перрон, вожжи, территория, Голландия, Геннадий, Филиппины, Ницца, Фаддей, Апеннины, авто-ралли, галера, баллада, дискуссия, иллюстрация, каравелла, коммерсант, баррикада, иллюзион, каллиграфия, барокко, стеллаж.

№ 45

Аллегория, иллюстрация, импрессионизм, идиллический, мачсон, профессия, перила, директриса, оперетка, панно, хобби, галерея, профгруппорг, пессимистический, раса, трасса, искусный, хоккей, гримаса, колонна, шулер, корректор, коррупция, миссия, новелла, пассив, фурор, плиссе, плисовый, террор, мисс, биссектриса, кириллица, кристаллический, нарцисс, палас.

№ 46

Коллектив, количество, аннотация, коэффициент, массаж, монограмма, бескомпромиссный, пассаж, алогичный, кассетный, иррациональный, коралл, русизм, русист, русистский, апелляция, граммофон, грампластинка, программа, программный, россиянин, кроссворд, атрибуция, спецкор, долларовый, кристальный, директриса, белорус, черкес, десант, кавалерия, пассатижи, экспрессия.

№ 47

Подавать апелляцию, слышать жужжание шмеля, голос слегка дрожал, рукопись придется сжечь, пес тихонько визжал, хороши просторы России, натянуть вожжи, можжевельниковый куст, интеллигентный человек, написать пьесу, длинный коридор, липовая аллея, галерея образов, петь дифирамбы, баллотироваться в президенты, выступить в оппозиции, предаваться иллюзиям, вступить в дискуссию, выполнить миссию, играть в теннис, получить эффект, ехать по шоссе, алюминиевые стержни, суверенная территория.

№ 48

агрес...ия	апе...ляция	ас...игнование
ал...ергия	ап...арат	ас...истент
ал...ея	ал...юминий	ас...ортимент
ан...отация	ап...етит	ас...оциация
ан...улировать	артил...ерия	ат...рактин

бал...ада	кол...ега	прогрес...
бал...отироваться	кол...едж	процес...
бар...икада	кол...екция	режис...ер
ба...сейн	кол...изия	репрес...ированный
бел...етристика	колон...а	рес...урсы
бюл...етень	колос...альный	рас...чет
гал...ерея	комис...ия	рес...ора
груп...ировка	ком...ентатор	сур...огат
гум...антам	ком...ерсант	тен...ис
дискус...ия	компромис...	тер...аса
дес...ант	кор...ектность	тер...итория
дис...ертация	кор...еспондент	тон...а
диф...еренциация	кор...идор	трас...а
драм...а	кристал...	тун...ель
ил...люзия	крос...	тружен...ик
ил...люминация	ман...а	хок...ей
им...тация	мас...он	хол...
инкас...ация	мис...ия	цел...офан
ин...ициатива	ок...упация	цел...юлоза
интел...игенция	оп...озиция	цивил...изация
интел...ект	оп...онент	шас...и
искус...тво	парал...ель	шос...е
искус...ный	пас...ивность	экспрес...ия
ир...игация	пас...ажир	эл...ипс
кас...а	пес...имизм	эс...е
кас...ета	прес...а	эл...астик
кар...икатура	пьес...а	эл...егия
кор...идор	привил...егия	юн...ый

Употребление **ъ** во всех частях речи и формах слов

№ 49

Альпинизм, альтруизм, июньский, кланчить, фальшь, ельник, лентай, альманах, отсрочка, октябрьский, сельдь, колокольчик, пальма, весьма, просьба, раньше, тоньше, серьги, Людмила, мостик, песня, каменщик, мощный.

№ 50

Будем печь пироги, он приготовится к прыжку, киньте мячик,

составь уравнение, назначьте свидание, признаться в слабости, съешьте кусочек, ребенок купается, хочу купаться в море, ты шуруй бумагами, ты несешься напролом, ты бросишь камень, отречься от сказанного, собака сильно кусается, щенок может кусаться, пришлось добираться пешком, лист не колышется, занимается заря, пора заниматься, придется задуматься, ты пишешь красиво.

№ 51

Грамотная речь, острый меч, маленькая дочь, сильный смерч, надо пуститься вскачь, выйти замуж, детский врач, много красивых дач, дымится печь, пора печь пироги, будем строить шалаш, горечь воспоминаний, любопытная вещь, густая рожь, решение сложных задач, до следующих встреч, черный грач, слышится плач, двухлетний малыш.

№ 52

Искусная резьба, не откажите в просьбе, возьми богатырский меч, получите деньги, заботливая нянька, красивая тесьма, пора поведать о судьбе героя, пораньше встаньте, необходимо закончить в срок, достаньте багаж, надо распахнуть дверь настежь, крыши загородных дач, придется нанять носильщика, отсветы пожарищ, длительная болезнь, милый лжец, кисть рябины, тенистая аллея, мощный рывок, отсрочьте платеж, дощатый мостик.

№ 53

Ноч..., камен...щик, куч..., вет...ви, клян...чить, срж..., тон...чайший, бережеш...ся, залеж..., зон...тик, брич...ка, шелоч..., биш..., стрич...ся, декабр...ский, свеч...ка, брош..., пил...щик, сроч...ный, ден...ден...ской, вишен...ка, плюш..., мел...чайший, хрящ..., кумач..., наотмаш..., навзнич..., замуж..., горяч..., молодеж..., сторож..., невмоч..., с плеч..., хорош..., умнож...те, назнач...те.

№ 54

Горяч..., доч..., обжеч...ся, зареж..., кулич..., мелоч..., острич..., сплош..., тон...ше, уж..., фальш..., вскач..., вояж..., глуш..., пейзаж..., проч..., свар...щик, убереж...ся, тягуч..., январ...ский, платеж..., пожариш..., пожариш..., стриж..., воз...мешь, колюч..., еж..., испеч..., кон...чик, ералаш..., невтерпеж...

№ 55

Адъютант, изъять, конъюнктура, субъект, трехэтажный, двухъярусный, панъевропейский, съезд, сверхъестественный, объединение, сэкономить, связать, объяснение, разъединение, двухязычный, межъязыковой, обезженный, предъюбилейный, сузить, связать, объятия, киносъемка.

№ 56

Варьировать, дьявол, лосьон, медальон, трельяж, ружье, рантье, интервьюировать, пасьянс, обезьяна, устье, фамильярный, мышьяк, фельетон, павильон, серьезно, друзья, пеньюар, полынья, рельефный, житье, почтальон, изголовье, шампиньон.

№ 57

Инъекция, собезьянничать, изъян, трансъевропейский, гнездовье, объемно-транспортный, четырехэтажный, осьминог, субъективизм, объявленный, завьюжить, мышьяковый, суметь, павильонный, сагитировать, статья, подоконник, бульон, детясли, компаньон, пьедестал, бурьян, сэкономленный, разъемный, объективный.

№ 58

Межобластные связи, предугадать развитие событий, взять интервью, адъютант командующего, пьедестал почета, трансъевропейский экспресс, железнодорожный разъезд, отличная пьеса, серьезный подход, предъюбилейные события, сэкономленные средства, сузить тему, неопознанный объект, субъективный подход, стремительная контратака, двухязычный словарь, трехэтажный дом, сверхъестественно притворялся, найти компаньона, киносъемки в павильоне.

№ 59

Порт...ера, п...еса, суб...ект, бул...он, пред...явить, из...ян, обез...яна, с...язвить, лис...я, раз...яренный, эскадрил...я, трех...этажный, сверх...естественный, б...ем, в...явь, сынов...я, с...экономить, с...ездить, мелколес...е, под...ем, об...явление, с...агитировать, ар...ергард, об...ективный, в...юга, меж...ярусный, п...едестал, пред...юбилейный, бил...ярд, от...явленный, фортеп...яно, без...ядерный, р...яный, интер...ер, пред...явитель.

№ 60

С...язвить, компан...он, из...ять, фел...етон, с...ежиться, из...яс-
няться, бел...этаж, фельд...егерь, кар...ер, в...явь, бар...ер, кур...ез,
ин...екция, из...ян, кон...юнктивит, транс...арктический, в...юнок,
гнездов...е, под...ячий, солов...и, пас...янс, пан...европейский,
кон...юнктура, пан...-Европа, с...ябедничать, н...юанс, в...ездной,
неб...юющийся, об...ем, дет...ясли, контр...атака, пред...обеденный,
пред...юбилейный, в...едливый, без...упречный, комп...ютер.

Гласные *ы, и* в корне после приставок

№ 61

Безыдейность, взыскать, дезинформация, сверхизысканный,
предыюльский, постимпрессионистский, подыматься, отыграть, су-
пер-игра, спортивный, межинститутский, дезинфекция, пре-
дыстория, предынфарктный, сверхинтересный, суперинтересный,
безынтересный, небыинтересный, субинспектор, взимать, безы-
нициативный, постинфарктный, подытожить, двухигольчатый, ме-
динститут, предыдущий.

№ 62

Разыскивать друзей, небыизвестный автор, безыскусный рас-
сказ, подытожить расходы, небыинтересный факт, изыскать резер-
вы, строгий фининспектор, дезинформировать население, безыс-
ходная печаль, сверхизобретательный человек, сверхъестественная
сила, удачная контригра, предъянварские морозы, сверхизыскан-
ный вкус, получить спортивный, предъявить документ, отыграть
первый период, поступать в пединститут, сверхимпульсивный па-
циент, съесть шампиньон, межинститутский референдум, работать
безынициативно, чувство безысходности, отыскать подлинник.

№ 63

Без...скусственный, небез...вестный, пред...стория, сверх...зыс-
канный, без...сходный, меж...нститутский, вз...мать, из...мать,
суб...нспектор, транс...орданский, воз...меть, об...скать, дез...нформа-
ция, об...ндевать, под...тожить, пост...мпрессионистский, **сверх...н-**
дустриализация, спорт...гра, пред...юльский, с...змала, от...менный,
пан...сламизм, воз...меть, фин...нспектор, меж...гровой.

Правописание приставок

Приставки на **з** и приставка **с-**

№ 64

Беззаботный, бесстрашный, бессмысленный, бесснежный, беззастановочный, безземельный, бескрайний, безобидный, бессистемный, беспошлинный, бессознательный, безработный, бесхарактерный, бесчувственный, бестолковый, бесшумный, воспользоваться, воссоединение, возненавидеть, встряхнуть, вспорхнуть, измучить, издать, испортить, истратить, иссушить, исчерпать, исцарапать, исследовать, разбросать, разгонять, раскопать, расчертить, распутать, расшевелить, разгадать, разжевать, расчертить, разжечь, ниспадать, нисходить, ниспослать, низводить.

№ 65

Беззаботная жизнь, беспорядочная стрельба, бессильная ярость, бездарный артист, бестолковый ответ, возглас удивления, расфасовать продукты, исхоженные тропы, изношенный механизм, расхожий аргумент, исследовать причины, ниспосланная милость, раскидать вещи, воспетый поэтом, воздать должное, вспылать страстью, испорченные нервы, исковерканная судьба, чрезмерные усилия, вскружить голову, вздремнуть немного, взгрустнуть о былом, предрассветная мгла, бесформенные очертания.

№ 66

Воздать по заслугам, неожиданная развязка, воззвание к народу, дружные всходы на полях, стремительный разбег, в расцвете сил, полное безденежье, **веселый** рассказчик, возмущенный крик, воскресший из мертвых, беззлобное ворчание, удачная сделка, свергнуть с трона, сделать зарядку, отдыхать в здравнице, здоровый вид, сжить со свету, здание построено, нагрубить сгоряча, крепкое здоровье, не видно ни зги, сдуть пылинку.

№ 67

Бе...результатный разговор, бе...предельная нежность, бе...оговорочная капитуляция, ра...считывать на успех, бе...тактный вопрос, бе...поощадный судья, ..держанный человек, бе...форменная фигура, бе...сердечное отношение, во...двигнутый монумент, ра...серженный сосед, и...черпать ресурсы, ненужная в...пыльчивость, чере...чур

строгий преподаватель, бе...смысленный спор, во...главить делегацию, прово...гласить лозунг, бе...счетное количество, бе...брежное пространство, во...хождение в гору, ра...меренная поступь, ра...терянное преимущество, ни...посланная милость, ни...вергнуть в пропасть, и...балованный ребенок, и...правленная ошибка.

№ 68

Во...хождение на вершину, ра...четный счет, чере...чур много, во...полнить пропущенное, бе...граничное доверие, пламенное во...звание, ра...формировать полк, и...тратить деньги, чере...мерный восторг, и...коренить недостатки, и...сякший источник, бе...перспективный план, ни...провергать авторитеты, ра...жечь костер, бе...ветренный вечер, бе...форменная масса, бе...жалостный поступок, бе...смертное произведение, бе...срочный отпуск, во...питать ученика, во...произвести текст, во...растной ценз, во...седать на престоле, ре...кая мимика, ...двинутые шкафы, бе...конечное нытье, во...пылать любовью.

№ 69

Бе...численные споры, ра...паковать вещи, ..дельщина, ..держат слово, ни...падать на плечи, прои...шедший случай, ни...ринуться с обрыва, ра...сердиться на сына, бе...вкусная обстановка, ра...бавить водой, ра...планировать день, и...течь кровью, ни...провергать авторитеты, шалить и...подтишка, бе...донная бочка, ...гинуть навсегда, ра...пробовать сладости, ...гореть дотла.

Ра...шуметься всерьез, бе...звездное небо, взгляд и...подлобья, бе...корыстный поступок, бе...грешный человек, бе...жизненное тело, бе...церемонное поведение, ни...шая порода, бе...зубый рот, бе...сильный вздох, ...дорово живешь, совершить удачную ...делку, ра...паковать вещи, бе...численные злопыхатели, руководство ра...шедрилось, глупые ра...суждения, ра...путать узел, ра...чистить поляну, бе...брежное море.

Приставки *пре-* и *при-*

№ 70

Приехать на ярмарку, притворить окно, приблизиться на шаг, седой привратник, привокзальная площадь, преувеличенное мнение,

преодолеть преграды, искать пристанища, присоединиться к мнению, прищурить глаза, прибить к потолку, претоненькие ножки, приманить рыбешку, прибрежные камыши, явное преувеличение, престарелый житель, приехать в Приднестровье, презабавный анекдот, пригородный поезд, приберечь монетки, превосходный рассказчик, прицепить крючок, прекрасная царевна, прихлопнуть муху, приглушить звук, приближенный ко двору.

№ 71

Прекраснодушный мечтатель, приручить дикарку, привокзальная площадь, приоткрывать завесу, преобразованный край, приобщаться к культуре, пресекать попытки, препротивный разговор, приоткрывать глазок, прибить доску, приусадебный участок, пристегнуть значок, пригладить вихры.

№ 72

Прибывать в город — пребывать в неволе; преданье старины глубокой — придать форму шара — предать свою мечту — придать блеск поверхности; преемник традиций — радиоприемник; презирать негодяя — призреть бездомных детей; претворить планы в жизнь — притворить дверь; камень преткновения — приткнуться в угол; преходящий момент — приходящая няня; претерпеть лишения — притерпеться к боли; предел мечтаний — придел в храме; преподать урок — припадать к плечу; приклонить ветки — преклонить колени; пресветлый образ — прискорбный факт; приемлемый вариант — преемственность поколений.

№ 73

Пр...бывать на даче, пр...дать друга, пр...творить планы в жизнь, пр...ступить закон, беспр...страстный судья, непр...ходящий успех, пр...дать необходимый оттенок, пр...одолевать трудности, пр...клоняться перед красотой, пр...землиться вовремя, пр...кратить спор, пр...открыть дверь, пр...вержнец новых взглядов, большие пр...тензии, пр...морский край, пр...лагать усилия, пр...небрежительное отношение, пр...чудливые узоры, пр...бывать в Москву, пр...образовать жизнь, показать жизнь без пр...крас, пр...ступить к работе, достойный пр...емник, пр...восходный спектакль.

№ 74

Пр...возмочь боль, пр...небрежительное отношение, пр...вередливый человек, пр...тендовать на призовое место, пр...ступить к

работе, пр...следовать благородные цели, пр...зидент страны, пр...влекательный вид, несправедливые пр...тязания, седой пр...вратник, пр...красный вечер, пр...бывать на отдыхе, пр...даваться воспоминаниям, пр...ходящее явление, пр...ручить зверя, пр...чудливый рисунок, сделать пр...вивку, пр...градить дорогу, пр...увеличить опасность, искать пр...станица, найти пр...бежище, искатели пр...ключений.

№ 75

Пр...бывать к месту работы, пр...городный поезд, пр...открывать дверь, пр...крашение споров, пр...сесть на скамью, пр...ходящий успех, пр...бывать в неведении, пр...ходящая медсестра, пр...лагать усилия, пр...клоняться перед красотой, пр...морский бульвар, пр...ступить закон, пр...ступить к занятиям, пр...близиться к заветной цели, пр...езд в город, пр...вигированное сословие, пр...дать оттенок, пр...зирать труса, пр...творить мечты в реальность, пр...глушенные голоса, присутствовать на пр...мьере, пр...забавный случай, пр...следовать врага.

№ 76

Сидеть в пр...зидиуме, пр...коснуться к тайне, столовый пр...бор, пр...стижная профессия, пр...знаться в чувствах, пр...даное невесты, отвергнуть пр...тязания, пр...зрительный взгляд, пр...вить хорошие манеры, лишиться пр...влегий, пр...вратиться в посмешище, камень пр...ткновения, пр...тендовать на пост, забавная пр...баутка, выглядеть пр...зентабельно, пр...бывать в тревоге, пр...восходный коммерсант, пр...тупленный звук, искусная пр...творщица, пр...даваться мечтам, пр...нравливаться к обстоятельствам, картина без пр...крас, пр...вратно понимать, пр...дать осмеянию, знаки пр...пинания.

№ 77

Непр...менное условие, пр...мерный студент, пр...мелькавшие лица, пр...мудрый пескарь, пр...митивный взгляд, пр...возмочь усталость, пр...вратный смысл, пр...амбула договора, пр...нудительный труд, пр...наряженный кавалер, пр...нципиальный поступок, не пр...минуть сказать, пр...воротное зелье, пр...вычная работа, таинственное пр...видение, пр...митивный взгляд, пр...пираться из-за пустяков, пр...терпеть изменения, правила пр...личия, пр...рогатива, пр...гожий денек, сердечная пр...вязанность, пр...остановленное движение, пр...емственность в работе, непр...ступная твердыня, пр...терпеть унижение, пр...переть к стенке, пр...умножить богатства.

Правописание слов с *пол-, полу-*

№ 78

Пол-ананаса, полбанана, пол-огурца, полбутылки, пол-литра, пол-листа, поллитровка, пол-Москвы, полночь, полстолицы, полурока, полслова, пол-России, полчаса, полумеры, полусапожки, полупальто, полуживой, полуподвальный, полупроводник, полушарие, полущубок.

№ 79

Пол...армии, пол...города, пол...книги, пол...окна, пол...острова, полу...остров, пол...сотни, пол...Сибири, пол...одиннадцатого, пол...чайной ложки, пол...получки, пол...игры, пол...города, пол...дома, пол...лица, пол...зимы, пол...лета, пол...оборота, пол...вагона, полу...забытье, полу...грамотный, полу...шерстяной, полу...шутя, пол...яблока, полу...финал, полу...годие, пол...усадьбы, пол...года, полу...официальный, пол...соленого огурца, пол...балла, полу...легальный, пол...фирмы, пол...яблоневого сада.

Правописание *н* и *ни* в словах различных частей речи

№ 80

Пчелиный, утиный, гостиный, барабанный, стеклянный, соломённый, лекарственный, клюквенный, весенний, ледяной, ранний, конный, временный, оловянный, румяный, багряный, каменный, деревянный, ветреный, осенний, змеиный, безветренный, обветренный, свиной, серебряный.

№ 81

Багр...ный закат, бесчисле...ое множество, глина...ая посуда, дискуссио...ый вопрос, дли...ая очередь, дрова...ой склад, журавли...ое гнездо, зеле...ая лавка, земля...ой пол, каме...ый дом, карма...ые часы, карти...ая галерея, клюкве...ое варенье, кожа...ая куртка, ко...ый плуг, ледя...ой покров, моното...ые звуки, недюжи...ые способности, оловя...ые солдатики, осе...ая погода, песча...ая отмель, племе...ой скот, подли...ое искусство, полотня...ое

белье, революцио...ый подъем, румя...ые щеки, сви...ая туша, серебря...ая ложка, соломе...ая подстилка, тума...ое утро, урага...ый ветер, це...ое изобретение, чугу...ая ограда, ю...ые натуралисты.

№ 82

Ваго...ое депо, маши...ый зал, глина...ый сосуд, мужестве...ый человек, румя...ый юноша, кури...ый бульон, стекла...ая бутылка, плата...ой шкаф, ветр...ый юнец, ветр...ая мельница, обветре...ые руки, серебря...ый колокольчик, сви...ой паштет, лебеди...ая песня, време...ое явление, подли...ый документ.

№ 83

Варе...ый, сваре...ый, полужаре...ый, ране...ый, изране...ый, лома...ый, полома...ый, фарширова...ый, линова...ый, кова...ый, подкова...ый, рва...ый, золоче...ый, посеребре...ый, моще...ый, вымоще...ый, нежда...ый, невида...ый, неслыха...ый, нечая...ый, сказа...ый, пече...ый, жела...ый, незва...ый, медле...ый.

№ 84

Серебря...ые часы, стари...ое оружие, лебеди...ая песня, недюжи...ые способности, подли...ые документы, песча...ый берег, лимо...ый сок, конопля...ое масло, обыкнове...ый человек, лекцио...ый материал, лу...ый свет, маши...ое отделение, кожа...ое кресло, лед...ой ветер, ветр...ые мельницы, письме...ый стол, стра...ая женщина, деревя...ый дом, моче...ые яблоки, пута...ые ответы, суше...ые грибы, выкова...ые обручи, увере...ая поступь, оживле...ая беседа, комари...ый писк, торжестве...ое заседание, кова...ый сундук.

№ 85

Тума...ая мгла, ветре...ая подруга, несказа...ая тишина, непеха...ое поле, дли...ые тени, серебря...ые часы, незаслуже...ая обида, таинстве...ые приключения, сея...ые травы, каме...ые ворота, холсти...ая рубаша, подли...ое чувство, взволнова...ое лицо, нечая...ая встреча, да...ый текст, беше...ый ритм, туше...ое мясо, жаре...ый картофель, неожида...ое известие, отчая...ое решение, нетка...ые материалы, ограниче...ый человек, писа...ый красавец, стреля...ый воробей, масля...ые краски, нехоже...ые тропы, зва...ые гости.

№ 86

Барха...ые пески, овчи...ый тулуп, була...ый конь, оловя...ый солдатик, жема...ые манеры, действие...ое решение, фаза...ый

питомник, жизне...ые принципы, конституцио...ый суд, воинстве...ая поступь, орга...ый концерт, нефтя...ая скважина, чва...ый вид, гума...ый закон, орли...ый взгляд, вещество...ое доказательство, пря...ый запах, медле...ое движение, бестала...ое существо, ю...ый спортсмен, перепели...ые гнезда, пенсио...ый возраст, ветр...ая мельница, макаро...ые изделия, бли...ая мука.

№ 87

Подл...ый шедевр, повере...ый в делах, разобше...ые действия, бедстве...ое положение, безвреме...ая утрата, берестя...ые грамоты, беш...ый ритм, глаже...ый костюм, гости...ый двор, гране...ый стакан, дарстве...ая надпись, дела...ое выражение лица, дерга...ый человек, достигнутая договоре...ость, дря...ая пьеса, злоумышле...ый поступок, искре...ий порыв, искус...ый мастер, несмышле...ый малыш, нетле...ый образ, недвусмысле...ый ответ, неразделе...ое чувство, пусты...ый пейзаж, попра...ые авторитеты, посаже...ый отец, хоже...ые тропы, надума...ый сюжет.

№ 88

Ноше...ая шляпа, понош...ое пальто, хоже...ые тропы, нехоже...ые леса, груже...ые баржи, нагруже...ая сумка, соле...ые огурцы, посоле...ый салат, подмоче...ая репутация, недоваре...ый картофель, моче...ые яблоки, щедро посоле...ая закуска, правле...ый редактором текст, асфальтирова...ая улица, моще...ая булыжником площадь, мороже...ый лещ.

№ 89

Моще...ая улица, серебря...ый кубок, посеребре...ая цепочка, тка...ая скатерть, вытка...ый ковер, златотка...ый рисунок, сливочное мороже...ое, мороже...ое мясо, замороже...ое филе, свежемороже...ые фрукты, свежзамороже...ые овощи, златокова...ое изделие, осен...ий день, суш...ые ягоды, вое...ое дело, военизирова...ый отряд, увере...ый взгляд, кожа...ая куртка, церемо...ый поклон, полотн...ая блуза, песча...ый пляж, листве...ый лес, ране...ый олень, воспита...ый человек, реше...ый вопрос, купле...ое здание, броше...ый камень, нежда...ое известие, свяще...ый дом, неслыха...ые дела.

№ 90

Авиацио...ый завод, болезне...ое состояние, бритве...ый прибор, весе...ая капель, голуби...ое гнездо, воробыи...ые стаи, гуси...ое перо,

дерзнове...ый порыв, дивизио...ый командир, единстве...ое желание, змеи...ая кожа, комиссио...ый магазин, лошади...ая морда, масл...ый блин, масл...ое пятно, масл...ая неделя, мгнове...ое решение, мужестве...ый поступок, обеде...ый час, обыкнове...ое чудо, око...ое стекло, оппозицио...ое решение, орли...ый полет, осли...ое упрямство, пламе...ое сердце, родстве...ые отношения, соболи...ая шапка, соловьи...ые трели, стекла...ые двери, телефо...ый разговор, торжестве...ое событие, традицио...ая встреча, утре...ый туман, пря...ый запах, рья...ый поступок, хозяйстве...ые постройки, чувстве...ые губы, шерстя...ой платок.

№ 91

Жаре...ый гусь, поджаре...ая колбаса, жаре...ые в масле пирожки, пуга...ая ворона, перепуга...ые (испуга...ые) люди, кале...ые орехи, раскале...ая печь, кале...ые в печке орехи, рва...ый рукав, вырва...ый (разорв...ый) рукав, писа...ый красавец, вписа...ый треугольник, писа...ый знаменитым художником портрет, лома...ый грош, полома...ый автомобиль, топле...ое молоко, вытопле...ая печь, затопле...ая хата, беше...ый карьер, взбеше...ый человек, груже...ая баржа, выгруже...ая баржа, груже...ая хлебом баржа, ране...ый боец, изране...ое тело, ране...ый под Киевом боец, паре...ый лук, распаре...ые косточки, штопа...ые носки, поштопа...ая гимнастерка.

№ 92

Маза...ая печь; вымаза...ое платье; золоче...ое блюдо; позолоче...ые ложки; гаше...ая или негаше...ая известь; скоше...ый луг; нескоше...ые травы; луг, не скоше...ый колхозниками; варе...ый картофель; вываре...ое мясо; варе...ая в котелке картошка; дра...ый сапог; обобра...ое лицо; травле...ый волк; затравле...ый зверь; пута...ые мысли; запута...ые ответы; плете...ая корзина; плете...ый из хвороста шалаш; оплете...ый плющом забор; толче...ый графит; истолче...ый в порошок сахар; ноше...ые вещи; долго ноше...ые вещи; поноше...ые вещи; копче...ая рыба; закопче...ая кастрюля; сырокопче...ая колбаса; суше...ые фрукты; иссуше...ые степи; высуше...ое белье; краше...ый пол; выкраше...ый пол; краше...ый масляной краской пол; тка...ая скатерть; вытка...ая скатерть; тка...ая золотом скатерть.

№ 93

Организова...ая спонсорами ярмарка, выставка организова...а шефами, слома...ая хулиганами скамья, игрушка слома...а ребенком,

свеча потуше...а ветром, лыжи заброше...ы на чердак, лошади подкова...ы кузнецом, покус...ые москитами животные, руки искуса...ы комарами, потуше...ый дождем костер, огни потуше...ы давно, испече...ая лепешка, пече...ые блины, жаре...ая хозяйкой рыба, картошка испече...а в золе, топле...ое в печке масло, были време...ые трудности, деревья посаже...ы в саду, полотно сотка...о мастером, варе...ый утрое кофе, каша сваре...а на молоке, убра...ые в парке дорожки, испуга...ый шорохом заяц, средства вложе...ы в недвижимость, участки купле...ы предпринимателями, выявле...о много нарушений, забракова...ый товар, известие получе...о утром.

№ 94

Ресурсы изыска...ы экономистами, ее манеры изыска...ы, ягоды подавле...ы в корзине, люди стояли подавле...ы и унылы, сумма собр...а по копеечке, речь стройна и собра...а, организова...ый концерт, собрание прошло организова...о, отчая...ый крик, кричал отчая...о, беш...ый ритм, беш...о мчаться, глядеть испуга...о, все трудности време...ы, вещи утеря...ы в дороге, мука рассыпа...а по столу, тучи рассея...ы ветром, студентка рассея...а, мадам очень надме...а, толкнуть локтем нечая...о, овощи сваре...ы в кастрюле, ворота отворе...ы сторожем, актеры неопытны и ю...ы, глядел рассея...о, зрители спокойны и сдерж...ы, публика избалова...а гастролерами, поля ограниче...ы рвом, злодеи тупы и ограниче...ы, вексель отправле...ы по назначению.

№ 95

Взволнова...ый разговор, воды взволнова...ы бурей, голоса резки и взволнова...ы, рассказывал очень взволнова...о, невид...ый свет, нескоше...ый луг, невымоче...ая рыба, оловя...ый солдатик, кваше...ая капуста, утре...ая прогулка, надеть полотня...ую блузу, купить деревя...ый брус, лица вымаза...ы сажеей, загримира...ый артист, весе...ее солнце, подписа...ые листы, выкупле...ый филиал, приватизирова...ые корпуса, болезне...ый вид, желе...ая мечта, медле...о угасать, реше...ая проблема, бутерброд с варе...ым яйцом, подать на стол пече...ый картофель, попробовать пече...ый мамой торт, дети избалов...ы няней, лица перекош...ы гневом, дорогой племя...ик, читать в подли...ике, произошла пута...ица, изда...ая книга, утонче...ый слух, соотечестве...ик, вкусный варе...ик, связ...ый пле...ик.

№ 96

Масл...ый блин, посаж...ый отец, прид...ое невесты, посаже...ый мною цветок, назва...ый брат, масл...ая краска, неутомимый труже...ик, полюбил бесприда...ию, назва...ый в честь героя проспект, соверш...олетний юноша, явное мошен...ичество, гости...ый двор, беш...ый ритм, датиров...ый апрелем, дисквалифициров...ый спортсмен, уютная гости...ица, миграцио...ый процесс, повер...ый в делах, суже...ые кровеносные сосуды, явный сангви...ик, убежде...ый трезвс...ик, полотн...ый костюм, веселая масл...ица.

Правописание имен числительных

№ 97

Одиннадцать человек, двенадцатый номер, двадцать пять спортсменов, тридцать пятое место, пятьдесят поросят, пятидесятый размер, триста рублей, речь идет о девятистах шестидесяти рублях, событие тысяча девятьсот четырнадцатого года, получил перевод на девяносто рублей, ушел с девяноста рублями.

№ 98

Поезд с двумястами шестьюдесятью семью экскурсантами; крепостное право в России отменено в тысяча восемьсот шестьдесят первом году; высота равна двум тысячам ста пятидесяти шести метрам; должен внести сто сорок девять миллионов; двухсотсорокавосемимиллионный долг; подошел к триста пятьдесят пятому километру; трехлитровый бидон; пятидесятирублевая ассигнация; груз весом в сорок одну тонну; в тысяча девятьсот девяносто седьмом году Москва отметит свое восьмисотпятидесятилетие; из ста сорока трех вычесть двадцать девять; шел тысяча девятьсот тридцать седьмой год; встретил сорокалетнего человека; влился в тридцатитысячный коллектив; шли двое счастливых влюбленных; собрались трое друзей; вытянул пятисотый номер; оказался без ста семидесяти четырех тысяч рублей.

№ 99

Тысяча девятьсот семьдесят шесть тонн, обоих студентов, обеих студенток, сорокасемитысячная машина, стометровый заплыв, девяностоградусный спирт, 125-тысячный отряд, двадцатитрехмиллиардный бюджет, восьмидесятилетний старик, двухполовинный

оборот, четыре целых и одна шестая, пятидесятитрехтысячный коллектив, двухполовинный, семи с половиной тысячный переезд.

Правописание сложных слов

№ 100

Автомобильно-тракторный, автомобильностроительный, аграрно-промышленный, адрес-календарь, архитектурно-проектный, атомно-молекулярный, аэрофотосъемка, бело-голубой, беловато-голубой, бензозаправочный, бета-излучение, ближневосточный, блок-схема, бортмеханик, бортпроводник, братья-сестры, буржуазно-капиталистический, бутылочно-зеленый, быстрорастворимый, быстрорежущий, быстротекущие (дни), быстро текущие (с гор ручьи), бюджетно-финансовый.

№ 101

Вагонно-паровозный, вагоностроительный, ва-банк, ванька-встанька, ватт-секунда, вертихвостка, весенне-полевой, взаимовыгодный, взаимоисключающий, взаимообусловленный, вице-президент, водноспортивный, воднотранспортный, водоочистный, военно-административный, военно-полевой, военнотрудовой, вопросно-ответный, восточноамериканский, восьмистишие, времяисчисление, времяпрепровождение, всемирно известный, всемирно-исторический.

№ 102

Выставка-продажа, высокоидейный, высокоинтеллектуальный, высокопоставленный, вышеназванный, вышеприведенный, вязально-трикотажный, газоснабжение, генерал-полковник, геологоразведка, гоголь-моголь, голубовато-белый, горе-богатырь, горихвостка, горнодобывающий, горнолыжный, горно-обогащительный, госаппарат, двадцатитрехлетний, держиморда, детясли, джаз-банд, диван-кровать, дикорастущий, достопамятный, древнецерковнославянский.

№ 103

Жаропонижающий, жар-птица, желтовато-красный, жертвоприношение, жив-здоров, жизнеописание, жизнерадостный, жилищно-бытовой, жилищно-строительный, законнорожденный, зеленоглазый, зелено-серый, землевладение, зимне-весенний,

золотодобывающий, золотопромышленность, идейно-политический, изба-читальня, изжелта-зеленый, имя-отчество, индоевропейский, индо-китайский, индустриально-колхозный, иссиня-черный, канц-товары, картофеуборочный, киловатт-час, кино- и фоторепортаж.

№ 104

Кисло-сладкий, книжно-журнальный, коленопреклоненный, конармия, конференц-зал, коротковолосый, косноязычный, крем-сода, крепдешин, купля-продажа, левосторонний, лесонасаждение, летне-осенний, летоисчисление, лимонно-желтый, лиро-эпический, литературно-критический, литературоведение, ложноклассицизм, луна-парк, любишь-не-любишь, макси-юбка, матч-реванш, мать-и-мачеха, машиностроительный, медно-красный.

№ 105

Мертвенно-бледный, местожительство, меч-рыба, мини-пальто, молочно-белый, монголо-татарский, музей-квартира, мутно-зеленый, мясо-молочный, мясопоставки, народно-демократический, научно-исследовательский, национал-демократический, небесно-голубой, нефтегазопровод, нижеизложенный, низкопоклонник, обоюдодовыгодный, общеобразовательный, общественно-исторический, общественно полезный, общественно-политический, общеупотребительный.

№ 106

Овощеперерабатывающий, овощехранилище, огнедышащий, огненно-красный, оранжево-желтый, ослепительно яркий, особо точный, остро нуждающийся, относительно верный, официально-деловой, партячейка, пепельно-серый, первобытно-общинный, первообразный, перпетуум-мобиле, персоне нон грата, песнетворчество, песня-романс, планово-экономический, платье-костюм, плацдарм, плац-парад, познавательное-воспитательное, по-сторонний, правда-истина, правобережный, практически ценный.

№ 107

Предельно допустимый, пресс-бюро, пресс-конференция, прима-балерина, промышленно-транспортный, промышленно развитый, прямо противоположный, пуленепробиваемый, пурпурно-алый, пустопорожний, рабски покорный, радиокиноустановка, резко континентальный, розовато-желтый, рок-н-ролл, свежевскопанный,

светло-голубой, светотень, себестоимость, себялюбие, севсроатлан-
тический, северо-западный, северокавказский, сердечно-сосудистый,
седобородый, серо-буро-малиновый, синеглазый, скоропостижный.

№ 108

Слабокислый, славяно-греко-латинский, сложноподчиненное,
сложносочиненное, снежно-белый, сновидение, сногшибательный,
сон-трава, сорвиголова, сорокаведерный, социал-демократ, социаль-
но-опасный, среднеазиатский, старорусский, старославянский, сте-
реотипный, стихийно-бунтарский, стокилометровый, старозаветный,
строительно-монтажный, театроведение, театр-студия, телеграфно-
телефонный, темно-бордовый, темноволосый, теоретически важный,
техминимум, товарно-пассажирский, торгово-промышленный.

№ 109

Тяжелоатлет, тяжелобольной, тяжело дышащий, тяжелораненый,
умалишенный, учебно-воспитательный, феодально-крепостнический,
физкульт-ура, формально-грамматический, формально-логический,
формообразование, хладнокровный, хладостойкий, хлебобулочный,
художественно полноценный, царь-девица, царь-пушка, черно-бу-
рый, черносморозинный, четвертьфинал, чистоплотный, чистосер-
дечие, широкодоступный, экспортно-импортный, экспрессивно ок-
рашенный, юго-восточный, юго-запад, явно неудачный, ярко-зеле-
ный, ярко освещенный, ясно выраженный.

Правописание наречий

№ ПО

Удалиться прочь, ударить наотмашь, выйти замуж, отворить окно
настежь, пуститься вскачь, ожидание стало невтерпеж, прилетел чер-
ный грач, сплошь зарости сорняками, чай был горяч, ел вегетариан-
ский борщ, уж небо осенью дышало, чувствовать горечь неудач, упасть
навзничь, натиск был могуч, ласков и свеж весенний ветер.

№ 111

Шагнуть влево, справа грозит опасность, уйти засветло, задолго
до приказа, добраться затемно, вытереть досуха, изредка интересо-
ваться, начать заново, засидеться допоздна, обобратить дочиста, глядеть

искоса, наскоро перекусить, накалил железо докрасна, надолго запомнить.

№ 112

Строить работу по-новому, говорить по-английски и по-немецки, получилось по-нашему, делиться по-братски, выть по-волчьи, выполнить дело кое-как, встретиться где-нибудь, когда-то был счастлив, удалиться куда-либо, работать кое-как, еле-еле брести, связать крепко-накрепко, мало-мальски подумать, случилось давным-давно, делать шиворот-навыворот, перевязать крест-накрест, в конце концов договориться, продвигаться шаг за шагом, остаться с глаз на глаз, убраться подобру-поздорову, поделить поровну, купить зонт подешевле, набрать ягод побольше.

№ 113

Говорить без умолку, стрелять влет, остаться внакладе, сыграть вничью, выполнить во что бы то ни стало, подойти вплотную к дому, идти вразвалочку, броситься врассыпную, купить акции в складчину, вскорости получить прибыль, продать втридорога, приобрести втрое дороже, не замечать в упор, наполнить сундук до отказа, наелся досыта, второй год замужем, носить камень за пазухой, глаза немного навывкате, носить рубашку навывпуск, стоять навывтяжку, быть наравне с остальными, негде было остановиться, быть всегда начеку, работать на износ, чай с сахаром вприкуску, заготовить овощи впрок, сварить яйцо всмятку, идти на попятную, взять на поруки.

№ 114

(В)дали виден лес — (в) дали голубой скрылся пароход; (в)даль ушел караван — (в) даль туманную уходят поезда; (в)высь поднимается дым — (в) высь небесную взлетел голубь; (в)век не забыть мне друга — (в) век электроники; (в)накидку носить пальто — (в) накидку из парчи одета; (во)время прийти — (во) время летнего отпуска; (в)конец разобиделся на друга — (в) конец переулка убежал; (в)пору сшит костюм — (в) пору тяжких испытаний; (в)растяжку говорить слова — (в) растяжку отдать сапожки; (в)тайне готовить подарок — (в) тайне необходимо разобраться и открыть этот секрет; (к)верху поднять голову — (к) верху палатки прикрепить флажок; (на)верх подняться — (на) верх горы взобраться; (на)завтра будет веселье — (на) завтра перенести совещание; (на)лицо были ошибки — (на) лицо упала прядь волос.

Слитное и раздельное написание наречий — одна из самых трудных тем в грамматике. Здесь довольно часты случаи традиционного написания, которые надо запомнить.

Предлагаемый перечень наречий в алфавитном порядке поможет вам сориентироваться в выборе раздельного или слитного написания.

Слитное написание наречий

Вблизи, вбок, вброд, ввек, вверх,верху, ввечеру, вволю, ввысь, вглубь, вдалеке, вдали, **вдаль**, вдвое, вдвоем, вдвойне, вдобавок, вдоволь, вдогонку, вдоль, вдосталь, вдребезги, **вдруг**, вдрызг, взад, взаем, взаймы, взамен, взаперти, взаправду, выпуска, взасос, взатяжку, взашей, вконец, вкось, вкратце, вкривь, вкрутую, вкупе, влево, влет, вместе, вмиг, внакидку, **внаклад**, внакладку, вначале, вниз, внизу, вничью, внове, вновь, внутри, внутрь, вовек, вовеки, вовремя, вовсе, всюю, воедино, воистину, вокруг, вообще, воочию, восвояси, вослед, впервые, впервые, вперевалку, вперегиб, вперегонки, вперед, впереди, вперемежку, вперемешку, вперехват, вплавь, вповалку, вполголоса, вполне, вполоборота, вполовину, **вполоткрыта**, **вполпути**, **впоыхах**, впору (по мерке), впоследствии, впотьмах, вправду, вправе, вправо, вприглядку, вприкуску, вприпрыжку, вприсядку, впроголодь, впрок, впросак, **впросонок**, впрочем, впрямь, впустую, враз, вразбивку, **вразброд**, **вразброс**, вразвалку, вразнойой, вразнос, вразрез, вразрядку, врасплох, врассыпную, врасстяжку, вровень, врозь, врукопашную, вряд ли, всерьез, всецело, вскачь, вскользь, вскоре, вскорости, всласть, вслед, вслепую, всмятку, всплошную, встарь, всухомятку, всюду, втайне (сделать втайне, т. е. тайно; но: сохранить в тайне, т. е. в **секрете**), втемную, втихомолку, второпях, втридорога, втрое, втроем, вчетверо, вчетвером, вчерне, вчистую, вчуже, вширь, вьяве, вьявь.

Добела, довеку, доверху, доколь, докуда, донельзя, донизу, доньне, допяна, доселе, досуха, досюда, дотла, дотоле, дотуда, дочиста.

Задаром, задолго, заживо, зазря, замертво, замуж, замужем, заново, заодно, запанибрата, зараз, затем, завтра, зачастую, зачем.

Извне, издавна, издалека, издали, изжелта, изнутри, изредка, искони, искоса, искрасна, исподволь, исподлобья, исподтишка, испокон, исполу, иссиня, исстари.

Кверху, кзади, книзу, кряду, кстати.

Набекрень, набело, набок, навек, навеки, наверно, наверное, наверняка, наверх, наверху, навеселе, навечно, навзничь, навзрыд, навряд ли, навсегда, навстречу, навыворот, навывкат, навывкате, навывлет, навывнос, навывпуск, навыврез, **навывтяжку**, наглухо, наголо, наголову, наготове, надвое, надолго, наедине, назавтра, назад, назади, **наземь**, назло, назубок (выучить назубок; но: подарить на зубок), наизготове, наизнанку, наизусть, наискосок, наискось, накануне, наконец, накрепко, налево, налегке, налицо, намедни, намного, наоборot, наобум, наотмашь, наотрез, направо, наперебой, наперевес, наперегонки, наперед, наперекор, наперекрест, наперерез, наперерыв, наперехват, наперечет, **наповал**, наподхват, напоказ, наполовину, напоследок, направо, например, напрокат, напролет, напролом, напропалую, напротив, напрямик, наравне, нараспашку, нараспев, нарасхват, наружу, наряду, насилиу, насквозь, насколько, наскоро, намарку, насмерть, наспех, **настежь**, настолько, настороже, настрого, насухо, натошак, наугад, наудалую, наудачу, наутек, наутро, начело, начеку, начерно, начисто, начистоту, **наяву**, **невдалеке**, невдомек, невзначай, невоготу, невмочь, невпопад, невпроворот, невтерпех, недаром (не без **основания**), незадолго, незачем, некстати, ненадолго (ушел ненадолго), неоднократно, неохота, неспроста.

Оземь, отколе, отнюдь, отроду (отроду не видел; но: пяти лет от роду), отселе, отсюда, оттого, оттуда, отчасти, отчего.

Поближе, поблизости, побоку, поверх, поверху, повзводно, повсюду, подавно, поделом, подешевле, подобру-поздорову, подолгу, подольше, **подряд**, подчас, подчистую, позавчера, позади, поистине, покамест, помаленьку, помалу, помимо, помногу, понапрасну, понаслышке, поневоле, понемногу, понизу, поныне, поодаль, поодиночке, поочередно, попарно, поперек, пополам, пополудни, пополуночи, попросту, попусту, поровну, поротно, посейчас, посему (заболел, посему и не пришел; но: быть по сему), поскольку, послезавтра, посотенно, **посреди**, посредине (посередине), постатейно, постольку, посуху, потихоньку, потом, потому, поутру, почем, почему, поэтому.

Сбоку, сверх, сверху (сверху вниз, сверху донизу), свысока, сторяча, слуру, сейчас, сзади, слева, слишком (слишком много; но: две версты с лишком), смолodu, снаружи, сначала, снизу, снова, совсем, сослепу, сперва, первоначала, **спереди**, сплеча, спозаранку, справа, спросонok, спросонья, спроста, спьяну, сразу, сродни, сроду, сряду, стремглав, сыздавна, **сыздетства**, сызмала, сызмальства, сызнова.

Тотчас.
Чересчур.

Раздельное написание наречий и наречных выражений

Без ведома, без запроса, без обиняков, без оглядки, без отказа, без просвета, без просыпу, без разбору, без спросу, без толку, без удержу, без умолку, без устали, бок о бок.

В виде, в головах, в диковинку, в добавление, в заключение, в конце концов, в корне, в лоск, в меру, в насмешку, в ногах, в обмен, в обнимку, в одиночку, во избежание, во сто крат, в открытую, в отместку, в охапку, в прах, в противовес, в рассрочку, в розницу, в ряд, в сердцах, в складчину, в срок, в старину, в сторону, в струнку, в тиши, в три погибели, в тупик, в упор.

До востребования, до зарезу, до крайности, до неузнаваемости, до отвала, до отказа, до свидания, до сих пор, до смерти, до упаду.

За глаза (заочно), за границей, за границу, за полночь, за упокой, за что про что.

Из-за границы, из-под мышек, из-под мышки, из-под спуда.

Как раз.

Мал мала меньше.

На авось, на бегу, на боковую, на веки веков, на веки вечные, на вес, на весу, на вид, на виду, на вкус, на время, на выбор, на глаз, на глазах, на глазок, на грех, на диво, на днях, на дом, на дому, на дыбы, на зависть, на запятки, на запятках, на излете, на измор, на износ, на износе, на исходе, на карачках, на карачки, на корточках, на корточки, на лад, на лету, на манер, на миг, на мировую, на нет, на отлете, на отлично, на ощупь, на память, на плаву, на попятную, на попятный, на поруках, на поруки, на прицел, на редкость, на руку, на рысях, на скаку, на славу, на смех, на сносях, на совесть, на страже, на убой, на ура, на ходу, на хорошо, на цыпочках, на цыпочки, на часах (на карауле), на четвереньках, на четвереньки, на шаг, не в духе, не в зачет, не в меру, не в пример, не даром (не бесплатно), не за что, не к добру, не к спеху, не к чему, не по вкусу, не под силу, не по зубам, не по нутру, не по плечу, не прочь, не с руки, ни за что, ни за грош, ни на йоту, нога в ногу.

Один на один, от мала до велика.

По временам, под боком, под вечер, под гору, по дешевке, под исход, под конец, под ложечкой, под ложечку, под мышками, под мышки, под мышкой, под силой, под спуд, под спудом, под стать,

по двое, под шумок, под **уздцы**, под уклон, по крайней мере, по нутру, по одному, по очереди, по преимуществу, по совести, по старинке, по трое, про себя.

С боку на бок, с ведома, с **виду**, с глазу на глаз, с кондачка, слово в слово, слово за слово, с маху, с налета, с наскока, с начала до конца, со всем тем, с панталыку сбиться, с разбегу, с разгона, с размаху, с ходу, с часу на час.

Час от часу.

Правописание *не* и *ни*

Слитное и раздельное написание *не* со словами

№ 115

Нелепый поступок; невысоко взлететь; не высоко взлететь, а низко; надеть некрасивый плащ; путь не близок, а далек; дорога неровная, но короткая; очень некрасивый зонт; весьма нерешительный шаг; ничем не оправданный поступок; далеко не легкое дело; несмолкаемый гул; не веселый, а грустный взгляд; поступил не по-товарищески; неблагодарный слушатель; вовсе не трудовые доходы; отвечать очень небрежно; полный **невежда** в музыке; вести себя непринужденно; река была неширока; путь не короток, а длинен; неряшливый вид; бормотал что-то невнятное; почуять недоброе; незавидное положение; ненавистный человек; юноша крайне невежлив; обошлось не дешево; неласковый и надменный ухажер; домашние неурядицы; душевные невзгоды; сказал явную неправду.

№ 116

Не читал книгу; не хотелось **расстраиваться**; давно не тренировался; не вмешиваясь в события; не может смотреть; не нарушайте тишину; невзлюбить с первого взгляда; не думая о последствиях; не слышу своего голоса; не видеть леса; не пользуясь льготами; не кланяясь в пояс; не говорил ничего; не найдя ничего подозрительного; не дождавшись ответа; свиданье не состоялось; якорь не достает дна; **времени** всегда недостает; не встретился с партнером; в неурожайные годы недоедают; не вспоминая о прошлом; не допил компот и ушел; не доиграл партии; с утра нездоровится; не горевал о неудаче; не мог заснуть; не зная причины; **не договаривая** главного; не было намерений.

№ 117

Некого спросить; не у кого поинтересоваться; разговаривать не о чем; не с кем поговорить; рассказать нечто интересное; летело несколько шаров; некому поведать свое горе; не с кем поделиться радостью; упало несколько монет; некого любить; не от кого утаивать; негде спрятаться; незачем расстраиваться; вечером некуда пойти.

№ 118

Негодующий взгляд; лежало нераспечатанное письмо; не написанный, а отпечатанный на машинке текст; не пожаренная хозяйкой рыба; не встреченный мною друг; ничего не понимающий зверек; вода не пролита; полы не покрашены; немигающий взор; недослышанная фраза; **очень** непродуманное решение; вовсе не просеянная мука; видно невооруженным глазом; трава еще не скошена; по независящим обстоятельствам; не **крашеная** краской скамья; неподражаемый комик; неподсудное дело; неопознанный объект; неподкупная честность; неподдельные документы; незначительная сумма денег; недвижимое имущество; не распечатанный, а заклеенный конверт; не знающий усталости турист; не имеющий слабых мест; не подлежащий разделу; вижу некошенный луг; не **кошенный** косцами луг; незаселенные дома; неприсоединившееся государство; никогда не разлучающиеся; не соответствующий рангу; недальновидный человек.

№ 119

Не обладающий тактом; не дающий ответа; возможны всякие **неожиданности**; неисправимый дефект; перейти в небытие; неофициальный источник; скрытая неприязнь; вести себя непринужденно; непрерывный крик; знак неравенства; уплатить неустойку; вопрос не решен вовремя; непротивление злу; неприглядный поступок; неприкосновенная личность; никому не нужная встреча; перейти неглубокую, но широкую реку; не громкий, а тихий зов; профессиональная непригодность; неприступная крепость; непререкаемый авторитет; не слушая оппонентов; устал с непривычки; непорочная душа; афиши не расклеены; непобедимая армия; не выглядел смешным; не заглядывая в будущее; нести несусаицу; нерешительность характера; несбыточность помыслов; неистовство атеиста.

№ 120

Не под силу человеку; несмотря на непогоду; обед не готов; не должен унывать; не оборачиваясь назад, не смотря по сторонам; **вописаниях**

недоставало красок; шест не достает до дна; читать негромко, но выразительно; не жаль ничего; не слышно шума; не рад приезду; нестерпимая боль; неказистая фигура; костер не погашен; непогашенный костер; не погасив костра; он небогат, почти бедняк; он не богат, хотя и не бедняк; недорогой, но красивый подарок; неоткуда ждать ответа; очень неинтересный тип; гордо и не спеша; нескладность фигуры; неувязка в работе; недостижимость цели; несолоно хлебавши; не хватает места; незамужняя дама; недобрать нужной суммы; недовернуть кран; недоглядеть за ребенком; не договорил фразы до конца; незрелый арбуз; недопитый стакан компота; не допить чай из-за спешки; выказать недопонимание; неотразимость доводов; непреложное правило.

Употребление *не* и *ни*

№ 121

Негде отдохнуть; никогда не забуду; не у кого просить; ни у кого просить не буду; ни во что не верю; не во что теперь верить; некуда пойти; никуда ходить не надо; никто не забыт; рассказывал нечто интересное; не читал книгу; не попугай, а орел; ни рыбешки не поймал; в поле ни былинки; не знал ни правил, ни формул; не мог не слышать крик; нельзя не думать о победе; куда ни *кин*, всюду разруха; в доме ни кусочка; не дам ни глоточка; нет покоя ни днем ни ночью; не вырастил ни зернышка.

№ 122

Что ни говори, а он хорош; сколько ни звал, он не оглянулся; как ни трудно, дело выполни; пой, пока не охрипнешь; нельзя не любоваться закатом; нет такой крепости, которую он не возьмет; сколько ни крути, придется признаться; какие б мысли ни одолевали, я спокоен. Какие только мысли не одолевают! Где он только не побывал! Где он только ни бывал, всюду ему отказывали. Кто не проклинал автобусную давку!

№ 123

Не один ты устал; ни один не пришел; не раз я опаздывал; немало воды утекло; явился не кто иной, как сам черт; звал не кого другого, как брата; ничто другое его не радовало; ничему иному он не удивлялся; в кинотеатре я был не один; ни один участник похода не явился; увидел не кого другого, как однокурсника; никому иному нельзя пожаловаться; ничем иным это не мотивировалось; никого

другого не знал; здание оказалось не чем иным, как институтом; не раз спрашивали; ни разу не ответил.

№ 124

Ни больше ни меньше, ни брат ни сват, ни взад ни вперед, ни дать ни взять, ни два ни полтора, ни жив ни мертв, ни пуха ни пера, ни пава ни ворона, ни рыба ни мясо, ни свет ни заря, ни слуху ни духу, ни с того ни с сего, ни то ни другое, ничтоже сумняшеся, ни там ни сям.

№ 125

Не думай о секундах свысока; старался не глядеть по сторонам; нельзя не гордиться такими делами; откуда ни возьмись; ни дна ни покрышки; ни с того ни с сего обиделся; шел, не оглядываясь на оставленные вещи; уходи, пока не побили; в доме ни души, в хлеве ни скотинки; не один ты такой умный; ни разу я тебя не встречал; пролетело немало лет; не умолкал ни на минуту; не мог не плакать; ни один зверь не вышел; не раз мы были на охоте; мы ни разу не рыбачили; не мечтай ни о песнях, ни о воле; в поле ни колоска; не слышно ни песенки; что ни делает, все хорошо.

№ 126

Никому не сделал добра; некому ухаживать за больным; ни для кого не секрет; не мог не слышать оппонента; как ни старайся, все напрасно; о нем ни слуху ни духу; не возшло ни росточка; стоял ни жив ни мертв; пожелал ни пуха ни пера; не шелохнется ни веточка, ни кустик; проснулся ни свет ни заря; никто не встретился в пути; ни разу не покался; не пролито ни слезинки; не сказано ни одного словечка; событие нисколько не радостно; не уронив своего достоинства; не набрал ягод; не встретил ни одного знакомого; не получил прибыли.

Правописание предлогов, союзов, частиц

№ 127

Вследствие сильного снегопада; делать наперекор желанию; узнать насчет подписки; перевести деньги на счет фирмы; в следствии по делу; в силу аттестации; в заключение выступления; находиться в заключении; вместо благодарности; в место укромное спрятаться; в

отличие от поклонников; в продолжение утра; в продолжении романа известного автора; в течение пяти лет; в течении бурной реки; несмотря на неудачу; нечто вроде шара; шел с опущенной головой, не смотря по сторонам; ввиду приближения осени; наподобие куба; иметь в виду ряд обстоятельств; вопреки распоряжению; по прибытии на место; согласно распоряжению шефа; благодаря внимательному отношению.

№ 128

(В) виду болезни, иметь (в) виду, разговоры (на) счет земли, положить деньги (на) счет, сосуд (в) виде шара, (в) течени... шести лет, (в) течени... реки, (в) продолжени... месяца, (в) продолжени... повести, (в) следстви... холодов, (в) следстви... по делу, (в) след (за) тем наступило потепление, (в) связи с собранием, (в) следстви... опоздания, встретиться (в) последстви..., медальон (в) виде сердечка, постройка (в) роде башни, что-то (в) роде воспоминаний, (в) виду недостатка времени, (в) заключени... собрания, (в) связи с переездом.

№ 129

Узнать (на) счет подписки, (в) силу аттестации, узор (в) роде снежинки, (не) взирая на ливень, (в) заключени... выступления, (как) будто на периферии, (не) смотря на привилегии, я за (то) уже рассчитался, что (бы) то ни было, рассказал то (же) самое, (в) продолжени... утра, (на) подоби... скачка, (в) течени... недели, (в) продолжени... учебного года, встретиться (в) последстви..., что (бы) ни случилось, довольно (таки), (кое) про кого, так (таки), мысль (таки) верна, устал, за (то) кончил работу.

II. ОРФОГРАФИЧЕСКИЕ ДИКТАНТЫ

№ 1

Утро застало нас близ моря. О том, что ночью бушевал (девяти) бал...ный шторм, напоминали лиш... пл...вучие водор...сли, броше...ые на пр...брежные криста...ические скалы. Их так много, что кажется, (как)будто океан наро...но пос...лал здесь этот зеленый ковер. У самой земли еще влажно мерцает мелкая холодная изморо...ь, но (в)верху небо уже кристал...но чистое. Вдруг брыз...нули первые лучи со...нца, и мил...ионы брил...иантов забл...стали везде: на кустах мож...евельника, в зар...слях камыша, произр...стающего у ближайшей реч...нки, и на вспыхнувшей огнем брошен...ой перламутровой раковине. Кажется, здесь не ступала нога человека, но вот виден свежий след трехтон...ки, проехавшей по песча...ому берегу, да вон чей(то) (полу)разрушен...ый до...ан...ик. Однако посмотрите: уж не след ли это медвеж...нка?

Нам надо пот...рапливаться, и поэтомы мы, (на)скоро подкрепившись сви...ой туш...нкой и ш...коладом, отправляемся (в)путь. Обувь наша не высохла(таки) и, вопреки заверениям, очень пром...кает. Все сияет после (не)давнего ливня: и голубые цветы ц...кория, и какие(то) кусты с красными ягодами. Мой приятель заб...рается за ними в самую чащ...бу, (не)смотря на то, что кусты кол...тся и жал...тся. Посмотрите: вот птенцы широко раз...вают клювы. Как низко расположен...ы гнезда! Здесь, наверное, их (не) кому разорять.

Так мы продолжаем продвигат...ся вперед, вз...мая эту (не)ожидаемую для нас дань с природы. Но так как наш ар...сгард слишком растягивается, начальник экспедиции дает приказ подр...внять...ся. И мы продолжаем и...ти, забыв о всех горестях и из...янах нашей экспедиции.

Не нужно чере...чур пр...уменьшать трудность таких походов, но я не хочу и пр...уменьшить то удовольствие, которое они доставляют. Мы идем через лес, окр...плен...ый мир...адами капель, которые висят даже на без...глых ветвях старых елок. Как н... тяжелы наши рюкзаки, мы все (в)последстви... с удовольствием вспоминали наше путешествие.

№ 2

Как н... боялись засухи, она все(таки) пришла. Небо было (до) нельзя раскали...о, и с него почти отвесно падали кол...щие лучи солнца, а в воздухе уже начинал ве...ть дыш...щий жарью ветерок. Овес, (не)поднявшийся еще и на (пол)аршина от земли, уже поблек. Прося...ые поля, едва колебл...мые жарким дыханием ветра, насто...ного на увядших полевых травах, (без)устали отливали своими унылыми (бледно)зелеными кистями. Почти (не)заросшие в этом году травой паровые поля печально разнообразили картину. Песча...ая земля, которая, (по)видимому, некогда была особе...о избалова...а дождями, окончательно задыхалась от зноя.

(Кое)где попадавшиеся нам (на)встречу стада еще более усиливали тоскливую неприглядность полей. И только один раз мы заметили возле них пастуха, (не)спеша идущего за стадом и с видимым усилием тащ...щего свою палку. Он безучас...но посмотрел на нас и пута...о об...яснил, куда нам следует ехать, (что)бы попасть на мельницу. (Не) смотря на ра...ее время, деревня, через которую мы прос...жали, поражала своей пусты...остью. Только (кое)где на завал...нке сидела (какая)нибудь старуха да к...попились ребятишки, почти (не)интересовавшиеся нами. Даже собаки и те ла...ли как(то) (не)хотя и (как) будто по привычке. Но вот в отдалени... мы увидели небольшой домишк... с штукатуре...ыми стенами. Это и было (н...)что иное, как мельница, где мы рас...читывали остановит...ся на ноч...вку. Весело выглядывают из (ярко)зеленой листвы черепи...атые и камыш...вые крыши построек, (без)устали вращается обвеш...ное маслянистыми каплями замшелое колесо, беш...о стучит в амбаре ж...рнов, с приглуше...ым ш...потом плещ...тся реч...нка, убегающая куда(то) (в)глубь степей. Уж не пр...мерещилось(ли) все это нам?

№ 3

В тайге темнеет быстро. И (не)смотря на то, что мы это знали, все(таки) темнота застала нас (в)расплох. Раздвигая тяжелые колючие ветви и нащупывая ногой следующую кочку, мы мало (по)малу продвигались вперед. Было соверше...о темно, но, как н... стра...о, от прож...рливых комаров и мошек, летавших впереме...ку вокруг нас, спасения не было так(же), как и днем.

Целый день мы шли вниз по течению реки, но река исчезла в темноте где(то) слева, и нам приходилось идти (на)угад. К счастью,

Г.

до ближайшей охотничьей избушки, в которой мы ра...читывали устроить ноч...вку, оставалось, (по)видимому, совсем недалеко. И действительно, когда мы (по)одинокке перешли по узкой ж...рдожке, броше...ой через топкий лесной ручей, и поднялись в гору, мы оказались перед избушкой.

Н... теряя н... минуты и в душе радуясь, что ра...чет наш оправдался и мы (в)пору добрались до места, мы (без)устали рубили хвою, пилили нож...вкой небольшие ветки и клали их крест(накрест). Вот и готова наша пахучая, но не очень мягкая постель! Товарищ мой уже не смотрит и...подлюбя и даже начинает читать стихи, которые учил когда(то) (на)память, сначала ш...потом, а потом и (в)голос, (не)подозревая, как он смеш...н в эту минуту.

С тихим ш...рохом ветер раскачивает вершины старых кедров, как(будто) предвещая на завтра дождь, и где(то) (в)дали кричит какая (то) ночная птица.

№ 4

Дожди

(Н...)благоприятная для отдыха погода установилась надолго. (Н...)приветливое небо (н...)престанно хмурилось. (Н...)пр...крашаясь (н...)на час (н...)днем (н...)ночью, шли дожди. К сырой погоде я был (н...)подготовлен, так как не захватил с собой на дачу (н...)плаща, (н...) непром...каемой обуви, н... даже какой(нибудь) (н...)затейливой одеж...нки, которую (н...)жалко было бы трепать в (не)погоду. А почва у нас повсюду глинистая, вязкая. Даже после (не)большого дождя грязь вокруг (не)пролазная. Сколько (н...)оглядывал я низко нависшие пепельно (серые) облака, но не мог рас...мотреть даже н... малейшего проблеска. (Н...)заметно было никакого намека на просветление. Как (н...)досадно терять драгоценное время летнего отпуска, но, как говорится, н...чего н... попишешь. И хотя я внешне примирился с тем, что придется отсиживаться дома, однако в душе (н...)мог (н...)надеят...ся на лучшее. Ведь человек всегда живет светлой надеждой, и это (не)плохо. Что (н...) говори, а люди (н...)унывающие — это лучшая часть рода человеческого. Итак, н... смея ра...читывать на пр...крашение дождей, я расположился у окна с (не)дурными намерениями просмотреть (н...)прочита...ые за последние дни газеты, ответить на два-три письма.

Матерью рек русских издавна... называли люди Волгу. Из(под) сруба стари...ой часовенки близ деревеньки Волгино-Верховье вытекает непр...метный ручеек, через который перекинут бревенч...тый мостик.

Прodelав путь в три тысячи шест...сот восем...десять восем... километров, Волга приходит к Каспийскому морю.

Какие только суда Н... встречаются на Волге!

Тяжело проплывает огромная (нефте)наливная баржа, заменяющая собой много (железно)дорожных цистерн. (В)след за ней тянутся (не)спеша широкие баркасы с (не)высокими бортами, (до)верху нагруже...ые камышинскими арбузами. Взгляните (из)дали с берега — точь(в)точь огромное блюдо с плодами плывет по реке. А (на) встречу движется дли...ая улица, моще...ая бревнами. Как полагается, на улице выр...внялись, буд(то) по линейке, игрушечные домики. Перед домиком дог...раст костер, кипит чай в закопче...ом котелке, колыш...тся на беч...вках вывеше...ое белье — и все это хозяйство медле...о движется вниз по реке.

Не (по)одинокке, а караваном тянут...ся огромные плоты, насчитывающие по пятидесяти тысяч... бревен. Провести такую громадину по своенравным поворотам в течени... реки — большое искусство.

На залитой июньским солнцем палубе с к...мфортом распол...жились в камыш...вых креслах па...ажиры трех...этажного теплохода, точно серебр...ого от солнца. Неслышно рас...екает он зеленова-то(серые) волны реки. По ср...внению с этим пл...вучим дворцом неказистым кажется труже...ик(буксир), толкающий впереди себя или ведущий за собою тяжело груже...ые баржи.

Бегут скорос...ные поезда, несутся автомобили по тра...ам нашей необ...ятной страны, но Волга (по)прежнему величайшая магистраль нашей Родины.

№ 6

З...ря разг...ралась. Лучи солнца к...снулись верхушек деревьев, позолотили бл...стящую поверхность озера и проникли в спальню к ребятишкам. Высоко над домом разв...вается и горит ярким пламенем красный флаг. Скоро под...ем. По звуку горна ю...ые спортсмены быстро поднимаются и, зас...лав а...уратно постели, выбегают

на зарядку. В комнате остаются ребяташки младшего возр...ста. Они не умеют еще самостоятельно заст...лать свои постельки и делают это под наблюдением вожатой Люси.

На спортивной площадке, построившись (по)росту (в)ряд (по)трое и подр...внявшись, ребята застывают по команде «смирно!». Через минуту в воздухе мелькают заг...релые руки, и стриже...ые (на)голо ребяташки накл...няются, к...саясь земли кончиками пальцев. После зарядки они (в)ра...ыпную бегут к озеру, огл...шая его берега звонким смехом.

Малыши, (не)умеющие плавать, плещ...тся у берега. Несколько ребят (во)главе с Юрой, знаменитым лагерным пл...вцом, направились к пл...вучему мостику, но, услышав сердитый голос вожатой Люси, поспешили обратно.

После купанья хорошо раст...реться м...хнатым пол...тенцем. Ежедневная зарядка и обт...рание холодной водой укрепляют и зак...ляют здоровье. А какой аппетит разв...вается после купанья! Все кажется (не)обычайно вкусным. Ребята с удовлетворением упл...тают ...лады, м...кая их в сметану. Перед столовой красивый цветник. Дорожки выр...внены и посыпа...ы песком; большая клумба представляет собой ис...ку...ное соч...тание цветов. За цветником распол...жился опытный участок, на котором ю...аты выр...стили (до)селе (не)известные породы овощей. Садовник ...нисим Романович Бич...в собирает отослать лучшие экземпляры на (сельско)хозяйственную выставку. ...нисим Романович пользуется большим авторитетом у детей и имеет среди них своих поч...тателей. Ребята пр...клоняются перед его ис...ку...твом и собираются посв...тить себя сад...водству.

Бич...в — это не только садовник, но и взыскательный педагог. (Без)...нициативным и равнодушным ребятам нет места. Интересно и содержательно проводят они свой досуг в лагере. На высоком ур...вне проходят спортивные сост...зания, туристические походы и занятия в кружках самодеятельности.

Перед ужином мальчики и девочки с большим удовольствием танцуют и поют под ак...омп...н...мент б...яна.

№ 7

Стертые каме...ые ступени, скользкие от мелкого осе...его дождя, вели вниз, в стиснутые высокими скалами ущелья. Одна из ближних к лес...нице скал, округлая и тяжелая, напоминала силу...т доисторического животного. Складчатая спина чудовища покрыта,

как шерстью, пучками увядшей травы. Только что пр...бывали мы в цивилизова...ом мире высотных зданий, автобусов и тро...ейбусов, переполне...ых спешащими людьми, моще...ых и асфальтирова...ых улиц и площадей, в мире гиган...ских сооружений и (не)скончаемых реклам. Но стоило перебрат...ся через большой неподвижный водоем, как мы (нежда...о)негада...о очутились в царстве (не)живой природы. Как (н...)стра...о, эта жизнь казалась реальной, а та, отда...ая тонкой сеткой дождя, сквозь которую просвечивали контуры совреме...ых к...т...комб, представлялась нав...ждением. И вот мы прик...саемся к древности, иску...но созда...ой и сохраняемой (уче...ными)экологами. Мы пр...остановились у безлюдного берега озера, любясь открывшимся пейзажем: серебря...ой ниткой прорезал песча...ую гряду ручей, (чуть)чуть пожухлая зелень трав обв...вала кусты ольша...иков, создавая живописный рисунок. Облетающие березы, кустарники — все это образовывало неповторимый ландшафт. Мы стали продвигат...ся (в)глубь тер...итор...ии, как вдруг услышали детские голоса. Посторонившись, мы пропустили небольшой отряд ребятшек в непром...каемых курточках и вяза...ых из разноцветных ниток шапочках. (В)переді шагал улыбчивый весну...чатый мальчуган, державший флаг. На (бледно)голубом полотнище был нарисован дикови...ый рогатый (жук)олень. Фла...ки поменьше, тоже с изображением насекомых, несли другие дети. Но вот мимо нас прошли последние следопыты, и мы ра...просили руководителя, наблюдавшего (из)дали за ребятами, о цели их путешествия. Он об...яснил нам, что эти дети — юн...аты и что все члены общества охраны природы приводят сюда своих подше...ных школьников, что(бы) с детства привить им любовь к природе, к прошлому своей страны. По прибыти... в город мы не захотели и...ти н... в театр, н... в кино, потому что (н...)что другое, кроме встречи с живым чудом, н... влекло нас.

№ 8

Из(за) поднявшейся метели я не мог выехать раньше, как предпол...гал. Было совсем поз...но, когда мне подали повозку, запряже...ую парой лошадей. Кучер вск...чил на козлы, и мы пока...тили. Какое наслаждение мчат...ся на бойких лошадях по уката...ой снежной дороге! Удивительное спокойствие овладевает тобой, и приятные воспоминания роем т...снятся в голове. Недоверие, сомнение — все осталось позади. Р...внина, ра...т...лающаяся перед глазами, бл...стит алмазами, на горизонте дог...рает бледная заря. Скоро

поднимется луна, оз...рит таинстве...ым светом всю окрес...ность. Опираясь на спинку саней, плотно запахнувшись шубой, гляжу на бе...конечную темную ленту дороги. Вот в отдален... показались две точки, они то исчезают в ухабах, то, обгоняя друг друга, двигаются нам (на)встречу. Точки приближаются и пр...вращаются в два воя, на которых сидят закута...ые фигуры.

Мой кучер здороваётся, о чем(то) ра...прашивает их и, повернувшись ко мне, говорит: «Не опоздаем, поспеем к поезду».

Снова впереди пусто и тихо, только слышит...ся непр...рывный скрип саней да храп лошадей. Утомле...ый разнообразием мес...ности, я погружаюсь в какой(то) сладкий сон. Мне кажется, что сон мой продолжался несколько мгновений, но, проснувшись, убеждаюсь, что мы уже добрались до цели нашего путешествия. В д...лине виднеется городок, освеще...ый рядами фонарей, а на западе дог...рают звезды.

№ 9

Дни были невыносимо жаркие, но в небольшом дубовом лесочке стояла живительная свежесть. Упругие глянц...витые листья молодых дубков свежи, как(будто) их только что обм...кнули в зеленый воск. (Из)под пестрой тр...фаретной листвы пап...ротников глядит (ярко)красная волчья ягода и опавшие ж...луди. (В)верху блещет сухая орешина, вся золоче...ая светом, на (темно)коричневой торфянистой почве в изобилии... произр...стают целые семьи грибов. Кругом со...ое царство, только стрекочут в траве неутомо...ые кузнеч...ки да тащ...т солом...нки смышле...ые работающие муравьи. Из чащ...бы на опушку выск...чил пол...нятый заяц, но, сделав прыжок, (тот)час же решил пойти (на)попятную и бросился (на)утек.

Высоко в небе плавают вороны. Вот долетает издали, как броше...ая горстка гороха, грус...ный ворон...ий крик. Что он высматривает оттуда? Может быть, он устал парить в поднебесь... и хочет этой студе...ой воды из ручья? А вот издали послышалось словно пение жаворонка.

И вдруг слышится тяжелый грохот. Опять удар, нива зак...лебалась, и по ней полоснуло холодом. К черной туче, которой засло...ы восток и юг, (к)низу (мало)помалу присоед...няются тучки поменьше. По верхнему краю тучи, которая кажется непр...глядной, бл...снула огн...аянить серебр...ной молнии. Вихр... свис...нул, защ...лкал, и по бурому полю зреющей ржи забл...стали пр...чудливые светлые пятна.

И вдруг тихо. Н... молний, н... ветра. Вот и недавно ре...вший

ворон, бросившись вниз, зак...пошился в посеребр...ой листве дуба. На траву упали первые тяж...лые капли, и (барабан...щик)дождь пустился (во)всю.

№ 10

Прошлым летом мне пришлось побывать в одном заволжском селе, затер...ом в дремучем смеш...ом лесу, прост...рающ...мся на много километров. Село было небольшое, но какое-то веселое и оживле...ое, как(будто) праздничное.

При самом в...езде в село нас встречает (не)стихающий н... днем н... ночью шум лесопильного завода. Здесь сложе...ы стопками брус...а, навал...ы бревна, желтеют кучи еще (не)улежавшихся опилок. А вокруг села н... на минуту н... умолкает разноголосый птичий шум.

Чего только н... дает человеку этот зеленый б...гатырь! За что н... воз...меш...ся, все так или иначе связано с лесом. Гнутую мебель, кова...ые сундуки, боч...нки — все это делали мес...ные жители — иско...ые деревообделочники. А вокруг высятся почти не освоен...ые пока леса. Да это и (не)мудре...о: ведь рабочих рук не хватает, хотя недавно вернулись в село демобилизова...ые ребята.

Стоит вам углубит...ся в пусты...ый, казалось бы, бор, и вы сразу увид...те стриже...ые мальчиш...чьи головки, услыш...те певучую девичью переключку. Это грибники, ягодники. Хотя только вчера закончился давно уже (не)нужный дождь, а ветки обвеш...ы (не)высыхающими за целый день каплями, весь лес наполнен народом.

Но в самой непролазной чаш...бе вы можете столкнут...ся с хмурым, (не)нуждающимся в попутчиках стариком, который в присутствии... нежда...ого и незна...ого гостя с дела...ым бе...различием будет соб...рать ядре...ые подосиновики с крутыми шляпками и сконфуже...о покашливать. И все лето несут в магазин суше...ую малину, вяле...ую на солнце ежевику, бруснику, грибы.

№ 11

Ч...порный ч...рт в ч...рной ш...лковой одеж...нке сидел на ж...ском диване и пил деш...вый ж...лудевый кофе, изредка ч...каясь со своим отражением в тяж...лом глянц...витом самоваре, стоящем на парч...вой скатерти ш...коладного цвета. Ч...рт был большой обж...ра и, несмотря на изж...гу и больную печ...нку, обедался крыж...вником со сгущ...нным молоком. Поев и погрозив своему отражению пальц...м, ч...рт, молодц...вато встряхнув ч...лкой, пустился танцевать чеч...тку. Ц...канье его копыт было столь сильным,

что в ц...кольном этаже думали, что наверху гарц...вала лошадь. Однако ч...рт был не очень искус...ным танц...ром и, совершив один не совсем удачный скач...к, врезался в самовар и обж...г свой пятач...к, покрытый мягкой ш...рсткой. Ож...г был очень тяж...л. Огорче...ый ч...рт куц...и овц...й кинулся к боч...нку с моч...ными яблоками и сунул в него обоже...ый пятачок. «Правду говорят, что небереже...ого бог не береж...т», — ч...ртыхнулся ч...рт ч...ртовской пословицей.

№ 12

Опершись на фортеп...яно, протод...яконша в кол...е и пен...юаре, отделанном белич...им мехом, пела низким контрал...то арию из оперы «Ман...чжурская обез...яна», томно поглядывая на сидевшего в бел...этаже флигел...-ад...ютанта, небрежно жевавшего монпанс...е. Хотя решительного об...яснения между ними еще не произошло, но по всему было видно, что оно не за горами: уж слишком фамил...ярно — по мнению раскладывавшей пас...янс почтал...онши с из...язвленным оспой лицом — поглядывал во время последнего котил...она этот суб...ект на бедную протод...яконшу. Впрочем, сама певун...я была без памяти от этого «славного кабал...еро из Севил...и», как она его именovala, еще с того в...южного вечера, когда он с видом от...явленного злодея раз...езжал по набережной на необ...езженном коне по кличке Д...яволенок, а она мирно прогуливалась, держа под руку с...ежившегося от холода под...ячего, серьезно раз...яснявшего ей смысл средневекового барел...ефа, изображавшего испанскую дон...ю в об...ят...ях некоего сен...ора. С каким-то неиз...яснимым блаженством вспоминала протод...яконша с тех пор эту минуту первой влюбленности и всякий раз, ложась спать, клала в изголов...е постели медал...он с портретом флигел...-ад...ютанта и, пряча свой коп...еобразный нос в кролич...ем воротнике пен...юара, предавалась сладким мечтан...ям.

№ 13

Имени...ик беш...о вопил, и...тупле...о размахивая над головой рва...ым башмаком, сташе...ым второпях с ноги насмерть перепуга...ого соседа. Изумле...ые гости и родстве...ики в первую минуту ошеломле...о застыли, но потом под градом масл...ых варе...иков, пуше...ых в их сторону взбеше...ым имени...иком, вынужде...о отступили к отворе...ым дверям. «Изме...ики! Подсунуть мне бе...прида...ицу, за которую никто гроша лома...ого не давал!» — отчая...о визжал он, возмуще...о скача на кова...ом сундуке,

застеле...ом продра...ой клеенкой. «Она (не)воспита...а и (не)образова...а, (не)слыха...о глупа и (не)вида...о уродлива, к тому(же) и вовсе без *прида...ого*», — кричал он, швыряя дра...ый башмак в (не)давно купле...ый соломе...ый абажур лимо...ого цвета. Броше...ая (в)след за ним палка копче...ой колбасы угодила в стекла...ую вазу наполне...ую дистил...рова...ой водой, и вместе с ней рухнула на (коротко)стриже...ую, краше...ую под каштан голову обвине...ой во всех грехах бе...прида...ицы, с уязвле...ым видом жавшейся удвери. Та, ране...ая в голову колбасой, карти...о взмахнув обнаже...ыми по локоть руками и сдавле...о пискнув, повалилась в квашню с замеш...ым тестом, увлекая за собой рождественскую елку, увеш...ую слюдяными игрушками, посеребре...ыми сосульками и с золоче...ой звездой на самой макушке. Восхище...ый произведе...ым эф...ектом, имени...ик упое...о пританц...ывал на выкраше...ом масле...ой краской комод, инкрустирова...ом тисне...ой кожей, куда он перебрался с сундука непосредстве...о после падения дамы для лучшего обзора кутерьмы, вызва...ой его экзальтирова...ым поступком.

№ 14

Перед экзаменами

Приближаются весе...ие экзамены, и мы с братом Сашей *усиле...о* готовимся к их сдаче. Саша учится в университете, а мне еще далеко до а...естата зрелости: в этом году мне, может быть, удаст...ся получить св...детельство об окончан... восьмого класса.

(Из)за болезни я не был в школе два месяца и (в)следстви... этого очень отстал. Во что(бы) то (н...)стало мне необходимо повто- рить всю програ...у, пройде...ую (в)продолжени... года. Я ра...читал, (по) сколько страниц надо читать в день, но мне (н...)как (н...)уда- ется выполнить эти ра...четы. Стоит только усест...ся за учебник, как в голову сами приходят мысли о стадионе. Хорошо бы с...грать в во...ейбол или потренироват...ся в беге — в прошлом году я был чемпионом школы в соревнованиях на короткую дистанцию.

(Не)плохо сбегать с к...мпанией сверс...ников на берег Волги, к речному вокзалу, или забрат...ся в п...лисадник и почитать что (нибудь) о к...раблях, к...раванах, необыкновен...ых приключениях.

Саша весь погл...шен занятиями: что(то) подч...ркивает каран- даш...м в брош...рах, выписывает ц...таты из сочинений кла...и- ков, иногда читает (в)полголоса об агре...иях, капитуляции, конг- ре...ах и еще о чем(то) соверше...о (не)понятном.

Я сажусь за стол и тоже читаю о м...р...дианах и парал...елях, о криста...ахи элементах.

Но начинается трансляция матча со стадиона «Динамо», и я зам...раю над (не)дочитанным параграфом. Саша (тот)час выключает радиопр...емник.

Я старательно решаю ур...внения с двумя неизвес...ными, но (все) равно слышу и шум трамваев, и крики девч...нок, скач...щих на тр...туаре. В отчаян... я ухожу на кухню, но здесь мне мешает сосед...точиться наш пес Дружок, сидящий в к...нуре под окном.

№ 15

Детство Антоши Чехонте

Антоша — ученик таганро...ской гимназии — взялся за приготовление уроков (по)латыни на завтрашний день. Но только он обм...кнул перо, как входит отец: надо, значит, и...ти сидеть в лавку. Антоша натягивает старенькое пальт...цо и рва...ые кожа...ые калоши и идет (в)след за отцом. Лавка, где приходится учить и (не)доучивать уроки, отнюдь (не)веселое место, а главное, в ней холодно, так что у (не)поседливых мальчиков(приказ...иков), которые от январ...ского мороза сутуловато поеживаются, лица стали серо (синими). Реш...тчатое окно об...нд...вело, двустворчатую дверь то(же) покрыла измор...ь.

Антоша, (не)переставая плакать, взб...рается на увесистый ящик из(под) казан...ского мыла, пр...слоняется к груде мешков с крупн...ч...той мукой. Завтра — единица, а потом строгий нагоняй от отца, который все объясняет лиш...лен...остью и рас...еян...остью. Антоша, который сидел за прилавком буд(то) прикова...ый, только из(дали) видел заманч...вую жизнь сверс...ников, живущих (по) человечески.

А вспыльчивый отец и не подозревал, как были бы счас...ливы его дети, избежав...ые от сидения в лавке, от всяческого страха быть высече...ыми, от созерцания подзатыльников, и н... пустя...ных, которые получали (не)счастливые мальчики наро...но в присутстви...публики. А ведь Антоша не мог без слез видеть, как б...ют извозч...ую лошадь!

Ску...ное сидение в лавке продолжалось и летом, когда пря...ые запахи пр...влекали в лавку тучи назойливых мух и они сплош...покрывали и до...атые стены, и сво...атый потолок.

Но по природе отец был вовсе (н...)злым человеком, скорее, наоборот, добрым, и (в)последстви..., когда жил у сына — уже

извес...ного писателя — и в его присутствии вспомнили о розгах, он виновато ответил: «Мало ли что было в тогдашнее врем...чко».

№ 16

Среди развалин древнего Херсонеса висит над морем колокол, установлен...ый на невыс...ких, но прочных столбах, пропита...ых смолою. Как н... густы бывают студе...ые осе...ие туманы, моряки найдут дорогу по разме...ым, вовсе (не)торопливым ударам колокола. Когда(то) этот колокол, на котором высече...ы подли...ые греческие письма, был захвачен чужеземцами и едва(ли) не сто лет пробыл на чужбине, пока не вернулся наконец на родину.

Когда погода была безветре...а, смотритель, (не)торопясь, сворачивал папиросу из (мелко)кроше...ого табака, надевал форме...ую бе...козырку и почти (не)надеванный бушлат и шел к морю. Затем старик возвращался домой, и н... с чем (не)сравнимый запах моря сменялся запахом свежей золы и пече...ой в жару картошкой.

Весной тоже случались штормы, но ветер тогда дул (не)холодный, а теплый и ласковый. Приходили к колоколу (не)занятые службой матросы, прислушивались к его (не)умолкающему гулу, (не)спеша думали о чем(то) своем. Тяжелый, почти (не)двигающийся от ударов, он гудел обиже...о и приглуше...о, окаче...ый волной. А когда море (не)доставало до него, звенел весело и задорно.

А в развалинах жили ящерицы. С дела...ым равнодушием, греясь в лучах полуде...ого солнца, они чутко оберегали жутковатую тишину умершего, никому уже не нужного города. Море тогда бывало почти неподвижным и ровным, как синеватое воронен...ое блюдо. И белые лепестки цветущих слив и вишен... осыпали тогда развалины.

№ 17

Весь следующий день прош...л в напряж...ом ожидании (норд)оста. На с...гнальной мачте с ра...вета в...сел штормовой сигнал — ч...рный конус и ч...рный квадрат.

Каждый ждал шторма (по)своему. Рыбаки торопились поставить на якоря смоле...ые байды. Перево...чики угоняли шлюпки в тихие затоны. (Серо)голубые вое...ые к...рабли крепче шварт...вались к (ярко)красным пл...вучим бочкам. Серебр...ые гидр...планы прятались в ангары, как пч...лызаползают в улей. Маячные сторожа прот...рали суко...ыми тряпками стекла...ые линзы ф...нарей. (Ни) чего не делали только дворники: они ожидали, что ветер выметет и продует (на)сквозь Севастополь.

Устав от бе...пло...ного ожидания бури, я поехал на (с)еверную сторону. В песча...ых пр...брежных пещерах, выбитых в ж...лтых сухих утесах, жили рыбаки — заг...релые оборванцы с женами и полуголыми детьми. (Грязно)серые сети и развеш...ная на б...ч...вках рва...ая роба дополняли пейзаж.

(В)дали на заднем плане, за лесом мачт и свернутых парусов, похожих на полотня...ые листья бананов, за пута...ицей турецких балконов, разбитых черепичных крыш, желтела степь, поросшая пропыле...ой травой. По ней бродили псы — ст...р...жили и владельцы этих рыбац...их и крепос...ных берегов.

Дворы напоминали склады д...к...раций. Белье на каме...ых огородах в...село, как изорва...ые театральные к...стюмы. Дети гоняли обручи. Эта игра свойстве...а всем широтам (з)емного шара. На пустырях валялись остатки р...квизита: разбитые глин...ые кувшины, жестя...ые банки, (как)будто высуше...ые букеты и полома...ые весла. Чайки сидели на чуту...ых шарах — пустых минах, из...ед...ных ржавчиной. Стены стари...ых круглых фортов были наискось разреза...ы тенью и солнцем. На крышах фортов были укрепле...ые сигнальные мачты. На них разв...вались флаги.

Я был уверен, что флаги пахнут, как выстира...ое белье. (Не)даром их беспр...ста...о обдувал соле...ый ветер.

Вечером на мачтах заг...рались зеле...ые ф...нари, и казалось, что форты, как м...ниторы, неся сигнальные огни, тяжело шли в ночь... (на)встречу (не)видимым вражеским эскадрам.

Эти (давным)давно разоруж...ые броше...ые форты остались на (с)еверной стороне со времен (с)евастопольской обороны. Они пр...давали всему пейзажу облик стари...ого крепос...ного района, засыпа...ого вросшими в землю ядрами.

(По К. Паустовскому)

№ 18

Мы выбрали (не)большую р...внину, прогретую (не)жарким в это время солнцем. Если посмотришь (на)прав..., на листе...ый склон горы, то среди медно(красной) листвы увид...шь, как среди домов кое(где) светятся золотые кроны деревьев. Внизу трава еще зеленая, (как)будто молодая, а меж голубоватых камней, как полирова...ая, бл...стает вода. В стекла...ой синеве тихой заводи вода пр...обретает темный цвет, медленно кружит опавшую листву и затем мчит ее дальше по кам...нистому ложу.

Виноград (в)прикуску с хлебом, особенно под теплым небом,

кажется необыкновенно вкусным. И тут(же) можно прямо пр...гор-
шней напит...ся осе...ей, студе...ой, как драгоцен...ое вино, воды.
Рядом с нами лежат пока еще (не)разобра...ые удочки и пол(литро-
вая) банка с икрой.

В одном месте вода бурлит огромными клубами, чуть(ли) н...
фонтанами, пытаясь растечься (в)ширь, но, стесне...ая каме...ыми
берегами, устремляется (в)перед, собстве...о, летит, обрызгивая
пр...брежные камни. Едва только я опустил удочку в самое отчая...ое
клокотанье, как почу...ствовал, как меня тянет (в)низ.

И вот из потока, изв...ваясь на крючке, облегче...о выскочила
серебря...ая рыбина. Особенно волнующим, исти...о красивым было
соч...тание летящей волны и напряже...ой лески, когда слыш...тся
гневный рывок пойма...ой форел...

Искре...е обрадова...ые неожида...о богатым уловом, мы (не)
медле...о тронулись в путь. После такой рыбалк... (н...)вольно заме-
чаешь каждую заводь, отмече...ую обыкнове...о более густым цветом.

(По В. Солоухину)

№ 19

Отбл...стали молнии, отгр...хотала к...нонада грома. Ярос...ный
(барабан...щик)дождь сначала пр...остановил, а затем и совсем
пр...кратил свою трескотню. Стихии больше не спор...т, не бор...т-
ся. Буря отбушевала, атаки рвавш...хся со всех сторон ветров отра-
же...ы деревьями. Их верхушки не меч...тся больше из стороны в
сторону. Они резко вырисовываются на очищающ...мся небе,
(чуть)чуть колыш...тся. Дыш...шь не надыш...шь...ся чудесной све-
жестью.

Ра...трое...ые, разгромле...ые полчища туч... унос...тся с места
сражения. Сейчас должно появит...ся из-за облачка солн...шко. Оно
уже выглядывает верхним кра...шком. Выпрямляется освеже...ая
рож..., благодарно трепещ...т гляnc...вая древесная листва. Все
живое вновь суетит...ся и меч...тся. С новым азартом стрекоч...т
кузнеч...к, в медвя...ых чаш...чках цветов воз...т...ся деловито
пч...лы. По солом...нкам, как по ле...нице, шеп...тует жуч...к и
важно расправляет свои миниатюрные крыл...шки. Над камыш...м
ручья кружат...ся (темно)синие и бирюзовые стрекозы. Шмель
начинает жуж...ать и нудно проповед...вать что(то) (не)слушающим
его насекомым.

Из ближних рощ..., с пашен... и пастбищ — отовсюду доносится
радос...ная птичья (разно)голос...ца. Природа (не)нарадуется: чудесный

прошел дождь, теплый, урожайный. Скоро теперь *появят...ся* грибы. Любители грибного спорта, *приготов...тесь* к грибной к...мпании! Постав...те за правило в эти дни не жалеть н... времени, н... сил. Замет...те, что ра...ему грибу нравится Р...СТИ и наливат...ся соком у лесной опушки, а не в глубине лесных чаш.

Встан...те на ра...вете и направ...тесь в перелесок. Никто из вас не пожалеет о большом размере к...рзины. (С)утра на следующий день после грибного похода вам будет казат...ся, что ноги одер...в...нели, спина окост...нела, что все лесные растения кол...т...ся и все насекомые жал...тся, но через 15—18 минут вы пр...ободритесь, и все будет (по)прежнему, как вчера. Эконом...те силы с утра!

№ 20

Снег, не перестававший сыпаться, казалось, со всех сторон, слепил глаза и словно хотел остановить Василия, но он *нспр...ста...о* всматривался (*в*)даль, где, казалось, по временам на миг мелькал *бре...ж...щий* свет, и гнал лошадь (*не*)переставая.

Он ехал, как ему казалось, все прямо, ничего (*не*)видя перед собой, кроме головы лошади, пока (*не*)зачернелось что-то перед ним. Сер...це радос...но забилося в нем, и, уже видя (*не*)замете...ый снегом заборишк... и даже скворе...ник над домом, он быстрее погнал лошадь.

Но черное это было (*не*)стоящее, а шевелилось и было не деревня, а обвеш...ый комьями снега и стел...щийся под ветром об...нд...веший куст.

(Не)обрадова...ый видом этого куста, Василий стал сильнее погонять лошадь, (*не*)замечая того, что взял вовсе (*не*)правильное направление. Лошадь заупрячилась и, хоть Василий то усовещ...вал ее словами, а то порол и по...ч...вал кнутом, тянула вправ... от пути, который он выбрал.

Опять впереди что-то зачернело. Он обрадовался, увер...ый, что теперь уже, наверное, деревня. Но это был (точь)в(точь) такой же чернобыльник, мучимый немилосердно студе...ым ветром, который спутывал его ветви (крест)накрест.

Ошеломл...ый, Василий остановился, пригляделся, и даже такого пр...терпевшегося ко всяким пр...вратностям судьбы, такого стрел...ого воробья, как он, все(таки) охватил ужас: он увидел еще почти (*не*)замет...ый сан...ый след. Он, (по)видимому, кружился на небольшом пространстве.

№ 21

В глухом таежном междуречье расположился лагерь развед...вательно буровой бригады Василия Миронова. Несколько палаток на только что раскорч...ва...ой и выр...вне...ой площадке, дли...ый свежеструга...ый стол между ними, закопче...ое ал...юмин...вое ведро над костром. А рядом вышка и до...атый домик конторы, где установили рацию, приспособили для обогрева железный боч...нок из(под) со...же...ого в пути горючего. Место, выбра...ое для лагеря, (н...)чем (н...)отличалось от десятков таких(же) стоянок в таких(же) диких, (не)хоже...ых местах. С одной стороны — зар...стающая трос...ником и камыш...вой пор...слью реч...нка, с другой — масл...нисто бл...стающее на солнце трясин...ое болото.

И со всех сторон сразу — бе...числе...ые полчища комаров и в...едливого северного гнуса.

Плыли сюда мироновцы на самоходной плоскодо...ой барже. Плыли дней шесть, пр...одолевая бе...четные мели, застревая на песча...ых перекатах. Высаживались на берег, что(бы) облегчить плоскодонку, и, обе...илев, валились в дыш...щий вековым холодом мох. Если бы выпрямить все затейливые петли реки, получилось бы километров полтора до поселка разведчиков. Там остались семьи, там в ра...ий утре...ий час гостепр...имно раскрываются двери столовой, там поминутно стрекоч...т вертолеты, прицеливаясь к утрамбова...ой площадке перед продовольстве...ым складом.

У горстки людей, оторва...ых от всего этого, было такое чу...ство, что они давно ра...тались с домом и неизвес...но, когда снова увидят рубле...ые, давно (не)краше...ые домишки, ак...уратно рас...тавленные по обе стороны широкой улицы.

А через четыре года вниз по Оби пошли первые танкеры, груже...ые нефтью. И оди...адцать мил...ионов тон... тюмен...ской нефти, которые, по ра...четам специалистов, должны были быть выкача...ы из недр в ближайшие годы, не оказались фантастикой. Не пр...увеличивали сибиряки, ра...читывая на первенство в нефт...газовой индустрии.

№ 22

Сентябрьское солнце, ярко пронизывающее прозрачный воздух, уже низко. Осиновые кусты (в)переме...ку с одинокими деревьями, броше...ыми там и сям, кажутся словно золоче...ыми. В сторону, противоположную закату, от них тянутся густые тени. (Нежно)голубое небо покрыто легкими, как пух, и, словно пар, прозрачными

облаками, подернутыми багря...ым румянцем. Едва ошутимое веяние уже (не)жаркого, но еще мягкого и нежного ветерка слабо тревожит воздух, напое...ый запахом полыни.

Вдруг (не)ведомо откуда доносятся мерные и торжестве...ые звуки, подобные звукам трубы. Это в страшной, почти (не)доступной глазу высоте протянулись ключом журавли. Но звуки те мало(по)малу слабеют, (по)немного зам...рают, и скоро их уже совсем (не)слышно. Тихо, иногда только по гладкой, точь(в)точь полирова...ой, дороге проскрипит, проб...раясь, воз с рожью, и снова тиш....

Визгливые воробьи...ые стаи то и дело переносятся с конопля...иков, которые уже давно обобра...ы и где теперь можно так вольготно порезвится, на полуразруше...ый плетень, на котором возносятся домотка...ая холсти...ая рубаха и сохнут на колышках горшки.

Словно пуще...ый камень, проносится мимо летучая мыш..., а там, над камыш...м, они реют тучами, производя подобный ветру шум.

Проходят счита...ые минуты — и солнце уже почти закатилось. В глубине востока, неувере...о мигая брсе...ущим огоньком, вспыхнула маленькая звездочка.

№ 23

На самой окраине села, (не)подалеку от шос...е, на песча...ом пригорке стоит сосна. Выр...сшая на приволье, она когда(то) поражала своей мощью. И теперь еще, (сорок...)летняя или, может быть, (девян...)стоletняя, она н... потеряла остатки былой силы. Толсте...ый, вдвоем н... охватишь, ствол весь в чудовищных узлах и сплетениях — н... дать н... взять окаменевшие в сверх...естестве...ом напряжени... мускулы гиганта. Толстая бугристая кора, напоминающая ш...роховатый бок выветре...ой скалы, местами обвалилась, обнажив из...еде...ое короедами тело сосны. Ветви торчат в стороны, словно гиган...ские костлявые руки, сведе...ые (на)мертво в какой(то) загадочной страс...ной мольбе. Дереву уже (не) в радость приволье, солнце, дожди. Только на самой верхушк... клоч...к жаллтой, старческой хвои. Но и с этого клочка сыплют...ся крошечными пергаментными мотыльками семечки. Напоминает эта сосна (н...)что иное, как свяще...ое дерево, которое, говорят, было в седой древности у каких (то) народов.

А вокруг шумит рож.... Сорвите колосок, ра...мотрите его повнимательнее. Не ради(ль) такого колоска ум...рали бунтующие мужики, целые деревни, скрипя немаза...ыми телегами, тащились на чужбину?

Шуми, шуми, рож...! Что(бы) н... напоминал твой колос, шум
его все равно успокаивает и радует!

(По В. Тендрякову)

№ 24

Гроза ширилась и наступала на нас. Не успели мы оглянут...ся, как туча, почти (не)двигающаяся, казалось, с самого горизонта, (не)ожиданно оказалась перед нами. Вот бл...снула огне...ая нить, и густой смешанный лес, через который мы проб...рались, мгновенно оз...ряет...ся зловещим светом (кроваво)красного пламени. Сразу(же) обиде...о прор...котал гром, еще (не)решительный, но как(будто) тревожный и угрожающий, и (тот)час же по листьям забарабанили капли дождя.

Вряд ли знает грозу человек, (не)встречавшийся с нею в лесу. Мы бросились искать убежище, пока ливень (не)пустился (во)всю. Но было уже поз...но: дождь хлынул на нас бешеными, (не)укротимыми потоками. Оглушительно грохотал гром, а молнии, все время (не)перестававшие вспыхивать серебряными отблесками, только ослепляли. Лиш... на какую(то) долю секунды можно было рассмотреть почти (не)проходимые зар...сли, едва (не)затопленные водой, и крупные листья, обвешанные маслянистыми каплями.

Скоро мы поняли, что, (не)смотря на все наши старания, мы так и останемся совершенно (не)защищенными от дождя. Но вот небо медленно очищается от туч, и мы продолжаем идти по путевой тропинке..., которая приводит нас на (мало)езжую дорогу.

Мы проходим мимо (не)высокой, но стройной лиственницы, вершина которой расщеплена, и видим (н...)что иное, как обещающую нам избушку лесника. Приветливый старик в холщевой рубахе с (не)свойственной ему торопливостью разжигает печурку, ставит на стол теплое молоко, печеную в золе картошку, сушеные на солнце ягоды, предлагает ненадежный тулупчик. Старик по...чувствует на славу.

(В)продолжении... целого дня дождь лил как из ведра, но (в)последствии... погода прояснилась. (После)полуденное солнце безмятежно засияло, и наступила тихая благодать. Начинаясь чудесный безветренный вечер.

№ 25

В порту

Громадный порт, один из самых больших портов мира, всегда бывал переполнен судами. В него заходили (темно)ржавые (гиганты)

броненосцы. Весной и осенью здесь разв...вались сотни флагов со всех концов (з)емного шара и с утра до вечера раздавались команды на (все)возможных языках. От судов к бе...числе...ым складам туда и обратно по колебл...щимся сходням сновали грузчики: русские бо...сяки, оборва...ые, почти оголе...ые, смуглые турки в широких до колен, но обтянутых вокруг голени шароварах, коренастые мускули...стые персы, с волосами и ногтями, окраше...ыми хной в (огне...о) рыжий цвет. Часто в порт заходили прелес...ные (из)дали двух- или (трех)мачтовые итальянские шхуны. Здесь месяцами раскачивались в (грязно)зеленой портовой воде маленькие суденышки со стра...ой раскраской и пр...чудливым орнаментом. Сюда(же) изредк... заплывали и какие(то) дикови...ые узкие суда, под черными просмол...ыми парусами, с грязной тряпкой вместо флага. Матросы такого судна — соверше...о голые, бронзовые, маленькие люди, — издавая горта...ые звуки, с (не)постижимой быстротой уб...рали рва...ые паруса, и мгнове...о грязное таинстве...ое судно делалось как мертвое. И так (же) загадочно, темной ночью, (не)зажигая огней, оно без...вучно и...чезало из порта.

Окрес...ные и дальние рыбаки свозили в город рыбу: весной — мелкую камсу, мил...ионами наполнявшую (до)верху их баркасы, летом — уродливую камбалу, осенью — макрель, а зимой — (десяти) и (двадцати)пудовую белугу, выловле...ую часто с большой опас...ностью для жизни.

Все эти люди — матросы разных наций, рыбаки, веселые юнги, лодочники, грузчики, контр...бандисты, — все они были молоды, здоровы, пропитаны ядре...ым запахом моря и рыбы, знали тяжесть труда, любили прелесть и ужас ежедневного риска, а на суше пр...давались с насл...ждением беш...ому разгулу, пьянству и дракам. По вечерам огни большого города, взбегавшие высоко (на)верх, манили их, как волшебные бл...стящие глаза, всегда обещая (что)то новое, радос...ное, еще (не)испыта...ое и всегда обманывая.

(По А. Куприну)

№ 26

(В)низу, у бе...порядочно нагроможде...ых в бе...четном количестве (пепельно)серых камней, плещ...тся, и брызж...т, и дыш...т (горько) соле...ым (пьянще)ароматным воздухом выр...вне...ые, как по линейке, волны пр...лива. Лицо (чуть)чуть обв...вает прохладой «моряч...к», пр...носящийся из (Т)урции. Лома...ой линией тянутся вдоль берега вое...ые склады. Внутре...ий рейд охраняется от де-

кабр...ских и январ...ских штормов (железо)бето...ым молотом. (Из-желт...) красный хребет как(бы) (с)ходу обрывается в морс. (Н...)откуда (н...)видимые и (не)доступные для человека рас...слины в скалах — убсж...ше птиц. Далеко (в)верх забрались м...ниатюрные, бел...ые (не)гаше...ой известью гли...няые домики. (В)дали, на (юго)западе, виднеются (бело)серые гряды гор с та...щими в воздухе, сходящими (на)нет серебря...ыми вершинами.

В (старом)пр...старом загородном парке тихо и безлюдно. Давно (не) краше...ые деревья...ые беседки увиты плющ...м и манят прохлады. Эстрада для оркестра с плохо нас...ла...ым полом (до)верху заколоч...а ф...нерой. Теперь это (н...)что иное, как склад (не)нужных театру д...кораций.

(Н...)чсм иным, как складом, н...могла быть теперь и гал...рейка, находящаяся бли...эстрады. Без...вучно падают бе...числе...ые (золотисто)ж...лтые осе...не листья. Парк рас...кинулся (в)ширь на (два)три километра. По тропинкам далеко (не)безопасно ходить, так как в траве кишат (не)большие (змейки)медян...ки. Нижняя площадка усея...а отшлифова...ыми морем блестящими кам...шками; среди них проб...вается растение (не)тронь(меня). Войдя (в)глубь парка, вы увид...те (на)редкость красивый (двух)этажный павиль...н с в...тыми колон...ками и с искус...ной резьбой. Из-за зелени (широко)листве...ых деревьев выглядят точ...ные из камня статуи, относящиеся, (по)видимому, к пред...стории парка. Клумбы пестрят (огне...о)красными кан...ами, гладиолусами и разными (суб)тропическими цветами. Каких соч...таний красок я (н...)увидел здесь! Кого (н...)спросишь, все говорят, что из парка уходить н...хочется. Вряд (ли) уда...ся (в)виду загрузе...ости приехать сюда еще раз (в)-течени...ближайших лет.

№ 27

Стояла чудесная весе...ая пора. Море пробуждалось от сковывавшей его дремоты и как(бы) посылало свой утре...ий привет еще (не)проснувшейся земле. (Желтовато)розовые лучи солнца едва к...снулись поверхности воды, позол...тили пристань, корпуса судов, стоявших на рейде, и кра...шки парусных лодок. На до...атых настилах и прямо на песке, (всего)навсего шагах в пяти от воды, лежали (в)повалку какие(то) люди. Некоторые из них недавно пришли сюда (в)надежде на зар...б...ток, другие были иско...ыми мес...ными бродягами, которые привыкли проводить летние ночи под открытым небом. С кра...шка настила распл...стались два местных «галаха», которые

(до)упаду набродились (в)потьмах, ра...читывая (чем)нибудь пожить, и, разделив добычу, они заснули каме...ым сном. (Едва)едва забре...ил ра...вет, как пристань стала (по)немногу пробуждаться. (Из)за к...рмы (н...)кому (н...)принадлежащей старой баржи появилась к...мпания зап...здалых гуляк, которые, видимо, (не) (в)меру выпили после темных ночных походов и теперь нарушали тишину южного ум...ляющего душу утра (не)стройными выкриками. Двое из них шли (в)обнимку и пели какую(то) залихва...кую песню. Голоса их звучали (не)стройно, (в)разнобой, внося ди...онанс в гармонию просыпающегося утра. О, как раздражало это тонко чу...ствующего художника, который явился сюда с м...льбертом и пр...готовился запечатлеть на своем холсте (не)подражаемые краски моря. Песнь внезапно оборвалась, и послышалась брань. (По)видимому, приятели по...орились (в)сер...ез, ибо один из них насканивал на другого, гневно размахивая руками и крича что-то (в)сердцах. Им всегда было вместе тесно, а (в)розь скучно.

Через час пристань была (не)узнаваема. Народ сновал (в)зад и (в)перед, мальчишки торговали папиросами (в)розницу, т. е. (по)штучно. Лото...ницы продавали печ...ые и только что сорва...ные анисовки и груш...вки. Все ожидали прибытия (тихо)океанского парохода. Ввод солдат (во)главе с (унтер)офицером промаршировал (в)ногу по набрежной и остановился у причала. Вскоре на горизонте показался силу...т судна, а через (пол)часа железное чудовище (в)(пол) оборота подходило к причалу. Пароход пришел (во)время, и пристанская администрация была (во)всеоружии. Первым по трапу сошел на берег (генерал)майор (в)сопровождении... ден...щика. Вслед за ним с...менила старуш...нка в душ...грейке, держа на руках дре...ирова...ую собач...нку. Далее двигалась дама в экстр...вагантном (желто)зеленом (в)полоскуж...кете и молодой человек с м...ноклем (в)глазу, в блестящ...м ц...линдре и в м...кинтоше (в)накидку. Старуш...нку, (еле)еле державш...ся от усталости на ногах, встретила толпа родстве...иков. Они (до)всрху нагрузили бричку к...рзинками и б...ульчиками, набившись туда (до)отказа...

№ 28

Идет лесник по тихой тропинке, проб...рается сквозь чащ...бу, а потом переб...рается через топкий лесной ручей. Ветер трепл...тгустую крону лип, разв...вает зеленые верхи берез. Только в дубовой листве, такой густой, что, кажется, даже в ливень она не пром...кает, ветер запутывается и стихает.

Вот лесник останавливается у (не)высокого дерева, накл...няется. Нет, не п...ганки, р...стущие здесь, привл...кают его внимание. Лесник от...скивает в сумке инструмент, пр...ступает к работе, и вот уже из тела дерева вынут (не)большой бл...стоящий кусоч...к метал...а — осколок снаряда. Ничего, скоро рана обр...стет к...рой, и дерево будет жить (по)прежнему. А вот он пор...внялся с дубком, который уже перенес такую(же) операцию. Теперь и (не)найдешь его раны: молодая кора ср...вняла даже шрам. Останавливается Лукьян Куз...мич возле р...стков сосны, нежно прик...сается к ним, и от его прик...сновения они ласково кивают пушистыми верхушками. «Вот бы сюда приве...ти тех скептиков, которые пол...гают, буд(то) сосна не может расти на черноземе», — думает он. В его п...томнике выр...щен...о более двух мил...ионов саженцев листвен...ых хвойных пород.

Перед возвращением домой можно и передохнуть, и лесник пр...слоняется спиной к стволу, вслушивается в без...скус...ный перезвон птиц...их голосов. Вдруг к привычным запахам пр...мешивается горьковатый запах г...релого. Что за нав...ждение? Где же г...рит?

С собой только сумка с (не)мудрен...ым инструментом да пара рук, а (в)преди, зловеще бл...стая, уже текут змейки пламени. Лесник очищает землю от сухих листьев, спешит, пр...возмогая боль в обож...ен...ых пальцах, пог...сить пламя, и вот уже один за другим, дойдя до очище...ой земли, гаснут огне...ые ручейки. Лесник выт...рает пот со лба. Туда, где только что буш...вало бешее...ое пламя и деревья стояли словно окр...пле...ые кровью, возвращается мгла.

№ 29

Центральная электр...станция стоит в (не)глубоком ущель... на реч...нке Горын... (не)далеко от пристан.... Высокое напряжение опасно для жизни, (по)этому на те...итории станции (по)всюду на столбах висят предупреждения: «Осторожно: Смерть!» (Н...)раз, казалось, монтеры во время ремонтных работ бывали... (на)волосок от гибели; однако в книге, носящей название «Книга (не)счастливых прои...шествий», (н...)значи...ся (н...)одной серьезной аварии, (н...)одного (н...)счастья с людьми.

Причина — в умелой организации м...нтажа и ремонта. По всей площад... станции проходят рельсы у...коколейки, находящ...ся (в)ведении общей любимицы Лиди... Алекс...вны Лисиц...ной, которую (во)время работы можно найти либо на линии, либо в сигнальной станцио...ой башен...ке, выстрое...ой на возвышен..., в садике,

среди бурно разросшихся више..., череше... и груш.... Отсюда видны все под...емы и закругления дороги, виден кар...ер для выемки ба...астного песка. Поговорить с Лидией Алекс...вн... или с ее помощницей Любовью Никола...вной можно только после ок...нчания работы в ее домишк.... Живет она бли... станции и занимает маленький флиг...леч...к, куда к Лидии Алекс...вн... (не)редко приходят посетители. По вечерам она и внуч...к Ван...чка сидят в своей спал...ке и читают. Особенно люб...т они слушать стари...ую песен...ку: «Ты стоишь, моя берез...нька, на полос...ньке». Летом по воскресеньям бабушка с внуком выход...т на луж...к перед домом или на береж...к Горын.... Около них носится собач...нка Друж...к, которая теребит своего приятеля мальч...нку за рубаш...нку. Нагл... девшись на заречные пр...сторы, Лидия Алекс...вна усаживается на завал...нку и вяжет варе...ки. Крюч...к так и мелькает в ее руках. Ван...чка в это время плетет к...рзины из солом...нок или делает трещ...тки и погремушки для змея. (По)позже выходит из дому нян...шка Мар...я Куз...мини...на, которая когда(то) работала подно...ницей на электр...станции, и начинает рас...казывать Лиди... Алекс...вн... (обо)всем, что она за день сделала.

№ 30

Только соверше...о (не)заинтересова...ому взгляду русская природа кажется бедной и (н...)сколько (н...)разнообразной. (Не)броская, но какая-то сосредоточе...ая и сразу (не)раскрывающаяся красота ее вызывает (не)повторимое, долго (не)забывающееся чувство шемящей грусти. Я (не)знаю (н...)чего более трогательного, чем первый снег, который, (не)смотря на свою хрупкость, влас...но манит далью еще почти (не)проторе...ых дорог.

Сколько песен сложе...о про зиму, сколько поэм посв...ще...о юн...ой красавице в сарафане из серебря...ой парчи, а нам все (не) достает. Когда особе...о безветре...а и румя...а зорька, (не)спеша умывается она студе...ым ра...ыпчатым снегом. А как поведет потом синими очами (из)под опуше...ых ин...ем ресниц, так каждый поверит, что такая красота (н...)кем и (н...)где (н...)видана.

Чего только н... вспомнишь из далекой поры юности! Я до сих пор вижу дуги с узорами, писа...ыми масл...ной краской, золоче...ую упряж... коней с лебеди...ыми шеями, которые на масл...ной неделе, едва (не)сцепившись оглоблями, (на)перегонки мчат нас по вовсе (не)узкой деревенской улице. Часто за мной приезжал брат, и мы (не)медля отправлялись в соседнее село. Заметив, что я загляделся

по сторонам, он с (не)привычной мне ловкостью выталкивал меня из саней и пускал об...нд...вешего коня (в)галоп.

В тяжелых вал...нках и овчин...ом (свеже)дубле...ом полушубке (не)быстро побежишь, но я налегал изо всех сил, а брат (не)останавливал коней, пока я (не)начинал спотыкат...ся. Но сколько н...проб...вая вытолкнуть его из саней, это мне н...когда (не)удавалось.

Нет, русской зимы нельзя (не)любить. Люди, (не)видевшие ее, (до)сыта (не)налюбовавшиеся ею, (не)поймут русской жизни и русского характера.

№ 31

Прошел холодный ветре...ый март, и, наполняя воздух ароматом отта...вшей земли, наступил солнечный апрель, хотя (по)прежнему иногда дул студе...ый ветер. Все обрадовались, увидев, что (на)перегонки побежали шустрые ручьи, стремясь к сверкающей в отдален... реч...нке, ставшей вдруг шумной и полноводной.

Всюду, куда н... взглян...шь, стел...тся над землей легкий пар, на пе...аных буграх, которые сами собой уже давно обезлес...ли, мало(помалу) подсохли протал...нки, и только на давно (не)езжен...ой дороге синеют луж...цы последней снеговой воды. И степь, и сама деревенька, разброса...ая на пр...горках, и до...атый заброшк..., и сложе...ые у него дрова, обмытые дождями и обветре...ые, — все казалось таким новым, праз...ничным, что каждый, кто (н...)смотрел, (н...)раз удивлялся диков...ой перемене.

А вот и прилетели первые скворцы и тут(же), (не)смотря на усталость после долгого перелета, начали оживле...ую работу. Без устали носили пер...шки и солом...нки, соб...рали зерн...шки, броше...ые в траве. Прилетели скворцы, и тут же оказалось, что прилетели они не (в)пору и только один день могли (в)волю попеть. Весна пошла (на)попятную, и уже (в)вечеру ударил мороз, в течени... ночи валом валил снег, а (по)полночи завьюж...ло совсем (по)январ...скому.

Люди укрылись в домах, а скворцы забились в хворост, прятались вместе с воробышками в об...нд...веших соломе...ных крышах конюшен... А (не)опытные или просто (не)догадливые (на)смерть замерзали либо (на)лету, либо в холодных скворе...нях. Приходилось голодать: где уже тут найти хоть какое(нибудь) сем...чко.

№ 32

Я (чере...)чур переоценил свою потрепа...ую и расшата...ую машину. Тяжелый (северо)уральский участок с его 1280 кил...метрами

переб...рается через дорогу. За плете...ым забором мирно похрапы-
вает сторож; каждый звук (как)будто в...сит в застывшем воздухе.
Вот вы сели; лошади разом тронулись, громко заскр...пела (не)сма-
за...ая (в)попыхах телега. Вы ед...те-ед...те (в)доль деревн..., мимо
церкви, с горы (на)право, через гот...тину. Впереди (н...)что иное,
как пруд, который (еле)сле курится. Вам дремл...тся. А между тем
з...ря разг...рается. За воротами слыш...тся заспа...ые голоса. Со-
...нце быстро поднимается. Вы (в)торопях взб...раетесь на гору. Ка-
кой вид! Река в...тся верст на восем..., тускло синяя сквозь тума...ую
даль; за ней стел...тся (вод...нисто)зеле...е луга, а дальше (не)высо-
кие холмы. Как вольно дыш...т грудь, как быстро движ...тся члены,
как крепн...т весь человек, охваче...ый светлым дыханием весны!

Еще свеж..., но уже чу...ствуется пр...ближение жары. Голова
томно кружит...ся от избытка благоуханий. (Кое)где (в)дали желтеет
рож..., у...кими полосками краснеет гречиха. Мужик заран...ее ста-
вит лошадь (в)тень. Проходит час, другой... Колючим зноем пыш...т
(не)подвижный воздух.

— Где бы, брат, тут напйт...ся? — спрашиваете вы к...саря.

— А вон, в овраге, колодезь.

Сквозь колыш...щиеся кусты ольша...ика, перепута...ые цепкой
травой, спускаетесь на дно оврага. Серебря...ые пузырьки поднима-
ются с песча...ого дна источника.

Вы выход...те из оврага... Что за свинц...вая полоса на не-
б...склоне? Э, да это гроза! Кругом ярко бл...стает солнце: охотит...ся
еще можно. Но туча растет. Скорей! вон, кажется, виднеется сен...ой
сарай... скорее... Вы добежали, вошли... Каков дождик! (Кое)где
сквозь соломе...ую крышу закапала вода. Но вот вскоре солнце опять
заиграло; вы открываете дверь настерж... и выход...те. Боже мой, как
весело искрится все кругом, как воздух свеж... и пахуч...!

Но вот наступает вечер. З...ря запылала пожаром и охватила (пол)
неба. Солнце садится за г...ризонт. Воздух (в)близии как(то) осо-
бе...о прозрачен, словно стекла...ый; от деревьев вскоре побежали
дли...ые тени. Пора домой, в деревню, где вы устраиваете ноч...в-
ку. Сквозь окошко вы вид...те деревя...ый стол, горящую свечу и
ап...етитный ужин...

(По И. Тургеневу)

№ 35

Вот и наступил тихий, безветре...ый вечер. Едва-едва бре...ж...т
заря, отражаясь в темных, почти (не)освеще...ых окнах домов. Каждая

по сторонам, он с (не)привычной мне ловкостью выталкивал меня из саней и пускал об...нд...вешего коня (в)галоп.

В тяжелых вал...нках и овчин...ом (свеже)дубле...ом полушубке (не)быстро побежишь, но я налегал изо всех сил, а брат (не)останавливал коней, пока я (не)начинал спотыкат...ся. Но сколько н... проб...вая вытолкнуть его из саней, это мне н...когда (не)удавалось.

Нет, русской зимы нельзя (не)любить. Люди, (не)видевшие ее, (до)сыта (не)налюбовавшиеся ею, (не)поймут русской жизни и русского характера.

№ 31

Прошел холодный ветре...ый март, и, наполняя воздух ароматом отта...вшей земли, наступил солнечный апрель, хотя (по)прежнему иногда дул студе...ый ветер. Все обрадовались, увидев, что (на)перегонки побежали шустрые ручьи, стремясь к сверкающей в отдалень... реч...нке, ставшей вдруг шумной и полноводной.

Всюду, куда н... взглян...шь, стел...тся над землей легкий пар, на пе...аных буграх, которые сами собой уже давно обезлес...ли, мало(помалу) подсохли протал...нки, и только на давно (не)езжен...ой дороге синеют луж...цы последней снеговой воды. И степь, и сама деревенька, разброса...ая на пр...горках, и до...атый заборишк..., и сложе...ые у него дрова, обмытые дождями и обветре...ые, — все казалось таким новым, праз...ничным, что каждый, кто (н...)смотрел, (н...)раз удивлялся диков...ой перемене.

А вот и прилетели первые скворцы и тут(же), (не)смотря на усталость после долгого перелета, начали оживле...ую работу. Без устали носили пер...шки и солом...нки, соб...рали зерн...шки, броше...ые в траве. Прилетели скворцы, и тут же оказалось, что прилетели они не (в)пору и только один день могли (в)волю попеть. Весна пошла (на)пятную, и уже (в)вечеру ударил мороз, в течени... ночи валом валил снег, а (по)полночи завьюж...ло совсем (по)январ...скому.

Люди укрылись в домах, а скворцы забились в хворост, прятались вместе с воробышками в об...нд...веших соломе...ных крышах конюшен... А (не)опытные или просто (не)догадливые (на)смерть замерзали либо (на)лету, либо в холодных скворе...нях. Приходилось голодать: где уже тут найти хоть какое(нибудь) сем...чко.

№ 32

Я (чере...)чур переоценил свою потрепа...ую и расшата...ую машину. Тяжелый (северо)уральский участок с его 1280 кил...метрами

в осе...их условиях ок...зался (не)(под)силу моему заслуже...ому мотор...ку. Он начал покашл...вать и ...давать. Ноги у меня одерев...нели, глаза остекл...нели. Лед...ные ветры гон...т ни...ко нав...шие тучи и кое(где) уже обледен...ли машину. По стари...ой привычке я попроб...вал бесед...ать с самим собою: «До аэродрома, Куз...ма Кири...ыч, не дотян...те. Спокойствие! Не дурач...ся, остав...- тра...су и с...эконом... горючее, прибли...ся к северным озерам и раз...ши (что)нибудь похожее на посадочную площа...ку. От твоего ис...кус...тва будет завис...ть, (при)земли...ся ты или отпра...ви...ся к пра...цам». Вглядываюсь в знакомую мес...ность, и мысли вереницей проносят...ся в голове. Когда(то) (не)вдалеке (от)сюда находящ...мся городишке Золотой (к)лючик я команд...вал инж...нерной ротой, а потом завед...вал конструкторским бюро. В этом городишке меня че...ствовали при получени... первого ордена. Помнится, мои ю...ые друзья (в)месте (со)мною (не)(до)едали и (не)(до)сыпали — все создавали новые м...дели. Бывало, обе...и-ле...ые свал...тся с ног, а потом выпс...тся и опять за работу. Здесь было так привольно р...сти моим дочкам Над...ньке и Лиз...ньке!

Но вот (в)дали что(то) забл...стело.

Приближаюсь. Да это же (н...)(что)иное, как чудесное Ан...енское озеро! (Н...)что иное в этих местах и (не)могло(бы) оказат...ся. Снижаюсь. Волны беспокойно плещ...тся, сухие камыши к...лыш...тся, шепч...тся, что(то) назойливо лепеч...т. Смотри... (в)низ, и кажется, что на тебя несут...ся пр...брежные скалы и что волны (вот)вот докатят...ся до самолета.

Приземляюсь у линии прибоя. Кругом (ни)кого и (ни)чего. Только (темно)ж...лтые сухие листья верт...тся в сума...шедшей пляске. Позвать (кого)нибудь? Попробуйте, крикн...те! (Ни)кто не услыш...т. Если вы крикн...те громче, эхо загрохоч...т в ущел... Снежинки верт...тся в воздухе, кол...тся, жал...т и (тот)час(же) та...т на щеках. Но что это? Собачий лай. Сух...нький старич...к с ружьем. Да это же Аника-ныч, знаменитый пр...исковыйлекарь, ис...кус...нолечивший отц...нги и других (не)хитрых «старательских» болезней настоем мо...евельника.

(Не)ра...читывал я еще раз ночевать в его избушке. Ра...просы. Ра...казы. На столе все такое знакомое: старенькая тка...ая скатерть, деревя...ые блюда с криво выж...е...ыми на них какими(то) надписями, тусклые оловя...ые ложки, кале...ые кедр...шки, суше...ая на ветру и пече...ая рыба, копче...ая медвежatina, варе...ый картофель, глиня...ая кр...нка с медом, две серебря...ые чарки, заветная фля...ка, всегда наполне...ая в ожидани... жела...ого гостя.

№ 33

Много сотен верст нужно лететь птицам со своих зимних становищ... на родину. Иным придется сделать чуть(ли) не тысячу...километровый перелет. Сколько пр...ключений и опас...ностей, сколько пр...вратностей встретит...ся им на пути! Чего только (н...)испытывает (в)течени... такого полета маленькое существо весом около двадцати...двадцати пяти грам...ов. Право, нет сердца у стрелков, (не) жалеющих птицу и тогда, когда, обе...сил...вшая после трудного перелета, повинувшись (ни)чем (не)победимому зову природы, она стремится в то место, где впервые увидела солнечный свет.

У животных много своей, таинстве...ой, (не)понятной людям мудрости. Птицы особе...очутки к переменам погоды и задолго предугадывают их, но зачастую бывает так, что перелетных стра...иков заст...тает (по)среди моря внезапный ураган, нередко со снегом. До берегов далеко, а силы ослабле...ы и кругом ра...ст...лается бе...брежное море. И тогда погибает едва(ли) не вся стая, за исключением наиболее сильных.

Счастье для птиц, если (неждан...о)негадан...о встретит...ся им в эти минуты морское судно. (Не)взирая на опасность, целыми тучами опускают...ся (не)жда...ые и (не)зва...ые гости на палубу, на борта, на снасти, и стра...ымкажет...ся к...рабль, обвеш...ный живыми г...рляндами птиц. И суровые моряки, никогда (не)обид...вшие их, (не)оскорбившие их трепетной доверч...вости, спасают им жизнь. Ибо говорит...ся в пр...красном морском поверь..., что (не)избежно (не)счастье для того корабля, на котором была убита птица, просившая приюта.

(Не)безопасном для птиц бывает (н...)что иное, как пр...брежный маяк. Измуч...ые перелетом, отяжелевшие от морской влаги птицы, пр...небрегая опасностью, стремятся туда, куда их обманч...во влечет едва бре...жущий свет маяка, и (на)лету разбиваются грудью о толстое стекло и камень га...лерей. Но опытный вожак, взяв заранее другое направление, всегда предотвратит почти (не)избежное несчастье.

№ 34

Знаете ли вы, например, какое наслаждение выехать весной до з...ри? Вы выходите на крыльцо. На (темно)сером небе мигают звезды, влажный ветерок колыш...т темные ветви деревьев: слыш...ся сдерж...ный (не)ясный ш...пот ночи. Вот кладут домотка...ый ковер на телегу, ставят (в)ноги ящик с самоваром. Пр...ст...жные еж...т-ся, фыркают; пара (только)что проснувшихся гусей медле...о

переб...рается через дорогу. За плете...ым забором мирно похрапы-
вает сторож; каждый звук (как)будто в...сит в застывшем воздухе.
Вот вы сели; лошади разом тронулись, громко заскр...пела (не)сма-
за...ая (в)попыхах телега. Вы ед...те-ед...те (в)доль деревн..., мимо
церкви, с горы (на)право, через пл...тину. Впереди (н...)что иное,
как пруд, который (еле)сле курится. Вам дремл...тся. А между тем
з...ря разг...рается. За воротами слыш...тся заспа...ые голоса. Со-
...нце быстро поднимается. Вы (в)торопях взб...раетесь на гору. Ка-
кой вид! Река в...тся верст на восем..., тускло синея сквозь тума...ую
даль; за ней стел...тся (вод...нисто)зеле...е луга, а дальше (не)высо-
кие холмы. Как вольно дыш...т грудь, как быстро движ...тся члены,
как крепн...т весь человек, охваче...ый светлым дыханием весны!

Еще свеж..., но уже чу...ствуется пр...ближение жары. Голова
томно кружит...ся от избытка благоуханий. (Кое)где (в)дали желтеет
рож..., у...кими полосками краснеет гречиха. Мужик заран...ее ста-
вит лошадь (в)тень. Проходит час, другой... Колючим зноем пыш...т
(не)подвижный воздух.

— Где бы, брат, тут напит...ся? — спрашиваете вы к...саря.

— А вон, в овраге, колодезь.

Сквозь колыш...щиеся кусты ольша...ика, перепута...ые цепкой
травой, спускаетесь на дно оврага. Серебря...ые пузырьки поднима-
ются с песча...ого дна источника.

Вы выход...те из оврага... Что за свинц...вая полоса на не-
б...склоне? Э, да это гроза! Кругом ярко бл...стает солнце: охотит...ся
еще можно. Но туча растет. Скорей! вон, кажется, виднеется сен...ой
сарай... скорее... Вы добежали, вошли... Каков дождик! (Кое)где
сквозь соломе...ую крышу закапала вода. Но вот вскоре солнце опять
заиграло; вы открываете дверь настез... и выход...те. Боже мой, как
весело искрится все кругом, как воздух свеж... и пахуч...!

Но вот наступает вечер. З...ря запылала пожаром и охватила (пол)
неба. Солнце садится за г...ризонт. Воздух (в)близи как(то) осо-
бе...о прозрачен, словно стекла...ый; от деревьев вскоре побежали
дли...ые тени. Пора домой, в деревню, где вы устраиваете ноч...в-
ку. Сквозь окошко вы вид...те дерева...ый стол, горящую свечу и
ап...етитный ужин...

(По И. Тургеневу)

№ 35

Вот и наступил тихий, безветре...ый вечер. Едва-едва бре...ж...т
заря, отражаясь в темных, почти (не)освеще...ых окнах домов. Каждая

веточка деревьев поразительно вырисовывается на и...синя(зеленом) небе. В отдалень... слыш...тся песня, но звуки в такой вечер смягче...ы, лише...ы обше...ой ре...кости и немного таинстве...ы. И все это, как пря...ое вино, вливается в каждую каплю крови и (по)немногу кружит голову.

(Не)легок путь от корпуса до парка, есть еще опас...ность столкнут...ся с дежурным, (не)спускающим глаз с единстве...ой доро...ки, по которой н... раз убежали воспита...ики. И вот Сергей уже мчится изо всех сил (в)гору, (не)смотря на то что отчая...о кол...тся и жал...тся ветви густого кустарника, прои...р...стающего на берегу пруда, пока н... останавливается наконец на пригорке.

(За)тем, обе...силевший окончательно, он (не)спеша проходит мимо забытой, (н...)кому (не)нужной ...ранжере..., о...веша...ой плетушками растениями, и спускается к (не)широкой, но глубокой реч...нке. (На)спех раздевшись, он без раздумья (с)разбегу бросается в студе...ую воду, достает ногами коряжистое илистое дно, (на)миг задыхается, обо...жен...ый жестоким холодом, и ловко переплывает реку саж...нками. И когда он, одевшись, н... спеша выб...рается (на) верх, то с наслаждением чу...ствует такую удивительную легкость, как(будто) все его тело потеряло вес.

№ 36

Однажды, ран...ей весной, шли мы в Батуми из (порт)(с)аида. В (к)онстантинополе были чумные случаи, и с нами отправили из (д)арданел... двух турок, двух каранти...ых стражей, дабы они удостоверили, что остановки на (б)осфоре не делалось. Было время обеда. Перед обедом матросам пол...гаются по м...нзурке спирта. Но некоторые сочли (за)грех пить в чистый четверг, а что(бы) спирт (не)пропадал даром, пр...поднесли для п...тси туркам. Спирт свалил их, (не)привыкших к вину, (с)ног, и они заснули: один, рослый, на к...рме, другой, маленький, около маши...ой части. И перед тем, как заснуть, маленький долго б...рм...тал и (по)туре...ки, и (по)гречески, и даже (по)рус...ки. Он рас...казал, что сына его отправили на войну в (а)равию. «А уж из (а)равии не вернеш...ся, нет!» — говорил он. И, вскакивая, громко вскрикивал, как(бы) стреляя из к...р...бина, падал (на) спину, изображая убитого (на)повал.

Около двух часов ночи подходили к (с)тамбулу. Я оделся и вышел в (к...ют)к...мпанию. Среди тишины выделялось медле...ое постукивание сте...ых часов и (чуть)чуть слышный звон рюмок, которыми увеш...н потолок в буфете. Я вышел на левый борт и загляделся

на пр...ближающийся (с)тамбул, (таинстве...о)бледный на с...неве
лу...ой ночи...

Потом поднялся на мостик. Глядя вперед, за (фок)мачту, дежу-
рили у телеграфа капитан и вахте...ый помо...ник. Они, (то)же за-
вороже...ые ночью и (с)тамбулом, р...няли слова К...манды мед-
ле...о, (в)полголоса.

Полная ясная луна стоит справ... почти сзади нас, над туман...ы-
ми силу...тами (п)ринцевых (о)стровов. Огромная золотая полоса
лежит по г...р...зонту за лу...ым блеском. Я различал глиня...ые
дома (с)тамбульских пр...дместий, высокие м...н...реты вокруг ча-
ш...образных куполов.

Все ближе р...ились огни. Вот опять (не)громкая к...манда и альт
рулевого. Уже прошла гора (г)алаты, сплош... залитая каме...ым
городом, под...ернутая прозрачным п...кровом. Нос парохода
медле...о поворачивается, и закрывается выход в (м)раморное (м)о-
ре, блещущий, как (стекля...о)золотое поле. (Бело)мраморные двор-
цы тянутся по левому пр...брежью, купая в воде ступени своих мраморных пристаней. (Зеленовато)бледен в тени мрамор.

— Юсу-ф! — вдруг откуда(то) (из)далека пронесся (в)тишине чей
(то) слабый рыдающий зов.

— Юсуф! — снова крикнул кто(то).

Я прислушиваюсь.

— Юсуф! — страс...но, захлебываясь слезами, крич...т голос с
к...рмы.

Я быстро пошел туда. Там был он, маленький турч...нок. Про-
снувшись после пьяного сна, он внезапно постиг всю глубину того,
что ...делал (с)тамбул с его (ни)кому (не)нужной жизнью и с пре-
красной молодостью Юсуфа.

Я взял его ледя...ую руку. (Не)удержимо к...тившиеся слезы
заст...лили его изумле...ые, остекл...невшие от яда глаза.

— Юсуф! — зав...пил он, захлебываясь и прост...рая руки к (с)там-
булу.

Неслась вода мимо борта.

(По И. Бунину)

№ 37

Едва забре...ил ра...вет, как Ерофеич, извес...ный мес...ный
сад...вод, был уже (на)ногах. В ю...ости, защищая (с)оветскую
власть, он уча...ствовал в боях под Цариц...н...м и в одном из сра-
жений потерял ногу. За доблес...ные подвиги Ерофеич получил

пенсию и отправился на жительство в родной городишк.... Ра...ее городок был захолус...ным, но славился по всей окрес...ности своими чудес...ными садами. Пр...страстившись к сад...водству, Ерофеич всецело посвятил себя этому бл...г...родному делу и терпеть не мог дил...тан...ского к нему отношения.

Бывало, зайдет к нему (горе)садовник Манкин, (что)бы блес...нуть своею уче...остью, и обязательно произойдет инци...дент. Он Ерофеичу и о хлор...фи...ле, и о хлорофи...ных реакциях жу...ит в уши, своим интел...ектом всячески похв...ляется, а в практике всегда проявляет кос...ность. Ерофеич сердится, прыгает на деревья...ке вокруг собеседника, брыз...ет во все стороны слюной и морщит свой весну...чатый нос. Сам Ерофеич был кристал...ьной чистоты чело...век и, (не)смотря на свои (широко)извес...ные удачные экс...п...р...менты, не имеющие прец...дентов и сделавшие его изве...ным, был очень скромн. После ярос...ного диспута и с...оры он обычно долго не мог при...ти в себя и продолжал брю...ать. Успокаивал его всегда сад. Чего только в нем н... было! Все, начиная с затейливых растений, искус...но взлелея...ных садовником, и кончая простым мож...ельником.

Ветви яблон..., вишен... и черешен..., украше...ые криста...иками росинок, пр...гибаются от тяжести к земле. Солнце нещадно ...жет старика, а он ползает (во)круг розовых кустов и производит какие-то м...нипуляции. Больно ук...ловшись о шипы, Ерофеич только присвис...нетда наденет, вздыхая, на руки специальные варе...ки. В (пол)день садовник обыкнове...о закусывает на те...аске под черепи...чатой крышей. На столике рас...тавлены (не)мудре...ые я...тва. Вокруг них кружатся и жу...ат пч...лы и осы. (По)середине стола красуются медовые коври...ки впереме...ку с творожными ватру...ками и румя...ый крупн...атый пу...инг с грецким орехом. Из напитков ставятся дро...евоиквас, топл...ое молокода прост...кваша. Для а...етита Ерофеич всегда начинал обед с сему...ки или с копчу...ки, а далее хозяйюшка по...ч...валаего тем, что было под(рукой). Подкрепившись, Ерофеич просил по...лать ему ц...новку в г...тической беседке и шел отдыхать. Частенько в сад заходили ю...аты, которых Ерофеич учил ис...ку...твусадовничать.

№ 38

В (не)оглядно знойных облаках пыли, задыхаясь, потонули стани...ные сады, улицы, хаты, и лишь остро выглядят верхуш...ки п...раминальных тополей.

(Ото)всюду несется говор, гул, лошади...ое ржание, лязг железа, детский плач, забубе...ые песни под пья...ую гармошку. Как(будто) громадный невида...ый ул...й, потерявший матку, (разноголосо) растеря...о гудит (не)стройным большим гулом. Эта безграничная горячая муть погл...тила и степь до самых ветр...ых мельниц на кургане. (В)дали за рекой синееющими громадами заг...раживают (пол) неба горы.

Удивле...о плавают в сверкающ...м зное, прислушиваясь, рыжие степные разбойники(коршуны), поворачивая кривые носы, и (н...)чего Н... могут разобрать — не было еще такого.

В станице смутно, (не)ясно, запыле...о; перепута...о гамом, шумом. Выделяясь из коровьего мычания, горластого петуши...ого крика, людского говора, разносятся то стройные, то обветре...ые, хриплые, то крепкие степные звонкие голоса: «Товарищи! На митинг!»

А вокруг с возр...стающим гомоном все шире раст...кается людское море. (Седо)бородые старики, бабы с измуче...ыми лицами, веселые глаза девчат, ребятишки шныряют между ногами, собаки, торопливо дыша, дергают высунутыми языками, — и все это тонет в громадной, все заливающей мас...е солдат. (Лохмато)воинстве...ые папахи, измызга...ые фура...ки, городские шляпы с обвисшими краями. В рва...ых гимнастерках, в выл...нявших ситцевых рубашках, в черке...ках, нестройно, как попало, глядят во все стороны над головами (темно)вороне...ые штыки.

У мельницы стоиг низкий человек, весь тяжело ...битый, точно из свинца, со сцепле...ыми (четырёх)угольными челюстями. Из-(под) низко среза...ых бровей, как два шила, бл...стят маленькие, ничего (не)упускающие серые глазки. Тень от него лежит короткая — голову ей оттапывают кругом ногами.

Среди моря рук, среди моря голосов поднялась худая, дли...ая, со...же...ая со...нцем и работой, горем, костлявая бабья рука, и замуче...ый бабий голос заметался: «И слушать не будем! Слазь!»

И опять ис...тупле...о забуш...вало над толпой — каждый кричал свое, (н...)кого (н...)слушая.

Человек с железными челюстями оглядел буш...вавшее человеческое море: (черно)кричащие рты, (темно)красные лица, (из)под бровей искрятся (злобно)кричащие глаза.

Шум, ругань заглушили одинокий голос выступающего.

(По А. Серафимовичу)

III. ПУНКТУАЦИОННЫЕ ДИКТАНТЫ

№ 1

В истории русской живописи сохранились имена прекрасных художников-пейзажистов Саврасова Васильева Куинджи Левитана и др. Один из лучших художников этого жанра Шишкин. Русская природа основная тема его творчества. В своих картинах он воспевал родную землю ее свежее дыхание необозримые просторы и богатства. Цветущие поля сосновые рощи лесные дали папоротник в лесу ручей в лесной чаще все это близко и дорого сердцу художника.

Широко известны многие его картины «Сосновый бор» «Лесная глушь» «Рожь» «Среди равнины ровныя...» «На севере диком» «Корабельная роща» «Лес весной» и другие.

«Утро в сосновом лесу» одна из лучших картин художника. Он писал русскую природу летом и зимой весной и осенью на восходе солнца в яркий полдень и при закате в разные времена года в различные часы дня. Все обыкновенное дерево старый пенек полевые цветы привлекало внимание художника. Во всем он умел находить красоту в тумане над рекой в лесной полянке в чаще леса. Смотришь на его картины и вдруг как будто снова находишься среди родной природы у знакомой речки в родном лесу в поле. Картины Шишкина широко известны как в нашей стране так и за рубежом.

№ 2

Дубечня так называлась наша первая железнодорожная станция находилась в семнадцати верстах от города. В течение нескольких часов я шел туда пешком и на протяжении всей дороги ярко зеленели озимь и яровые охваченные утренним солнцем.

В Дубечне штукатурили внутри станцию и строился верхний деревянный этаж у водокачки. Было довольно-таки жарко и рабочие вяло бродили по кучам щепок и мусора. Ни одного дерева не виделось вокруг.

Походив часа два я заметил что от станции куда-то вправо шли телеграфные столбы которые через полверсты оканчивались у белого каменного забора. Рабочие сказали что там контора и я подумав решил что нужно идти именно туда.

Это была старая и по-видимому заброшенная **никем** не заселенная усадьба. В ворота был виден просторный двор поросший бурьяном и прежний барский дом с высокой крышей рыжей от ржавчины.

Позади старинного дома был большой сад уже одичавший заглушенный выросшей травой и кустарником.

Я прошелся по террасе еще крепкой и красивой. Было густо и сад казался непроходимым но это только вблизи дома где еще стояли тополи сосны и старые липы-сверстницы **уцелевшие** от прежних аллей. Чем дальше вглубь тем было просторнее.

Сад все больше редая и переходя в настоящий луг спускался к реке поросшей зеленым камышом и ивняком. Около мельничной плотины был плес глубокий и рыбный сердито шумела небольшая мельница с соломенной крышей неистово квакали лягушки. По ту сторону речки находилась деревушка Дубечня. Голубой плес манил к себе обещая прохладу и покой. И теперь все это и плес и мельница и уютные берега принадлежало инженеру.

(По А. Чехову)

№ 3

Гроза

Я ехал с охоты вечером один на беговых дрожках. До дому еще было верст восемьдесят моя добрая рысистая кобыла бодро бежала по неширокой пыльной дороге изредка похрапывая и шевеля ушами усталая собака словно привязанная ни на шаг не отставала от задних колес. Гроза надвигалась. Впереди огромная темно-лиловая туча медленно поднималась из-за лесу надо мною и мне навстречу длинные серые неслись облака ракиты тревожно шевелились и лепетали. Душный жар внезапно сменился влажным холодом тени быстро густели. Я ударил вожжей по лошади спустился в неглубокий овраг перебрался через ручей наполовину высохший и заросший лозняками поднялся в гору и въехал в лес.

Дорога вилась передо мною между чересчур густыми кустами орешника уже окутанными мраком я подвигался вперед с трудом. Дрожки отчаянно прыгали по твердым корням столетних дубов и лип беспрестанно пересекавшим глубокие продольные рытвины следы тележных колес моя нскованная лошадь начала спотыкаться. Сильный ветер внезапно загудел в вышине деревья забушевали крупные капли дождя резко застучали зашлепали по листьям сверкнула молния и гроза разразилась. Дождь полил ручьями.

Я поехал шагом и скоро принужден был остановиться лошадь моя вязла я не видел ни зги. Кое-как приютился я к широкому кусту. Сгорбившись и закутавши лицо терпеливо ожидал я конца ненастья.

Наконец дождик перестал. В отдалении еще толпились тяжелые громады уже отчасти рассеянных туч изредка вспыхивали длинные молнии но над головой уже виднелось кое-где темно-синее небо звездочки мерцали сквозь жидкие быстро летевшие облака. Очерки деревьев обрызганных дождем и взволнованных ветром начинали выступать из мрака. Небо все более расчищалось в лесу заметно светлело.

(По И. Тургеневу)

№ 4

Я плыл на лодке вниз по реке и вдруг услышал как в небе кто-то начал осторожно переливать воду из звонкого стеклянного сосуда в другой такой же сосуд. Вода булькала позванивала журчала. Звуки эти заполняли все пространство между рекой и небосводом. Это летели журавли.

Я поднял голову большие косяки журавлей тянулись один за другим прямо к югу.

Я бросил весла и долго смотрел на журавлей. По береговой проселочной дороге ехал покачиваясь грузовичок. Шофер остановил машину вышел и тоже начал смотреть на журавлей.

Счастливого друзья крикнул он и помахал рукой вслед птицам. Потом он опять забрался в кабину открыл боковое стекло высунулся смотрел и смотрел и все слушал плеск и переливы птичьего крика.

За несколько дней до этой встречи с журавлями один московский журнал попросил меня написать статью о том что такое «шедевр» и рассказать о каком-нибудь литературном шедевре.

Сейчас на реке я подумал что шедевры существуют не только в искусстве но и в природе. Разве не шедевр этот крик журавлей и их величавый перелет по неизменным в течение многих тысячелетий воздушным дорогам

Птицы прощались с Россией с ее болотами и чащобами. Оттуда уже сочился осенний воздух сильно отдающий свежестью.

Да что говорить Каждый осенний лист был шедевром совершенным творением природы произведением ее таинственного искусства недоступного нам людям. Этим искусством уверенно владела только она только природа равнодушная к нашим восторгам и похвалам.

...Я пишу все это осенней ночью. Осени за окном не видно. Но стоит выйти на крыльцо как осень окружит тебя и начнет настойчиво

дышать в лицо холодноватую свежестью своих загадочных черных пространств горьким запахом первого тонкого льда сковавшего к ночи неподвижные воды начнет перешептываться с последней листвою облетающей непрерывно днем и ночью.

№ 5

Расставшись с Максимом Максимычем я живо проскакал Терекское и Дарьяльское ущелье завтракал в Казбеке чай пил в Ларсе а к ужину поспел во Владикавказ. Избавляю вас от описания гор от возгласов которые ничего не изображают особенно для тех которые гам не были и от статистических замечаний которых решительно никто читать не станет.

Я остановился в гостинице где останавливаются все приезжие и где между тем некому велеть зажарить фазана и сварить шей ибо три инвалида которым она поручена так глупы или так пьяны что от них никакого толка нельзя добиться.

Мне объявили что я должен прожить тут еще три дня ибо оказия из Екатеринограда еще не пришла и следовательно отправиться обратно не может. Что за оказия.. Но дурной каламбур не утешение для русского человека и я для развлечения вздумал записывать рассказ Максима Максимыча о Бэле не воображая что он будет первым звеном длинной цепи повестей видите как иногда маловажный случай имеет жестокие последствия.. А вы может быть не знаете что такое «оказия» Это прикрытие состоящее из полроты пехоты и пушки с которым ходят обозы через Кабарду из Владикавказа в Екатериноград.

Первый день я провел очень скучно на другой рано утром выезжает на двор повозка... А Максим Максимыч.. Мы встретились как старые приятели. Я предложил ему свою комнату. Он не церемонился даже ударил меня по плечу и скривил рот на манер улыбки. Такой чудак..

(По М. Лермонтову)

№ 6

Душный полдень где-то только что бухнула пушка мягкий странный звук точно лопнуло огромное гнилое яйцо. В воздухе потрясенном взрывом едкие запахи города стали острее пахнет оливковым маслом чесноком вином и нагретой пылью.

Жаркий шум южного дня покрытый тяжелым вздохом пушки на секунду прижался к нагретым камням мостовых и снова вскинувшись над улицами потек в море широкой мутной рекой.

Город празднично ярок и пестр как богато расшитая риза священника в его страстных криках трепете и столах богослужебно звучит пение жизни. Каждый город храм возведенный трудами людей всякая работа молитва Будущему.

Солнце в зените раскаленное синее небо ослепляет как будто из каждой его точки на землю на море падает огненно-синий луч глубоко вонзаясь в камень города и воду. Море блестит словно шелк густо расшитый серебром и чуть касаясь набережной сонными движениями зеленоватых теплых волн тихо поет мудрую песню об источнике жизни и счастья солнце.

Пыльные потные люди весело и шумно перекликаясь бегут обещать многие спешат на берег и быстро сбросив серые одежды прыгают в море смуглые тела падая в воду тотчас становятся до смешного маленькими точно темные крупинки пыли в большой чаше вина.

Шелковые всплески воды радостные крики освеженного тела громкий смех и визг ребятишек все это и радужные брызги моря разбитого прыжками людей вздымается к солнцу как веселая жертва ему.

(По М. Горькому)

№ 7

Прошло около часа как мы расстались с нашей компанией и нам оставалось немного подняться чтобы достигнуть вершины горного хребта где как говорили есть роскошные долины и леса. Подъем становился все круче и круче. Приходилось делать беспрестанно крутые повороты и мы решили немного посидеть на бугорке покрытом порыжевшей выжженной травой а по краям какими-то невиданными цветами. Мы жители северных равнин впервые были на такой высоте. Внизу тянулись бесконечной вереницей длинные серые облака то открывая то закрывая окрестности.

Неподалеку от нас на утесе красавец-орел терзал свою добычу бедный зайчишка должно быть попался на обед пернатому хищнику. С жадностью поглощая окровавленные куски один за другим он на минуту останавливался поглядывая по сторонам и крепче впиваясь когтями в добычу снова продолжал свою работу.

Мы не просидели и четверти часа как внезапно почувствовали какую-то необыкновенную свежесть точно вошли в погреб и оглянувшись темная туча начинала заволакивать не только то место где мы сидели но и близлежащие. Мы бросились вниз. Минуты через две не было видно ни бугорка на котором мы расположились отдохнуть ни утеса на котором сидел орел так как туча все собой закрыла. Стал накрапывать

дождик вскоре перешедший в ливень. Дорожка по которой мы карабкались незадолго перед этим превратилась в ручей кативший вниз вместе с камнями свои вспенившиеся струи. Поднялся свежий восточный ветер и мы иззябшие промокшие до последней нитки измученные воротились домой ~~посмеиваясь~~ друг над другом и ничуть не сожалея ни о потраченном времени ни о своем предприятии давно задуманном но к сожалению не доведенном до желанного конца. Может быть нам удастся этого добиться в другой раз.

№ 8

Заповедный лес под Воронежем последний на границе донских степей. Он слабо шумит прохладный в запахе трав но стоит выйти на опушку и в лицо ударит жаром резким светом и до самого края земли откроется степь далекая и ветреная как море.

Откроются ветряки что машут крыльями на курганах и острова старых усадебных садов раскинутые в отдалении друг от друга.

Но прежде всего откроется небо высокое степное небо с громадами синеватых облаков. Их немного но они почти никогда не закрывают солнца. Тень от них изредка проплывает то тут то там по степи. Проплывает так медленно что можно долго идти в этой тени не отставая от нее и прячась от палящего солнца.

В степи недалеко от старого липового парка проблескивает в отлогой балке маленькая река Каменка. Она почти пересохла. По ней шныряют водяные пауки а на берегах сидят и тяжело дышат никак не могут отдышаться от сухой жары сонные лягушки.

Липовый парк изрытый блиндажами разрушенными и заросшими дикой малиной слышен издалека. С рассвета до ~~темноты~~ он свистит шелкает и звенит от множества синиц щеглов малиновок и чижей. Птичья сутолока никогда не затихает в кущах лип таких высоких что от взгляда на них может закружиться голова.

С птицами в парке у меня были свои счеты. Часто ранним утром я уходил на Каменку ловить рыбу. Как только я выходил в парк сотни птиц начинали суетиться в ветвях. Они старались спрятаться и обдавали меня дождем росы. Они с треском вылетали из зарослей будто выныривали из воды и опрометью неслись в глубину парка.

Должно быть это было красивое зрелище но я промокал от росы и не очень им любовался. Я старался идти тихо бесшумно но это не помогало. Чем незаметнее я подходил к какому-нибудь кусту переполненному птицами тем сильнее был переполох и тем обильнее летела на меня холодная роса.

Я приходил на речку. Подымалось солнце. Блестела пустынная росистая степь. Вокруг не было ни души. Даже самый зоркий глаз не мог бы заметить никаких признаков человека.

№ 9

Одна из бесчисленных деревень. Не лучше и не хуже других. Но выбор наш не случайный в этой деревне родился Михаил Васильевич Ломоносов.

Построек связанных с жизнью великого человека тут не осталось. Время не пощадило ничего кроме маленького пруда вырытого отцом академика. В пруду семья Ломоносовых держала к столу карасей. У дорога темнеет елка как раз против нее и находился этот пруд поросший лозинками. За прудом справа домик-музей. Он построен как раз на том месте где когда-то стояла изба Ломоносовых. От дома видно белеет Двина вернее один из многих ее рукавов называемый тут Курополка. По реке вниз уходили когда-то на промысел зверобой. По реке мимо этой деревни не один раз проплывал Петр I. Увидев его в этом месте соседнее село Холмогоры било в колокола и палило из пушек.

Деревню называли Денисовкой. По заблуждению многие из нас родиной Ломоносова считают село Холмогоры. (Холмогоры стоят через реку в трех километрах.) Заблуждение проистекает из того что Денисовка была никому не известной деревней. Холмогоры же старше Москвы и были известны по всей России как крупный северный город принимавший заморские корабли а из глубин российских встречали корабли с медом льном воском мехами и хлебом.

Для полной точности надо сказать совсем недавно установлено Ломоносов родился в деревне Мишанинской. Это известие взволновало и огорчило денисовцев. Но страсти улеглись когда уточнили деревни давным-давно слились в одну и название «Мишанинская» перестало существовать. Не существует сегодня и название «Денисовка». Деревня именуется Ломоносово.

№ 10

Как упоителен как роскошен летний день в Малороссии Как томительно жарки те часы когда полдень блещет в тишине и зное и голубой неизмеримый океан сладострастным куполом нагнувшийся над землею кажется заснул весь потонувши в неге обнимая и сжимая прекрасную в воздушных объятиях своих На нем ни облака. В поле ни речи. Все как будто умерло вверху только в небесной глубине дрожит жаворонок и серебряные песни летят по воздушным ступеням

на влюбленную землю да изредка крик чайки или звонкий голос перепела отдается в степи. Лениво и бездумно будто гуляющие без цели стоят подоблачные дубы и ослепительные удары солнечных лучей зажигают целые живописные массы листьев накидывая на другие темную как ночь тень по которой только при сильном ветре прышет золото. Изумруды топазы яхонты эфирных насекомых сыплются над пестрыми огородами осеняемыми статными подсолнечниками. Серые стога сена и золотые снопа хлеба станом располагаются в поле и кочуют по его неизмеримости. Нагнувшиеся от тяжести плодов широкие ветви черешен слив яблонь груш небо его чистое зеркало река в зеленых гордо поднятых рамах... Как полно сладострастия и неги малороссийское лето

Такою роскошью блистал один из дней жаркого августа тысяча восемьсот... восемьсот... Да лет тридцать будет назад тому когда до рога верст за десять до местечка Сорочинец кипела народом поспешавшим со всех окрестных и дальних хуторов на ярмарку. С утра еще тянулись нескончаемую вереницею чумаки с солью и рыбою. Горы горшков закутанных в сено медленно двигались кажется скучая своим заключением и темнотою.

(По Н. Гоголю)

№ 11

Про батарею Тушина было забыто и только в самом конце дела продолжая слышать канонаду в центре князь Багратион послал туда князя Андрея чтобы велеть батарее отступать как можно скорее. Прикрытие стоявшее подле пушек Тушина ушло по чьему-то приказанию в середине дела но батарея продолжала стрелять и не была взята французами только потому что неприятель не мог предполагать дерзости стрельбы четырех никем не защищенных пушек.

Все орудия без приказанья били в направлении пожара. Как будто подгоняя подкрикивали солдаты к каждому выстрелу Ловко Вот так-так Пожар разносимый ветром быстро распространялся. Французские колонны выступившие за деревню ушли назад но как бы в наказание за эту неудачу неприятель выставил правее деревни десять орудий и стал бить из них по Тушину.

Офицер товарищ Тушина был убит в начале дела и в продолжение часа из сорока человек прислуги выбыли семнадцать но артиллеристы все так же были веселы и оживленны. Два раза они замечали что внизу близко от них показывались французы и тогда они били по ним картечью.

В дыму оглушаемый непрерывными выстрелами заставлявшими его каждый раз вздрагивать Тушин бегал от одного орудия к другому то прицеливаясь то считая снаряды.

Вследствие этого страшного гула и шума потребности внимания и деятельности Тушин не испытывал ни малейшего неприятного чувства страха и мысль что его могут убить или больно ранить не приходила ему в голову. Напротив ему становилось все веселее и веселее. Ему казалось что уже очень давно едва ли не вчера была та минута когда он увидел неприятеля и сделал первый выстрел и что клочок поля на котором он стоял был ему давно знакомым родственным местом. Несмотря на то что он все помнил все соображал все делал что мог делать самый лучший офицер в его положении он находился в состоянии похожем на лихорадочный бред или на состояние пьяного человека.

(По Л. Толстому)

№ 12

Сбоку дороги могильный курган. На обветренной ветрами вершине его скорбно шуршат голые ветви прошлогодней полыни по скатам от самой вершины до подошвы стелются пучки желтого пушистого ковыля. Безрадостно тусклые выцветшие от солнца и непогоды они простирают над древней выветрившейся почвой свои волокнистые ветви даже весною среди ликующего цветения разнотравья выглядят старчески-уныло и только под осень блещут и переливаются гордой изморозной белизной. И лишь осенью кажется что величаво приосанившийся курган караулит степь весь одетый в серебряную чешуйчатую кольчугу.

Летом вечерними зорями на вершину его слетает из подблачья степной беркут. Шумя крыльями он упадет на курган неуклюже ступнет два раза и станет чистить изогнутым клювом коричневый веер вытянутого крыла а потом застынет откинув голову и устремив в вечно синее небо янтарный окольцованный черным ободком глаз. Как камень-самородок недвижимый и изжелта-бурый беркут отдохнет перед вечерней ловлей и снова оторвется от земли.

До заката солнца еще не раз серая тень его царственных крыльев перечеркнет степь.

Куда унесут его знобящие осенние ветры? В голубые предгорья Кавказа? В Персию ли?

Зимой же когда могильный курган в горностаевой мантии снега каждый день в голубино-сизых предрассветных сумерках выходит на вершину его старый лис. Он стоит долго мертво словно изваянный

из желто-пламенного мрамора стоит опустив на лиловый снег рыжий хвост вытянув навстречу ветру заостренную с дымной черниной у пасти морду. В этот момент только его агатовый влажный нос живет ловя жадно развернутыми трепещущими ноздрями запах снега и неугасимую горечь убитой морозами полыни и веселый душок конского помета и несказанно волнующий еле ощутимый аромат куро-патиного вывода.

Стоит курган на гребне в восьми верстах от Гремячего Лога издавна зовут его Смертным а старинное предание поясняет что под курганом когда-то в старину умер раненый казак быть может тот самый о котором в старинной песне поется.

(По М. Шолохову)

№ 13

Весенняя ночь

Так дошел я до узенькой всего в сажень шириною но необычайно быстрой речонки называвшейся Пра. Ее звонкий лепет доносился до меня еще издалека. Через нее с незапамятных времен была мужиками перекинута «лава» первобытный неуклюжий мост из больших древесных сучьев перевязанных березовыми лыками. Странно никогда мне не удавалось благополучно перебраться через эту проказливую речонку. Так и ныне как ни старался я держать равновесие а пришлось все-таки угодить мимо и зачерпнуть холодной воды в кожаные большие выше колена бахилы. Пришлось на другом берегу сесть разуться и вытрясти воду из тяжелой обуви.

Но уже падает падает мгла на землю. Если теперь выйти из освещенного жилья на волю то сразу попадешь в черную тьму. Но мой глаз уже обвык и я еще ясно вижу нужную мне знакомую вереву верев холм высоко возвышающийся над болотом. Почти всегда на ней свободно растут две или три мощные столетние сосны упирающиеся далекими вершинами в небо а четырехохватными стволами в землю. Еще ясно различаю как на самом кряжистом дереве покрытом древнею грубою обомшелой корою протянулся и точно дрожит бог весть откуда падающий густо-золотой луч и дерево в этом месте кажется отлитым из красной меди.

Вылез тонкий ясный только что очищенный серп полумесяца на высокое небо и только теперь стало заметно как темна и черна весенняя ночь. Бежит бежит молодой нарядный блестящий месяц плывет как быстрый корабль волоча за собою на никому не видимом буксире

маленькую отважную звездочку-лодку. Порой они оба и бригантина и малая шлюпочка раз за разом ныряют в белые распушенные косматые облака и мгновенно озаряют их оранжевым сиянием точно зажгли там рыжие брандеры.

Как странно и как торжественно-сладостно ощущать что сейчас во всем огромном лесу происходит великое и торжественное таинство которое старые садоводы и лесники так мудро называют первым весенним движением соков.

(По А. Куприну)

№ 14

Вернувшись в Москву из армии Николай Ростов был принят домашними как лучший сын герой и ненаглядный Николушка родными как милый приятный молодой человек знакомыми как красивый гусарский поручик ловкий танцор и один из лучших женихов Москвы.

Знакомых у Ростовых была вся Москва денег в нынешний год у старого графа было достаточно потому что были перезаложены все имения и потому Николушка заведя своего собственного рысака и самые модные рейтузы особенные каких ни у кого еще в Москве не было и сапоги самые модные с маленькими серебряными шпорами проводил время очень весело. Ростов вернувшись домой испытал приятное чувство примеривания себя к старым условиям жизни. Ему казалось что он очень возмужал и вырос. Отчаяние за невыдержанный из закона божьего экзамен тайные поцелуи с Соней он про все это вспоминал как про ребячество от которого он неизмеримо был далек теперь. Теперь он гусарский поручик готовит своего рысака на бега вместе с известными охотниками пожилыми почтенными. У него знакомая дама на бульваре к которой он ездит вечером. Он дирижировал мазурку на бале у Архаровых разговаривал о войне с фельдмаршалом бывал в Английском клубе и был на «ты» с одним сорокалетним полковником с которым познакомил его Денисов.

Страсть его к государю несколько ослабела в Москве так как он за это время не видел его. Но он все-таки часто рассказывал о нем давая чувствовать что он еще не все рассказывает что что-то есть в его чувстве к государю что не может быть всем понятно.

В это короткое пребывание Ростова в Москве до отъезда в армию он не сблизился а напротив разошелся с Соней. Она была очень хороша мила и очевидно страстно влюблена в него он был в той поре молодости когда кажется что этим некогда заниматься и молодой человек боится связываться дорожит своей свободой которая

ему нужна на многое другое. Когда он думал о Соне в это новое пребывание в Москве он говорил себе Э Еще много много таких будет и есть там где-то мне еще неизвестных. Кроме того ему казалось что-то унижительное для своего мужества в женском обществе. Он ездил на балы и в женское общество притворяясь что делал это против воли. Бега Английский клуб кутеж с Денисовым это было другое дело это было прилично молодцу-гусару.

(По Л. Толстому)

№ 15

Путешествие как известно тем именно и отличается от обыкновенного образа жизни что дает непрерывную смену впечатлений разнообразит ее течение более или менее занимательными приключениями которые все мало ездившие склонны видеть в одном розовом свете. Мы сажались на пароход именно в этом настроении заранее предвкушая все предстоящие нам наслаждения. Надо сознаться что окружающая обстановка сильно поддерживала эту иллюзию солнце так мягко и ласково обливало своими золотыми лучами зеленеющие холмы правого берега Днепр спокойно катил свои мутноватые воды синяя вдаль безупречной лазурью. Но прошел день прошла ночь и радостное настроение сменилось настроением грустным. Заморосил мелкий дождик подул холодный ветерок и весь видимый горизонт обложилось тучами. По дороге из Кременчуга ночевали в Каменском. Стояли мы в Каменском до четырех часов утра когда наш случайный мирный сон улетел безвозвратно испугавшись лязга якорных цепей топота десяти хорошо подкованных ног громыхання каких-то тяжестей перемешавшихся прямо над нашими головами. Вышли на палубу. День был серенький. В шестом часу утра показался **Екатеринослав** закутанный клубом дыма щедро выбрасываемого бесчисленными трубами завода. Кружевной полосой повис в воздухе железнодорожный мост и на правом берегу реки показали первые городские строения довольно невзрачного вида. Пароход «Рыцарь» вспенивая воду своей белой грудью величественно проносится мимо плотов лодок загромождивших весь правый берег и не без чувства собственного достоинства причаливает к пристани. Вещи с любезного согласия местной администрации оставляем на пристани а сами выходим на берег нанимать экипаж на пороги. Оказывается что это совсем не легко. Извозчиков хотя и много но они не только не едут на пороги но даже не удостоивают ответа и только после усиленных настояний следует короткий но вразумительный ответ Не поеду Никто не хочет ехать отказываются

отговариваясь незнанием дороги так как никогда на порогах не бывали и о существовании таковых на Днестре не знают.

№ 16

Вопреки предсказанию моего спутника погода прояснилась и обещала нам тихое утро. Направо и налево чернели мрачные таинственные пропасти и туманы клубясь и извиваясь как змеи сползали туда по морщинам соседних скал будто чувствуя и пугаясь приближения дня.

Тихо было все на небе и на земле как в сердце человека в минуту утренней молитвы только изредка пробежал прохладный ветер с востока приподнимая гриву лошадей покрытую инеем. Мы тронулись в путь с трудом пять худых кляч тащили наши повозки по извилистой дороге мы шли пешком сзади подкладывая камни под колеса когда лошади выбивались из сил. Казалось дорога вела на небо потому что сколько глаз мог разглядеть она все поднималась и наконец пропадала в облаке которое еще с вечера отдыхало на вершине как коршун ожидающий добычу. Мне было как-то весело что я так высоко над миром. Чувство детское не спорю но удаляясь от условий общества и приближаясь к природе мы невольно становимся детьми. Все приобретенное отпадает от души и она делается вновь такою какой была некогда и верно будет когда-нибудь опять. Тот кому случалось как мне бродить по горам пустынным и долго-долго всматриваться в их причудливые образы и жадно глотать воздух разлитый в их ущельях тот конечно поймет мое желание передать рассказать нарисовать эти картины. Вот наконец мы взобрались на гору остановились и огляделись над ней висело серое облако и его холодное дыхание грозило близкой бурей на востоке все было так же ясно и золотисто.

И точно такую панораму вряд ли где еще удастся мне видеть под нами лежала Койшаурская долина пересекаемая Арагвой и другой речкой как двумя серебряными нитями голубоватый туман скользил по ней уходя от теплых лучей утра направо и налево гребни гор один выше другого пересекались тянулись покрытые снегами кустарником вдали те же горы но хоть бы две скалы похожие одна на другую. Все эти снега горели румяным блеском так весело так ярко что кажется тут бы и остаться жить навеки. Солнце чуть показалось из-за темно-синей горы над солнцем была кровавая полоса на которую мой товарищ обратил особенное внимание. Я говорил вам воскликнул он что нынче будет непогода надо торопиться а то пожалуй она застанет нас на Крестовой закричал он.

(По М. Лермонтову)

Нехлюдов заехал к тетушкам потому что имение их было по дороге к прошедшему вперед его полку и потому что они его очень об этом просили но главное заехал он теперь для того чтобы увидеть Катюшу. Может быть в глубине души и было у него уже дурное намерение против Катюши но он не сознавал этого намерения а просто ему хотелось побывать в тех местах где ему было так хорошо и увидеть немного смешных но милых добродушных тетушек всегда незаметно для него окружавших его атмосферой любви и восхищения и увидеть милую Катюшу о которой осталось такое приятное воспоминание.

Приехал он в конце марта в страстную пятницу по самой распутице под проливным дождем так что приехал до нитки промокший и озябший. У них ли еще она думал он въезжая на знакомый заваленный свалившимся снегом с крыши старинный помещичий двор.

Скинув все мокрое и только начав одеваться Нехлюдов услыхал быстрые шаги и в дверь постучались. Он узнал и шаги и стук в дверь. Так ходила и стучалась только она.

Это была она Катюша. Все та же еще милее чем прежде. Так же снизу вверх смотрели улыбающиеся наивные чуть косившие черные глаза. Она как и прежде была в чистом белом фартуке. Она принесла от тетушек только что вынутый из бумажки душистый кусок мыла и два полотенца большое русское и мохнатое. И нетронутое с отпечатанными буквами мыло и полотенца и сама она все это было одинаково чисто свежо нетронуто и приятно. Милые твердые красные губы ее все так же морщились как и прежде при виде его от неудержимой радости.

С приездом вас Дмитрий Иванович с трудом выговорила она и лицо ее залилось румянцем.

Здравствуйте...здравствуйте не знал он как на «ты» или на «вы» говорить с ней и покраснел так же как и она. Живы здоровы

Тетушки и всегда любившие Нехлюдова еще радостнее чем обыкновенно встретили его в этот раз. Дмитрий ехал на войну где мог быть ранен убит.

Нехлюдов распределил свою поездку так чтобы пробыть у тетушек только сутки но увидав Катюшу он согласился встретиться у тетушек Пасху которая была через два дня и телеграфировал своему приятелю с которым они должны были съехаться в Одессе чтобы и он заехал к тетушкам.

(По Л. Толстому)

№ 18

Бричка въехавши на двор остановилась перед небольшим домиком который за темнотою трудно было рассмотреть. Только одна половина его была озарена светом исходящим из окон видна была еще лужа перед домом на которую прямо ударял тот же свет. Дождь стучал звучно по деревянной крыше и журчащими ручьями стекал в подставленную бочку. Промокший и озябший герой наш ни о чем не думал как только о постели. На крыльцо вышла какая-то женщина проводила его в комнату. Чичиков кинул вскользь два взгляда комната была обвешана старенькими полосатыми обоями картины с какими-то птицами между окон старинные маленькие зеркала в виде свернувшихся листьев за всяким зеркалом заложены были или письмо или старая колода карт или чулок стенные часы с нарисованными цветами на циферблате... Он чувствовал что глаза его липнули как будто их кто-нибудь вымазал медом. Минуту спустя вошла хозяйка женщина пожилых лет в каком-то спальном чепце надетом наскоро одна из тех матушек небольших помещиц которые плачутся на неурожаи убытки и держат голову несколько набок а между тем набирают понемногу деньжонок в мешочки размещенные по ящикам комодов.

Чичиков извинился что побеспокоил неожиданным приездом.

Ничего ничего сказала хозяйка. С дороги бы следовало поесть чего-нибудь да пора-то ночная приготовить нельзя.

Чичиков поблагодарил хозяйку сказавши что ему не нужно ничего чтобы она не беспокоилась ни о чем что кроме постели он ничего не требует и любопытствовал только знать в какие места заехал он и далеко ли отсюда к помещику Собакевичу на что старуха сказала что и не слыхивала такого имени и что такого помещика вовсе нет.

Оставшись один он не без удовольствия взглянул на свою постель которая была почти до потолка. Когда подставивши стул взобрался он на постель она опустилась под ним почти до самого пола и перья вытесненные им из пределов разлетелись во все углы комнаты. Погасив свечу он накрылся ситцевым одеялом и свернувшись под ним кренделем заснул в ту же минуту.

(По Н. Гоголю)

№ 19

Мы стояли в местечке Н. Жизнь армейского офицера известна утром ученье манеж обед у полкового командира вечером пунш и карты. В местечке не было ни одного открытого дома ни одной

невесты. Мы собирались друг у друга где кроме своих мундиров не видали ничего.

Один только человек принадлежал нашему обществу не будучи военным. Ему было около тридцати пяти лет и мы за то почитали его стариком. Опытность давала ему перед нами многие преимущества. К тому же его обыкновенная угрюмость крутой нрав и злой язык имели сильное влияние на молодые наши умы. Какая-то таинственность окружала его судьбу он казался русским а носил иностранное имя. Некогда он служил в гусарах. Никто не знал причины побудившей его выйти в отставку и поселиться в бедном местечке где жил он вместе и бедно и расточительно ходил вечно пешком в изношенном черном сюртуке а держал открытый стол для всех офицеров. Правда обед его состоял из двух или трех блюд приготовленных отставным солдатом. Никто не знал ни его состояния ни его доходов и никто не осмеливался о том спрашивать. У него водились книги большею частью военные да романы. Он охотно давал их читать никогда не требуя назад зато никогда не возвращал хозяину книги им занятой. Главное упражнение его состояло в стрельбе из пистолетов. Стены его комнаты были все источены пулями как соты пчелиные. Искусство которого он достиг было неимоверно и если б он вызвался пулей сбить грушу с фуражки кого б то ни было никто б в нашем полку не усомнился подставить ему своей головы.

Разговор между нами касался часто поединков. Сильвио так назову его никогда в него не вмешивался. На вопрос случалось ли ему драться отвечал он сухо что случалось но в подробности не входил и видно было что такие вопросы были ему неприятны. Мы полагали что на совести его лежала какая-нибудь несчастная жертва его ужасного искусства. Впрочем нам и в голову не приходило подозревать в нем что-нибудь похожее на робость. Есть люди одна наружность которых удаляет таковые подозрения. Нечаянный случай всех нас изумил.

(По А. Пушкину)

№ 20

В те дни вечерами уже холодало дело шло к осени. По ночам же почва быстро выхолаживалась и к рассвету степь покрывалась белесым как солончак налетом недолговечного инея. Скучная безотрадная пора приближалась для степного зверя. Та редкая дичь что держалась в этих краях летом исчезала кто куда кто в теплые края кто в норы кто подался на зиму в пески. Теперь каждая лисица промышляла себе пропитание рыская в степи в полном одиночестве точно бы

начисто перевелось на свете лисье отродье. Молодняк того года уже подрос и разбежался в разные стороны а любовная пора еще была впереди когда лисы начнут сбегаться зимой отовсюду для новых встреч когда самцы будут сшибаться в драках с такой силой какой наделена жизнь от сотворения мира...

С наступлением ночи лисица вышла из овражка. Выждала вслушиваясь и потрусил к железнодорожной насыпи бесшумно перебегающая то на одну то на другую сторону путей. Здесь она выискивала объедки выброшенные пассажирами из окон вагонов. Долго ей пришлось бежать вдоль откосов обнюхивая всяческие предметы дразнящие и отвратительно пахнущие пока не наткнулась на что-то маломальски пригодное. Весь путь следования поездов был засорен обрывками бумага и скомканных газет битыми бутылками окурками искореженными консервными банками и прочим бесполезным мусором. Особенно зловонным был дух из горлышек уцелевших бутылок разило дурманом. После того как два раза закружилась голова лисица уже избегала вдыхать в себя спиртной воздух. Фыркала отскакивала сразу в сторону.

А того что ей требовалось ради чего она так долго готовилась перебарывая собственный страх как назло не встречалось.

(По Ч. Айтматову)

№ 21

Я возвращался домой пустыми переулками станицы месяц полный и красный как зарево пожара начинал показываться из-за зубчатого горизонта домов звезды спокойно сияли на темно-голубом своде и мне стало смешно когда я вспомнил что были некогда люди премудрые думавшие что светила небесные принимают участие в наших ничтожных спорах за клочок земли или за какие-нибудь вымышленные права.. И что ж эти лампы зажженные по их мнению только для того чтобы освещать их битвы и торжества горят с прежним блеском а их страсти и надежды давно угасли вместе с ними как огонек зажженный на краю леса беспечным странником Но зато какую силу воли придавала им уверенность что целое небо со своими бесчисленными жителями на них смотрит с участием хотя немой но неизменным.. А мы их жалкие потомки скитающиеся по земле без убеждений и гордости без наслаждения и страха кроме своей невольной боязни сжимающей сердце при мысли о неизбежном конце мы не способны более к великим жертвам ни для блага человечества ни даже для собственно нашего счастья потому что знаем его невозможность и

равнодушно переходим от сомнения к сомнению как наши предки бросались из одного заблуждения к другому не имея как они ни надежды ни даже того неопределенного хотя истинного наслаждения которое встречает душа во всякой борьбе с людьми или с судьбою...

И много других подобных дум проходило в уме моем я их не удерживал потому что не люблю останавливаться на какой-нибудь отвлеченной мысли. И к чему это ведет...

(По М. Лермонтову)

№ 22

Есть род людей известных под именем люди так себе ни то ни се ни в городе Богдан ни в селе Селифан по словам пословицы. Может быть к ним следует отнести и Манилова. На взгляд он был человек видный черты лица его были не лишены приятности но в эту приятность казалось чересчур было передано сахару в приемах и оборотах его было что-то заискивающее расположения и знакомства. Он улыбался заманчиво был белокур с голубыми глазами. В первую минуту разговора с ним не можешь не сказать **Какой** приятный и добрый человек В следующую за тем минуту ничего не скажешь а в третью скажешь **Черт** знает что такое

Хозяйством нельзя сказать чтобы он занимался он даже никогда не ездил на поля хозяйство шло как-то само собою. Иногда глядя с **крыльца** на двор и на пруд говорил он о том как бы хорошо было если бы вдруг от дома провести подземный ход или выстроить каменный мост на котором были бы по обеим сторонам лавки и чтобы в них сидели купцы и продавали разные мелкие товары нужные для крестьян.

В доме **его** чего-нибудь вечно не доставало в гостиной стояла прекрасная мебель обтянутая щегольской шелковой материей которая верно стоила весьма недешево но на два кресла ее не доставало и кресла стояли обтянуты просто рогожею впрочем хозяин в продолжение нескольких лет всякий раз предостерегал своего гостя словами Не садитесь на эти кресла они еще не готовы. Жена **его**... впрочем они были совершенно довольны друг другом. Несмотря на то что минуло более восьми лет их супружеству из них все еще каждый приносил другому или кусочек яблочка или конфетку или орешек и говорил трогательно-нежным голоском Разинь душенька свой ротик я тебе положу этот кусочек. Ко дню рождения приготавлиемы были сюрпризы какой-нибудь бисерный чехольчик на зубочистку. Словом они были то что говорится счастливы.

(По Н. Гоголю)

№ 23

В лесу было почти жарко ветру не слышно было. Береза вся усеянная зелеными клейкими листьями не шевелилась и из-под прошлогодних листьев поднимая их вылезала зеленая первая трава и лиловые цветы. Рассыпанные кое-где по березнику мелкие ели своею грубою вечною зеленью неприятно напоминали о зиме. Лошади зафыркали въехав в лес.

На краю дороги стоял дуб. Вероятно в десять раз старше берез составлявших лес он был в десять раз толще и в два раза выше каждой березы. Это был огромный в два обхвата дуб с обломанными давно видно суками и с обломанною корою заросшею старыми болячками. С огромными своими неуклюжими несимметрично растопыренными корявыми руками и пальцами он старым сердитым и презрительным уродом стоял между улыбающимися березами. Только он один не хотел подчиняться обаянию весны и не хотел видеть ни весны ни солнца.

Весна и любовь и счастье как будто говорил этот дуб и как не надоест вам один и тот же глупый и бессмысленный обман. Все одно и то же и все обман.

Князь Андрей несколько раз оглянулся на этот дуб проезжая по лесу как будто он чего-то ждал от него. Цветы и трава были и под дубом но он все так же хмурясь неподвижно уродливо и упорно стоял посреди них.

Да он прав тысячу раз прав этот дуб подумал князь Андрей. Целый ряд мыслей безнадежных но грустно-приятных в связи с этим дубом возник в душе князя Андрея. Во время этого путешествия он как будто вновь обдумал всю свою жизнь и пришел к тому же прежнему успокоительному и безнадежному заключению что ему начинать ничего было не надо что он должен доживать свою жизнь не делая зла не тревожась и ничего не желая.

(По Л. Толстому)

№ 24

Челкаш проснулся первым тревожно оглянулся вокруг сразу успокоился и посмотрел на Гаврилу еще спавшего. Тот сладко всхрапывал и во сне улыбался чему-то всем своим детским здоровым загорелым лицом. Челкаш вздохнул и полез по узкой веревочной лестнице. В отверстие трюма смотрел свинцовый кусок неба. Было светло но по-осеннему скучно и серо.

Челкаш вернулся часа через два. Лицо у него было красно усы

лихо закручены кверху. Он был одет в длинные крепкие сапоги в куртку в кожаные штаны и походил на охотника. Весь его костюм был потерт но крепок и очень шел к нему делая его фигуру шире скрадывая его костлявость и придавая ему воинственный вид.

Ногой он толкнул Гаврилу. Тот вскочил и не узнавая его со сна испуганно уставился на него мутными глазами. Челкаш захохотал а затем протянул Гавриле несколько бумажек. Тот взял их дрожащей рукой и стал прятать куда-то за пазуху жадно сощутив глаза шумно втягивая в себя воздух точно пил что-то жгучее. Челкаш с насмешливой улыбкой поглядывал на него.

Гаврила вдруг вспыхивая страстным возбуждением отрывисто то-ропясь точно догоняя свои мысли и с лету хватая слова заговорил о жизни в деревне с деньгами и без денег. Почет довольство веселье...

Челкаш слушал его внимательно с серьезным лицом и с глазами сощуренными какой-то думой. Вдруг он заметил что Гаврила очень переменился. Его лицо то краснело то делалось серым и он мялся на месте не то желая броситься на Челкаша не то разрываемый иным желанием исполнить которое ему было трудно. И тут Гаврила сорвался со своего места бросился к ногам Челкаша обнял их своими руками и дернул к себе. Челкаш пошатнулся грузно сел на песок и скрипнув зубами резко взмахнул в воздухе своей длинной рукой сжатой в кулак. Но он не успел ударить остановленный стыдливым шепотом Гаврилы Голубчик дай ты мне эти деньги Что в них тебе Пропаший ведь ты... Нет тебе пути... Дай ты их мне.

Челкаш испуганный изумленный и оробевший сидел на песке откинувшись назад и упираясь в него руками сидел молчал и страшно тарашил глаза на парня уткнувшегося головой в его колени и шептавшего задыхаясь свои мольбы. Он оттолкнул его наконец вскочил на ноги и сунув руку в карман бросил в Гаврилу бумажки.

(По М. Горькому)

№ 25

Раз осенью пришел транспорт с провиантом в транспорте был офицер молодой человек лет двадцати пяти. Он явился ко мне в полной форме и объявил что ему велено остаться у меня в крепости. Он был такой тоненький что я тотчас догадался что он на Кавказе у нас недавно. Вы верно спросил я его переведены сюда из России Точно так господин штабс-капитан отвечал он.

Его звали Григорием Александровичем Печориным. Славный был малый смею вас уверить только немножко странен. Ведь например в

дождик в холод целый день на охоте все иззябнут устанут а ему ничего. А другой раз сидит у себя в комнате ветер пахнет уверяет что простудился ставнем стукнет он вздрогнет и побледнеет а при мне ходил на кабана один на один. Бывало по целым часам слова не добыешься зато уж иногда как **начнет** рассказывать так животики надорвешь со **смеха**... Да с большими был странностями и должно быть богатый человек сколько у него было разных дорогих **вещиц**...

Послушайте Максим Максимычу меня **несчастный** характер воспитание ли меня сделало таким бог ли так меня создал не знаю знаю только то что если я являюсь причиною несчастья других то и сам не менее **несчастлив**...

В первой моей молодости с той минуты когда я вышел из опеки родных я стал наслаждаться бешено всеми удовольствиями которые можно достать за деньги и разумеется удовольствия эти мне опротивели. Потом пустился я в большой свет и скоро общество мне также надоело влюблялся в светских красавиц и был любим но их любовь только раздражала мое воображение и самолюбие а сердце осталось **пусто**... Я стал читать учиться науки также надоели я видел что ни слава ни счастье от них не зависят нисколько потому что самые счастливые люди невежды а слава удача и чтоб добиться ее надо только быть ловким. Тогда мне стало скучно... Вскоре перевели меня на Кавказ это самое **счастливое** время моей **жизни**... Когда я увидел Бэлу в своем доме когда в первый раз держа ее на коленях целовал ее черные локоны я глупец подумал что она ангел посланный мне сострадательной **судьбою**... Я опять ошибся любовь дикарки немногим лучше любви знатной барыни невежество и **простосердечие** одной так же надоедают как и кокетство другой... Глупец я или злодей не знаю но то верно что я также **очень** достоин сожаления может быть больше нежели она во мне душа **испорчена** светом. Мне все мало к печали я так же легко привыкаю как к наслаждению и жизнь моя становится пустее день ото дня мне осталось одно средство путешествовать.

(По М. Лермонтову)

№ 26

О Диком-Барине стоит поговорить несколько поподробнее.

Первое **впечатление** которое производил на вас вид этого человека было чувство какой-то грубой тяжелой но неотразимой силы. Сложен он был неуклюже «сбитнем» как говорят у нас но от него так и несло несокрушимым здоровьем и странное дело его медвежеватая фигура не была лишена какой-то своеобразной грации происходившей

может быть от совершенно спокойной уверенности в собственном могуществе. Трудно было решить с первого раза к какому сословию принадлежал этот Геркулес. Он не походил ни на дворового ни на мешанина ни на обедневшего подьячего ни на мелкопоместного разорившегося дворянина псаря и драчуна он был уж точно сам по себе. Никто не знал откуда он свалился к нам поговаривали что происходил он от однодворцев и состоял будто где-то прежде на службе но ничего положительного об этом не знали да и от кого было и узнавать не от него же самого не было человека более молчаливого и угрюмого. Также никто не мог положительно сказать чем он живет. Он никаким ремеслом не занимался ни к кому не ездил не знал почти ни с кем а деньги у него водились правда небольшие но водились. Вел он себя не то что скромно в нем вообще не было ничего скромного но тихо. Он жил словно никого вокруг себя не замечал и решительно ни в ком не нуждался. Дикий-Барин так его прозвали настоящее же его имя было Перевлесов пользовался огромным влиянием во всем округе ему повиновались тотчас и с охотой хотя он не только не имел никакого права приказывать кому бы то ни стало но даже сам не изъяснял малейшего притязания на послушание людей с которыми случайно сталкивался. В этом человеке было много загадочного. Казалось какие-то громадные силы угрюмо покоились в нем как бы зная что раз поднявшись что вырвавшись раз на волю они должны разрушить и себя и все до чего ни коснутся. Я жестоко ошибаюсь если в жизни этого человека не случилось уже подобного взрыва если он наученный опытом и едва спасшись от гибели неумолимо не держал теперь самого себя в ежовых рукавицах. Особенно поражала меня в нем смесь какой-то врожденной природной свирепости и такого же врожденного благородства смесь которой я не встречал ни в ком другом.

(По И. Тургеневу)

№ 27

Сани остановились около большого странного дома похожего на опрокинутый супник. Длинный подъезд этого дома с тремя стеклянными дверями был освещен дюжиной ярких фонарей. Двери со звоном открывались и как рты глотали людей которые сновали у подъезда. Людей было много часто к подъезду подбегали и лошади но собак не было видно.

Хозяин взял на руки Тетку и сунул ее на грудь под шубу где находился Федор Тимофеич. Тут было темно и душно но тепло. На

мгновение вспыхнули две зеленые искорки это открыл глаза кот обеспокоенный холодными жесткими лапами соседки. Тетка лизнула его ухо и желая усестся возможно удобнее беспокойно задвигалась смяла его под себя холодными лапами и нечаянно высунула из-под шубы голову но тотчас же сердито заворчала и нырнула под шубу. Ей показалось что она увидела громадную плохо освещенную комнату полную чудовищ из-за перегородок и решеток которые тянулись по обе стороны комнаты выглядывали страшные рожи лошадиные рогатые длинноухие и какая-то одна толстая громадная рожа с хвостом вместо носа и с двумя длинными обглоданными костями торчащими изо рта.

Кот сипло замыкал под лапами Тетки но в это время шуба распахнулась хозяин сказал «гоп» и Федор Тимофеич с Теткою прыгнули на пол. Они уже были в маленькой комнате с серыми дощатыми стенами тут кроме небольшого столика с зеркалом табурета и тряпья развешанного по углам не было никакой другой мебели и вместо лампы или свечи горел яркий всеобразный огонек приделанный к трубочке вбитой в стену. Федор Тимофеич облизал свою шубу помятую Теткой пошел под табурет и лег. Хозяин все еще волнуясь и потирая руки стал раздеваться...

(По А. Чехову)

№ 28

По дороге к большому городу не спеша идет мальчик.

Город лег на землю тяжелыми горами зданий прижался к ней и стонет и глухо ворчит. Издали кажется как будто он только что разрушен пожаром ибо над ним еще не угасло кровавое пламя заката и кресты его церквей вершины башен флюгера раскалены докрасна.

Края черных туч тоже в огне на красных пятнах зловеще рисуются угловатые куски огромных строений там и тут точно раны сверкают стекла разрушенный измученный город место неутомимого боя за счастье истекает кровью и она дымит горячая желтоватым удушливым дымом.

Мальчик идет в сумраке поля по широкой серой ленте дороги прямая точно шпага она вонзается в бок города неуклонно направленная могучей незримой рукою. Деревья по сторонам ее точно незажженные факелы их черные большие кисти неподвижны над молчаливою чего-то ожидающей землей.

Небо покрыто облаками звезд не видно теней нет поздний вечер печален и тих только медленные и легкие шаги мальчика едва слышны в сумеречном утомленном молчании засыпающих полей.

А вслед мальчику бесшумно идет ночь закрывая черной мантией забвения даль откуда он вышел.

Сгушаясь сумрак прячет в теплом объятии своем покорно при-
никшие к земле белые и красные дома сиротливо разбросанные по холмам. Сады деревья трубы все вокруг чернеет исчезает раздавленное тьмою ночи точно пугаясь маленькой фигурки с палкой в руке прячась от нее или играя с нею.

Он же идет молча и спокойно смотрит на город не ускоряя шага **ОДИНОКИЙ** маленький словно несущий что-то необходимое давно ожидаемое всеми там в городе где уже тревожно загораются навстречу ему голубые желтые и красные огни.

(По М. Горькому)

№ 29

С первого же дня как он увидел Катюшу Нехлюдов почувствовал прежнее чувство к ней. Так же как и прежде он не мог без волнения видеть теперь белый фартук Катюши не мог без радости слышать ее походку ее голос ее смех не мог без умиления смотреть в ее черные как мокрая смородина глаза особенно когда она улыбалась не мог главное без смущения видеть как она краснела при встрече с ним. Он чувствовал что влюблен но не так как прежде когда эта любовь была для него тайной и он сам не решался признаться себе в том что любить можно один только раз. Теперь он был влюблен зная это и радуясь этому хотя и скрывая от себя в чем состоит любовь и что из нее может выйти.

В Нехлюдове как и во всех людях было два человека. Один духовный ищущий блага себе только такого которое было бы благо и других людей и другой животный человек ищущий блага только себе и для этого блага готовый пожертвовать благом всего мира. В этот период его сумасшествия эгоизма вызванного в нем петербургской и военной жизнью этот животный человек властвовал в нем и совершенно задавил духовного человека. Но увидав Катюшу и вновь почувствовав то что он испытал к ней тогда духовный человек поднял голову и стал заявлять свои права. И в Нехлюдове не переставая в продолжение этих двух дней шла внутренняя не сознаваемая им борьба.

В глубине души он знал что ему надо ехать и что незачем теперь оставаться у теток знал что ничего из этого не могло выйти хорошего но было так радостно и приятно что он не говорил этого себе и оставался.

(По Л. Толстому)

Нужно родиться в культурном обществе для того чтобы найти в себе терпение всю жизнь жить среди него и не пожелать уйти куда-нибудь из сферы всех этих тяжелых условностей. Я родился и воспитывался вне этого общества и поэтому не могу принимать его культуру большими дозами без того чтобы спустя некоторое время у меня не появилась необходимость выйти из ее рамок.

В деревне почти так же невыносимо тошно и грустно как и среди интеллигенции. Всего лучше отправиться в трущобы городов. Лет пять назад я предпринял именно такую прогулку и расхаживая по святой Руси попал в Феодосию. В то время там начинали строить мол и в надежде заработать немного денег на дорогу я отправился на место сооружения.

Желая сначала посмотреть на работу как на картину я взшел на гору и сел там глядя вниз на бескрайнее могучее море.

Передо мной развернулась широкая картина труда весь каменный берег был изрыт всюду ямы кучи камня тачки бревна и еще какие-то приспособления из бревен и среди всего этого сновали люди. Они разорвав гору динамитом дробили ее кирками расчищая площадку для линии железной дороги. Они казались маленькими как черви на фоне темно-коричневой горы изуродованной их руками и как черви суетливо копошились среди груд щебня в облаках каменной пыли. Хаос вокруг них раскаленное небо над ними придавали их суете такой вид как будто бы они вкапывались в гору стремясь уйти в недра ее от солнечного зноя.

По ломаной линии досок набросанных тут и там медленно двигалась вереница людей согнувшись над тачками нагруженными камнем и навстречу им шла другая с порожними тачками. Среди них расхаживали распорядители в белых кителях с металлическими пуговицами сверкающими на солнце как чьи-то желтые холодные глаза.

Море спокойно раскинулось до туманного горизонта и тихо плещет своими прозрачными волнами на берег. Сияя в блеске солнца оно точно улыбалось добродушной улыбкой Гулливера сознающего что если он захочет одно движение и работа лилипутов исчезнет.

Тихо взбегают волны на берег усеянный толпой людей созидующих каменную преграду взбегают и поют свою звучную ласковую песню о прошлом о **всем** что в течение веков видели они на бескрайних берегах этой земли.

(По М. Горькому)

Семь с половиной месяцев люди мучительно ждали придет ли один особенный день развязки. И вот этот день наступил. Как обычно в восемь часов утра под звон судового колокола взвился андреевский флаг. Но сегодня в честь коронавания царя и царицы одновременно заплескались в сыром и порывистом воздухе еще два таких же флага на обеих мачтах. Эти же флаги имели значение боевых.

Настроение экипажа сверх обыкновения было приподнятое. Слышался оживленный говор. Некоторые забравшись в укромный уголок играли в шашки другие читали книги. Страшно было думать о том что этим людям сегодня предстоит участвовать в сражении в котором может быть многие найдут себе смерть. Они как будто нарочно рисовались друг перед другом своим равнодушием к опасности слишком уж надоела такая монотонная жизнь. Около восьми месяцев они проплавали в чужих морях редко съезжая на берег выполняя непосильные работы перенося голод испытывая изнуряющую тропическую жару.

Кроме того со дня отплытия из Либавы их не переставали путать нападениями со стороны японцев. Слухи указывали что они подстерегают их повсюду. В особенности они усилились после Мадагаскара а еще больше после аннамских вод. Каждую ночь они проводили в ожидании минных атак. Теперь все это кончилось и приближалась развязка одним холодная могила в этих водах другим избавление и отдых на родной земле.

В десятом часу слева впереди по курсу на расстоянии около шести кабельтовых показалось четыре неприятельских корабля. Один из них был двухтрубный а остальные однотрубные. С переднего мостика долго всматривались вдаль прежде чем определить их названия. Это были броненосцы второго класса старые с малым ходом.

На вспомогательном крейсере «Урал» был усовершенствованный аппарат беспроволочного телеграфа способный принимать и отправлять телеграммы на расстояние до семисот миль. С помощью такого аппарата можно было перебить донесения японских крейсеров но этим не воспользовались. Чтобы так пренебрегать противником нужно было иметь большую уверенность в превосходстве своих сил а этой уверенности ни у кого из нас не было.

(По А. Новикову-Прибою)

Одиночество все сильнее охватывало Карташева. Он бегал от него а оно его преследовало. Побывал он в театрах в Эрмитаже в Академии

художеств но везде была все та же чужая ему раздражающая своей непонятной жизнью незнакомая толпа. В жизни этой толпы были конечно и большой интерес и большое содержание она кипела но чем сильнее кипела тем больше мучился Карташев единственный между всеми обреченный томиться пустотой и жаждой жизни. Иногда вечером вынуженный скукой из своей комнатки он шел по пустынным улицам и тогда в стихающем шуме точно легче становилось на душе. Он вспоминал мирную налаженную жизнь своего городка семью былой кружок товарищей гимназию и интересы связывавшие их всех в одно. Он с тоской заглядывал в освещенные окна тех домов которые своими размерами напоминали ему далекую родину. Там за этими окнами маленьких домиков жили люди у них были свои интересы. И он их имел когда-то. Вот сидит в кресле какой-то молодой господин девушка прошла по комнате какая-то счастливая семейная обстановка. Счастливые они живут и не знают что есть на свете ужасный зверь скука который бегает по улицам и жадно караулит свои жертвы. Иногда Карташеву вдруг даже страшно делалось от сознания своего одиночества. В этом большом городе было тяжелее чем в пустыне. Там хоть знаешь что никого нет а здесь везде везде люди и в то же время никого в ком был бы какой-нибудь интерес к нему. Заболей он упади и умри никто даже не оглянется. И Карташеву хотелось вдруг уложить свои вещи и бежать без оглядки от этого чужого страшного в своем отчуждении города.

(По Н. Гарину-Михайловскому)

№ 33

Всего конечно за недолгий свой отпуск Сергей не мог ни увидеть ни узнать слишком много странного никак не вязавшегося с ожидаемым встретило его не только в селе но еще на ближних подступах к нему когда он вышел из вагона на станции и по обыкновению всех завидовцев не направился прямо домой а решил заглянуть к тетеньке Анне на этот раз для того чтобы получить первую и он знал самую обширную и достоверную информацию об односельчанах. Да и время было позднее вечерние сумерки быстро сгущались попутного транспорта теперь уже не будет до Завидова семнадцать верст не ближний свет к тому же на руках офицера были два чемодана отнюдь не до конца опорожненных у брата и сестры. Тетенькина же информация сгодится для того чтобы придя в село не совершить какого-нибудь необдуманного поступка и не обронить какого-либо слова способного не поврачевать а напротив расшевелить растеребить чью-то сильно пораненную душу а их на селе окажется немалое число таких-то душ.

Как и в довоенные годы ни калитка впускающая во двор ни двери ведущие в *сумеречь* сеней и в светлую горенку с земляным всегда свежепобеленным полом не были заперты потому что хижина тетеньки более чем прежде в худшую военную и тяжкую послевоенную пору была для людей домом открытых дверей. Сергей подошел к нему в момент когда хозяйка ни капельки с точки зрения *офицера* не изменившаяся за эти шесть с половиной лет вышла на низенькое о двух ступенях подгнившее крылечко жалобно зароптавшее под ее ногами. Вслед за тетенькой из сеней выкатилась рыжая лохматая собачонка взъерошила загривок но тут же вспомнив что так на подворье гостей не встречают уложила вздыбившуюся шерсть на место и приветливо замолочила хвостом.

(По М. Алексееву)

№ 34

С моря дул влажный холодный ветер разнося по степи задумчивую мелодию плеска набегавшей на берег волны и шелеста прибрежных кустов. Изредка его порывы приносили с собой сморщенные желтые листья и бросали их в костер раздувая пламя окружавшая нас мгла осенней ночи вздрагивала и пугливо отодвигаясь открывала на миг слева безграничную степь справа бесконечное море и прямо против меня фигуру Макара *Чудры* старого цыгана.

Не обращая внимания на то что холодные волны ветра распахнув чекмень обнажили его волосатую грудь и безжалостно бьют ее он полулежал в красивой сильной позе лицом ко мне методически потягивал из своей громадной трубки и неподвижно уставив глаза куда-то через мою голову разговаривал со мной не умолкая и не делая ни одного движения к защите от резких ударов ветра.

Так ты ходишь Это хорошо Ты славную долю выбрал себе сокол.

Он плюнул в костер и замолчал снова набивая трубку. Ветер выл жалобно и тихо во тьме ржали кони из табора плыла нежная и страстная песня-думка. Это пела красавица Нонка дочь Макара.

Макар выколотил пепел из трубки и снова стал набивать ее. Я закутался плотнее в шинель и лежа смотрел в его старое лицо черное от загара. Он сурово и строго качая головой что-то шептал про себя седые усы шевелились и ветер трепал ему волосы на голове. Он был похож на старый дуб обожженный молнией но все еще мощный крепкий и гордый и ветер все так же носил его шепот по степи.

Макар замолчал и спрятав в кисет трубку запахнул на груди чекмень. Накрапывал дождь ветер стал сильнее море рокотало глухо и

сердито. Один за другим к угасающему костру подходили кони и осмотрев нас большими умными глазами неподвижно останавливались окружая нас плотным кольцом.

Мне не хотелось спать. Я смотрел во тьму ночи и в воздухе перед моими глазами плавала царственно красивая и гордая фигура Радды. Она прижала руку с прядью черных волос к ране на груди и сквозь ее смуглые тонкие пальцы сочилась капля по капле кровь падая на землю огненно-красными звездочками.

А за нею по пятам плыл удалой молодец Лойко Зобар его лицо завесили пряди густых черных кудрей и из-под них капали частые холодные и крупные слезы...

Усиливался дождь и море распевало мрачный и торжественный гимн гордой паре красавцев цыган Лойко Зобару и Радде дочери старого солдата Данилы. А они оба кружили во тьме ночи плавно и безмолвно и никак не мог красавец Лойко поравняться с гордой Раддой.

(По М. Горькому)

№ 35

Печорин как безумный выскочил на крыльцо прыгнул на своего Черкеса которого водили по двору и пустился во весь дух по дороге в Пятигорск. Он беспощадно погонял измученного коня который хрипя и весь в пене мчал его по каменистой дороге.

Солнце уже спряталось в черной туче отдыхавшей на гребне западных гор в ущелье стало темно и сыро. Печорин скакал задыхаясь от нетерпения. Мысль не заставить Веру в Пятигорске молотком ударила ему в сердце. Видеть ее одну минуту еще одну минуту проститься пожать ее руку... Он молил проклинал плакал смеялся. При возможности потерять ее навеки Вера стала для него дороже всего на свете дороже чести жизни счастья... Бог знает какие странные какие бешеные замыслы роились в его голове. И между тем он все скакал погоняя беспощадно. Вдруг Печорин стал замечать что его конь дышит все тяжелее он раза два уже споткнулся на ровном месте. Оставалось всего пять верст до той станицы где он мог пересест на другую лошадь.

Все было бы спасено если бы у коня достало сил еще на 10 минут. Но вдруг поднимаясь из небольшого оврага при выезде из гор на крутом повороте он грянул о землю. Печорин проворно соскочил хотел поднять его напрасно. Едва слышный стон вырвался сквозь стиснутые его зубы через несколько минут он издох. Печорин остался в степи один потеряв последнюю надежду. Попробовал идти пешком

ноги его подкосились. Изнуренный тревогами дня и бессонницей он упал на мокрую траву и как ребенок заплакал.

И долго он лежал неподвижно и плакал горько не стараясь удерживать слез и рыданий. Он думал что грудь его разорвется. Вся его твердость все хладнокровие *исчезли* как дым. Душа обессилела рас-судок замолк.

Когда ночная роса и горный ветер освежили его горячую голову и мысли пришли в обычный порядок то он понял что гнаться за погибшим счастьем бесполезно.

Печорин возвратился в Кисловодск бросился на постель и заснул сном Наполеона при Ватерлоо.

(По М. Лермонтову)

№ 36

Места по которым они проезжали не могли назваться живописными. Поля все поля тянулись вплоть до самого небосклона то слегка вздымаясь то опускаясь кое-где виднелись небольшие леса и усеянные редким и низким кустарником вились овраги напоминая глазу их собственное изображение на старинных планах екатерининских времен. Попадались и *речки* с обрытыми берегами и крошечные пруды с худыми плотинами и деревеньки с низкими избенками под темными часто до половины разметанными крышами и покривившиеся молотильные сарайчики с плетеными из хвороста стенами и зевающими воротницами возле опустелых гумен и церкви то кирпичные с отвалившеюся кое-где штукатуркою то деревянные с наклонившимися крестами и разоренными кладбищами.

Сердце Аркадия понемногу сжималось. Как нарочно мужички встречались все обтерханные на плохих клячонках как нищие в лохмотьях стояли придорожные ракиты с ободранною корой и обломанными ветвями исхудалые шершавые словно обглоданные коровы жадно щипали траву по канавам. Казалось они только что вырвались из чьих-то грозных смертоносных когтей и вызванный жалким видом обессиленных животных среди весеннего красного дня вставал белый призрак безотрадной бесконечной зимы с ее метелями морозами и *снегами*...

Нет подумал Аркадий небогатый край этот не поражает он ни удовольствием ни трудолюбием нельзя нельзя ему так остаться преобразования *необходимы*... но как их исполнить как *приступить*..

Так размышлял Аркадий... а пока он размышлял весна брала свое. Все кругом золотисто зеленело все широко и мягко волновалось и лоснилось под тихим дыханием теплого ветерка все деревья

кусты и травы повсюду нескончаемыми звонкими струйками заливались жаворонки чиби́сы то кричали **ВИЯ́СЬ** над низменными лугами то молча перебегали по кочкам красиво чернея в нежной зелени еще низких яровых хлебов гуляли грачи. Они пропадали во ржи уже слегка побелевшей лишь изредка выказывались их головы в дымчатых ее волнах. Аркадий глядел глядел и понемногу ослабевая исчезали **его размышления...** Он сбросил с себя шинель и так весело таким молоденьким мальчиком посмотрел на отца что тот опять его обнял.

(По И. Тургеневу)

№ 37

Боевая биография Ушакова действительно незаурядна.

Федор Федорович Ушаков родился в 1745 году. На родине в Темниковском уезде Тамбовской губернии от родителей ему досталось наследство 19 ревизских душ. Помещик он был захудалый но Россию он любил очень и своими победами прославил ее на морях. Это был самостоятельный адмирал создатель русской морской тактики. В войнах с турками на Черном море и с **французами** на Средиземном море одержал ряд блестящих побед.

Крепость на острове Корфу в Средиземном море всегда считалась неприступной. И только перед русскими моряками 20 февраля 1799 года она не могла устоять. Это была одна из самых громких побед русского флота окончательно утвердившая во всем мире имя Ушакова как великого флотоводца. В тот момент другой великий но сухопутный русский полководец Суворов действовал в Северной Италии против французов. Узнав о победе Ушакова он сказал Жалею что при взятии Корфу не был хотя бы **мичманом...**

Ушаков был единственным соперником по славе с знаменитым адмиралом Нельсоном... В 1799 году два великих флотоводца встретились в Палермо. Нельсон твердо рассчитывал что Ушаков расшаркается перед ним и станет покорным орудием в руках Англии но самоуверенный англичанин обманулся в своих ожиданиях. Случилось другое от природы умный самостоятельный русский адмирал не уронил достоинства России и ревниво оберегал интересы своей родины. Разочарованный Нельсон в письме отзывался об Ушакове что он держит себя очень высоко и что под его вежливой наружностью скрывается медведь.

В старой России Ушаков не пользовался такой широкой известностью как Нельсон в Англии. В Англии каждый школьник знает этого адмирала а у нас кроме морских офицеров мало кто знает

о народном герое Ушакове. Одна или две книги вот и все что было написано о нем.

Цари не очень ценили Ушакова им не нравилась его самостоятельность поэтому Ушаков не подошел ко двору. Так и вынужден был он шестидесяти двух лет полный сил уйти в отставку и уехать к себе в тамбовскую деревню где и умер в 1817 году.

(По А. Новикову-Прибою)

№ 38

Я быстро отдернул занесенную ногу и сквозь едва прозрачный сумрак ночи увидел далеко под собою огромную равнину. Широкая река огибала ее уходящим от меня полукругом стальные отблески воды изредка и смутно мерцающая обозначали ее течение. Холм на котором я находился спускался вдруг почти отвесным обрывом его громадные очертания отделялись чернея от синеватой воздушной пустоты и прямо под мною в углу образованном тем обрывом и равниной возле реки которая в этом месте стояла неподвижным темным зеркалом под самой кручею холма красным пламенем горели и дымились друг подле дружки два огонька. Вокруг них копошились люди колебались тени иногда ярко освещалась передняя половина маленькой кудрявой головы...

Я узнал наконец куда я зашел. Этот луг славится в наших околотках под названием Бежина Луга... Но вернуться домой не было никакой возможности особенно в ночную пору ноги подкашивались подо мной от усталости. Я решился подойти к огонькам и в обществе тех людей которых принял за гуртовщиков дожидаться зари. Я благополучно спустился вниз но не успел выпустить из рук последнюю ухваченную мною ветку как вдруг две большие белые лохматые собаки со злобным лаем бросились на меня. Детские звонкие голоса раздались вокруг огня два-три мальчика быстро поднялись с земли. Я откликнулся на их вопросительные крики. Они подбежали ко мне отозвали тотчас собак которых особенно поразило появление моей Дианки и я подошел к ним.

Я ошибся приняв людей сидевших вокруг тех огней за гуртовщиков. Это просто были крестьянские ребяташки из соседней деревни которые стерегли табун.

(По И. Тургеневу)

№ 39

Я думал что я должен непременно написать свою повесть или лучше сказать свою исповедь. Мне это кажется вовсе не потому чтобы

¶ i

я находил свою жизнь особенно интересною и назидательною. Со-
всем нет истории подобные моей по частям встречаются во множе-
стве современных романов и я может быть в значении интереса но-
визны не расскажу ничего такого нового чего бы не знал или даже не
видал читатель но я буду рассказывать все это не так как рассказыва-
ется в романах и это мне кажется может составить некоторый инте-
рес и даже пожалуй новость и даже назидание.

Я не стану усекать одних и раздувать значение других событий
меня к тому не **вынуждает** искусственная и неестественная форма
романа требующая закругления фабулы и сосредоточения всего око-
ло главного **центра**. В жизни так не бывает. Жизнь человека идет
как развивающаяся со скалки хартия и я ее так просто и буду разви-
вать лентою в предлагаемых мною записках. Кроме того здесь может
быть представит некоторый интерес что эти записки писаны челове-
ком который не будет жить в то время когда его записки могут быть
доступны для чтения. Автор уже теперь стоит выше всех предрассуд-
ков или предвзятых задач всяких партий и направлений и ни с кем не
хочет заигрывать а это надеюсь встречается не часто. Я начну свою
повесть с детства с самых первых своих воспоминаний иначе нельзя.
Англичане это прекрасно поняли и давно для осязательного изобра-
жения характеров и духа человека начинают свои романы с детства
героев и героинь. Ребенок есть тот человек в миниатюре которая все
увеличивается.

(По Н. Лескову)

№ 40

Против города на северо-западной стороне Нагасакской бухты
среди скалистых **взгорьев** заросла **зеленую** деревня хорошо известная
русскому флоту. На одном из холмов возвышалось двухэтажное зда-
ние под названием «Гостиница Нева».

От каменной пристани ступени которой спускались прямо в воду
начинался город европейскими гостиницами и ресторанами. Здесь на
широких улицах наряду с японцами наряженными в национальные
костюмы-кимоно встречались англичане немцы французы русские.
Слышался разноязычный говор. А **далее** за европейским кварталом
плотно прижались друг к другу японские домики деревянные легкие не
больше как в два этажа причем верхний этаж приспособлен для жилья
нижний для торговли. Передние стены магазинов на **день** раздвинуты
и можно не читая вывесок видеть чем в них торгуют черепаховыми
изделиями узорчатыми веерами изящным японским фарфором.

Создавалось впечатление как будто гуляешь не по узким улицам а в павильоне и рассматриваешь выставку японской продукции.

На звуки музыки шли иностранные моряки прибывшие сюда из-за далеких морей и океанов загорелые обвеянные ветрами всех географических широт. Особенно разгулялись на радости некоторые русские как офицеры так и нижние чины только что переставшие быть пленниками. Их можно было узнать издали они пели песни радовались словно наступила для них масляная неделя разъезжали на рикшах.

Меня удивляли японцы я не встречал опечаленных и угрюмых лиц ни у мужчин ни у женщин. Казалось что они всегда жизнерадостны словно всем им живется отлично и все они довольны и государством и самими собою и своим социальным положением. На самом же деле японское население жило в большой бедности но искусно скрывало это. Точно так же ошибочно было бы предположить судя по их чрезмерной вежливости выработанной веками что они представляют собою самый мирный народ на свете.

(По А. Новикову-Прибою)

№ 41

Я сидел в березовой роще осенью около половины сентября. С самого утра перепал мелкий дождик сменяемый по временам теплым солнечным сиянием была непостоянная погода. Небо то все заволакивалось рыхлыми белыми облаками то вдруг местами расчищалось на мгновение и тогда из-за раздвинутых туч показывалась лазурь ясная и ласковая как прекрасный глаз. Я сидел и глядел кругом и слушал. Листья чуть шумели над моей головой по одному их шуму можно было узнать какое тогда стояло время года. То был не веселый смеющийся трепет весны не мягкое шушуканье не долгий говор лета не робкое и холодное лепетанье поздней осени а едва слышная дремотная болтовня. Слабый ветер чуть-чуть тянул по верхушкам. Внутренность рощи влажной от дождя беспрестанно изменялась смотря по тому светило ли солнце или закрывалось облаком она то озарялась вся словно вдруг в ней все улыбнулось тонкие стволы не слишком частых берез внезапно принимали нежный отблеск белого шелка лежавшие на земле мелкие листья вдруг пестрели и загорались червонным золотом а красивые стебли высоких кудрявых папоротников уже окрашенных в свой осенний цвет подобный цвету перспелого винограда так и сквозили бесконечно путаясь и пересекаясь перед глазами то вдруг опять все кругом слегка синело яркие краски мгновенно гасли березы стояли все белые без блеску белые как только что

выпавший снег до которого еще не коснулся холодно играющий луч зимнего солнца и украдкой лукаво начинал сеяться и *шептать* по лесу мельчайший дождь.

(По И. Тургеневу)

№ 42

Удивительные постройки. Я когда их увидел испытал странное чувство казалось родившись я уже знал что они *есть*...

В солнечный хороший день пролетаем над Регистаном. Голубые постройки похожи на корабли приплывшие неизвестно откуда и ставшие тут среди домиков и суетливых лодок-автомобилей. Матросов давным-давно уже нет а корабли целы. Станные палубы трубы голубая обшивка бортов... Древняя голубая флотилия стоит на площади посреди Самарканда.

Каждый день с утра на этой площади собираются приезжие люди. Не *удивляйтесь* если услышите тут разговор по-французски если гость назовется жителем Лондона Праги Ростова Семипалатинска Гомеля. *Везде* живут любопытные люди для которых минута перед этими приплывшими из веков «кораблями» одна из радостей жизни.

Регистан (так по-узбекски называется площадь) первое место куда направляется приехавший в Самарканд. Отсюда начинают знакомство с удивительным городом.

За площадью в садике чайхана. Два деревянных столба изукрашенные *резчиком* и червоточиной подпирают крышу древней харчевни. Прямо на улице жарятся шашлыки в огромном котле закипает шурпа. Синий пахучий дым стелется между деревьями у чайханы. А далее за коробками новых домов древний жилой Самарканд. Дома с плоскими крышами прилипли друг к другу. Кажется ступи на одну крышу и пошел весь город по крышам перебежишь. Улицы извилисты с тупиками идешь неизвестно куда.

Минутах в тридцати ходьбы от площади видишь вокруг над деревьями и домами огромный голубой купол. Сразу вспоминаешь когда-то прочитанное Если исчезнет небо купол Гур-и-Эмира заменит его.

Под куполом лежат кости знаменитого Тамерлана почитавшего Самарканд единственной столицей земли.

№ 43

Как мне кажется я пользуюсь уважением между моими товарищами учениками. Конечно не без того чтобы на это не оказывал влияние мой сравнительно с ними солидный возраст во всей академии

один только Вольский старше меня. Этот Вольский отставной офицер господин лет сорока пяти с совершенно седой головой. Он упорно работает летом с утра до вечера пишет этюды во всякую погоду с каким-то самоотвержением зимою когда светло постоянно пишет а вечером рисует. В два года он сделал большие успехи несмотря на то что судьба не наградила его особенно большим талантом.

Вот Рябинин другое дело чертовски талантливая натура но зато лентяй ужасный. Я не думаю чтобы из него вышло что-нибудь серьезное хотя все молодые художники его поклонники. Особенно мне кажется странным его пристрастие к так называемым реальным сюжетам пишет лапти онучи и полушубки как будто мы на них не насмотрелись в натуре. А что главное он почти не работает. Иногда засядет и в месяц окончит картину о которой все кричат как о чуде находя впрочем что техника оставляет желать лучшего по-моему техника-то у него очень и очень слаба а потом бросит писать даже этюды ходит мрачный и ни с кем не разговаривает даже со мной хотя кажется от меня он удаляется меньше чем от других товарищей. Странный юноша

Удивительными кажутся эти люди не могущие найти полного удовлетворения в искусстве. Не могут они понять что ничто так не возвышает человека как творчество.

(По В. Гаршину)

№ 44

Сорока вздрогнул. Раздался гулкий протяжный удар точно тяжелый артиллерийский залп. Где-то рассеялась ледяная громада сжатая морозом. Отраженное дальними льдами упругое эхо с рокотом далеко покатилося по водяной глади.

На мгновение он как бы очнулся. К удивлению никак не мог разодрать глаз они точно слиплись. И как далекая зарница в глухую полночь мелькнуло смутное сознание опасности. В воздухе опять повисла мертвая тишина и прежнее состояние овладело им. Ему надоело поднимать свои отяжелевшие веки. Опять дрема отуманила голову и несвязные думы точно легкие тени в лунную ночь бежали смутной вереницей. Чудилось ему что ожило мертвое море и тихо дышало бесконечным простором и тонкий пар его дыхания поднимался к далеким звездам. Казалось весь мир замолк и та прежняя жизнь потухла затаилась в этой загадочной пустоте наполненной биением какой-то другой незримой жизни. Чудилось неслышно веет тихий ветер и звучит смутный едва уловимый звон и легкий туман колеблется над морем.

И сквозь морозный туман чудится Сороке разбегаясь фосфорическим блеском катятся две светлые волны. И плывет на него не касаясь воды полупрозрачная смутно-неясная лодка. Ледяная глыба дрогнула зашаталась взволновала спокойную поверхность расходясь побежали серебряные круги. Отраженные в колышущейся глади задражали звезды запрыгали и расплылись колеблющимся золотом.

Сияя величавой красотой Севера тихо дремлет над спокойным морем полярная ночь затканная тонким искристым морозным туманом. А над нею сверкая причудливыми переливами разметалась звездная ткань. Мертвая тишина неподвижно повисла над застывшим морем и чудится в этой сверкающей переливчатой красоте безжизненный холод вечной смерти. Мягкий синеватый отсвет озаряет необъятную водную гладь подернувшуюся тонким водяным слоем и в морозной дали неподвижно скорчившуюся на одинокой льдине фигуру опушенную белым инеем.

(По А. Серафимовичу)

№ 45

Сад у тетки славился своей запущенностью соловьями горlinkками и яблоками а дом крышей. Стоял он во главе двора у самого сада ветви лип обнимали его был невелик и приземист но казалось что ему и веку не будет так основательно глядел он из-под своей необыкновенно высокой и толстой соломенной крыши почерневшей и затвердевшей от времени. Мне его передний фасад представлялся всегда живым точно старое лицо глядит из-под огромной шапки впадинами глаз окнами с перламутровыми от дождя и солнца стеклами. А по бокам этих глаз были крыльцадва старых больших крыльца с колоннами. На фронтоне их всегда сидели сытые голуби между тем как тысячи воробьев дождем пересыпались с крыши на крышу... И уютно чувствовал себя гость в этом гнезде под бирюзовым осенним небом

Войдешь в дом и прежде всего услышишь запах яблок а потом уже другие старой мебели красного дерева сушеного липового цвета который с июня лежит на окнах... Во всех комнатах в лакейской в зале в гостиной прохладно и сумрачно это оттого что дом окружен садом а верхние стекла окон цветные синие и лиловые. Всюду тишина и чистота хотя кажется кресла столы с инкрустациями и зеркала в узеньких и витых золотых рамах никогда не трогались с места. И вот слышится покашливание выходит тетка. Она небольшая но тоже как и все кругом прочная. На плечах у нее накинута большая персидская шаль. Выйдет она важно но приветливо и сейчас же под бесконечные

разговоры про старину про наследства начинают появляться угощения сперва «дули» яблоки антоновские «бель-барыня» боровинка «плодовитка» а потом удивительный обед вся насквозь розовая вареная ветчина с горошком фаршированная курица индюшка маринады и красный квас крепкий и сладкий-пресладкий...

(По И. Бунину)

№ 46

Прошло около двух недель. Жизнь в Марьино текла своим порядком Аркадий сибаритствовал Базаров работал. Все в доме привыкли к его небрежным манерам к его немногосложным и отрывочным речам. Фсечка в особенности до того с ним освоилась что однажды ночью велела разбудить его с Митей сделались судороги и он пришел и по обыкновению полушутя полuzeвая просидел у ней часа два и помог ребенку. Зато Павел Петрович всеми силами души своей возненавидел Базарова он считал его гордецом нахалом циником плебе-ем он подозревал что Базаров не уважает его что он едва ли не презирает его его Павла Кирсанова Николай Петрович побаивался молодого «нигилиста» и сомневался в пользе его влияния на Аркадия но он охотно его слушал охотно присутствовал при его физических и химических опытах. Базаров привез с собой микроскоп и по целым часам с ним возился. Слуги тоже привязались к нему хотя он над ними подтрунивал они чувствовали что он все-таки свой брат не барин. Дуняша охотно с ним хихикала и искоса значительно посматривала на него пробегая мимо «перепелочкой» Петр человек до крайности самолюбивый и глупый вечно с напряженными морщинами на лбу человек которого все достоинство состояло в том что он глядел учтиво читал по складам и часто чистил щеточкой свой сюртучок и тот ухмылялся и светлел как только Базаров обращал на него внимание дворовые мальчишки бегали за «дохтуром» как собачонки. Один старик Прокофьич не любил его с угрюмым видом подавал ему за столом кушанья называл его «живодером» и «прощелыгой» и уверял что он с своими бакенбардами настоящая свинья в кусте. Прокофьич по-своему был аристократ не хуже Павла Петровича.

(По И. Тургеневу)

№ 47

День начинает заметно бледнеть. Лица людей принимают странный оттенок тени человеческих фигур лежат на земле бледные неясные. Пароход идущий вниз проплывает каким-то призраком.

Его очертания стали легче потеряли определенность красок. Количество света видимо убывает но так как нет сгущенных теней вечера нет игры отраженного на низших слоях атмосферы света то эти сумерки кажутся необычны и странны. Пейзаж будто расплывается в чем-то трава теряет зелень горы как бы лишаются своей тяжести.

Однако пока остается тонкий серповидный ободок солнца все еще царит впечатление сильно побледневшего дня и мне казалось что рассказы о темноте во время затмений преувеличены. Неужели думалось мне эта остающаяся еще ничтожная искорка солнца горящая как последняя забытая свечка в огромном мире так много **ЗНАЧИТ**.. Неужели когда она потухнет вдруг должна наступить ночь

Но вот эта искра исчезла. Она как-то порывисто будто вырвавшись с усилием из-за темной заслонки сверкнула еще золотым **брызгом** и погасла. И вместе с этим пролилась на землю густая тьма. Я уловил **МГНОВЕНИЕ** когда среди сумрака набежала полная тень. Она появилась на юге и точно громадное покрывало быстро пролетела по горам по реке по полям обмахнув все небесное пространство укутала нас и в одно мгновение сомкнулась на севере. Я стоял теперь внизу на береговой отмели и оглянулся на толпу. В ней царило гробовое молчание. Даже **НЕМЕЦ** смолк и только метроном отбивал **МСТАЛИЧ**еские удары. Фигуры людей сливались в одну темную массу а огни пожарища на той стороне опять приобрели прежнюю **ЯРКОСТЬ**...

(По В. Короленко)

№ 48

За поворотом протоки показался город. В нем зажигались огни. Возле порта за причалом в скоротечных сумерках чуть виднелись привязанные к столбам самолеты будто лошади у стойл. Один маленький самолет был оранжевого цвета и угольком светился на снегу.

По мере того как разгорались огни в городе затухал уголек-самолетик на снегу и пестрая «колбаса» качающаяся на мачте над зданием авиагидропорта погружалась в небо в сумерки.

Издали город прилепившийся на правом берегу протоки почти в устье ее казался разбросанным дома в нем разбрелись куда попало где густо где пусто будто с самолета горстями раскидывали дома по лесотундре. Но вот зажглись огни повсюду домов не стало видно и все приобрело порядок. Огни городские всегда что-нибудь прячут скрывают собой. Почти сливаясь в сплошную цепь окаймляют пятна огней **лесобиржу**. В середине ее возле штабелей уже редко и нехотя помигивают полуслепые лампочки. Ближе к Старому городу у

проходных гудят непрерывным гулом лесовозы. Возле них огней больше. В Новом городе еще один квадрат самый светлый каток. На окраине уже квадрат не квадрат а кривая дуга из лампочек вытянутая вдоль берега нефтебаза.

Город заключен в огни. Люди живут и работают высвеченные со всех сторон а за ними темнота без конца и края. Верстах в девяноста от города в сторону севера лес исчезает совсем. Там тундра. Там ночь светлее от снегов не затененных лесами и жильем. Ночь беспредельная и беспокойная от позарей.

(По В. Астафьеву)

№ 49

Наверху грохотали тяжелые башенные орудия и от выстрелов содрогался воздух. По-видимому бой разгорался во всю мощь решая участь одной из воюющих сторон.

Внизу в самом операционном пункте было тихо. Ярко горели электрические лампочки. Нарядившись в белые халаты торжественно словно на смотр стояли врачи фельдшеры санитары ожидая жертв войны. Около выходной двери в сторонке от нее сидел на табуретке инженер Васильев вытянув недоленную ногу и держа в руках костыли. Он поглядывал на стоявшего поодаль священника словно любуясь его одеянием переливающимся золотом и малиновыми оттенками его огненно-рыжей бородой окаймлявшей рыхлое и бледное лицо. В беспечной позе заложив руки назад стоял Добровольский. Младший врач Авроров небольшого роста полнеющий блондин скрестив руки на груди и склонив голову о чем-то задумался. Быть может в мыслях далеких от этого помещения он где-то беседует с дорогими для него лицами. Рядом с ним пощипывая рукой каштановую бородку стоял старший врач Макаров высокий худой с удлиненным матовым лицом. И хотя давно все было приготовлено для приема раненых он привычным взором окидывал свое владение шкафы со стеклянными полками большие и малые банки с разными лекарствами и растворами раскрытые никелированные коробки со стерилизованным перевязочным материалом набор хирургических инструментов. Все было на месте морфий камфара эфир мазь от ожогов иглы с шелком положенные в раствор карболовой кислоты волосяные кисточки горячая вода тазы с мылом и щеткой для мытья рук эмалированные ведра как будто все эти предметы выставлены для продажи и вот-вот нахлынут покупатели.

Люди молчали но у всех несмотря на разницу в выражении лиц в глубине души было одно и то же напряженное ожидание чего-то

страшного. Однако ничего страшного ~~не~~ было. Отсвечивая электричеством блестя белизной стены и потолок помещения. Слева если взглянуть от двери стоял операционный стол накрытый чистой простыней. Я смотрел на него и думал кто же первый будет корчиться на нем в болезненных судорогах

Освежая воздух гудели около борта вентиляторы гудели настойчиво и монотонно словно шмели.

Мы почувствовали что в броненосец попали снаряды один другой. Все переглянулись но раненые не появлялись.

(По А. Новикову-Прибою)

№ 50

Ярмарка раскинувшаяся по выгону на целую версту была как всегда шумна бестолкова. Стоял нестройный гомон ржание лошадей трели детских свистулек марши и польки гремящих на каруселях оркестрионов. Говорливая толпа мужиков и баб валом валила с утра до вечера по пыльным унавоженным переулкам между телегами и палатками лошадьми и коровами балаганами и съестными откуда несло вонючим чадом сальных жаровен. Как всегда была пропасть барышников придававших страшный азарт всем спорам и сделкам бесконечными вереницами с гнусавыми напевами тянулись слепые и убогие нищие и калеки на костылях и в тележках медленно двигалась среди толпы гремящая бубенчиками тройка исправников сдерживаемая кучером в плисовой безрукавке и в шапочке с павлиньими перьями... Покупателей у Тихона Ильича было много. Подходили сизые цыгане рыжие польские евреи в парусиновых балахонах и сбитых сапогах загорелые мелкопоместные дворяне в поддевках и картузах подходил красавец гусар князь Бахтин с женой в английском костюме дряхлый севастопольский герой Хвостов высокий и костистый с удивительно крупными чертами темного морщинистого лица в длинном мундире и обвислых штанах в сапогах с широкими носками и в большом картузе с желтым околышем из-под которого были начесаны на виски крашеные волосы мертвого бурого цвета... Бахтин откидывался назад глядя на лошадь сдержанно улыбался в усы с подусниками поигрывая ногой в рейтузе вишневого цвета. Хвостов дошаркав до лошади косившей на него огненным глазом останавливался так что казалось что он падает поднимал костыль и в десятый раз спрашивал глухим ничего не выражающим голосом

Сколько просишь

И всем надо было отвечать.

(По И. Бунину)

№ 51

Огромное расстояние отделяет примитивные казалось бы звуки рожденные на колокольне от тончайшего совершенства симфонической музыки. Но честное слово испытываешь глубокое волнение слушая мерные удары колокола с подголосками маленьких колоколов и чириканьем воробьев уловленным микрофонами на колокольне в паузах между ударами. Стены жилья в эти минуты перестают существовать. Чувствуешь большие пространства с плывущим над ними набатом и воображение без труда рисует людей идущих на вечернюю площадь или тревожную сумятицу городского пожара или приближение к стенам города неприятеля.

С древнейших времен колокола на Руси сопровождали весь жизненный путь человека. Колокольный звон объединял людей на праздниках и перед лицом неприятеля. Колокола звали людей на совет в непогоду указывали дорогу заблудившимся путникам часобитный колокол отсчитывал время. И видно велика была мобилизующая сила звуков коль скоро Герцен назвал свой мятежный журнал «Колоколом» если покорив город неприятель первым делом увозил из него вечерней колокол а русские цари за провинность отправляли колокола как людей в ссылку.

Петр I переплавлял колокола в пушки. В тридцатых годах помню в нашем селе Орлове тоже снимали колокола. Огромная толпа любопытных. Бабы крестились Трактора будут лить. И действительно в том же году по селу сверкая шпорами проехал новенький трактор подтверждая для нас мальчишек реальность странного превращения.

Репродуктор вытеснил колокол. Но согласитесь интересно ведь услышать и понять звуки минувшего. Помните в фильме «Война и мир» торжественный колокольный звон В другой картине «Семь нот в тишине» есть прелестный рассказ о звоннице и звонарях. И наконец грампластинка приносящая звоны прямо в твоё жильё...

№ 52

Был невыносимо жаркий июльский день когда я медленно передвигая ноги поднимался вдоль Колотовского оврага в направлении Притынного кабачка. Солнце разгоралось на небе как бы свирепея парило и пекло неотступно воздух был весь пропитан душной пылью. Покрытые лоском грачи и вороны разинув носы жалобно глядели на проходящих словно прося их участия. Одни воробьи не горевали и распуша перышки еще яростнее прежнего чирикали и дрались по заборам дружно взлетали с пыльной дороги серыми тучами носились

над конопляниками. Жажда меня мучила. Воды не было близко в Колотовке как и во многих других степных деревнях мужики за неимением ключевой и колодцев пьют какую-то грязцу из пруда...

Признаться ни в какое время года Колотовка не представляет отрадного зрелища но особенно грустное чувство возбуждает она когда июльское сверкающее солнце своими неумолимыми лучами затопляет и бурые полуразметанные крыши домов и этот глубокий овраг и выжженный запыленный выгон и покрытый гусиным пухом черный словно раскаленный пруд с каймой из полувysохшей грязи и сбитой набок плотиной возле которой на мелко истоптанной земле овцы едва дыша и чихая от жары печально теснятся друг к дружке и с унылым терпением наклоняют головы как можно ниже как будто выжидая когда же пройдет этот невыносимый зной.

Усталыми шагами приближался я к жилищу Николая Ивановича возбуждая как водится в ребятишках изумление доходившее до напряженного бессмысленного созерцания в собаках негодование выражавшееся лаем как вдруг на пороге кабачка показался мужчина низко подпоясанный голубым кушачком.

Николай Иванович некогда стройный румяный парень теперь же необычайно толстый с хитро-добродушными глазками жирным лбом перетянутым морщинами словно нитками уже более двадцати лет проживает в Колотовке. Его уважают соседи штатский генерал первый владелец в уезде всякий раз снисходительно ему кланяется когда проезжает мимо его домика. Николай Иванович человек со влиянием он известного конокрада заставил возвратить лошадь которую тот свел со двора у одного знакомого образумил мужиков не хотевших принять нового управляющего. Впрочем не должно думать что он это делал из любви к справедливости из усердия к ближнему нет Он просто старался предупредить все то что может как-нибудь нарушить его спокойствие.

(По И. Тургеневу)

№ 53

На медведя

Тихо. Только над валежником стрекочет синекрылая сойка. Синими и зеленоватыми искрами блестит снег словно усыпанный алмазной пылью от белизны и света разлитого вокруг больно глазам.

Вдруг слышу хриплое рычание хруст сучков. В валежнике на мгновение мелькнуло что-то мохнатое раздался выстрел. Содрогнувшись далеким эхом откликнулся лес.

Я выпалил вдогонку медведю и снова страшный рев смешанный с яростным лаем всколыхнул утреннюю тишину. Вижу убегает от нас зверь подкидывая кургузый зад словно кувыркаясь. Он глубоко проваливается в снег а Пыж длинноухий пес преследуя мечется около него по насту точно по гладкой дороге.

Медведь не останавливается уходит. Вот он повернул в сторону. Савелий помчался наперерез. Забыв об опасности он с близкого расстояния метнул в него рогатину...

Рывкнув медведь повернулся на мгновение замер ошетинив темно-бурую шерсть дико озираясь словно ослепленный ярким солнцем. И вдруг точно поняв кто главный враг его стремительно понесся на Савелия. Старый охотник спрыгнул с лыж и утвердившись в снегу ждал крепко держа рогатину. Медведь быстро приближался мотая голову иступленно рычал потрясая лес. Остался еще один прыжок но он поднялся на дыбы огромный страшный в гневе. Тяжелые передние лапы выпустив когти судорожно тянулись к охотнику готовые схватить его. И еще сильнее еще оглушительнее вызывая грохочущее эхо покатился по дремучему лесу рев полный яростной злобы и предсмертной тоски. Медведь наступал шагая на задних лапах охотник немного согнувшись твердо стоял на месте выжидая удобного момента для удара оба черные лохматые похожие друг на друга. А когда в грудь медведя вонзилась острая рогатина он сильным ударом лапы сломал ручку ее и обрушившись своим грузным телом на упавшего охотника начал беспощадно рвать его зубами и когтями переворачивая человеческое тело точно игрушку. Пыж заступаясь за хозяина с яростью набрасывался на зверя. Казалось все трое барахтаясь в снегу обезумели издавая крик лай рычанье наводняя лес диким гулом.

Быстро зарядив ружье я прицелился в голову медведя. Грянул выстрел. Когда дым рассеялся медведь был уже мертв. Савелий лежал на снегу привалившись головой к еще теплой спине медведя бормотал точно пьяный блуждая глазами Вот оно что... Небо-то какое красное... в кругах. Пыж задыхаясь от усталости лизал ему лицо и руки.

По-прежнему было тихо. Сияло бледно-голубое небо ярко горело солнце разливаясь блеском по чистому снегу а лес обласканный ясным днем зачарованно молчал сверкая белым нарядом инея точно распустившимися цветами. Вокруг было радостно светло словно ничего не случилось. И только Пыж оставшись около хозяина протяжно выл оплакивая старого охотника.

(По А. Новикову-Прибою)

Был знойный летний день 1892 года.

В высокой синеве тянулись причудливые клочья рыхлого белого тумана. В зените они неизменно замедляли ход и тихо таяли как бы умирая от знойной истомы в раскаленном воздухе. Между тем кругом над чертой горизонта толпились громоздясь друг на друга кудрявые облака а кое-где пали как будто синие полосы отдаленных дождей. Но они стояли недолго сквозили исчезали чтобы пасть где-нибудь в другом месте и также быстро исчезнуть...

Казалось у облачного неба не хватало решимости и силы чтобы пролиться на землю... Тучи набирались надувались тихо разворачивались и охватывали кольцом равнину на которой зной царил все-таки во всей томительной силе а солнце начавшее склоняться к горизонту пронизывало косыми лучами всю эту причудливую мгlistую панораму усиливая в ней смену света и теней придавая какую-то фантастическую жизнь молчаливому движению в горячем небе... Во всем чувствовалось ожидание напряжение какие-то приготовления какая-то тяжелая борьба. Туманная рать темнела и сгущалась внизу выделяя легкие белые облачка которые быстро неслись к середине неба и неизменно сгорали в зените а земля все ждала дождя и влаги ждала томительно и напрасно...

По тракту лениво прозвонил колокольчик и смолк. Потом неожиданно заболтался сильнее и с холма меж рядами старых берез покатился в клубке белой пыли тарантас с порыжелым кожаным верхом запряженный тройкой почтовых лошадей. Вокруг тарантаса моталась плотная пыль лошадей густо облепили слепни и овода увязавшиеся за ними от самой станции. От станции же путников сопровождал печальный и сухой шелест усыхающих нив.

(По В. Короленко)

Это было ранней весной. Мы ехали вторые сутки. В вагон входили и выходили едущие на короткие расстояния но трое ехало так же как и я с самого места отхода поезда некрасивая и немолодая дама курящая с измученным лицом в полумужском пальто и шапочке ее знакомый разговорчивый человек лет сорока с аккуратными новыми вещами и еще державшийся особняком небольшого роста господин с порывистыми движениями еще не старый но с очевидно преждевременно поседевшими курчавыми волосами и с необыкновенно блестящими глазами быстро перебегавшими с предмета на

предмет. Он был одет в старое от дорогого портного пальто с барашковым воротником и высокую барашковую шапку. Под пальто когда он расстегивался видна была поддевка и русская вышитая рубаха. Особенность этого господина состояла еще в том что он изредка издавал странные звуки похожие на откашливание или на начатый и оборванный смех.

Господин этот во все время путешествия старательно избегал общения и знакомства с пассажирами. На заговариванья соседей он отвечал коротко и резко или читал или глядя в окно курил или достав провизию из своего старого мешка пил чай или закусывал.

Мне казалось что он тяготится своим одиночеством и я несколько раз хотел заговорить с ним но всякий раз когда глаза наши встречались что случалось часто так как мы сидели наискосок друг против друга он отворачивался и брался за книгу или смотрел в окно.

Во время остановки перед вечером второго дня на большой станции нервный господин этот сходил за горячей водой и заварил себе чай.

(По А. Толстому)

№ 56

Я с жадностью всматривался в жизнь города а мои мысли всецело были заняты одной японкой.

Находясь в лагерях для пленных я сдружился с японским переводчиком. Он великолепно говорил по-русски и очень любил нашу литературу. Мы иногда часами разговаривали о произведениях русских классиков и современных писателей. Это и сблизило нас. Он стал приглашать меня в город к себе на квартиру. У него была сестра девушка двадцати лет маленькая статная с матово-нежным лицом и загадочным взглядом черных лучистых глаз. Любовь не считается ни с расовым различием ни с войной она развивается по своим собственным законам. Девушка встречаясь со мной сначала настораживалась как птица при виде приближающегося охотника но после нескольких свиданий у нас началось взаимное тяготение друг к другу. Я разговаривал с нею при помощи ее брата. А когда выяснилось что она немного говорит по-английски я взялся за изучение этого языка. Первые слова и фразы усвоенные мною были конечно приветственные и конечно о любви. Но иногда разгораясь и желая выразить свои чувства полнее я говорил ей по-русски О милая

Я подбирал для нее самые поэтические слова какие только знал. Она конечно не понимала их смысла. Она только улыбалась маленьким ртом откинув назад черноволосую голову.

Брат не препятствовал нашей любви. И когда я ему сообщил что хочу жениться на его сестре он согласился и на это. Может быть тут сыграло роль то обстоятельство что она была сиротой. В Россию мне как политическому преступнику нельзя было возвращаться. При помощи эмигранта-народовольца приехавшего в Японию специально для того чтобы снабжать пленных революционной литературой я хотел вместе с ней уехать в Америку. Там я поступлю матросом на коммерческий корабль и буду наезжать в Россию как американский гражданин и снова мне будет доступна родина для политической работы. Так рисовалось будущее а молодость опьяненная иллюзией счастья не рассуждает о преградах пока не ударится лбом о каменную стену.

(По А. Новикову-Прибою)

№ 57

На реке Лефе

После недолгого но длительного отдыха мы сели в лодку длинный плоскодонный челнок настолько легкий что один человек может без труда вытащить его на берег и поплыли дальше. Кое-где розовел туман и теневые склоны гор покрылись мягкими светло-фиолетовыми тонами. Около железнодорожного моста куда мы прибыли вовремя горы кончились.

Я вышел из лодки и поднялся на сопку расположенную вблизи нас чтобы в последний раз отсюда сверху осмотреться в стороны. Красивая панорама развернулась перед моими глазами сзади на востоке толпились горы на юге были пологие холмы поросшие листовым редколесьем на севере насколько хватал глаз расстилалось низменное пространство бесконечное однообразное покрытое травой. Сколько я ни напрягал зрение сколько ни всматривался вдаль я не мог увидеть конца этой низины. Она уходила куда-то и скрывалась где-то за горизонтом. Порой по ней пробегал востер и трава колыхалась и волновалась как море. Кое-где группами и в одиночку росли чахлые березки жалкие и унылые и другие какие-то деревья скорее похожие на кустарник.

С горы на которой я стоял реку Лефу далеко можно было проследить по ольшаникам и ивнякам растущим по ее берегам в изобилии. Вначале она сохраняет свое северо-восточное направление но не доходя до сопки чуть-чуть видневшихся на западе километрах в восьми поворачивает на север и немного склоняясь к востоку течет дальше теряясь у горизонта.

Бессчетное количество протоков слепые рукава заводи и озерки самой причудливой формы все это окаймляет ее с обеих сторон украшая чересчур однообразный вызывающий тоскливое чувство ландшафт. Низина эта казалась всем кому приходилось побывать **здесь** безжизненной и пустынной а между тем не было ни одного озера ни одной заводи ни одного протока где не ночевали бы стаи лебедей гусей уток и **другой** водяной птицы.

Долина реки **Лесфы** в дождливый период года легко затопляется водой о чем свидетельствовали лужи ярко блестящие на солнце в разных **местах**.

Я смотрел на воду и видел как в ней отражалось солнце и казалось будто светят два солнца одно сверху а другое откуда-то снизу.

(По В. Арсеньеву)

№ 58

У **Андрейки** нет ни отца ни матери. Сколько он помнит себя он живет в белой хатке под большой вербой с дедом Агафоном. Возле хаты с одной стороны белеет береговой песок и синее море а с другой насколько глаз хватает тянется безлесная голая сожженная покрытая высохшим бурьяном степь размытая оврагами и балками.

Еще в два часа ночи когда только стали бледнеть звезды **Андрейка** отчалил с дедом от берега. Когда рассвело и по воде и по морю побежали мокрые полосы а спокойное гладкое море открылось до самых краев ветер упал. Пришлось взяться за весла. Сначала **работа** у него шла легко и свободно но прошел час другой и он стал **у**ставать. Каждый раз как он откидывался назад и весла с плеском проходили в прозрачной **игравшей** розовым отблеском воде ему казалось что он уже больше не в **состоянии** разогнуться до **того** ныла поясница и ломило руки но он снова и снова закидывал весла и лодка ползла как черепаха. Наконец дед все время молча сидевший на корме проговорил Хватит **Андрейка**.

Обрадованный **Андрейка** торопливо пробрался по качавшейся лодке на корму а дед сел за весла и **стал** грести молча и упорно. **Андрейка** правя рулем глядел на разбегавшиеся из-под весел длинные водяные жгуты на мерно откидывавшуюся фигуру деда и отирал свое мокрое вспотевшее лицо с наслаждением предаваясь отдыху.

Солнце подымалось все выше и выше и зной неподвижный слепящий стоял над морем в истоме раскинувшийся под горячим небом. **Андрейка** разморенный жаром от скуки и однообразия разговаривал с рыбами которых он вытаскивал из сети. **Андрейка** вытащил

и с трудом поднял вверх обеими руками большую рыбу. Не успел дед раскрыть рта как сазан очутившийся на воздухе и замерший от изумления вдруг рванулся изо всех сил выскользнул плюхнулся в воду блеснул хвостом и был таков.

Тогда-то и раздались над морем отчаянные крики **Андрейки** потому что дед молча не говоря ни слова поднялся взял просмоленную веревку сложил ее вчетверо и жестоко наказал мальчика.

(По А. Серафимовичу)

№ 59

В лесу зимой

В начале марта после нескольких дней оттепели снова ударил мороз образовав наст крепкий и гладкий как стекло. В обед мы отправились на охоту а к вечеру уже далеко забрались в глушь дремучего леса легко прокатившись на лыжах верст пятнадцать. Нас было трое Савелий старый охотник толстый и круглый как улей с походкой точно он к кому-то крадется Пыж длинноухий его пес понимающий по части охоты не хуже своего хозяина и я в то время еще подросток. Все наше оружие состояло из двух простых одностволок двух топоров и отточенной рогатины. Выбрали место для ночевки под большими лохматыми елями точно под шатром и **стали** снимать с себя все лишнее.

Не замерзнем спросил я.

Воткнув топор в дерево Савелий повернул ко мне свое обветренное лицо с вывороченными ноздрями заросшее черной лохматой бородой хмуро посмотрел на меня из-под шершавых бровей и прохрипел точно про себя

Будем спать как на печке.

Кругом ни одного живого звука. Только дует ветер шумит лес загадочно качая высокими вершинами и скрипит словно стонет от боли подгнившая сосна. В сгущающихся сумерках кружась точно гоняясь друг за другом реют снежинки.

Пыж набегавшись исследовав все вокруг обнюхав все деревья уселся на задние лапы и помахивая хвостом смотрит как я развожу огонь.

Вспыхнув быстро разгорается береста свертываясь в трубку давая копать пахнущую дегтем. Затрещали сухие сучки огонь перебегая от одного к другому ласково лижет их острыми длинными языками. Над костром вьется кудрявясь сизый дым он становится все гуще ширится вырастая в волнующиеся клубы. Через минуту пробившись

сквозь толщу наложенных дров высоко поднялось пламя и весело пылает раздвигая навалившуюся тьму щедро разбрасывая вверх золотого искр. Словно испуганные заматались вокруг тени населяя лес привидениями.

Ветер налетает все реже и реже а снеговые тучи сплошь закрывшие было небо разрываются на части и между ними из глубоких темно-синих озер кротко мерцают хоромы звезд. Лес замолк и в зареве пылающего костра он кажется волшебнo-призрачным будящим уснувшие мечты о чем-то далеком. Из котелка установленного на раскаленных углях словно на червонцах бьет пар разнося приятный запах супа. Тепло около огня приятно.

(По А. Новикову-Прибою)

№ 60

На тяге

За четверть часа до захождения солнца весной вы входите в рощу с ружьем без собаки. Вы отыскиваете себе место где-нибудь подле опушки оглядываетесь ~~осматриваете~~ пистон перемигиваетесь с товарищем. Четверть часа прошло. Солнце село но в лесу еще светло воздух чист и прозрачен птицы болтливо лепечут молодая трава блестит веселым блеском ~~изумруда~~... вы ждете. Внутренность леса постепенно темнеет алый свет вечерней зари медленно скользит по корням и по стволам деревьев поднимается все выше и выше переходит от нижних почти еще голых веток к неподвижным засыпающим ~~верхушкам~~... Вот и самые верхушки потускнели ~~румяное~~ небо синее. Птицы засыпают не все вдруг по породам вот затихли зяблики через несколько мгновений малиновки за ними овсянки. В лесу все темней и темней. Деревья сливаются в большие чернеющие массы на синем небе робко выступают первые звездочки. Все птицы спят. Горихвостки маленькие дятлы одни еще сонливо посвистывают. Вот и они умолкли. Еще раз прозвенел над вами звонкий голос пеночки где-то печально прокричала иволга соловей шелкнул в первый раз. Сердце ваше томится ожиданием и вдруг но одни охотники поймут меня вдруг в глубокой тишине раздастся особого рода карканье и шипенье слышится мерный взмах проворных крыл и вальдшнеп красиво наклонив свой длинный нос плавно вылетает из-за темной березы навстречу вашему выстрелу.

Вот что значит стоять на тяге.

Итак мы с Ермолаем отправились на тягу.

...Вообразите себе человека лет сорока пяти высокого худого с длинным и тонким носом узким лбом серыми глазами взъерошенными волосами и широкими насмешливыми губами... Этот человек к кушаку привязывал два мешка один спереди искусно перекрученный на две половины для пороха и для дробы другой сзади для дичи. Была у него легавая собака по прозвищу Валетка... Этого-то человека я взял себе в охотники и с ним-то я отправился на тягу.

(По И. Тургеневу)

№ 61

На корабле отбили две склянки. Гул судового колокола не успел еще замереть как раздалась знакомая тысячу раз мною слышанная мелодия утренней побудки. Это на верхней палубе играл горнист. Его щеки неестественно вздувались когда он выводил длинные мажорные звуки сигнала. Сейчас же на палубах залились дудки капра-лов и старшин слышались окрики Вставай Койки вязать

Те что спали на этот раз торопливо вскакивали со своих мест быстро бежали к умывальникам чтобы наскоро освежиться холодной забортной водой. Утро проходило как обычно завтракали убирали палубы и другие помещения.

Дул зойд-вест на четыре балла. Над волнующим морем расстилалась серая мгла. Медленно поднималось багровое солнце словно распухшее от напряжения.

Эскадра разделенная на две колонны шла девятиузловым ходом направляясь в Цусимский пролив. Строй ее был тот же что и накануне. Первую колонну возглавлял броненосец «Суворов» под флагом вице-адмирала Рождественского левую броненосец «Николай I».

В начале шестого сигнальщики заметили справа пароход быстро сближавшийся с нашим. Подойдя ближе он лег на параллельный курс но так шел он лишь несколько минут и повернув направо скрылся в утренней мгле. Флага его не могли опознать но своим поведением он сразу наводил на подозрение несомненно это был японский разведчик. Надо было бы немедленно послать ему вдогонку два крейсера. Потопили бы они его или нет но по крайней мере выяснили бы чрезвычайно важный вопрос открыты мы противником или все еще находимся в неизвестности А в соответствии с этим должна была определиться и линия поведения эскадры.

Около семи часов с правой стороны дымя двумя трубами показался еще один корабль шедший сближающимся курсом. Когда расстояние до него уменьшилось то в нем опознали легкий неприятельский

крейсер. Целый час он шел с нами одним курсом как бы дразня нас. Конечно не напрасно он оставался у нас на виду. Это сказывалось на нашей радиостанции нервно воспринимавшей непонятный для нас текст. То были донесения генералу Тогу извещавшие его из каких судов состоит наша эскадра и каким курсом идем. Адмирал Рождественский приказал судам правой колонны навести орудия правого борта и кормовых башен на неприятельский корабль. Но тем только и ограничились что взяли его на прицел а наши быстроходные крейсеры и на этот раз ничего не предприняли.

(По А. Новикову-Прибою)

№ 62

У костра вытаращив испуганные глазенки держась одной рукой за кнут а другую в болтающемся рукаве приподняв точно защищаясь стоял худенький **черноголовый** мальчишка в лаптях в изорванных штанишках в длинном не по росту пиджаке обернутом вокруг тела и подпоясанном пенькой. Метелица свирепо осадил жеребца перед самым носом мальчишки едва не задавив его и хотел уже крикнуть ему что-то повелительное и грубое как вдруг увидел перед собой эти испуганные глаза над болтающимся рукавом штанишки с просвечивающимися голыми коленками и этот убогий с хозяйского плеча пиджак из которого так виновато и жалко смотрела тонкая и смешная детская шея....

Чего ты стоишь Испугался смутившись заговорил Метелица невольно с той ласковой грубостью с которой никогда не говорил с людьми а только с лошадьми.

А если бы задавил тебя Ах вот дурак-то тоже повторил он размятаясь вовсе чувствуя как при виде этого мальчишки и всей этой убогости пробуждается в нем что-то такое же жалкое смешное **детское**...

Парнишка смущенно недоверчиво шмыгнул носом но поняв что страшного ничего нет а все наоборот выходит ужасно весело сморщился так что нос его вздернулся кверху и тоже совсем по-детски залился озорно и тоненько. От неожиданности Метелица прыснул еще громче и оба невольно подзадоривая друг друга хохотали так несколько минут один раскачиваясь на седле взад и вперед поблескивая огненными от костра зубами а другой упершись в землю ладонями и откидываясь назад всем телом при каждом новом взрыве.

Парнишка перестав смеяться смотрел на него с серьезным и радостным изумлением как будто ждал от него еще самых неожиданных чудачеств.

И веселый же ты дьявол выговорил он наконец раздельно и четко словно подвел окончательный итог своим убеждениям.

Парнишка разломил картофелину подул на нее сунул в рот половину вместе с кожурой повернул на языке и с аппетитом стал жевать пошевеливая острыми ушками. Прожевав он посмотрел на Метелицу и так же раздельно и четко как раньше определил его веселым человеком сказал

Сирота я полгода уж как сирота.

(По А. Фадееву)

№ 63

Я ехал на перекладных из Тифлиса. Вся поклажа моей тележки состояла из одного небольшого чемодана который до половины был набит путевыми записками о Грузии. Большая часть из них к счастью для вас потеряна а чемодан с остальными вещами к счастью для меня остался цел.

Уж солнце начинало прятаться за снеговой хребет когда я въехал в Койшаурскую долину. Осетин-извозчик неумоимо погонял лошадей чтоб успеть до ночи взобраться на гору и во все горло распевал песни. Славное место эта долина Со всех сторон горы неприступные красноватые скалы обвешанные зеленым плющом и увенчанные купами чинар желтые обрывы исчерченные промоинами а там высоко-высоко золотая бахрома снегов а внизу Арагва обнявшись с другой безымянной речкой шумно вырывающейся из черного полного мглой ущелья тянется серебряной нитью и сверкает как змея своею чешуею.

Подъехав к подножью Койшаурской горы мы остановились. Тут толпилось шумно десятка два грузин и горцев поблизости караван верблюдов остановился для ночлега. Я должен был нанять быков чтоб втащить мою тележку на эту проклятую гору потому что была уже осень и гололедица.

За моею тележкой четверка быков тащила другую как ни в чем не бывало несмотря на то что она была доверху накладена. Это обстоятельство меня удивило. За нею шел ее хозяин покуривая из маленькой кабардинской трубочки отделанной серебром. На нем был офицерский сюртук без эполет и черкесская мохнатая шапка. Он казался лет пятидесяти смуглый цвет лица его показывал что оно давно знакомо с закавказским солнцем и преждевременно поседевшие усы не соответствовали его твердой походке и бодрому виду. Я подошел к нему и поклонился он молча отвечал мне на поклон.

До станции оставалось еще с версту. Кругом было тихо так тихо

что по жужжанию комара можно было следить за его полетом. Налетело чернело глубокое ущелье за ним и впереди нас темно-синие вершины гор изрытые морщинами покрытые слоями снега рисовались на бледном небосклоне еще сохранявшем последний отблеск зари. На темном небе начинали мелькать звезды и странно мне показалось что они гораздо выше чем у нас на севере. По обеим сторонам дороги торчали голые черные камни кое-где из-под снега выглядывали кустарники но ни один сухой листок не шевелился.

Завтра будет славная погода сказал я.

Штабс-капитан не отвечал ни слова и указал мне пальцем на высокую гору поднимавшуюся прямо против нас.

(По М. Лермонтову)

№ 64

Я ушел далеко за город. По краям дороги за развесистыми ветлами волновалась рожь и тихо трещали перепела звезды теплились в голубом небе.

В такие ночи как эта мой разум замолкает и мне начинает казаться что у природы есть своя единая жизнь тайная и неуловимая что за изменяющимися звуками и красками стоит какая-то вечная неизменная и до отчаяния непонятная красота. Я чувствую эта красота недоступна мне я не способен воспринять ее во всей целостности. И то немногое что она мне дает заставляет только мучиться по остальному.

Справа над светлым морем ржи темнел вековой сад барской усадьбы. Над рожью слышалось как будто чье-то широкое сдержанное дыхание в темной дали чудилась то песня то всплеск воды то слабый стон. Теплый воздух тихо струился звезды мигали как живые. Все дышало глубоким спокойствием каждый колебавшийся колосок каждый звук как будто чувствовал себя на месте и только я стоял перед этой ночью одинокий и чуждый всему.

Меня потянуло в темную чащу лип. Из людей я там никого не встречу это усадьба старухи помещицы Ярцевой и с нею живет только ее сын-студент. Он застенчив и молчалив но ему редко приходится сидеть дома. Говорят он замечательно играет на скрипке и его московский учитель-профессор сулит ему великую будущность.

Я прошел по меже к саду перебрался через заросшую крапивою канаву и покосившийся плетень. В траве за стволами лип слышался смутный шорох и движения. И тут везде была какая-то тайная и своя особая жизнь.

Усталый с накопившим в душе глухим раздражением я присел на

скамейку. Вдруг где-то недалеко за мной раздались звуки настраиваемой скрипки. Я с удивлением оглянулся за кустами акаций белел небольшой флигель и звуки неслись из его раскрытых настежь неосвещенных окон. Значит молодой Ярцев дома... Музыкант стал играть. Я поднялся чтобы уйти грубым оскорблением окружающему казались мне эти искусственные человеческие звуки.

Странная это была музыка и сразу чувствовалась импровизация. Но что это была за импровизация. Звуки лились робко неуверенно. Они словно искали чего-то словно силились выразить что-то. Не самую мелодией приковывали они к себе ее в строгом смысле даже и не было а именно этим томлением по чему-то другому что невольно ждалось впереди. Вот-вот казалось будет схвачена тема. Но проходила минута и струны начинали звенеть сдерживаемыми рыданиями нарек оставался непонятным.

С новым и странным чувством я огляделся вокруг. Та же ночь стояла передо мною в своей прежней загадочной красоте. Но я смотрел на нее уже другими глазами все окружавшее было для меня теперь лишь прекрасным беззвучным аккомпанементом к тем боровшимся страдающим звукам.

(По В. Вересаеву)

№ 65

Легко вообразить какое впечатление Алексей должен был произвести в кругу наших барышень. Но всех более занята была им дочь Муромского ближайшего соседа Лиза или Бетси как звал ее обыкновенно отец. Ей было семнадцать лет. Она была единственное и следовательно балованное дитя. Ее резвость и проказы восхищали отца и приводили в отчаяние ее мадам сорокалетнюю чопорную девицу.

За Лизой ходила Настя она была постарше но столь же ветрена как и ее барышня. Лиза очень любила ее открывала ей все свои тайны словом Настя была лицом более значительным нежели любая наперсница во французской трагедии.

На другой день Лиза приступила к исполнению своего плана послала купить толстого полотна с помощью Насти скроила рубашку и сарафан и призналась перед зеркалом что никогда еще так не была мила говорила на крестьянском наречии смеялась закрываясь рукавом. Одно затрудняло ее она попробовала было пройти по двору босая но дерн колот ее нежные ноги. Настя и тут помогла ей она сняла мерку с Лизиной ноги сбегала к Трофиму-пастуху и заказала ему пару лаптей.

На другой день ни свет ни заря Лиза уже проснулась. Заря сияла

на востоке и золотые ряды облаков казалось ожидали солнца как царедворцы ожидают государя. Ясное небо утренней свежести роса ветерок и пение птиц все наполняло сердце Лизы младенческой веселостью. Боясь какой-нибудь знакомой встречи она казалось не шла а летела. Приближаясь к роще стоящей на рубеже отцовского имения Лиза пошла тише. Здесь она должна была ожидать Алексея. Сердце ее сильно билось само не зная почему но боязнь сопровождающая наши проказы составляет их главную прелесть. Мало-помалу предавалась она сладкой мечтательности. Итак она шла задумавшись по дороге как вдруг прекрасная легавая собака залаяла на нее. В то же время раздался голос Не бойсь милая собака моя не кусается. Лиза успела уже оправиться от испугу. Да нет барин сказала она притворяясь полуиспуганной полужастенчивой боюсь. Алексей читатель уже узнал его между тем пристально глядел на молодую крестьянку. Как тебя зовут душа моя **Акулиной** отвечала Лиза стараясь освободить свои пальцы из рук Алексея.

(По А. Пушкину)

№ 66

Несколько лет спустя после своего приезда молодой Дубровский хотел заняться делами но отец его был не в состоянии дать ему нужные объяснения. Разбирая его бумаги нашел он только первое письмо заседателя и черновой **ответ** на него. Между тем здоровье Андрея Гавриловича час от часу становилось хуже. Положенный срок прошел и апелляция не была подана. **Кистеневка** принадлежала Троекурову. **Шабашкин** явился к нему с поклонами и поздравлениями. **Кирилла** Петрович смутился. От природы не был он корыстолюбив желание мести завлекло его слишком далеко совесть его роптала. Он знал в каком состоянии находился его противник старый товарищ его молодости и победа не радовала его сердце. Он грозно взглянул на **Шабашкина** ища к чему привязаться чтоб его выбранить но не нашел достаточно к тому предлога и сказал ему сердито Пошел вон не до тебя.

Шабашкин видя что он не в духе поклонился и спешил удалиться. А **Кирилла** Петрович оставшись наедине стал расхаживать взад и вперед насвистывая Гром победы раздавайся что всегда означало в нем необыкновенное волнение мыслей.

Наконец он велел запрячь себе беговые дрожки оделся потеплее это было уже в конце сентября и сам правя выехал со двора.

Вскоре завидел он домик Андрея Гавриловича и противоположные чувства наполнили его душу. Он решил помириться со старым

своим соседом уничтожить следы ссоры возвратив ему его достоиние. Облегчив душу благим намерением Кирила Петрович пустился рысью к усадьбе и въехал прямо на двор.

В это время больной сидел в спальне у окна. Он узнал Кирила Петровича и ужасное смятение изобразилось на его лице багровый румянец заступил место обыкновенной бледности глаза засверкали он произносил невнятные звуки. Сын его сидевший тут же за хозяйственными книгами поднял голову и был поражен его состоянием больной указывал пальцем на двор с видом ужаса и гнева. Он топорливо подбирал полы своего халата собираясь встать с кресел приподнялся и упал. Сын бросился к нему старик лежал без чувств и без дыхания паралич его ударил. Скорей скорей в город за лекарем кричал Владимир. Кирила Петрович спрашивает вас сказал вошедший слуга. Владимир бросил на него ужасный взгляд.

Скажи Кирилу Петровичу чтоб он скорее убирался пока я не велел его выгнать со двора... пошел Слуга радостно побежал исполнить приказание своего барина.

(По А. Пушкину)

№ 67

Тамань самый скверный городишко из всех приморских городов России. Я там чуть-чуть не умер с голода да еще вдобавок меня хотели утопить. Ямщик остановил усталую тройку у ворот единственного каменного дома что при въезде. Часовой черноморский казак услышав звон колокольчика закричал спросонья диким голосом Кто идет Вышел урядник и десятник. Я им объяснил что я офицер еду в действующий отряд по казенной надобности и стал требовать казенную квартиру.

Полный месяц светил на камышовую крышу и белые стены моего нового жилища на дворе обведенном оградой стояла другая лачужка меньше и древнее первой. Берег обрывом спускался к морю почти у самых стен ее и внизу с непрерывным ропотом плескались темно-синие волны. Луна тихо смотрела на беспокойную но покорную ей стихию и я мог различить при свете ее далеко от берега два корабля черные снасти которых подобно паутине неподвижно рисовались на бледной черте небосклона.

Велев казаку выложить чемодан и отпустить извозчика я стал звать хозяина молчат... Наконец из сеней выполз мальчик лет четырнадцати... Я засветил спичку и поднес ее к носу мальчика она озарила два белых глаза.

Я вошел в хату две лавки и стол да огромный сундук возле печи составляли всю ее мебель. На стене ни одного образа дурной знак Я вытащил из чемодана восковой огарок и засветив его стал раскладывать вещи поставил в угол шашку и ружье пистолеты положил на стол разостлал бурку на лавке казак свою на другой. Через десять минут он захрапел но я не мог заснуть передо мной во мраке все вертелся мальчик с белыми глазами. Я привстал и взглянул в окно кто-то пробежал мимо него и скрылся бог знает куда. Я встал накиннул бешмет опоясал кинжал и тихо-тихо вышел из хаты навстречу мне слепой мальчик. Под мышкой он нес какой-то узел и повернув к пристани стал спускаться по узкой и крутой тропинке.

Между тем луна начала одеваться тучами и на море поднялся туман едва сквозь него светился фонарь на корме ближнего корабля у берега сверкала пена валунов ежеминутно грозящих его потопить. Я с трудом спускаясь пробирался по крутизне и вот вижу слепой приостановился потом повернул низом направо. Он шел так близко от воды что казалось сейчас волна его схватит и унесет но видно это была не первая его прогулка судя по уверенности с которой он ступал с камня на камень. Наконец он остановился будто прислушиваясь к чему-то присел на землю и положил возле себя узел. Спустя несколько минут с противоположной стороны показалась белая фигура.

(По М. Лермонтову)

№ 68

Это было на рассвете. Я стоял на назначенном месте с моими тремя секундантами. С неизъяснимым нетерпением ожидал я моего противника. Весеннее солнце уже взошло и становилось жарко. Я увидел его издали. Он шел пешком с мундиром на сабле сопровождаемый одним секундантом. Мы пошли к нему навстречу. Он приближался держа фуражку наполненную черешнями. Секунданты отмеряли нам двенадцать шагов. Я должен был стрелять первым но волнение злобы было во мне так сильно что я не понадеялся на верность руки и чтобы дать себе время остыть уступил ему первый выстрел. Противник мой не соглашался. Положили бросить жребий. Первый номер достался ему вечному любимцу счастья. Он прицелился и прострелил мне фуражку. Очередь была за мною. Жизнь его наконец была в моих руках я глядел на него жадно стараясь уловить хотя бы одну тень беспокойства... Он стоял под пистолетом выбирая из фуражки спелые черешни и выплевывая косточки которые долетали до меня. Его равнодушие взбесило меня. Что пользы

мне подумал я лишить его жизни когда он ею вовсе не дорожит
Злобная мысль мелькнула в моем уме. Я опустил пистолет. Вам
кажется теперь не до смерти сказал я ему вы изволите завтракать мне
не хочется вам помешать. Вы ничуть не мешаете мне возразил он
извольте себе стрелять а впрочем как вам угодно выстрел ваш остав-
ся за вами я всегда готов к вашим услугам.

Я обратился к секундантам объявив что нынче стрелять не наме-
рен и поединок тем и кончился.

Я вышел в отставку и удалился в это местечко. С тех пор не
прошло ни одного дня чтоб я не думал о мщении. Нынче мой час
настал...

Сильвио вынул из кармана утром полученное письмо и дал мне
его читать. Кто-то казалось его поверенный по делам писал ему из
Москвы что известная особа скоро должна вступить в законный брак
с молодой и прекрасной девушкой.

Вы догадываетесь сказал Сильвио кто эта известная особа Еду в
Москву. Посмотрим так ли равнодушно примет он смерть перед сво-
ей свадьбой как некогда ждал ее за черешнями

При этих словах Сильвио встал бросил об пол свою фуражку и
стал ходить взад и вперед по комнате как тигр по своей клетке. Я
слушал его неподвижно странные противоречивые чувства волнова-
ли меня.

Слуга вошел и объявил что лошади готовы. Сильвио крепко сжал
мне руку мы поцеловались. Он сел в тележку где лежали два чемода-
на один с пистолетами другой с его пожитками. Мы простились еще
раз и лошади поскакали.

(По А. Пушкину)

№ 69

Теперь я должен нарисовать его портрет.

Он был среднего роста стройный тонкий стан его и широкие пле-
чи доказывали крепкое сложение способное переносить все труднос-
ти кочевой жизни и перемены климатов не побежденное ни развратом
столичной жизни ни бурями душевными. Пыльный бархатный сюр-
тук его застегнутый только на две нижние пуговицы позволял разгля-
деть ослепительно чистое белье изобличавшее привычки порядочно-
го человека. Его запачканные перчатки казались нарочно сшитыми
по его маленькой аристократической руке и когда он снял одну пер-
чатку то я был удивлен худобой его бледных пальцев. Его походка
была небрежна и ленива но я заметил что он не размахивал руками

! и

верный признак некоторой скрытности характера. Впрочем это мои собственные замечания основанные на моих же наблюдениях и я вовсе не хочу вас заставить веровать в них слепо. Когда он опустился на скамью то прямой стан **его** согнулся как будто у него в спине не было ни одной косточки **положение** всего его тела изобразило какую-то нервическую слабость. С первого взгляда на лицо его я бы не дал ему более двадцати трех лет хотя после я готов был дать ему тридцать. В его улыбке было что-то детское. Его кожа имела какую-то женскую нежность. Белокурые волосы вьющиеся от природы так живописно обрисовывали его **бледный** благородный лоб на котором только при долгом **наблюдении** можно было заметить следы морщин пересекавших одна другую и вероятно обозначавшихся гораздо явственнее в минуты гнева или душевного беспокойства.

Несмотря на светлый цвет его волос усы его и брови были черные признак породы в **человеке** так как черная грива и черный хвост у белой лошади. Чтоб докончить портрет я скажу что у него был немного вздернутый нос зубы ослепительной белизны и карие глаза. **О** глазах я должен сказать еще несколько слов.

Во-первых они не смеялись когда он смеялся Вам не случалось замечать такой странности у некоторых **людей**... Это признак или злого нрава или глубокой постоянной грусти. Из-за полупушенных ресниц они сияли каким-то фосфорическим блеском если можно так выразиться.

Все эти замечания пришли мне на ум может быть только потому что я знал некоторые подробности **его** жизни и может быть на другого вид его произвел бы совершенно различное впечатление. Но так как вы о нем не услышите ни от кого кроме меня то поневоле должны довольствоваться этим изображением.

Скажу в заключение что он был вообще недурен и имел одну из тех оригинальных физиономий которые особенно нравятся женщинам светским.

(По М. Лермонтову)

№ 70

Два дня спустя Кирила Петрович отправился с дочерью в гости к князю Верейскому. Подъезжая к Арбатову он не мог не налюбоваться чистыми и веселыми избами крестьян и каменным господским домом выстроенным во вкусе английских замков. Перед домом расстился густо-зеленый луг на котором паслись швейцарские коровы звеня своими колокольчиками. Просторный парк окружал дом со всех сторон. Хозяин встретил гостей у крыльца и подал руку молодой **красавице**.

Они вошли в великолепную залу где стол был накрыт на три прибора. Князь подвел гостей к окну и им открылся прелестный вид. Волга протекала перед окнами по ней шли нагруженные барки под натянутыми парусами и мелькали рыбацьи лодки столь выразительно прозванные душегубками. За рекою тянулись холмы и поля несколько деревень оживляли окрестность. Потом они занялись рассмотрением галереи картин купленных князем в чужих краях. Князь объяснял Марье Кирилловне их различное содержание историю живописцев указывал на достоинство и недостатки. Он говорил о картинах не на условленном языке знатока но с чувством и воображением. Марья Кирилловна слушала его с удовольствием. Пошли за стол. Троекуров отдал полную справедливость винам и искусству его повара а Марья Кирилловна не чувствовала ни малейшего замешательства в беседе с человеком которого видела только второй раз отроду.

После обеда хозяин предложил гостям пойти в сад. Они пили кофе в беседке на берегу широкого озера усеянного островами. Вдруг раздалась музыка и шестивесельная лодка причалила к самой беседке. Они поехали по озеру около островов посещали некоторые из них на одном находили мраморную статую на другом уединенную пещеру на третьем памятник с таинственной надписью возбуждавшей в Марье Кирилловне девичье любопытство. Время прошло незаметно начало смеркаться. Князь спешил возвратиться домой самовар их ожидал. Князь просил Марью Кирилловну хозяйничать в доме старого холостяка. Она разливала чай слушая неистощимые рассказы любезного говоруна вдруг раздался выстрел и ракетка осветила небо. Перед домом в темноте вспыхнули разноцветные огни завертелись поднялись вверх колосьями угасали и снова вспыхивали. Марья Кирилловна веселилась как дитя.

Ужин в своем достоинстве ничем не уступал обеду. Гости отправились в комнаты для них отведенные и на другой день поутру расстались с любезным хозяином дав друг другу обещание вскоре снова увидеться.

(По А. Пушкину)

№ 71

В ту самую пору по шоссе усердно и безостановочно шагал какой-то великан с мешком за плечами и длинной палкой в руках. Это был Герасим. Он спешил спешил без оглядки спешил к себе в деревню на родину. Утопив бедную Муму он прибежал в свою каморку уложил кой-какие пожитки в старую попону взвалил на плечо да и был таков. Дорогу он хорошо заметил еще тогда когда его везли в

Москву деревня из которой барыня его взяла лежала всего в двадцати пяти верстах от шоссе. Он шел широко распахнулась его грудь глаза жадно и прямо устремились вперед. Он торопился как будто мать-старушка ждала его на родине как будто она звала его к себе после долгого странствования на чужой стороне в чужих людях...

Только что наступившая летняя ночь была тиха и тепла с одной стороны там где солнце закатилось край неба еще белел с другой стороны уже вздымался синий седой сумрак. Ночь шла оттуда. Перепела сотнями гремели кругом перекликались коростели... Герасим не мог их слышать. Не мог слышать также чуткого ночного шушуканья деревьев мимо которых проносили сильные его ноги но он чувствовал знакомый запах поспевающей ржи которым так и веяло с темных полей чувствовал как ветер летевший ему навстречу ласково ударял его в лицо. Он видел перед собой белеющую дорогу дорогу домой прямую как стрела видел в небе бесчисленные звезды светившие ему в пути и как лев выступал сильно и бодро так что когда восходящее солнце озарило своими влажно-красными лучами месяц между Москвой и им легло уже тридцать пять верст...

Через два дня он был уже дома в своей избенке к великому изумлению солдатки которую туда поселили. Помолясь перед образами тотчас же отправился к старосте. Староста сначала было удивился но сенокос только что начинался Герасиму как отличному работнику тут же дали косу в руки и пошел косить он по-старинному косить так что мужиков только пробирало...

А в Москве на другой день после побега Герасима хватились его. Доложили барыне. Она разгневалась расплакалась велела отыскать его во что бы то ни стало уверяла что никогда не приказывала утопить собаку и наконец дала нагоняй Гавриле.

Наконец пришло известие из деревни о прибытии туда Герасима. Барыня несколько успокоилась сперва было отдала приказание немедленно вытребовать его в Москву потом однако объявила что такой неблагодарный человек ей вовсе не нужен. Впрочем она сама скоро после того умерла а наследникам ее было не до Герасима они и остальных-то людей распустили на оброк.

(По И. Тургеневу)

№ 72

Пока Захар и Анисья не были женаты каждый из них занимался своей частью и не входил в чужую то есть Анисья знала рынок и кухню и участвовала в убиении комнат только раз в год когда мыли полы.

Но после свадьбы доступ в барские покои ей сделался свободнее. Она помогала Захару и в комнатах стало чище и вообще некоторые обязанности мужа она взяла на себя частью добровольно частью потому что Захар деспотически возложил их на нее.

Так блаженствовал он с месяц в комнатах чисто барин не ворчит и он Захар ничего не делает. Но это блаженство миновалось и вот по какой причине.

Лишь только они с Анисей принялись хозяйничать в барских комнатах вместе Захар что ни делает окажется глупостью. Каждый шаг его все не то и не так. Пятьдесят пять лет ходил он на белом свете с уверенностью что все что он ни делает иначе и лучше сделано быть не может. И вдруг теперь Анися доказала ему что он хоть брось и при том она делает это так тихо как делают только с детьми или с совершенными дураками да еще усмехается глядя на него.

Гордость его страдала и он мрачно обращался с женой. Когда же однако случалось что Ильи Ильич спрашивал какую-нибудь вещь а вещи не оказывалось или она оказывалась разбитою и вообще когда случался беспорядок в доме и над головой Захара собиралась гроза он мигал Анисе кивал головой на кабинет барина и указывая туда большим пальцем повелительным шепотом говорил Поди ты к барину что ему там надо

Анися входила и гроза всегда разрешалась простым объяснением. Таким образом опять все заглохло бы в комнатах Обломова если б не Анися она уже причислила себя к дому Обломова бессознательно разделила неразрываемую связь своего мужа с жизнью домом и особой Ильи Ильича.

Она была живая проворная баба лет сорока восьми с заботливой улыбкой и красными никогда не устающими руками. Лица у ней почти вовсе не было только был замечен нос хотя он был небольшой но он как будто отстал от лица или неловко был приставлен и при том нижняя часть его была вздернута кверху оттого лица за ним не было заметно оно так выпцвело что о носе ее давно уже получишь ясное понятие а лица все не заметишь.

(По И. Гончарову)

№ 73

Было уже часов десять и над садом светила полная луна. В доме Шуминых только что закончилась служба которую заказывала бабушка и теперь Наде она вышла в сад на минутку видно было как в зале накрывали на стол как в своем шелковом платье суежилась бабушка.

Отец Андрей говорил о чем-то с матерью Нади Ниной Ивановной и теперь мать при вечернем освещении казалась молодой.

В саду было тихо прохладно и темные тени лежали на земле. Слышно было как где-то далеко должно быть за городом кричали лягушки. Дышалось глубоко и хотелось думать что не здесь а где-то под небом над деревьями далеко за городом в полях и лесах развернулась теперь своя весенняя жизнь таинственная и прекрасная.

Ей Наде было уже двадцать три года с шестнадцати лет она страстно мечтала о замужестве и теперь **наконец** она была невестой Андрея **Андреича** того самого который стоял за окном. Свадьба была назначена на седьмое июля а между тем радости не было...

Вот кто-то вышел из дома и остановился на крыльце это Александр Тимофеевич или попросту Саша гость приехавший из Москвы. Когда-то давным-давно к бабушке хаживала ее дальняя родственница Марья Петровна обедневшая дворянка-вдова маленькая худенькая. У нее был сын Саша. Почти каждое лето приезжал он обыкновенно очень больной к бабушке чтобы отдохнуть и поправиться,

На нем был теперь застегнутый сюртук и поношенные парусиновые туфли стоптанные книзу. Сорочка была неглаженная и весь он имел какой-то несвежий вид. Очень худой с большими глазами с длинными худыми пальцами бородатый и все-таки красивый. К **Шумным** он привык как к родным и у них чувствовал себя как дома.

Когда вошли в залу там **уже** садились ужинать. Бабушка или как ее называли в доме бабуля говорила громко и по манере говорить было заметно что она здесь **старшая**. Ей принадлежали торговые ряды на ярмарке и старинный дом с колоннами и садом но она каждое утро молилась чтобы Бог спас ее от разорения и при этом плакала.

Ты у меня в неделю поправишься сказала бабуля обращаясь к Саше только вот кушай побольше. И на что ты похож

После ужина Андрей Андреевич **играл** на скрипке а Нина Ивановна аккомпанировала на рояле. На столе тихо кипел самовар и только один Саша пил чай.

Проводив жениха Надя пошла наверх где жила с матерью нижний этаж занимала бабушка. Внизу в зале стали тушить огни а Саша все еще сидел и пил чай. Пил чай он всегда подолгу по-московски стаканов по семь. Наде когда она разделась и легла в постель долго еще было слышно как внизу убирала прислуга. **Наконец** все затихло и только слышалось изредка как в своей комнате внизу покашливал Саша.

(По А. Чехову)

Наташа с утра не имела ни минуты свободной и ни разу не успела подумать о том что предстоит ей.

В сыром холодном воздухе в тесноте колыхавшейся кареты она в первый раз представила себе то что ожидает ее там на бале в освещенных залах музыка цветы танцы государь вся блестящая молодежь Петербурга... То что ее ожидало было так прекрасно что она не верила даже тому что это будет так это было несообразно с впечатлением холода и темноты кареты. Она поняла что ее ожидает только тогда когда пройдя по красному сукну подъезда она вошла в сени и пошла рядом с Соней впереди матери между цветами по освещенной лестнице. Но к счастью ее она почувствовала что глаза ее разбегались она ничего не видела ясно пульс ее забил сто раз в минуту и кровь стала стучать у сердца. Она шла замирая от волнения и всеми силами стараясь скрыть его.

Наташа смотрела в зеркала и в отражении не могла отличить себя от других. Все смешивалось в одну блестящую процессию. Наташа слышала и чувствовала что несколько голосов спросили про нее и смотрели на нее. Она поняла что понравилась тем которые обратили на нее внимание и это наблюдение успокоило ее. Есть такие же как мы есть и хуже нас подумала она.

Пьер шел переваливаясь своим толстым телом раздвигая толпу кивая направо и налево так же небрежно и добродушно как бы он шел по толпе базара.

Наташа с радостью смотрела на знакомое лицо Пьера этого шута горохового как называла его Перонская и знала что Пьер отыскивает в толпе их и в особенности ее. Но не дойдя до них Безухов остановился возле невысокого очень красивого брюнета в белом мундире который стоя у окна разговаривал с каким-то высоким мужчиной. Наташа тотчас же узнала невысокого молодого человека в белом мундире это был Болконский.

Пьер подошел к князю и схватил его за руку.

Вы всегда танцуете. Тут есть молодая Ростова пригласите ее сказал он.

Где спросил Болконский. Он пошел вперед по направлению которое ему указывал Пьер. Отчаянное замирающее лицо Наташи бросилось в глаза князю. Он предложил тур вальса.

Давно я ждала тебя как будто сказала эта испуганная и счастливая девочка поднимая свою руку на плечо князя Андрея.

Князь Андрей любил танцевать и желая поскорее отделаться от

умных разговоров с которыми все обращались к нему пошел танцевать и выбрал Наташу потому что на нее указал ему Пьер и потому что она была первая хорошенькая женщина попавшаяся ему на глаза. **Едва** он обнял этот тонкий подвижный стан и она зашевелилась так близко от него и улыбнулась так близко ему вино ее прелести ударило ему в голову он почувствовал себя ожившим и помолодевшим когда переводя дыхание и оставив ее остановился и стал глядеть на танцующих.

(По Л. Толстому)

№ 75

Это было шесть-семь лет назад когда я жил в имении помещика Белокурова молодого человека который вставал очень рано ходил в поддевке по вечерам пил пиво и все жаловался мне что он нигде и ни в ком не встречает сочувствия. Он жил в саду во флигеле а я в старом барском доме в громадной зале с колоннами где не было никакой мебели кроме широкого дивана на котором я спал да еще стола на котором я раскладывал пасьянс. Тут всегда даже в тихую погоду что-то гудело в старых печах а во время грозы весь дом дрожал и казалось трескался на части и было немножко страшно особенно ночью когда **все** десять больших окон освещались молнией.

Обреченный судьбой на постоянную праздность я не делал решительно ничего. По целым часам я смотрел в свои окна на небо на птиц на аллеи читал все что привозили мне с почты.

Однажды возвращаясь домой я нечаянно забрел в какую-то незнакомую усадьбу. Солнце уже пряталось и на цветущей ржи растянулись вечерние тени. Два ряда старых тесно посаженных елей стояли как две сплошные стены образуя мрачную красивую аллею. Я легко перелез через изгородь и пошел по этой аллее скользя по еловым иглам которые тут на вершок покрывали землю. Направо в старом фруктовом саду нехотя слабым голосом пела иволга должно быть старушка. Но вот липы кончились я прошел мимо белого дома с террасой и с мезонином передо мною неожиданно развернулся вид на барский двор и на широкий пруд с купальней с деревней на том берегу с высокой узкой колокольней на которой горел крест отражая в себе заходившее солнце. На миг на меня повеяло очарованием чего-то родного очень знакомого как будто я уже видел эту панораму когда-то в детстве.

У белых каменных ворот которые вели со двора в поле стояли две девушки. Одна из них **постарше** тонкая бледная очень красивая с

целой копной волос на голове имела строгое выражение и на меня едва обратила внимание другая же совсем молоденькая ей было семнадцать—восемнадцать лет не больше тоже тонкая и бледная с большим ртом и с большими глазами с удивлением смотрела на меня когда я проходил мимо сказала что-то по-английски и сконфузилась и мне показалось что и эти два милых лица мне давно уже знакомы. И я вернулся домой с таким чувством как будто видел хороший сон.

(По А. Чехову)

№ 76

Некто Ивлев ехал однажды в начале июля в дальний край своего уезда. Тройку лошадей мелких но справных с густыми гривами нанял он на деревне у богатого мужика. Правил ими сын этого мужика малый лет восемнадцати тупой хозяйственный. Он все о чем-то недовольно думал был как будто чем-то обижен. И убедившись что с ним не разговоришься Ивлев отдался спокойной наблюдательности.

Ехать сначала было приятно теплый день хорошо накатанная дорога с хлебов простирившихся на сколько глаз хватит дул сладкий ветер нес цветочную пыль местами дымил ею и вдали от нее было даже туманно.

Ивлев поглядел кругом погода поскучилась со всех сторон натянуло туч и уже накрапывало эти скромные деньки всегда оканчиваются окладными дождями. Старик пахавший возле деревни сказал что дома одна молодая графиня но все-таки заехали.

Ивлев сидел в темнеющей от дождя гостиной болтая с графиней и ожидал чая. Графиня все сводила разговоры на любовь и между прочим рассказывала про своего соседа помещика Хвощинского который как знал Ивлев еще с детства всю жизнь был помешан на любви к своей горничной Лушке умершей в ранней молодости. Ах эта легендарная Лушка заметил Ивлев шутливо слегка конфузясь своего признания. Оттого что этот чудаковотворил ее всю жизнь посвятил сумасшедшим мечтам о ней я в молодости был почти влюблен в нее воображал думал о ней Бог знает что хотя она говорят совсем нехороша была собой. Да сказала графиня не слушая.

Наконец босая девка с необыкновенной осторожностью подала на старом серебряном подносе крепкого чая и корзиночку с печеньем засиженным мухами.

Когда поехали дальше дождь разошелся уже по-настоящему. Места становились все беднее и глуше. Кончился рубеж лошади пошли шагом и спустились в какие-то еще не кошенные луга. Объехали

какую-то старую плотину потонувшую в крапиве и давно высохший пруд глубокую яму заросшую бурьяном. На плотине среди крапивы мелкими бледно-розовыми цветочками цвел большой старый куст то милое деревцо которое зовут «Божьим деревом».

На бугре куда вела оловянная от дождевой воды дорога на месте леса среди мокрой гниющей щепы и листвы среди пней и молодой поросли горько и свежо пахнувшей одиноко стояла изба. Ни души не было кругом только овсянки сидя под дождем звенели на весь редкий лес поднимавшийся за избою но когда тройка шлепая по грязи поравнялась с ее порогом откуда-то вырвалась целая орава громадных собак черных шоколадных и с яростным лаем залаяла вокруг лошадей. В то же время неожиданно небо расколосось от оглушительного удара грома и лошади понесли вскачь среди замелькавших перед глазами осинового стволов...

(По И. Бунину)

№ 77

Появление Ибрагима его наружность образованность и природный ум возбудили в Париже общее внимание. Все дамы желали видеть его у себя он присутствовал на ужинах не пропускал ни одного бала и предавался общему вихрю со всей пылкостью своих лет и своей породы. Но мысль променять это рассеяние эти блестящие забавы на суровую простоту Петербурга не одна ужасала Ибрагима молодой африканец любил.

Графиня уже не в первом цвете лет славилась еще своею красотою 17-ти лет при выходе ее из монастыря выдали ее за человека которого она не успела полюбить и который впоследствии никогда о том не заботился.

Графиня приняла Ибрагима учтиво но безо всякого особого внимания это польстило ему. Обыкновенно смотрели на молодого негра как на чудо и это любопытство хотя и прикрытое видом благосклонности оскорбляло его. Он чувствовал он для них род какого-то редкого зверя. Он даже завидовал людям никем не замеченным и почитал их ничтожество благополучием.

Мысль что природа не создала его для взаимной страсти избавила его от самонадеянности и притязаний самолюбия что придавало редкую прелесть его обращению с женщинами.

Он понравился графине которой надоели вечные шутки и тонкие намеки французского остроумия. Ибрагим часто бывал у нее. Мало-помалу она привыкла к наружности молодого негра и даже стала

находить что-то приятное в этой курчавой голове чернеющей посреди пудренных париков ее гостиниой Ибрагим был ранен в голову и вместо парика носил повязку. Ему было 27 лет от роду он был высок и строен и не одна красавица заглядывалась на него с чувством более **лестным** нежели простое любопытство но предубежденный Ибрагим или ничего не замечал или видел одно кокетство. Когда же взоры его встречались со взорами графини недоверчивость его исчезала.

Любовь не приходила ему на ум а уж видеть графиню каждый **день** было ему необходимо. Графиня прежде чем он сам угадала его чувства. Что ни говори а любовь без надежд трогает женское сердце вернее всех расчетов обольщения. В присутствии Ибрагима графиня следила за всеми его движениями вслушивалась во все его речи без него она задумывалась и впадала в **обыкновенную** свою рассеянность. Ничто так не воспламеняет любви как ободрительное замечание постороннего. Любовь слепа и не доверяя самой себе торопливо хватается за всякую опору. Напрасно графиня испуганная его страстью хотела противопоставить дружбу и советы благоразумия она сама ослабевала. И наконец увлеченная силой страсти ею же внушенной изнемогая под ее влиянием она ответила восхищенному Ибрагиму.

(По А. Пушкину)

№ 78

В то время как Багратион подъезжал из орудия оглушая его и свиту зазвенел выстрел и в дыму вдруг окружившем орудие видны были артиллеристы подхватившие пушку и торопливо напрягаясь накатывавшие ее на прежнее **место**... Широкоплечий огромный солдат широко расставив ноги отскочил к колесу. Второй номер трясущейся рукой клал заряд в дуло. Небольшой сутуловатый человек офицер Тушин спотыкнувшись на хобот выбежал вперед не замечая генерала и выглядывая из-под маленькой ручки.

Багратион окликнул офицера и Тушин робким и неловким **движением** совсем не так как салютуют военные а так как благословляют священники приложив три пальца к козырьку подошел к генералу. Хотя орудия Тушина были назначены для того чтобы обстреливать лошину он стрелял по видневшейся впереди деревне **Шенграбен** перед которой выдвигались большие массы французов.

Никто не **приказывал** Тушину куда и чем стрелять и он посоветовавшись со своим фельдфебелем Захарченком к которому имел большое уважение решил что хорошо было бы зажечь деревню. Хорошо сказал Багратион на доклад офицера и стал оглядывать все

открывавшееся перед ним поле сражения как бы что-то соображая. С правой стороны ближе всего подошли французы. Пониже высоты на которой стоял Киевский полк в ложине речки слышалась хватающая за душу перекатная трескотня ружей и гораздо правее за драгунами офицер указывал князю на обходившую наш фланг колонну французов. Налево горизонт ограничивался близким лесом. Князь Багратион приказал двум батальонам из центра идти на подкрепление направо. Офицер осмелился заметить князю что по уходе этих батальонов орудия останутся без прикрытия.

Князь Багратион обернулся к офицеру и тусклыми глазами посмотрел на него молча. Князю Андрею казалось что замечание офицера было справедливо и что действительно сказать было нечего. Но в это время прискакал адъютант от полкового командира бывшего в ложине с известием что огромные массы французов шли низом что полк расстроен и отступает к киевским гренадерам. Князь Багратион наклонил голову в знак согласия и одобрения. Посланный туда адъютант приехал через полчаса с известием что драгунский полковой командир уже отступил за овраг ибо против него был направлен сильный огонь и он понапрасну терял людей и потому спешил стрелков в лес.

В то время как он отъезжал от батареи налево тоже послышались выстрелы в лесу и так как было слишком далеко от левого фланга чтоб успеть самому приехать вовремя князь Багратион послал туда сказать старшему генералу тому самому который представлял полк Кутузова чтоб он отступил сколь можно скорее за овраг потому что правый фланг вероятно не в силах будет долго удерживать неприятеля. Про Тушина же и батальон прикрывавший его было забыто.

(По Л. Толстому)

IV. КОМПЛЕКСНЫЕ ДИКТАНТЫ

№ 1

Дли...ой бл...стающей полосой тянется с (З,з)апада на (В,в)осток (Т,т)аймырское озеро. На севере возвышаются каме...ые глыбы за ними маяч...т ч...рные хребты. Весе...ие воды приносят с верховьев следы пр...бывания человека рва...ые сети полавки полома...ые весла и другие немудре...ые принадлежности рыбацкого обихода.

У заболоче...ых берегов тундра ог...лилась только кое(где) белеют и бл...стят на со...нце пятнышки снега. Еще крепко держ...т ноги скова...ая льдом мерзлота и лед в устьях рек и реч...нок долго будет стоять а озеро очистит...ся дней через десять. И тогда песча...ый берег залитый светом перейдет в таинстве...ое свечение со...ой воды а дальше в торжестве...ые силуэты и пр...чудливые очертания противоположного берега.

В ясный ветре...ый день вдыхая запахи пробужде...ой земли мы бродим по протал...нам тундры и наблюдаем мас...у пр...любопытных явлений из(под) ног то и дело выбегает пр...падая к земле куропатка сорвется и тут(же) как подстрел...ый упадет на землю крошечный куличок который стараясь увести незва...ого посетителя от гнезда то(же) начинает кувыркат...ся у самых ног. У основания каме...ой ро...ыпи проб...рается прож...рливый песец покрытый клочьями выл...нявшей шерсти и пор...внявшись с камнями делает хорошо ра...чита...ый прыжок придавливая лапами выск...чившую мыш... А еще дальше горностаи держа в зубах серебр...ую рыбу ск...чками проносятся к нагр...можде...ым валунам.

У медле...о та...щих ледничков начнут оживать и цвести растения первыми среди которых будут розы потому что они разв...ваются и бор...тся за жизнь еще под прозрачной корочкой льда. В августе среди стел...щейся на холмах полярной березы появятся первые грибы ягоды словом все дары короткого северного лета. В поросшей жалкой растительностью тундре то(же) есть свои прелес...ные ароматы. Когда наступит лето и ветер заколыш...т венчики цветов жуж...а прилетит и сядет на цветок шмель большой знаток чудесного нектара.

А сейчас небо опять нахмурилось и ветер беш...о засвистел возвещая нам о том что пора возвращат...ся в до...атый домик полярной

станции где вкусно пахнет пече...ым хлебом и уютом человеч...его
жилья. Завтра начинаются развед...вательные работы.

№ 2

Начало грозы

Еще только оди...адцатый час на исходе а уже (н...)куда (н...) денеш...ся от тяж...лого зноя каким дыш...т июльский день. Раскале...ый воздух (едва)едва колыш...тся над немоще...ой песча...ой дорогой. Еще (не)коше...ая но (на)половину ис...охшая трава никнет и стел...тся от зноя почти (не)выносимого для живого существа. Дремл...т без живительной влаги зелень рощ... и пашен.... Что(то) (не)внятное непр...ста...о шепч...т в полудремоте неутомо...ый кузнечик. Н... человек н... животное н... насекомое никто уже больше не бор...т...ся с истомой. (По)видимому все сдались убедившись в том что сила истомы овладевшей ими (не)победима и (не)пр...одолима. Одна лишь стрекоза чувствует себя (по)прежнему и как н... в чем н... бывало пляшет (без)устали в пахучей хвое. На (не)коше...ых лугах н... ветерка н... росинки. В роще под пологом листвы так(же) душно как и в открытом поле. Вокруг бе...предельная суш... а на небе н... облачка.

Полуде...ое сол...це готовое поразить каждым своим луч...м ж...ет (не)выносимо. Бе...шумно едва приметно струит...ся в низких берегах кристал...бно чистая вода зовущая освежить истомле...ое зноем тело в прохладной глубине.

Но отправиться купат...ся не хочется да и (не)зачем после купания еще больше распариш...ся на солнцепеке.

Одна надежда на грозу лишь она одна может разбудить скова...ую жаром природу и развеять сон.

И вдруг впрямь что(то) грохочет (в)дали (не)ясной и тума...ой и гряда темных туч... движется с (юго)восточной стороны. (В)продолжени... очень короткого времени (в)течени... каких(нибудь) (десяти) пятнадцати минут царит зловещая тишина и все небо покрывается тучами.

Но вот откуда н... возьмись в мертвую глуш... врывается резкий порыв ветра который кажет...ся Н...чем н... сдержишь. Он стремительно гон...т перед собой столб пыли бе...пощадно рвет и меч...т древес...ную листву безжалос...но мнет и пр...клоняет к земле полевые злаки. Ярко бл...снувшая молния режет синюю гущу облаков. (Вот)вот разразится гроза и на обнаже...ые поля польется освежающий дождь. Хорошо(бы) (в)пору укрыт...ся от этого совсем нежда...ого но жела...ого

гостя. Добежать до деревни не удаст...ся а усест...ся в дупло старого дуба (в)пору только ребенку. Гроза надвигается изредк... (в)далеке вспыхнет молния слыш...тся слабый гул постепе...о усиливающийся приближающийся и переходящий в прерывистые раскаты обнимающие весь горизонт. Но вот сол...це выглянуло в последний раз осветило мрачную сторону небосклона и скрылось. Вся окрес...ность вдруг изменилась приняла мрачный характер и гроза началась.

№ 3

Тихий сентябрьский день был на исходе. По лесным дорогам (в)горудвигались иску...но замаскирова...ые ветвями пушки и трех...тон...ки шли караваны груже...ых (по)видимому минами лошадей. У всех в этот день было приподнятое настроение обе...сил...вшие за последние дни бойцы расположившись (не)большими но плотными груп...ками или (по)одиначке (на)спех писали письма и (в)полголоса переговариваясьподкреплялисьтуш...нкой.

Уже совсем стемнело и в ущель... стало холодно когда покинув позиции батальоны отправились (в)путь. Было непонятно как в густом лесу при едва бре...ж...щем свете луны двигаясь (на)ощупьлюди найдут свое место в горах и приготовятся к бою. Однако командиры рот заранее изучили окрес...ности и поэтому отход протекал нормально.

Неприятель (в)течени... ночи почти (не)пытавшийся штурмовать на ра...свете (в)открытую ринулся на нашу ар...ергардную роту оставле...ую в теснине... Но н...кто из фашистов (не)видел как на вершине криста...ических скал укрытые охапками легких стел...щихся ра...тений едва зыбл...щихся на ветру расположились наблюдатели буквально (не)сводившие глаз с врага.

Взволнова...ые долгим ожиданием готовые стоять (на)смертьлежали бойцы на скалах а на дорогах (не)доступные огню шли фашисты. Опас...ность была настолько велика что (н...)у кого (н...)возникламысль пр...небречь ею или хотя бы пр...уменьшить ее.

И в эту минуту (как)будто раскололось небо загрохотали пушки и минометы тысяч...кратным эхом к...н...нада отразилась в горах и в бл...стающую (кристал...но)чистую голубизну неба поднялся (изжелт...) багровый дым.

С хриплыми далеко (не)стройными голосами бойцы бросились (в)рукопашную и было хорошо видно как по дороге суматошно словно шарики рассыпа...ой ртути металась фашисты. Только ночью гитлеровцы нащупали почти (не)защище...ое место и прорвав оборону (в)ра...сыпную бросились по теснине. Так закончился бой...

Лебедь по своей величине силе и красоте и величавой осанке давно и справедливо назван подлинным царем всего подводного птичьего мира. Белый как снег с блестящими (не)большими глазами длинношеий он прекрасен когда (не)возмутимо спокойно плывет по темно(синей) зеркальной поверхности воды. Но все его движения при исполнении безскудной прелести начнет(ли) он пить и зачерпнув носом воды поднимет голову (в)верх и вытянет шею начнет(ли) купаться нырять как заправский плывец залихватски плывая своими могучими крыльями далеко распространяя брызги воды распустит(ли) крыло по воздуху как(будто) длинный косой парус и начнет беспрестанно носом перебирать в нем каждое перышко проветривая и суша его на солнце все (не)постыжимо живописно и величаво в нем.

Лебединых стай я (не)видывал в тех местах (О, о)ренбургской губернии где я постоянно охотился и где мне неоднократно встречались косяки других птиц лебеди бывают там только пролетом. Однако бывает и так (не)скольким лебедям приходящим в холостом состоянии понравится привольное место (не)подалеку от моей допотопной временки и они если только (не)будут отпуганы прогостят в течении недели а то и более. Откуда они прилетают и куда улетают я не знаю. Однажды их гостевание продолжалось три месяца а может быть было бы и более пока не случилось приключившееся неприятнейшее местное событие рошил (не)кто иной как обездолчик нашего участка убил одного (на)повал для пуха (не)превзойденные достоинства которого извесны нам.

В большинстве старинных песен особенно в (южно)русских лебедь приносится как роскошная благородная птица никогда бросающая собратьев по стае в несчастье. Неотемленное качество птичьего вожака подвижничество во имя стаи. Обессилевшие обескровившие они будут отчаянно защищать других. Лебеди не склоняются даже перед (не)приодолимыми препятствиями.

Небеззвесна их недюжинная сила. Говорят что если собака бросится на детей лебедя или кто(то) приблизится к нему (легко) раненому он ударом крыла может прибить до смерти. Так(же) как и в песнях незыблительно прекрасен этот образ и в сказках. (Во)истину легендарная птица

Отправляя в разведку Метелицу Левинсон наказал ему во что (бы) то н... стало вернут...ся этой же ночью. Но деревня куда был послан взводный на самом деле лежала много дальше чем предполагал Левинсон Метелица покинул отряд около четырех часов (по)полудни и (на)совесть гнал жеребца согнувшись над ним как хищная птица жестоко и весело раздувая тонкие ноздри точно опьяне...ый этим беш...ым бегом после пяти медлительных и скучных дней но до самых сумерек бежала (в)след не убывая тайга в ш...рохе трав в холодном и грус...ном свете умирающего дня. Уже совсем стемнело когда он выбрался наконец из тайги и придержал жеребца возле старого и гнилого с провалившейся крышей омша...ика как видно (давным)давно заброше...ого людьми.

Он привязал лошадь и хватаясь за рыхлые осыпающиеся под руками края сруба взобрался на угол рискуя провалиться в темную дыру откуда омерзительно пахло задуше...ыми травами. Приподнявшись на цепких полусогнутых ногах стоял он минут десять (не)шелохнувшись зорко вглядываясь и вслушиваясь в ночь (не)видный на темном фоне леса и еще более похожий на хищную птицу.

Метелица прыгнул на седло и выехал на дорогу. Ее черные давно (не)езже...ые колеи едва проступали в траве. Тонкие стволы берез тихо белели во тьме как потуше...ые свечи.

Он поднялся на бугор слева (по)прежнему шла ч...рная гряда сопков изогнувшихся как хребет гиган...ского зверя шумела река. Верстах в двух должно быть возле самой речки горел костер он напоминал Метелице о сиром одиночестве пастуш...ей жизни дальше пересекая дорогу тянулись ж...лтые (не)мигающие огни деревни. Линия сопков справа отворачивала в сторону теряясь в синей мгле в этом направлении... мес...ность сильно понижалась. Как видно там пролегало старое речное русло (в)доль него чернел угрюмый лес.

Болото там не иначе подумал Метелица. Ему стало холодно он был в ра...тегнутой солдатской фуфайке поверх гимнастерки с оторва...ыми пуговицами с распахнутым воротом. Теперь он походил на мужика с поля после германской войны многие ходили так в солдатских фуфайках.

Он был уже совсем близко от костра вдруг конское тревожное ржание раздалось во тьме. Жеребец рванулся и вздрагивая могучим телом завторил стра...но и жалобно. В то(же) мгновение у огня качнулась тень и Метелица с силой ударил плетью и взвился вместе с лошадей.

Небольшая дорожка вела нас через (свеже)скоше...ый луг и мы (в)волю налюбовались веселым полесным пейзажем. Как только мы вошли в лес внимание наше привлёк незнакомый нам (до)селе знак вырубле...ый на сосне. Он напоминал изображение опере...ой стрелы дли...ой не менее полутора...двух метров так что оперение охватывало ствол во(всю) его ширину.

Приглядевшись к одной из сосен мы увидели что у нижнего конца стрелы там где положе...о быть наконечнику прикреплен к дереву железный колпач...к наполне...ый белой мас...ой похожей на топле...ое масло. Тогда память подсказала чита...ое в уче...ых книгах и даже стихах небез...вестное слово «живица».

Сегодня сосна оказалась с таким же фантастическим значком и третья и четвертая...

Всмотревшись в (не)ясную далекую глубину бора мы увидели что все сосны (как)одна несут на себе изображение огромной стрелы. Сквозь сосны вскоре проглянули (не)высокие постройки и мы предварительно спросив у продавщицы магазинчика сидевшей на завал...нке у своего селёпо и щ...лжавшей тыкве...ые сем...чки очень скоро нашли техн...рука. Это был молодой мужчина невысокого роста с (мало)заметными усиками в простой в полосу рубаше с резинками на рукавах в ш...виотовых брюках заправле...ых в валя...ые сапоги. Звали его Петр Иванович. Он извиняясь за свой внешний вид сообщил нам что весной застудил ноги и теперь вынужден даже в жару ходить в вал...нках. Ра...казывая он (не)заметно подвел нас к домику и смущаясь пригласил войти. В комнате с высокой до...атой перегородкой сплош... увеш...нной плакатами и картинками с видами леса нас встретила молодая красивая хозяйка с ч...рными до блеска волосами и (ярко)голубыми глазами. На ней было скромное ситцевое платье с какими(то) замысловатыми разводами соверше...о непонятного цвета. (Не)успели мы (как)следует поздороват...ся с ней как она уже поставила на стол большое дерева...ое блюдо с варе...ыми грибами чашку с пече...ым в золе картофелем кваше...ую капусту моче...ые яблоки молоко хлеб.

Мы (в)последстви... несколько дней (к)ряду с благодарностью вспоминали гост...пр...имных хозяев в маленькой лесной деревеньке от которых узнали много интересного о тайнах живицы.

Портреты Крамского отличаются глубиной раскрытия не только психологии характера модели но и ее прелести и очарования.

Поиски Крамским красоты в жизни желание поднять...ся над будничностью из обычного сделать (не)обычное прекрасное радующее глаз выразились в знаменитой картине «Неизвес...ная».

Жажда прекрасного способность очаровыват...ся внешней красотой г...рмонией совершенством была в художнике так(же) сильна как вера в необходимость самопожертвования как пр...кло-нение перед силой человеческого духа перед мужеством и стойкостью характера.

Сравнивая этюд к «Неизвес...ной» с картиной мы видим в его основе тот(же) сюжет ту(же) композицию и ту(же) модель. Бе...пр...страс...но и об...ективно раскрывая характер портретируемой Крамской н... наделяет ее н... красотой н... обаянием жен...щина и ч...порна и надме...а губы пр...зрительно сжаты глаза высокомерно пр...щуре...ы. Лицо полное и чуть одутловатое.

В картине возникает совсем другой образ. Чуть изменен поворот головы она гордо поднята с легким как(бы) снисходительным поклоном повернута направо. Это пр...даетжен...щине грациозность и изящество вместо сдержа...ой ч...порности. Все черты лица тон...ше изящней изменилось выражение больших бл...стящих глаз густо опуше...ых рес...ницами. Эстетическое насл...ждение доставляет в...ртуозная передача нежной женской руки затянутой в перчатку бархата шубки плотно облегающей фигурку страусового пера колыш...щегося на ветру. Крамской тонко чу...ствует красоту всего этого но искус...ное изображение аксес...уаров не отвлекает внимания художника от внутре...его смысла образа.

Эта красивая но (мало)привлекательная жен...щина холодна и надме...а. Она очень сдержа...а замкнута но ее влас...ный характер (не)трудно разгадать и в манере держат...ся и в бе...трас...ном взгляде глаз. Внешняя красота изыска...ость жен...щины (не)скрыли ее человеческой холодности. В этом портрете Крамской вопл...тил определе...ый тип жен...щины в котором красота лише...ая душевного об...яния составляет главную черту характера.

Образ «Неизвес...ной» соч...тающий в себе красоту и одновреме...о душевную пустоту единстве...ый в творчестве художника но столь интересный и значительный что (не)вольно становится...ся своеобразной загадкой скрывающей исти...ый замысел художника.

Деревня Маниловка (не)многих могла заманить своим местоположением. Дом господский стоял на юру то есть на возвышении... открытом всем ветрам. На покатоности горы одетой подстриже...ым дерном были разброса...ы (по)английски две-три клумбы пять-шесть берез (не)большими купами возносили свои мелколис...ные жиденькие вершины. Под двумя из них видна была (не)большая но высокая беседка с надписью «Храм уед...нен...ого размышления» пониже был покрытый зеленью пруд отнюдь (не)диков...ый в аглицких садах русских помещиков. У подошвы этого возвышения темнели серенькие бревенчатые избы сразу сосчита...ые нашим героем. (Не, ни)где между ними н... было (не, ни)р...стуш...го деревца (не, ни)какой-нибудь зелени. Вид оживляли две бабы которые карти...о подобравши платье и подтыкавшись со всех сторон брели по колени в пруде влача изорва...ый бредень где видны были два запутавш...ся рака и бл...стела попавш...я плотва. Даже самая погода весьма кстати прислужилась день был (не)ясный и (не)мрачный а какого(то) (светло)серого цвета. Для пополнения картины (не)было (не)достатка в петухе предвозвес...нике переменчивой погоды который (не)смотря на голову продолбле...ую до самого мозга носами других петухов горланил очень громко похлопывая крыльями обдерга...ыми как старые рогожки. (По)одаль в стороне темнел каким(то) (скудно)синеватым цветом сосновый лес.

Под...езжая ко двору Чичиков заметил самого хозяина стоящ...го на крыльце и приставивш...го руку ко лбу (в)виде зонтика над глазами чтобы рассмотреть получше под...езжавший экипаж. По мере пр...ближения брички к крыльцу глаза его делались веселее и улыбка раздвигалась более и более.

(По Н. Гоголю)

№ 9

В безветре...ую пред...юльскую пору по изв...вающейся тропинке мы возвращаемся с охоты. У каждого за спиной холщ...вый меш...чек наполне...ый добычей настрел...ой (в)течени... нескольких часов.

Охота была удивительно удачной поэтому нас не ра...траивало то что четырех подстрел...ых уток собаки не могли раз...скать.

Обе...илев от ходьбы мы улеглись у повале...ой березы покрытой какой(то) стел...шейся растительностью. Не на ра...стеле...ой тканой

скатерти а на шелковистом мху чуть(чуть) высеребр...ом тонкой паутинкой разложили мы дорожные я...ства. Среди них были купле...ые продукты и (не)купле...ые в магазине домашние изделия. Маринов...ые грибы поджаре...ая колбаса масл...ые ржа...ые лепешки сгуш...ое молоко говяжья туш...нка печ...ый картофель немного вывал...ый в золе и глоток напитка насто...ого на каком(то) дикови...ом снадобье покажутся вкус...ными на свежем воздухе самому сверх...зыка...ому гурману.

Трудно сравнить с чем(либо) то очарованье и насл...жденные которое испытываешь когда лежиш... у костра на берегу без...мя...ой реч...нки в лесной чаш...бе.

Возникают разговоры на самые необыкновенные и неожида...ые темы о транс...европейских экспрес...ах транс...атлантических перелетах сибирских морозах обез...ян...их проделках искус...ных мастерах и о многом другом.

Изредк... беседу нарушают непроше...ые гости оводы и комары. (По)справедливости они назва...ы путешеестве...иками бич...м северных лесов.

Легонький ветерок (едва)едва зыбл...т травы. Сквозь ветви деревьев виднеется голубое небо а на суч...чках (кое)где держатся золоч...ные листочки. В мягком воздухе разлит пря...ый запах.

Вдал...ке неожида...о появились свинц...вые тучи бл...снула молния.

Вряд(ли) нам (во)время удаст...ся укрыт...ся от дождя.

К счастью (в)близи оказался домишк... лесного об...ез...чика низенькое бревенчатое строень...це. Сынишк... хозяина остриж...ый мальчуган одетый в короткое пальт...цо приветливо кивал нам головой.

Отбл...стали молнии ярос...ный ливень сначала пр...остановил а затем и вовсе прекратил свою трескотню.

Стихии больше не спор...т не ссор...тся не бор...тся.

Ра...тро...ые полчища туч... уносятся куда(то) (в)даль.

Выйдя из дома мы (в)начале следуем по уже ежж...ому проселку а потом по асфальтирова...ому шос...е заменившему прежнюю (не) мощ...ую дорогу.

№ 10

Андрей Болконский под Аустерлицем

Смеша(н, нн)ые все увеличивающ...ся толпы бежали туда где казалось пять минут назад войска проходили мимо императоров.

Болконский чувствуя что (не)возможно не податься назад вместе с толпой старался только не отставать от нее и оглядывался

(не)доумевая и (не)в силах понять того что делалось перед ним. Князь Андрей протеснился до Кутузова на щеке которого он увид...л кровь. Вы ране(н, нн)ы спросил Болконский удерживая дрожание нижней челюсти. Рана (не)здесь а вот где сказал Кутузов прижимая платок к ране(н, нн)ой щеке и указывая на бегущих...

Войска бежали такою густою толпою что раз попавши в середину толпы трудно было из нее выбраться. С величайшим усилием выбравшись из потока Кутузов со свитой уменьше...ою более чем (в)двое поехал на звуки артил...ери...ких выстрелов русской батареи князь Андрей старался не отставать от него.

Французы атаковали батарею и увид...в Кутузова выстрелили по нему. С этим залпом упало несколько солдат и подпрапорщик стоявший со знаменем выпустил его из рук знамя зашаталось и упало задержавшись на ружьях соседних солдат.

Болконский оглянувшись и указывая на ра(с, сс)трое(н, нн)ый батальон с отч...я(н, нн)ым видом промышчал Кутузов что(же) это? Но прежде чем он договорил князь Андрей чувствуя слезы стыда и злобы подступившие к горлу уже соскакивал с лошади и бежал к знамени.

Ребята вперед! крикнул он (по)детски пронзительно. Вот оно! думал князь Андрей схватив древко и с насл...ждением слыша свист пуль очевидно направле...ых именно против него. Ура закричал князь Андрей едва удерживая в руках тяжелое знамя и побежал (в)перед с несомненной увере(н, нн)остью что весь батальон побежит за ним.

Действительно он пробежал один только (не)сколько шагов потом тронулся один другой солдат и весь батальон с криком «ура!» побежал (в)перед и обогнал его. Унтер-офицер батальона подбежав взял колебавш...ся от тяжести в руках князя Андрея знамя но тотчас (же) был убит. Князь Андрей опять схватил знамя и волоча его за древко бежал с батальоном. Он (по)прежнему слышал над собою (не)перестававший свист пуль и бе...пр...станно (с)права и (с)лева от него охали и падали солдаты. Но он не смотрел на них он вглядывался только в то что происходило (в)переды его на батарее.

(По Л. Толстому)

№ 11

Хотя для настоящего охотника дикая утка (не)представляет (н...)чего особе...ого но за (не)имением другой дичи дело было в начале сентября мы отравились в Льгов. Льгов большое степное село расположе...ое на болотистой речке Росоте. Эта речка верст за пять от Льгова превращается в широкий пруд заросший густым трос...ником. Здесь водилось

бе...числе...ое множество уток. Мы пошли с Ермолаем вдоль пруда но (во)первых у самого берега утка (не)держится (во)вторых наши собаки не были в состояни... достать убитую птицу из сплошного к...мышья. Надо достать лодку потаеи назад в Лыгов промолвил (на)конец Ермолай. Через четверть часа мы сев в лодку Сучка когда(то) господского рыболова плыли по пруду. К счастью погода была тихая и пруд словно заснул. Наконец мы добрались до трос...ников и пошла потеха.

Утки испуга...ые нашим неожида...ым появлением шумно поднимались и кувыркаясь в воздухе тяжело шлепались в воду. Всех подстрел...ых уток мы конечно не достали. Владимир к великому удивлению Ермолая стрелял вовсе (не)отлично. Ермолай стрелял как всегда победоносно. Я (по)обыкновению плохо.

Погода стояла прекрасная и ясно отражаясь в воде белые круглые облака высоко и тихо неслись над нами.

Когда мы уже собирались вернуться в село с нами случилось (не)приятное прои...шествие.

К концу охоты словно на прощанье утки стали подниматься такими стаями что мы едва успевали заряжать ружья. Вдруг от сильного движения Ермолая он старался достать убитую птицу и всем телом налег на край наше ветхое судно накл...нилось и торжестве...о пошло ко дну к счастью (не)на глубокое место. Через мгновение мы стояли в воде по горло окруже...ые всплывшими телами мертвых уток. Теперь я без хохота вспомнить не могу испуга...ых и бледных лиц моих товарищей вероятно и мое лицо не отличалось тогда румянц...м но в ту минуту признаюсь мне и в голову не приходило смеят...ся.

Часа два спустя мы измуче...ые грязные мокрые достигли наконец берега и развели костер. Солнце садилось и широкими багровыми полосами разбегались его последние лучи.

(По И. Тургеневу)

№ 12

Из сеней он (Чичиков) попал в комнату тоже темную (чуть)чуть озаре...ую светом выходявш...м (из)под широкой щели находивш...ся внизу двери. Отворивши эту дверь он наконец очутился в свету и был поражен представш...м беспорядком. Казалось как будто в доме происходило мытье полов и сюда на время нагромоздили всю мебель. На одном столе стоял даже слома...ый стул и рядом с ним часы с остановивш...мся маятником к которому паук уже приладил паутину. Тут же стоял прислоне...ый боком к стене шкаф со стари...ым серебром графинчиками и китайским фарфором. На бюро выложе...н...м

перламутровой мозаикой которая местами уже выпала и оставила после себя одни желтенькие желобки наполне...ые клеем лежало множество всякой всячины куча исписа...ых мелко бумажек накрытых мраморным позеленевш...м прес...ом с яичком наверху какая (то) стари...ая книга в кожа...ом переплете с красным обрезом лимон весь высохший ростом не более лесного ореха отломле...ая ручка кресел рюмка с какой(то) жидкостью и тремя мухами накрытая письмом кусочек сургучика кусочек где(то) поднятой тряпки два пера запачка...ые чернилами высохшие как в чахотке зубочистка соверше...о пожелтевш...я которую хозяин может быть ковырял в зубах своих еще до нашествия на Москву французов.

По стенам навеша...о было весьма тесно и бе...толково несколько картин дли...ый пожелтевший гравюр какого(то) сражения с огромными барабанами кричащ...ми солдатами и тонуш...ми конями без стекла вставле...ый в рамку красного дерева. Рядом с ним занимала (пол)стены огромная почерневш...я картина писа...ая масля...ыми красками изображавш...я цветы разреза...ый арбуз кабанью морду и висевш...ю вниз головой утку.

(По Н. Гоголю)

№ 13

Песча...ая отмель далеко золотилась протянувшись от темного обрывистого с нависшими деревьями берега в тихо сверкающую дремотно светлеющую реку пропавшую за дальним смутным лесом.

Вода живым серебром прост...ралась до другого берега а ветер настоя...ый на полевых травах едва приметно колебл...т молодую поросль стел...щуюся по карнизам крутого берега.

Задумчивая улыбка (не)нарушаемая присутствием человека лежит на всем на син...ве неба на (лениво)ласковой реке зыбл...щейся под ветром и кажется что эта улыбка так(же) таинстве...а как и вся жизнь природы. Даже (на)половину выгаше...ый до...аник выдолбле...ая из дерева лодка кажется (не)делом человеческих рук а почернелым от времени сваливш...мся с родного берега лесным гигантом а рыбачья избушка приютившаяся под самым обрывом напоминает (н...)что иное как (старый)престарый гриб.

Из избушки вышел (не)молодой но крепкий старик в холстин...ой рубахе прислушался к далеким звукам колокола которые обес...иле...ые рас...тоянием едва доносились сюда. И двигая бровями как наежившийся кот шерстью повернулся и тяжело ступая по хрустящему песку подошел к разос...ланной б...чеве с навяза...ыми крючками и

стал подтачивать их напильником и прот...рать сальной тряпкой чтоб не ржавели в воде.

Чего только (н...)видел на долгом веку старик но он приложив козырьком ч...рную ладонь долго любитесь тем как играет и колебл...тся (не)стерпимый для глаз блеск воды. Потом он берет узкое весло лежащее (по)одаль и сталкивает в воду лодку невольно напоминая при этом большого муравья тащ...щего свою добычу.

(По А. Серафимовичу)

№ 14

Глухари...ый ток

В весе...ую пору хорошо в лесу воздух особе...о свеж... и пахуч... повсюду разносится запах прелых листьев и отта...вшей земли.

Впечатления связа...ые с весе...ей охотой на глухарей (не)изгладимы в моей памяти. Еще совсем (не)ра...вело и над спящим лесом плывет прозрачная ночная тишина в которой ясно слышится каждый ш...рох и ш...пот. Хрус...нет под ногой ветка треснет лед...ная корка затянувшая (не)глубокое но широкое болотце и снова тиш....

Когда идешь... по лесу то время(от)времени останавливаешь...ся и прислушиваешь...ся. Хочет...ся (в)срок добрат...ся до места тока когда глухарь еще не начинал своей песни. Внимательно слушаешь... и вдруг неожида...о раздаст...ся в воздухе резкий отрывистый крик. Вскоре ему отвечает другой и на болоте начинает...ся звонкая переключка. Напряже...о вслушиваешь...ся в лесную мглу поминутно взглядывая на стрелки часов.

На востоке в глубине леса между верхушками деревьев бр...жит почти (не)заметный свет и ночная тьма начинает (по)немногу рассе...ваться.

Но вот уже (в)дали лесной слышатся (не)уловимые для (не)опытного охотника звуки глухари...ой песни. Характерное шелканье щебетание слышит...ся из отдале...ой чащ...бы и наполняет предра...ветную лесную тишину переливаясь в воздухе таинств...ыми и волнующими звуками.

Предостав...те время глухарям распет...ся и тогда мож...те медле...о и осторожно передвигаться в ту сторону откуда виднеют...ся первые отблески утре...ей зари и наиболее громко доносит...ся песня глухаря. Передвигат...ся нужно как можно осторожнее иначе приблизит...ся к птице вам не удаст...ся. Стоит только глухарю замолчать как зам...раешь... на месте и стоиш... неподвижно. Запоем глухарь снова

двигаеш...ся к месту глухари...ого тока где опять отчетливо слыш...тся звонкая трель. В алом свете зари глухарь кажется мас...ивной точе...ой фигурой из черного дерева. Лиш... чуть заметное движение этой фигуры свидетельствует о том что это не мертвый предмет.

№ 15

Едигей достал из лодки тяжелый кожа...ый бурдюк наполне...ый водой развязал его и выплеснул на пр...брежную гальку вместе с водой золотого мекре. То была большая рыба. Могучая и красивая рыба. Она беш...о заколотила золотым хвостом изгибаясь подпрыгивая разметая вокруг мокрую гальку и (широко)р...зевая розовую пасть обратилась к морю пытаясь добраться до родной стихии до прибоя. На какую(то) (не)долгую секунду рыба вдруг замерла напряже...о затихла пытаясь освоит...ся оглядывая (не)мигающими безупречно круглыми чистыми глазами тот мир в котором нечая...о очутилась. Даже в сумеречном предвечерь... зимнего дня (не)привычный свет ударил в голову и увидела рыба сияющие глаза людей склонившихся над ней кромку берега и неба и в очень далекой перспективе над морем различила за редкими облаками на горизонте (нестерпимо)яркий для нее закат угасающего солнца. Задыхаться начала. И рыба вскинулась. Заколотилась закрутилась с новой силой желая добраться до воды. Едигей поднял золотого мекре под жабры.

Подставляй руки держи сказал он Укубале.

Укубала приняла рыбину как ребенка на обе руки и прижала ее к груди.

Какая она упругая воскликнула Укубала ощутив ее пружинистую внутрен...ую силу. А тяжелая как полено И как здорово пахнет морем И красивая какая На Едигей я довольна очень довольна. Исполнилось мое желание. Отпусти ее в воду поскорей...

Едигей понес золотого мекре к морю. Войдя по колено в набегающий прибой он дал рыбе соскользнуть вниз. На какое-то короткое мгновение когда золотой мекре падал в воду отразилась в густой син...ве воздуха вся золотая оснастка рыбы от темен... до хвоста и бл...снув испарывая воду стремительным корпусом рыба уплыла в глубину...

(По Ч. Айтматову)

№ 16

Овсяников придерживался стари...ых обычаев не из суеверия душа в нем была довольно свободная а по привычке. Он например не

любил ресс...орных экипажей потому что не находил их покойными и раз...езжал либо в беговых дрожках либо в небольшой красивой тележке с кожа...ой подушкой и сам правил своим добрым гнедым рысаком он держал одних гнедых лошадей. Кучер молодой краснощекий парень остриже...ый в скобку в синеватом армяке и низкой баран...ей шапке подпояса...ый ремнем почтительно сидел с ним рядом. Овсяников всегда спал после обеда ходил в баню по суб...отам читал одни духовные книги (при)чем с важностью надевал на нос круглые серебр...ые очки вставал и ложился рано. Бороду однако же он брил и волосы носил (по)немецки. Гостей он принимал весьма ласково и радушно но не кланялся им в пояс не суетился не по...чевал их всяким сушеньем и соленьем. Жена говорил он медле...о (не)вставая с места и слегка повернув к ней голову. Принеси господам чего (нибудь) полакомиться. Он поч...тал за грех продавать хлеб божий дар и в 40-м году во время всеобщего голода и страшной дороговизны роздал окрес...ным помещикам и мужикам весь свой запас они ему на следующий год с благодарностью внесли свой долг натурой. К Овсяникову часто прибегали соседи с просьбой рас...удить пом...рить их и почти всегда слушались его совета. Многие по его милости окончательно размежевались... Но после двух или трех ошибок с помещицами он об...явил что отказывается от всякого посредничества между особами женского пола. Терпеть он не мог поспешности тревожной торопливости бабьей болтовни и суеты.

(По И. Тургеневу)

№ 17

Проснувшись я долго не мог сообразить где я.

Надо мной ра...т...лалось голубое небо по которому тихо плыло и та...ло сверкающее облако. Закинув несколько голову я мог видеть в вышине темную деревя...ую церковку наивно глядевшую на меня (из)за зеленых деревьев с высокой кручи. Вправо в (не)скольких саженьях от меня стоял какой(то) (не)знакомый шалаш влево серый неуклюжий столб с широкой до...атою крышей с кружкой и с доской на которой было что(то) написано.

А у самых моих ног пл...скалась река.

Этот(то) плеск и разбудил меня от сладкого сна. Давно уже он прорывался к моему сознанию бе...покоящим ш...потом и точно ласкающим но вместе бе...пощадным голосом который подымает на з...ре для неизбежного трудового дня. А вставать так не хочет...ся...

Я опять закрыл глаза чтоб отдать себе (не)двигаясь отчет в том как

я очутился здесь под открытым небом на берегу плещ...щейся реч...нки в соседстве этого шалаша.

(По)немногу в уме моем во...тановились предшествующие обстоятельства. Пред...дущие сутки я провел на Святом озере у (не)видимого града Китежа толкаясь между народом слушая гнусавое пение нищих слепцов страс...ные религиозные споры бе...поповцев и скитников. Мне вспомнились утомле...ые лица мис...ионеров и св...ще...иков кучи книг на аналое при помощи которых спорившие раз...скивали нужные тексты в толстых фол...антах. На з...ре я с трудом протолкался из толпы на простор и усталый с головой отяжелевшей от бе...плодности этих споров с сер...цем сжимавш...мся от безотчетной тоски и разочарования поплелся (во)свояси. Тяжелые нерадос...ные впечатления уносил я от берега Святого озера от (не) видимого но страс...но взыскуемого народом города. Точно в душном склепе при тусклом свете угасающей свечи провел я всю эту бе...сонную ночь прислушиваясь как где(то) за стеной кто(то) читает мерным голосом зауспокойные молитвы над заснувшей (на)веки народной мыслью.

Со...нце уже встало над лесами и водами Ветлуги когда я пройдя около пятнадцати верст лесными тропами вышел к реке и тотчас(же) свалился на песок точно мертвый от усталости и вынесе...ых с озера суровых впечатлений.

(По В. Короленко)

№ 18

Общая квартира Мечиславского и Остроухова состояла из двух комнат. Первая темная комната была обраще...а в прихожую а светлая в спальню.

Светлая комната была замечательна простенками необыкновенной ширины как(будто) бы предполагали строить замок а не (двух) этажный дом. В громадном простенке стоял большой стол с зеленоватым маленьким самоваром. На круглом ржавом подносе с маленькой реш...точкой кругом стояли два стакана. Напротив стола у стены находился мас...ивный турецкий диван обтянутый тиком во многих местах разодра...ый откуда виднелась другая материя. За диваном у печки стоял маленький простого дерева К...мод с ра...охшимися ящиками и тут(же) маленький туалетный ящик с зеркалом.

По другой стене тянулась дли...ая кровать с коротенькой периной и кожа...ыми подушками напоминавшая детей выр...сших из своего платья. Возле кровати разложе...ый стол на нем запыле...ые роли парики бритвы все пересыпа...о табаком и пылью.

Остроухов даже не имел зеркала а какой(то) кусочек обдела...ый в пеструю бума...ку.

Противоположная стена от двери до окна была завеша...а разного рода платьями тут висел францу...ский к...фтан с блестками греческая рубашка испанский плащ рядом с засале...ым халатом шубой и другими платьями.

Когда Остроухов возвратился домой он застал Мечиславского лежащим на диване с ролью в руке. По нахмуре...ым бровям и взглядам (и...)подлобья можно было догадат...ся что Остроухов чем(то) (не)доволен. Его умное лицо разрисова...ое морщинами имело обычное выражение утомления и грусти. Но Мечиславский (не)обратил внимания на своего друга он слишком был погружен в свои мысли. Наконец он окликнул его после долгого молчания и тот так вздрогнул что роль выпала у него из рук. Мечиславский пугливо посмотрел на своего товарища и покачал головой (Не)хорошо братец На меня (н...)чего смотреть что я своей роли не знаю память стала слаба. А вот ты ты другое дело. Придет...ся тебе смотреть на свою возлюбле...ую и в то(же) время подставлять ухо к суфлеру. Не годится братец

Мечиславский как пр...стыже...ый школьник громко стал читать свою роль.

(По Н. Некрасову)

№ 19

Пахло жасмином в старой гости...ой с покосившимися полами. Сгнивший (серо)голубой от времени балкон с которого за отсутствием ступенек надо было прыгивать тонул в крапиве бузине бересклете. В жаркие дни когда его пекло солнце когда были отворе...ы осевшие стекла...ые двери и веселый отблеск стекла передавался в тусклое овальное зеркало висевшее на стене против двери все вспоминалось нам фортепиано тети Тони когда-то стоявшее под этим зеркалом. Когда-то играла она на нем глядя на пожелтевшие ноты с заглавиями в завитушках а он стоял сзади крепко подпирая талию левой рукой крепко сжимая челюсти и хмурясь. Чудесные бабочки и в ситцевых пестренках платьицах и в японских нарядах и в (черно)лиловых бархатных шалих залетали в гости...ую. И перед от...ездом он с сердцем хлопнул однажды ладонью по одной из них трепетно зам...равшей на крышке фортепиано. Осталась только серебристая пыль. Но когда девки по глупости через несколько дней стерли ее с тетей Тоней сделалась истерика. Мы выходили из гости...ой на балкон садились на теплые доски и думали думали. Ветер пробега по саду доносил до нас

шелковистый шелест берез с (атласно)белыми испещре...ыми черную
стволами и широко раскинутыми зелеными ветвями ветер шумя и
шелестя бежал с полей и (зелено)золотая иволга вскрикивала резко и
радос...но колом проносясь над белыми цветами за болтливыми галками
обитавшими с многочисле...ым родством в развалившихся трубах и в
темных чердаках где пахнет старыми кирпичами и через слуховые окна
полосами падает на бугры (серо)фиолетовой золы золотой свет ветер
замирал со...о ползали пчелы по цветам у балкона совершая свою
(не)спешную работу и в тишине слышался только ровный струящийся
как непрерывный мелкий дождик лепет серебристой листвы тополей...

(По И. Бунину)

№ 20

Осе...ий свинц...вый вечер холодный дождь мелкий как пыль
неутомимо сеет на крыши домов Берлина на зонтики почтё...ых немцев
и камень мостовой крупные (красно)щекие люди торопливо разносят
свои сытые тела большие животы по улицам скучно прямым.

Огромный город сегодня весь мокрый озябший и хмурый
(утомительно)правилен он точно шахматная доска и кто(то)
невидимый гоняет по ней черные фигуры молча играя трудную
сложную игру.

Между крыш над черной спуга...ой сетью деревьев тускло блестит
купол рейхстага как золотой шлем (великана)рыцаря плене...ого и
связа...ого толстыми цепями улиц (каме...о)серыми звеньями домов.

Вспыхивают бледные холодные огни и вода на мостовой в щелях и
выбоинах камня светится синева тонкие маленькие ручьи напоминают
вены густую отравле...ую кровь. От огня родились тени тяжелый город
еще более тяжелея оседает к мокрой земле дома становятся ниже утрюмей
люди меньше суевливей все вокруг стареет морщится гуще выступает
сырость на толстых стенах яснее слышен шум воды в водосточках и покорно
падают на плиты тр...туара тяжелые капли с крыш.

Скучно. Этот город такой большой серый (хвастливо)чистый
неуютен как(будто) он создан не для людей а (на)показ и люди живут
порабоще...ые камнем. Они меч...тся в улицах города как мыши в
мышеловке жалко смотреть на них жизнь их кажется бе...смысле...ой
непоправимо навсегда испорче...ой никогда они не станут выше того
что создано ими до этого дня не почу...ствуют себя в силе жить иначе
свободней и светлей.

Хрипло ухают и гудят автомобили гремит и воет бл...стящий вагон
трамвая синие искры брызгают (из)под его колес недоверчиво хмурятся

подслеповатые окна домов и холодно плач...т о чем(то). Все кажется смертельно усталым и всюду сырость точно пот больного лихорадкой.

(По М. Горькому)

№ 21

Уже более трех часов прошло с тех пор как я пр...соед...нился к мальчикам. Месяц взмошел наконец я его не (тот)час заметил так он был мал и узок. Эта безлу...ая ночь казалось была все так(же) великолепно как и прежде. Но уже склонились к темному краю земли многие звезды еще (не)давно высоко стоявшие на небе. Все соверше...о затихло крутом как обыкнове...о затихает все только к утру все спало крепким (не)подвижным предра...ветным сном. В воздухе уже не так сильно пахло в нем снова как(будто) разливалась сырость... (Не)долги летние ночи Разговор мальчиков угасал вместе с огнями... Собаки то(же) дремали лошади сколько я мог различить при чуть бре...ушем (слабо)люющемся свете звезд то(же) лежали понутив головы... Сладкое забытие напало на меня оно перешло в дремоту.

Свежая струя пробежала по моему лицу. Я открыл глаза утро начиналось. Еще нигде (не)румянилась заря но уже заб...лелось на востоке. Все стало видно хотя смутно. Бледно(серое) небо св...тлело х...лодело синело звезды то мигали слабым светом то и...езали отсырела земля кое(где) стали раздаваться живые звуки и жидкий ра...ий ветерок уже пошел бродить и п...рхать над землею. Я проворно встал и подошел к мальчикам. Они все спали как убитые вокруг костра один Павел приподнялся и пристально посмотрел на меня.

Я кивнул ему головой и пошел (во)свои (в)доль реки. Не успел я отойти двух верст как уже полились кругом меня по широкому мокрому лугу и (с)переды по холмам от лесу до лесу и (с)зади по дли...ой пыльной дороге по св...ркающим обagre...ым кустам и по реке стыдливо синевшей из(под) редеющего тумана полились сперва алые потом красные золотые потоки молодого горячего света... Все зашевелилось проснулось запело...

Всюду лучистыми алмазами зарделись крупные капли росы мне навстречу чистые и ясные словно тоже обмытые утре...ей пр...хладой пронесли звуки колокола и вдруг мимо меня погоняемый знакомыми мальчиками промчался отдохнувший т...бун...

Я к сожалению должен прибавить что в том(же) году Павла не стало. Он не утонул он убился упав с лошади. Жаль славный был парень.

(По И. Тургеневу)

Пробравшись через мокрый папоротник и какую(то) стел...щуюся растительность выб...раемся на едва приметную тропинку. Как прекрасна Мещ...ра когда привыкнешь к ней Все становится родным крики перепелов суетливый стук дятлов и ш...рох дождей в рыжей хвое и плач ивы над заснувшей рекой.

(По К. Паустовскому)

№ 25

Серпилин смотрел на дорогу и на все мимо чего ехали с неослабным вниманием с особой остротой зрения рождавшейся от мысли что может быть придет...ся простит...ся со всем этим.

Ледя...ая раз...езже...ая грузовиками дорога с наката...ыми до блеска буграми и впадинами такими твердыми что кажет...ся их (н...)взять (н...)какой весне. Сколько видит глаз н... одного населе...ого пункта. Все живое живет и мерзнет в землянках или приткнулось к редким развалинам оставшимся после осе...их боев. К таким вот как эти (двух) метровые кирпичные стены в полукилометре от дороги.

(В)последстви... вспоминая эту дорогу Серпилин видел вереницы машин. На одном из встречных тяжело груже...ых чем(то) грузовиков везли знакомые ящики с концентратами. С питанием на фронте последний месяц было (не)плохо а с топливом бедстве...о. Телеграфные столбы (по)одаль от дороги самые верные свидетели. К каждому протянулось от дороги по несколько цепочек следов. А у столбов для (не)сведущего глаза стра...ый вид от подножия и на высоту поднятой человеческой руки все они (к)верху или (к)низу ра...ширяют...ся до нормальной толщины а в середине обструга...ы до пределов возможного. На каждом оставле...о ровно столько дерева только чтоб (не) сломалось от ветра.

Дорога в батал...он куда направлялись Серпилин и Птиц...н ординарец была (не)безопасна постреливали. Вот и сейчас в (трех)стах метрах там куда они добирались хлопнула мина (из)далека доносился приглуше...ый гул арти...ерийской к...н...нады. Под ак...омпан...мент этих привычных звуков Серпилин думал о том что Птиц...ну этому далеко (не)молодому и многосемейному человеку по гражданской специальности счетоводу сам бог велел быть ординарцем. Что касается храбрости то Птиц...н был (не)храбрее и (не)трусливее других человек как человек. Боязнь смерти выражалась у него только в одном под огнем ординарец старался держат...ся (в)притирку к Серпилину полагая в душе что генерала не убьет.

(По К. Симонову)

№ 26

Теперь по деревням уже не водят медведей. Да и ц...гане стали редко бродить большей частью они живут в тех местах где приписа...ы и только иногда отдавая дань своей вековой привычке... выбирают...ся куда(нибудь) на выгон натягивают закопч...ое полотно и живут целыми семьями занимаясь ковкой лошадей коновальством и барышн...чеством. Мне случалось видеть даже что шатры уступали место (на)скорую руку сколоч...ым до...атым балаганам. Это было в губернском городе (не)далеко от больницы и базарной гатошад... на клочке еще (не) застрое...ой земли рядом с почтовой дорогой.

Из балаганов слышался лязг железа я заглянул в один из них какой (то) старик ковал подковы. Я посмотрел на его работу и увидел что это уже (не)прежний (ц...ган)кузнец а простой мастеровой проходя уже довольно поз...но вечером я подошел к балагану и увидел старика за тем(же) занятием. Стра...о было видеть ц...ганский табор почти внутри города до...атые балаганы костры с чугу...ыми котелками в которых закута...ые пестрыми платками ц...ганки варили какие(то) я...ства.

Ц...гане шли по деревням давая в последний раз свои представления. В последний раз медведи показывали свое иску...тво пл...сали боролсь показывали как мальчишки горох воруют. В последний раз приходили старики и старухи что(бы) полечит...ся верным испыт...ым средством леч... на землю под медведя который ложился на паци...нта брюхом широко раст...пырив во все стороны по земле свои четыре лапы. В последний раз их вводили в хаты (при)чем если медведь добровольно соглашался войти его вели в передний угол и сажали там и радовались его согласию как доброму знаку.

(По В. Гаршину)

№ 27

(В)течени... прошлого лета мне пришлось жить в стари...ой подмосковной усадьбе где было настрое...о и (с, з)давалось (не)сколько (не)больших дач.... (Ни)как не ожидал я этого дачи под Москвой (ни) когда еще не жил дачником без какого(то) (не, ни)было дела в усадьбе столь (не)похожей на наши степные усадьбы и в таком климате.

В парке усадьбы деревья были так велики что дачи кое(где) построе...ые в нем казались под ним малы имея вид туземных жилищ... под деревьями в тропических странах. Пруд в парке (на)половину затянутый зеленой ряской стоял как громадное черное зеркало.

Я жил на окраине парка примыкавш...го к (не)густому

смеш...н...ому лесу до...щата дача моя была (не)дострое...а
(не)конопаче...ые стены (не)струга...ые полы мебели почти (ни)какой.
От сырости (по)вид...мому (ни)когда (не)и...чезавшей мои сапоги
валявш...еся под кроватью обр...стали барх...том плесени.

Все лето почти (не)пр...станно шли дожди. Бывало то и дело в
яркой син...ве скапливались белые облака и (в)дали перекатывался
гром потом начинал сыпать сквозь солнце бл...стящий дождь быстро
превращавшийся от зноя в душистый сосновый пар. Как(то)
неожиданно дождь заканчивался и из парка из леса с соседних
пас...бищ... отовсюду снов... слышалась радос...ная ПТИЧ...я
разноголосица.

Перед закатом (по)прежнему оставалось ясно и на моих до...атых
стенах дрожала падая в окна сквозь листву хрустально(золотая) сетка
низкого солнца.

Темнело по вечерам только к (полу)ночи стоит и стоит (полу)свет
запада по соверше...о (не)подвижным притихшим лесам. В лунные
ночи этот (полу)свет как(то) стра...о мешался с лунным светом то
(же) (не)подвижным заколдованным. И (по)тому спокойствию что
царило (по)всюду по чистоте неба и воздуха все казалось что дождя
уже больше не будет. Но вот я засыпая вдруг слышал на крышу
опять руш...т...ся ливень с громовыми раскатами кругом бе...пр...дельная
тьма и в отвес падающие молнии.

Утром в сырых аллеях на лиловой земле рас...т...лались пестрые
тени и ослепительные пятна солнца цокали птички называемые
мухоловками и хрипло трещали дрозды. А к (полу)дню опять парило
находили облака и начинал сыпать дождь.

(По И. Бунину)

№ 28

Он сердито швырнул ...курок зашипевший в луже засунул руки в
карманы ра...тегнутого разв...ваемого ветром пальто и нагнув еще
(не)успевшую прояснит...ся от дообеды...ых уроков голову и ощущая в
желудке тяжесть скверного обеда принялся шагать сосредоточе...о и
энергично. Но как (н...)шагал все что было кругом шло вместе с ним
и наискось ливший дождь мочивший лицо и заносе...ый студенческий
мундир и громадные дома чуждо и молчаливо теснившиеся по об...им
сторонам узкой улицы и прохожие мокрые угрюмые которые казались
в дождь все как один. Все это знакомое повторяющееся день изо дня
надоедливо шло вместе с ним н... на минуту н... на мгновенье н...
отставая.

И вся обстановка его теперешней жизни все одна и та(же) повторяющаяся изо дня в день казалось шла вместе с ним утром несколько плотков горячего чаю потом бе...конечная беготня по урокам.

И все дома его клиентов были на один манер и жизнь в них шла на один манер и отношения к нему и его к ним были одни и те(же). Казалось он только менял в течени... дня улицы но входил к одним и тем(же) людям к одной и той(же) семье (не)смотря на разность физиономий во...растов и обществе...ого положения.

Он позвонил. Долго не открывали. Загринов стоял насупившись. Дождь все так(же) косо мелькал чисто омытые тр...туары влажно бл...стели. Изво...ики нахохлившись дергали во...ами так(же) как и всегда. В этой покорности чу...ствовалась своя особе...ая (не)доступная окружающим жизнь.

В пустой голой даже без печки комнате стояли три стула. На столе лежали две развернутые тетради с положе...ыми на них карандашами. Обыкновен...о при входе Загринова у стола его встречали глядя и...подлобья два плечистых угрюмых реалиста.

Старший вылитая копия отца был в пятом классе. Глядя на этот ни...кий заросший ж...сткими волосами лоб на эту среза...ую назад тяж...лую неправильную голову казалось что в толстом черепе оставался очень небольшой уголок для мозга.

Загринов н...когда н... видел их матери но почему(то) ему казалось что в младшем сквозь тяж...лую оболочку отца сквозили мягкие женственные черты матери живые жажд...щие света жизни. Казалось он делал тщетные усилия и попытки выбит...ся из какой(то) тяжелой давившей обстановки бился угрюмо (не)умея и (не)имея с кем поделит...ся отвести душу.

Со своими учениками Загринов н...когда н... о чем постороннем н... заговаривал. Между ним и его учениками всегда стояла стена отчуждения. В доме так(же) царила строгая суровая тишина как(будто) никто не ходил не разговаривал не смеялся.

(По А. Серафимовичу)

№ 29

Метель

Долго мы ехали но метель все не ослаб...вала а наоборот как(будто) усиливалась. День был ветре...ый и даже с подветре...ой стороны чу...ствовалось как непр...ста...о гудит в какую(то) скважину снизу. Ноги мои стали мерзнуть и я напрасно старался набросить на них

что(нибудь) сверху. Ямщик то и дело поворачивал ко мне обветре...ое лицо с покрасневшими глазами и об...нд...евшими ресницами и что (то) кричал но мне н... разобрать было н...чего. Он вероятно пытался пр...ободрить меня так как ра...читывал на скорое окончание путешествия но ра...четы его н... оправдались и мы долго плутали во тьме. Он еще на станции уверял что к ветрам всегда пр...терпет...ся можно только я южанин и домосед пр...терпевал эти неудобства моего путешествия скажу открове...о с трудом. Меня не покидало ощущение что предпринятая мною поездка вовсе (не)безопа...на.

Ямщик уже давно (не)тянул свою без...скус...ную песню в поле была полная тишина белая застывшая н... столба н... стога н... ветр...ой мельницы н...чего н... видно. К вечеру метель поутихла но непроницаемый в поле мрак то(же) (не)веселая картина. Лошади как(будто) заторопились и серебря...ые колокольчики зазвенели на дуге.

Выйти из саней было нельзя снегу навалило на пол(аршина) сани непр...рывно в...езжали в сугроб. Я (на)силу дождался когда мы под...схали наконец к постоялому двору.

Гостепр...имные хозяева долго нян...чили с нами оттирала обогревали по...чевали чаем который кстати сказать здесь пьют настолько горячим что я ож...г себе язык впрочем это н...сколько н... мешало нам разговаривать (по)дружески буд(то) мы век знакомы. Непр...одолимая дрема навая...ая теплом и сытостью нас разумеется клонила ко сну и я поставив свои вал...ые сапоги на протопле...ую печь лег и н...чего н... слышал н... прер...каний ямщиков н... переш...птывания хозяев заснул как убитый. Наутро хозяева накормили незва...ых гостей и вяле...ой олениной и стрел...ыми зайцами и печ...ой в золе картошкой напоили теплым молоком.

(По И. Голуб, В. Шейну)

№ 30

Ночь в Балаклаве

В конце октября когда дни еще (по)осеннему ласковы Балаклава начинает жить своеобразной жизнью. Уезжают обремене...ые чемоданами и баулами последние курортники (в)течени... долгого здешнего лета насл...ждавшиеся со...нцем и морем и сразу становится просторно свежо и (по)домашнему деловито точно после от...езда нашумевших (не)проше...ых гостей.

Поперек набережной ра...тиляются рыбацьи сети и на полирова...ых булыжниках мостовой они кажутся нежными и тонкими словно паутина.

Рыбаки эти труже...ики моря как их называют ползают по разос...ланым сетям как(будто) (серо)черные пауки исправляющие разорва...ую воздушную пелену. Капитаны рыболовецких баркасов точат иступившиеся белуж...и крючки а у каме...ых колодцев где бе...пр...рывной серебря...ой стружкой лепеч...т вода судачат собираясь здесь в свободные минуты (темно)лице женщины мес...ные жительницы.

Опускаясь за море садится солнце и вскоре звездная ночь сменяя короткую вечернюю з...рю обв...лакивает землю. Весь город погружается в глубокий сон и наступает (тот)час когда н...откуда н... доносится н... звука. Лиш... изредк... хлюпает вода о пр...брежный камень и этот одинокий звук еще более подчеркивает н...чем н... нарушаемую тишину. Чувствуешь... как ночь и молчание слились в одном черном об...яти....

Н...где (по)моему н... услышишь такой соверше...ой такой идеальной тишины как в ночной Балаклаве.

(По А. Курпину)

№ 31

На сенокосе

Трава на (не)коше...ом лугу (не)высокая но густая оказалась (не)мягче а еще жестче однако я (не)сдавался и стараясь косить как можно лучше шел (не)отставая.

Владимир сын бывшего крепос...ного (не)переставая махавший косой (почем)зря резал траву н... выказывая н... малейшего усилия. (Не)смотря на крайнюю усталость я (не)решился попросить Владимира остановит...ся но чу...ствовал что (не)выдержу так устал.

В это время Владимир сам остановился и нагнувшись взял травы (не)торопясь вытер косу и стал молча точить. Я (не)спеша опустил косу и облеге...о вздохнул оглядевшись.

(Не)взрачный мужич...нка прихрамывая шедший сзади и (по)видимому (то)же уставший сейчас же (не)доходя до меня остановился и принялся точить перекрестившись.

Наточив свою косу Владимир сделал (то)же с моей косой и мы (не)медля пошли дальше. Владимир шел мах(за) махом (не)останавливаясь и казалось не чу...ствовал (н...)какой усталости. Я косил (изо)все.х сил стараясь (не)отставать и все более ослабевал. С дела...ым безразличием махая косой я все более убеждался что у меня (не)хватит сил даже для счита...ых махов косы нужных чтобы закончить ряд.

(На)конец ряд был пройден и вскинув на плечо косу Владимир

пошел по уже хоже...ому покосу ступая по следам оставле...ым каблуками. Пот (не)унимаясь скатывался с моего лица и вся рубаха моя была мокра словно моч...ая в воде но мне было хорошо я выстоял.

№ 32

Вернув Маргарите подарок Воланда Азazelло ра...прощался с нею спросил удобно(ли) ей сидеть. Гелла сочно расцеловалась с Маргаритой кот пр...л...жился к ее руке и провожатые (тот)час раста...ли в воздухе (не)считая нужным утруждать себя под...емом по лес. ...нице. Грач включив фары выкатил в ворота мимо мертво спящ...го человека в подворотне и огни большой черной машины пропали среди других огней на бе...сон...ой и шумной Садовой.

Через час в одном из (А, а)рбатских переулков в подвале маленького домика в первой комнате где все было так(же) как было до страшной осен...ей ночи прошлого года за столом накрыт...м бархатной скатертью под лампой с абажуром возле которой стояла вазочка с ланд...шами сидела Маргарита и тихо плакала от пережитого потр...сения и счастья. Перед ней лежала и...коверка...ая огнем тетрадь и возвышалась стопка (не)тронутых тетрадей. Домик молчал. В соседн...й маленьк...й комнате спал мастер и его ровное дыхание было бе...звучно.

Наплакавшись Маргарита взялась за (не)тронут...ю огнем тетрадь и поняла именно ее она перечитывала перед свиданием с Азazelло под (К, к)ремлевской стеной. (Не)пытаясь уснуть Маргарита ра...матривала рукопись гладила ее как глад...т любимую кошку и поворачивая тетрадь в руках огляд...вала со всех сторон то ост...навливаясь на титульном листе то открывая конец. На нее нак...тила вдруг ужасная мысль что все это колдовство что тетради и...чезнут из глаз и что если она проснувшись сейчас окаж...тся в своей спальне в особняке ей пр...дет...ся идти топит...ся.

Но эта страшная мысль как отзвук долгих страданий переж...ваемых ею была последней. (Ни)что (не)и...чезало (все)сильный Воланд был действительно (все)силен. Маргарита могла сколько угодно хотя(бы) до самого ра...света шелестеть листами тетрадей разгляд...вать их и целовать и перечит...вать слова Тьма пр...шедшая со Средиземного моря накрыла (не)навид...мый прокуратором город... Да тьма...

(По М. Булгакову)

№ 33

Сумерки может быть и были причиной того что внешность прокуратора резко изменилась. Он как(будто) на глазах постарел

...горбился и кроме того стал тревожен. Один раз он огл...нулся и почему (то) вздрогнул бросив взгляд на пустое кресло на спинке которого лежал плащ.... Пр...бл...жалась прозрачная ноч... вечерние тени играли свою игру и вероятно усталому прокуратору пом...решилось что кто(то) сидит в пустом кресле. Допустив малодушие пошевелив броше...ый плащ... прокуратор оставив его забегал по балкону то подбегая к столу и хватаясь за чашу то ост...навливаясь и начиная бе...мысле...о гл...деть в м...заикую пола.

(В)течени... сегодн...шнего дня уже второй раз на него пала тоска. Пот...рая висок в котором от утре...ей боли осталось только но...щее воспоминание прокуратор все силился понять в чем причина его душевных мучений и поняв это он пост...рался обм...нуть себя. Ему ясно было что бе...возвратно упустив что(то) сегодня утром он теперь хочет и...править упуще...ое какими(то) мелкими и ничтожными а главное зап...здавшими действиями. Но это очень плохо удавалось прокуратору. На одном из поворотов круто остановившись прокуратор свис...нул и из сада выск...чил на балкон гиган...ский остроухий пес в ошейнике с золоче...ыми бляшками.

Прокуратор сел в кресло Банга высунув язык и часто дыша уселся у ног хозяина при(чем) радость в глазах пса озн...чала что кончилась гроза и что он опять тут рядом с человеком которого любил считал самым могуч...м в мире пов...лителем всех людей благодаря которому и самого себя пес считал пр...в...л...гированным существом высшим и особе...ым. Но улегшись у ног хозяина и даже (не)глядя на него пес сразу понял что хозяина его постигла беда и поэтому Банга поднявшись и зайдя сбоку положил лапы и голову на колени прокуратору что должно было озн...чать он утешает своего хозяина и (не) счастье готов встретить (в)месте с ним. Это он пытался выразить и в глазах скашива...мых к хозяину и в насторожившихся навосто...ых ушах. Так оба они пес и человеклюб...щие друг(друга) встретили праз...ничную ноч....

(По М. Булгакову)

№ 34

Я проснулся ра...им утром. Комната была залита ровным Ж...лтым светом буд(то) от керосиновой лампы. Свет шел снизу из окна и ярче всего освещал бревенчатый потолок. Стра...ый свет (не)яркий и (не) подвижный был вовсе (не)похож на солнечный. Это светили осе...и листья.

За ветре...ую и долгую ночь сад сбросил сухую листву. Она лежала (разно)цветными грудками на земле и распространяла тусклое сияние

и от этого сияния лица людей казались заг...релыми. Осень смешала все чистые краски какие существуют на свете и нанесла их как на холст на далекие пространства земли и неба.

Я видел сухую листву не только золотую и пурпурную но и фиолетовую и серую и почти серебра...ую. Краски казалось смягчились (из)за осе...ей мглы (не)подвижно висели в воздухе. А когда бе...пр...рывно шли дожди мягкость красок сменялась блеском небо покрытое облаками все(же) давало достаточно света что(бы) мокрые леса могли заг...рат...ся (в)дали как величестве...ые багря...ые и золотые пожары. Теперь конец сентября и в небе какое(то) стра...ое соч...тание наивной голубизны и (темно)махровыхтуч. Временами проглядывает ясное солнце и тогда еще чернее делают...ся тучи еще голубее чистые участки неба еще чернее (не)широкая прое...ая дорога еще белее проглядывает сквозь (полу)опавшие липы стари...ая колокольня.

Если с этой колокольн... забравшись по деревья...ым ра...шата...ым лес...ницам поглядеть на (северо)запад то сразу расширит...ся кругозор. Отсюда особе...о хорошо видна реч...нка обв...вающая подножие холма на котором раскинулась деревня. А (в)дали виднеет...сялес подковкой охвативший весь горизонт.

Стало смеркат...ся с востока наносило то(ли) низкие тучи то(ли) дым гиган...ского пожара и я вернулся домой. Уже поз...ним вечером вышел в сад к колодцу. Поставив на сруб толстый фонарь достал воды. В ведре плавали ж...лтые листья. (Н...)куда от них н... спрятат...ся они были (по)всюду. Стало трудно ходить по дорожкам сада приходилось идти по листьям как по настоящему ковру. Мы находили их и в доме на полу на застеле...ой кроват... на печке всюду. Они были (на) сквозь пропита...ы их ви...ым ароматом.

№ 35

После полудня стало так жарко что пас...ажиры перебрались на верхнюю палубу. (Не)смотря на бе...ветрие вся поверхность реки кипела дрожащей зыбью в которой (не)стерпимо ярко дробились солнечные лучи производя впечатление бе...числе...ого множества серебра...ых шариков. Только на отмелях там где берег дли...ым мысом врезался в реку вода огибала его (не)подвижной лентой спокойно синевшей среди этой бл...стящей ряби.

На небе н... было н... тучки но на горизонте (кое)где протянулись тонкие белые облака отливавшие по краям как мазки расплавлен...ого мета...а. Черный дым (не)подымаясь над трубой с...лался за пароходом дли...ым грязным хвостом.

Снизу из маши...ого отделения доносилось (не)прерывное шипение и какие(то) глубокие правильные вздохи (в)такт которым вздрагивала деревья...ая палуба «Ястреба». За кормой догоняя ее бежали ряды дли...ых широких волн белые курчавые волны неожида...о беш...о вскипали на их (мутно)зеленой вершине и (плавно)опустившись вниз вдруг таяли точно прятались под воду. Волны (без)устали набегали на берег и разбившись с шумом об откос бежали назад обн...жая песча...ую отмель всю из...еде...ую прибоем.

Это однообразие не пр...скучивало Вере Львовне и (не)утомляло ее на весь божий мир она глядела сквозь радужную пелену тихого очарования. Ей все казалось милым и дорогим и пароход необыкновен...о белый и чистенький и капитан здорове...ый толстяк в паруси...овой паре с б...гровым лицом и звери...ым голосом охрипшим от непогод и лоцман красивый (черно)бородый мужик который вертел в своей стекла...ой будочке колесо штурвала в то время как его острые прищуре...ые глаза (не)подвижно глядели (в)даль.

(В)дали показалась пристань маленький красный до...атый домик выстрое...ый на барке. Капитан приложив рот к рупору проведе...ому в маши...ое отделение кричал командные слова и его голос казался выходил из глубокой бочки Самый малый Задний ход

Около станции толпились бабы и девч...нки они предлагали пас...ажирам суше...ую малину бутылки с кипяче...ым молоком соле...ую рыбу варе...ую и пече...ую баранину.

Жара (по)немногу спадала. Пас...ажеры заметили как со...нце садилось в пожаре (кровоаво)пурпурного пламени и растопле...ого золота. Когда(же) яркие краски з...ри поутихли то весь горизонт осветился ровным (пыльно)розовым сиянием. Наконец это сияние померкло и только (не)высоко над землей в том месте где закатилось со...нце осталась (не)ясная дли...ая розовая полоска (не)заметно переходившая (в)верху неба в (нежно)голубоватый от...енок вечернего неба.

(По А. Куприну)

№ 36

Стел...тся бе...крайняя р...внина и прост...раясь до самого горизонта лежит свободно просторно открытая настеж... всем ветрам. Издавна... она славилась (сено)косными лугами пас...бищами да вольным житьем овеч...их стад. Весной тут наливались соком такие (не) коше...ые травы полыхало такое (разно)цветие что когда проходила косилка то следом за ней ра...тилалась буд(то) не трава а ковер из цветов. Давно

н... стало в этих местах н... трав н... цветов вдоль и поперек погуляли плуги и теперь стояла покачивая золотч...ыми колосьями пшеница. Только кое(где) на пригорке ра...им июн...ским утром подн...мался как необыкновене...ое чудо полевой мак (темно)красный похожий на затерявшийся в пшеничном царстве одинокий огонек или на древнем кургане подставляла в ветре...ую погоду свои разв...вающиеся кудри (ковыль)травы. Цепко держалась так(же) полынь не ум...рала сизым дымком пр...чудливо курилась (то) близ дороги (то) на выгоне примыкавшем к хутору.

У моей бабушки с полынью связа...а древняя дружба. Полынь растение полезное говорила она. Земля...ой маза...ый глиной пол в своей хате бабушка уст...лала полынью словно зеленым пахучим ковром. Идешь по такому коврику а он зыбл...тся потрескивает под ногами и издает (н...)с чем (н...)сравнимый аромат. Бабушке были извес...ны и целебные свойства полыни... При каких только болезнях н... применяла она ее и одним из бабушкиных паци...нтов был (н...)кто иной как я сам.

Когда я учился в пятом кла...е у меня заболело горло и бабушка (перво)наперво приготовила отвар цветков полыни это была такая гореч... какой я н...когда н... пробовал однако горло (в)скоре прошло. Прополощеш... горло отваром положиш... на нос веточки с цветочками хорошенько подышишь ими и хвори как н... бывало.

(В)последстви... (в)течени... многих лет особе...о в те минуты когда вспоминаю о бабушке и о хуторе я чу...ствую такой приятный для меня запах полыни и он этот запах словно (не)видимым магнитом каждую весну тянет туда на приволье где я вырос.

№ 37

Старик с мальчиком и собакой обошли весь дачный поселок и уже соб...рались сойти к морю. По левую сторону оставалась еще одна последняя дача. Ее не было видно (из)за высокой каме...ой стены над которой возвышались запыле...ые кипарисы похожие на дли...ые (черно)серые веретена. Только сквозь чуту...ые ворота похожие своей пр...чудливой резьбой на круж...во можно было ра...мотреть уголок свежего точно (ярко)зеленого ш...лка газона круглые цветочные клумбы и (в)дали на заднем плане крытую сквозную ал...ею. (По)середине газона стоял садовник поливавший из дли...ого (рукава)шланга розы. Он прикрывал пальцем отверстие трубы и от этого в фонтане бе...числе...ых брызг со...нце играло всеми цветами радуги.

Дедушка соб...рался пройти мимо но заглянув в ворота остановился

в недоумени... на клумбах возвышались динови...ые яркие цветы в водоемах пл...скалась прозрачная вода перед домом стояли два бл...стящих зеркальных шара в которых странствующая труп...а отразилась (в)верх ногами.

Перед балконом была утопта...ая площадка. Сергей ра...телил на ней свой коврик а дедушка установив шарманку уже приготовился вертеть ручку как вдруг неожида...ое и стра...ое зрелище привлекло их внимание.

На тер...ас...ку из внутре...их комнат выскочил как бомба издавая пронзительные крики мальчик лет восьми. Он был в легком матрос...ком костюмчике с обнаже...ыми руками. Белокурые волосы растр...пались у него небрежно по плечам. Следом за мальчиком выбежало еще шесть человек две женщины в фартуках старый толстый лакей с дли...ыми седыми бакенбардами сухопарая рыжая девица в синем клетчатом платье молодая болезне...ого вида но очень красивая дама в кружевном голубом к...поте и наконец толстый лысый господин в золотых очках. Все они были сильно встревоже...ы.

Женщины в фартуках всплескивая руками щебетали (скоро)скоро подобострас...ными и испуга...ыми голосами. (Красно)носая девица кричала что(то) очень внушительное но соверше...о (не)понятное очевидно на иностра...ом языке. Ра...удительным басом уговаривал мальчика господин в золотых очках.

Между тем виновник этой суматохи (н...)на секунду (н...)пр...кращая своего визга с разбегу повалился на каме...ый пол и с сильным ожесточением принялся дрыгать руками и ногами во(все) стороны.

Дедушка Лодыжкин что(же) это такое с ним спросил удивле...ый Сергей ш...потом. Никак драть его будут

Начинай Сергей Я знаю распорядился дедушка и с решительным видом завертел ручку шарманки.

(По А. Куприну)

№ 38

Миновав дремучие зар...сли мы перешли (в)брод реч...нку на берегу которой заметили следы углеж...га. К (по)лудню мы подошли к ступенчатому склону сложе...ому (по)видимому искус...ным камен...щиком и скоро увидели домишк... с крышей из оц...нкова...ого железа. А вот и ветхий до...атый заборишк... за которым видны молодые яблоньки вишен...ки и черешен...ки. Тут(же) находит...ся и (не) мудре...ое хозяйство десяток кур и воинстве...ый петуш...к

взлетевший зачем(то) на крыльцо. Робко и (не)надеясь что кто(то) захочет пр...зреть (не)зва...ых и (не)жда...ых гостей мы постучали в дверь обитую ц...новкой но хозяева приняли нас радушно (по)свойски.

Хозяйка Мария Са...и...на по...ч...вала нас то тепле...ым молоком то пече...ой в золе картошкой и все (не)успевала нян...чит...ся с нами. Хозяин Филип... Кузьмич охотно ра...казывал о своем хозяйстве где он знал казалось каждое из своих бе...четных деревьев. Скоро пришел его сын застенчивый (парень)стаж...р так называл его отец который хочет быть пр...емником отца. У Федора (так звали лесника) оказалось много грам...офо...ых пластинок и мы с удовольствием слушали музыку в грам...записи. Это было (н...)что иное как встреча с (давно) прошедшим временем и что(то) (не)жда...ое негада...ое нахлынуло на нас ушедшая молодость радость первых встреч... первая любовь...

У отворе...ого окна лежали а...уратно сложе...ые (свеже) выстрога...ые топорщи... и от них (в)течени... ночи шел сильный пря...ый запах.

(На)утро мы из...явили сердечную благодарность любезным хозяевам и отправились в путь ра...читывая к вечеру быть на месте но ра...чет наш (не)оправдался. Вовсе (не)легким оказался наш дальнейший путь (не)ожида...ые пр...пятствия встали перед нами.

№ 39

Полет

(Не)вид...ма и свободна!... (По)тому как (в)низу два ряда редких огней слились в две (не)пр...рывные огне...ые черты (по) тому как быстро они пропали (с)зади Маргарита догадалась что летит с чудовищ...ой скоростью и поразились тому что ей легко дыш...т...ся.

(По)прошествии... (н...)скольких секунд далеко (в)низу в зеленой черноте вспыхнуло новое озеро света. Прошло еще (н...)сколько секунд такое(же) точно явление.

Города Города прокричала Маргарита.

Поворачивая голову (в)верх и (в)лево летящая любовалась тем что луна несет...ся под нею как сума...шедшая обратно в Москву и в то(же) время как(будто) стоит на месте. Тут Маргаритой овладела мысль что она зря столь ис...тупленн...о гоня щетку лишает себя возможность... что(либо) как следует рас...мотреть. Ей что(то) подсказ...вало что там куда летит ее подождут и что (н...)зачем ей скучать от такой беше...ой быстроты и высоты.

Маргарита накл...нила щетку щетиной (в)перед так что хвост ее поднялся (к)верху и очень замедлив ход пошла к самой земле. И это

скольжение как на воздушных сала...ках (в)низ пр...несло ей
наибольш...е насл...ждение. Земля поднялась к ней и в черной гуще
ее до этого бе...форме...ой обозначились тайны и прелести земли
(во)время лунной ночи. Маргарита летела над стел...щ...мся туманом
росистого луга потом над прудом. Под Маргаритой хором пели
лягушки и почему(то) очень волнует сердце шумел поезд. Маргарита
вскоре увид...ла как он медленно словно гусе...ица полз (в)низу.
Обогнав его Маргарита прошла над водным зеркалом в котором
проплыла под ногами вторая луна и еще более снизившись полетела
чуть(чуть) (не)задевая ногами верхушки громадных сосен.

(По М. Булгакову)

№ 40

Улавочки

Н...где н... останавливалось столько народа как перед карти...ою
лавочкой на Шукином дворе. Эта лавочка представляла точно самое
разнородное собрание диковинок картины большею частью были писа...ы
масля...ыми красками покрыты (темно)зеленым лаком в (темно)желтых
мишурных рамах. Зима с белыми деревьями соверше...о красный вечер
похожий на зарю пожара фламанд...ский мужик с трубкой и вылома...ою
рукою похожий более на индейского петуха в манжетах нежели на
человека вот их обыкнове...ые сюжеты. К этому нужно присовокупить
несколько гравирова...ых изображений портрет Хозрева-Мирзы в
бараньей шапке портреты каких(то) генералов в тр...угольных шляпах
с кривыми носами. Сверх того двери такой лавочки обыкнове...о
бывают увеша...ы связками произведений отпечата...ых лубками на
больших листах которые свидетельствуют самородное дарование русского
человека. Покупателей этих произведений обыкнове...о (не)много но
(за)то зрителей куча. Какой(нибудь) забулдыгалакей уже верно зевает
перед ними держа в руке судки с обедом из трактира для своего барина
который без сомнения будет хлебать суп (не)слишком горячий. Перед
ним уже верно стоит в шинели солдат этот кавалер толкучего рынка
продающий два перочи...ых ножа (торговка)охтенка с коробкою
наполне...ою башмаками.

Всякий восхищается (по)своему мужики обыкнове...о тыкают
пальцами кавалеры ра...матривают серьезно (лакеи)мальчишки и
(мальчишки)мастеровые смеются и дразнят друг друга нарисова...ыми
карикатурами старые лакеи во фризовых шинелях смотрят потому
только чтобы где(нибудь) позевать а торговки молодые русские бабы

спешат по инстинкту что(бы) послушать (о)чем калякает народ и посмотреть (на)что он смотрит.

(По Н. Гоголю)

№ 41

(Не)много времени спустя я распрощался с офицерами и вышел из палатки. Вечерело люди одевались в шинели приготавливаясь к з...ре. Роты выстроились в линейках так что каждый батальон образовал замкнутый квадрат. Барабаны проббили з...рю откуда(то) (из)далека слышались слова команды Полки на молитву шапки долой И двенадцать тысяч человек обн...жили головы. «Отче наш иже еси на небеси» начала наша рота. Сем...десят хоров по двести человек в каждом пели каждый сам по себе выходили дис...онансы но молитва все(таки) звучала трогательно и торжестве...о.

(По)немногу начали затихать хоры. Солдаты укладывались спать. В нашей палатке где как и в других помещалось шестеро на пространстве двух квадратных сажен... мое место было с краю. Я долго лежал смотря на звезды. Семь звезд (Б,б)ольшой (М,м)едведицы бл...стели низко над горизонтом гораздо ниже чем у нас на (С,с)евере. Смотря на (П,п)олярную звезду я думал что именно в этом направлен... должен быть Петербург где я оставил мать друзей и все самое дорогое. Над головой бл...стели знакомые созвездия (М,м)лечный (П,п)уть (не) тускло светился а сиял ясною (торжестве...о) спокойной полосой света. На юге какие(то) большие звезды (не)знакомого (не)видимого у нас созвездия горели одна красным другая зеленоватым огнем.

Спать не хотелось я встал и начал бродить по сырой траве между нашим батал...оном и артил...ерией. Темная фигура пор...внялась со мной гремя саблею по ее звуку я догадался что это офицер и вытянулся во фронт. Офицер подошел ко мне и оказался Венцелем.

Не спится Владимир Михайлович спросил он мягким и тихим голосом почти ш...потом.

Мы разговорились. Венцель видимо очень много читал и как сказал один офицер знал и языки. Замечание капитана о том что он стихи долбит тоже оказалось верным мы заговорили о французах и Венцель обругав натуралистов перешел к с...нт...менталистам и импр...с...ионистам и даже с чу...ством прод...кламировал «Декабр...скую ночь» Мюссе. Он читал хорошо просто и выразительно и с хорошим француз...ким выговором. Кончив он помолчал и прибавил Да это хорошо но все французы вместе не стоят десяти строк Шил...ера Гете и Шекспира.

(По В. Гаршину)

№ 42

Ясные дни миновали и Марусе опять стало хуже. На все наши ухищрения с целью занять ее она смотрела равнодушно своими большими потемневшими глазами и мы давно уже не слышали ее смеха. Тогда я решил обратит...ся к своей сестре Соне. У нее была большая кукла с (ярко)раскраше...ым лицом и р...скошными льня...ыми волосами подарок покойной матери. На эту куклу я возл...гал большие надежды и потому отозвав сестру в боковую ал...ейку сада попросил мне дать ее (на)время. Я так убедительно просил ее об этом так живо описал ей бедную больную девочку у которой (н...)когда н... было своих игрушек что Соня которая сначал... только прижимала куклу к себе отдала мне ее и обещала в течени... (двух)трех дней играть другими игрушками (н...)чего не... упоминая о кукле. Маруся которая увядала как цветок осенью казалось вдруг ожила. Маленькая кукла сделала почти чудо Маруся давно уже (не)сходившая с постел... стала ходить водя за собою свою белокурую дочку по временам даже бегала (по)прежнему шлепая по полу босыми ногами.

(За)то мне эта кукла доставила много тревожных минут. Прежде всего когда я нес ее за пазухой направляясь с ней на гору в дороге мне попался старый Януш который долго провожал меня глазами. Потом дня через два (старушка)няня заметила пропажу и стала соват...ся по углам везде раз...скивая куклу. Соня старалась унять ее но своими наивными уверениями что ей кукла (не)нужна что кукла ушла гулять и скоро вернет...ся только вызвала недоумение служанок и возбуждала подозрение что тут не простая пропажа.

Отец ничего еще не знал однако в тот(же) день остановил меня на пути к садовой калитке и велел остат...ся дома. На следующий день повторилось то(же) и только через четыре дня я встал рано утром и махнул через забор пока отец еще спал.

На горе дела опять были плохи. Маруся опять слегла и ей стало еще хуже лицо ее горело стра...ным румянц...м белокурые волосы раскинулись по подушке она никого не узнавала. Рядом с ней лежала злополучная кукла с розовыми щеками и глупыми бл...стящими глазами.

(По В. Короленко)

№ 43

Ветер (не)затихавший (в)течени... долгих томительных часов упал. Приумолкшие волны несли излома...ые остатки ледя...ых полей словно искалече...ые обломки гиган...ского к...рабля. Тучи поспешно... бегали с небесного свода униза...ого (ярко)мерцавшими звездами и северная

ночь прозрачная и холодная как синие льды раскинулась над глухо р...котавшим бе...крайним морем еще (не)улегшимся после (не)давней бури.

(По)немногу море очищалось ото льда и только одинокие глыбы покачивались на волнах. Вокруг н... было н... души и лиш... на одной из льдин (не)ясно выделялся силу...т высокой фигуры. Это был (н...)кто иной как Сорока. Одетый в некраше...ый дубле...ый полушубок он искус...о работает багром и гибкий шест бурлит и пенит воду. Кругом прост...рается необ...ятная белая р...внина над которой низко стел...тся (дымчато)серые облака.

Сорока поднял голову (в)верху сквозь тонкий пар мороза бл...снула золотая (М,м)едведица. Сорока толкает вперед тяж...лую льдину а в голове теснятся (не)веселые думы далеко в море вынесло вторые сутки (н...)разу н... ел. Из последних сил б...ется охотник понимает что нельзя шутить с морозом. (Старик)помор знает что если останешься без движения морозище обоймет повеет и проникнет (на)сквозь холодным дыханием. Каких только ужас...ных историй н... рассказывают на побережье Сон постепенн...о овладевает человеком...

Неожиданно раздался протяжный удар ледя...ых громад. На мгновение Сорока как(бы) очнулся но к удивлению (н...)как н... мог открыть глаз точно сплпшихся с мороза. Как далекая з...рница в глухую ночь мелькнуло смутное сознание опас...ности. Сорока поднялся встряхнулся и пошел (на)угад руководствуясь какими(то) (не)уловимыми для (не)знакомого с морем человека приметам...

Сияя величавой красотой тихо дремл...т над спокойным морем ночь затка...ая морозным туманом.

(По А, Серафимовичу)

№ 44

Солнце (не)выносимо печет. Зной разлитый в переполне...ом блеском воздухе неподвижно стоит над морем в котором на (не)досягаемой глубине синее опрокинутое небо.

Андрейка (не)разгибаясь вместе с дедом выб...рает из тянущейся вдоль лодки сети добычу которой набилось туда множество.

Жара усталость (мало)помалу см...ряют Андрейку и негодование на деда у него улегается. А дед и (не)подозревая Андрейкиных каверз пр...спокойно посасывая трубку выб...рает рыбу на корме. Он доволен сегодняшним уловом и его нависшие лохматые брови несколько приподнялись. К вечеру он надеялся осмотреть все сети и ночью вернут...ся домой.

Вдруг Андрейка услышал голос

Андрейка спускай сеть да ставь парус

Андрейка устался на деда что с ним случилось Ведь еще и половину сетей (не)досмотрели видно прошел косяк и рыбы набилось множество да никогда они раньше ночи и (не)возвращалисьдомой...

Но старик не любил повторять приказаний и Андрейка торопливо опустив в воду сеть выполнил приказание (не)смея рас...прашивать деда. Парус обыкновене...о подв...рачивали вниз и пр...спускали только во время сильной бури чтоб умен...шить площадь парусности когда ветер чере...чур уже рвал. Между тем кругом стоял все тот(же) неподвижный зной (н...)чем было дышать и все так(же) на недостижимой высоте и в бе...до...ой глубине друг против друга синели тонкой син...вой два небесных свода и вода между ними пропадала из глаз.

Садись на весла приказал дед.

Андрейка бе...пр...кословно взялся за весла и стал гребти обливаясь потом.

(В)верху (не)особенно высоко над морем несло белое ослепительно бл...стящее облачко с разорва...ыми краями. Дед все поглядывал то на облачко то на горизонт в син...ве которого терялись и вода и небо оттуда теснясь густо лезли круглые барашки. Они торопливо выб...рались с особе...ой и необ...яснимой при полном затишье... поспешностью.

Андрейка измуче...ый задыхающийся от зноя и напряжения стал испытывать глухое бе...покойство. Дед все подгонявший Андрейку сам сел на весла и (тяжело) нагруже...ая лодка пошла скорее по направлению где должен был открыт...ся берег.

(По А. Серафимовичу)

№ 45

Когда я вошел в Притын...ый кабачок в нем уже собралось довольно многочисле...ое общество. (По)середине комнаты стоял (Яшка)Турок худой и стройный человек лет двадцати трех одетый в долгополый к...фтан голубого цвета. Он смотрел удалым фабричным малым и казалось не мог похвастат...ся отличным здоровьем. Его впалые щеки большие бе...покойные серые глаза прямой нос с тонкими подвижными ноздрями белый покаты лоб с закинутыми назад (светло) русыми кудрями крупные но красивые выразительные губы все его лицо изобл...чало человека впечатлительного и стра...ного. Он был в большом волнени... мигал глазами (не)ровно дышал руки его дрожали как в лихорадке Яков прозва...ый Турком потому что

действительно происходил от пле...ой турчанки был по душе художник во всех смыслах этого слова а по званию черпальщик на бумажной фабрике у купца.

Яков помолчал взглянул кругом и закрылся рукой. Когда(же) наконец Яков открыл свое лицо оно было бледно как у мертвого глаза едва мерцали сквозь опуще...ые рес...ницы. Он глубоко вздохнул и запел... Первый звук его голоса был слаб и неровен и казалось не выходил из его груди но принеся откуда(то) (из)далека словно залетел случайно в комнату. Стра...о подействовал этот трепещущий звенящий звук на всех нас мы взглянули друг на друга а жена Николая Ивановича так и выпрямилась... За этим первым звуком последовал другой более твердый и протяжный но все еще видимо дрожащий как струна когда внезапно прозвев под сильным пальцем она колебл...тся последним быстро зам...рающим колебанием за вторым третий и (по)немногу ра...горячась и ра...ширяясь полилась заунывная песня Не одна во поле дороженька пролегла пел он и всем нам сладко становилось и жутко. Я признаюсь редко слыхивал подобный голос он был слегка разбит и звенел как надтреснутый он даже сначала отзывался чем(то) болезне...ым но в нем была неподдельная глубокая страсть и молодость и сила и сладость и какая(то) (увлекательно) бе...печная грус...ная скорбь. Русская правдивая горячая душа звучала и дышала в нем и так и хватала вас за сердце хватала прямо за его русские струны. Песнь росла разливалась. Яковом видимо овладело упоение он уже не робел он отдавался весь своему счастью голос его не трепетал более... Он пел соверше...о позабыв и своего соперника и всех нас но видимо поднимаемый как бодрый пл...вец волнами нашим молчаливым страс...ным участием.

(По И. Тургеневу)

№ 46

Суходол

Разразился ливень с оглушительными громовыми ударами и оглушительно быстрыми огне...ыми змеями молний когда мы под вечер под...езжали к Суходолу. (Черно)лиловая туча тяжело свалилась к (северо)западу величаво заступила (пол)неба напротив. В стороне от дороги у самого поворота в Суходол увидали мы высокую и пр...стра...ую фигуру (не) то старика (не) то старухи. (За)темн... приехали в усадьбу где от дедовского дубового дома (н...)раз горевшего остался вот этот (не)взрачный (полу)...гнивший. Запахло самваром

посыпались ра...просы. Мы пошли бродить по темнеющим горницам ища балкона выхода на гал...ерею и сад. В углу прихожей чернел большой образ толсто окова...ый серебром и хранивший на оборотной стороне родословную господ писа...ую (давным)давно. Доски пола в зале были непомерно широки темны и скользки. Пахло жасмином в старой гости...ой с покосившимися полами. Сгнивший (сери) голубой от времени балкон с которого за отсутствием ступенек надо было спрыгивать тонул в крапиве. Только сад был коне...но чудес...ный широкая ал...ея в сем...десят раскидистых берез дремучие заросли малины акации сирени и чуть(ли) не целая роща серебристых тополей.

А в (пол)день (по)прежнему озарен был сумрачный зал солнцем светившим из сада. Ц...пленок неизвес...но зачем попавший в дом сиротливо пищал бродил по гости...ой. Уже исчезали те немногие вещественн...ые следы прошлого что заставляли мы в Суходоле. Дом ветшал оседал все более.

Долги тяжки были зимы. Холодно было в разрушающ...мся доме. По вечерам (еле)еле светила единстве...ая жестя...ая лампочка. Старая няня сидела в стра...ом полусвете доходившем из дома во внутренн...ость ее ледя...ой избы заставле...ой обломками старой мебели завале...ой черепками битой посуды загроможде...ой рухнувшим (на) бок старым фортепиано.

(По И. Бунину)

№ 47

Семи лет Андрейка уже во всем помогал деду. Вставали они рано часа в три утра. Андрейка торопливо пл...скал себе в лицо холодной водой выт...рался подолом рубашки торопливо крестился на ту часть неба где г...рела утре...ая з...ря и перевирая читал «Отче наш» и «Свят свят» две молитвы которые он только и знал.

И на море и дома дед заставлял Андрейку делать все (на)равне с собою править парусами грести чинить соб...рать тянуть спускать сети об...рать рыбу. И Андрейка все делал надрываясь от (не)посильной работы. За малейший промах (не)досмотр дед жестоко наказывал Андрейку. Стоило мальчику на море (не)верно положить руль или (не) (во)время подобрать парус как дед подымался и тут(же) (н...)говоря (н...)слова бе...пощадно сек мальчика просмоле...ой веревкой от которой (н...)когда (н...)заживали рубцы. У Андрейки было худенькое заг...релое личико и сам он весь был маленький и худенький.

Жизнь у него проходила однообразно кругом было только море небо степь да берег. Берег был голый обнаже...ый с размытыми устьями

оврагов с песча...ыми косами и отмелями. Но все это однообразное пусты...ое пространство для Андрейки было населе...о и оживле...о.

По степи посвистывая бегали или как столбики стояли у своих нор суслики в воздухе мелькая по и...сохшей траве плавали коршуны ястребы по курганам угрюмо чернели степные орлы. Над песча...ым берегом носились крикливые белые чайки подбирая выброше...ую из сетей рыбу иногда чуть (не)выхватывая се из рук рыбаков весною и осенью стоял (не)сморкаемый гам и шум от бе...числе...ой перелетной птицы.

Но более всего было населе...о море. Тут стадами ходили стерляди осетры в песке кишели м...р...ады вода...ых вшей ползали крабы. В конце июля море начинало цвести и по ночам светит...ся. Этот стра...ый колебл...щийся то вспыхивающий то угасающий (голубовато)зеленый свет казался Андрейке таинстве...о связа...ым со всеми покойниками и утопле...иками которые нашли могилу в море.

Дед Агафон был молчалив и угрюм но когда речь заходила об обитателях моря морщины у него разглаживались серые глаза добродушно смотрели (из)под нависших бровей и он был готов рас...казывать по целым суткам.

(По А. Серафимовичу)

№ 48

Сегодня я чу...ствую себя так как(будто) бы гора свалилась с моих плеч. Счастье было так неожида...о. Но (не)стыдно ли радоват...ся смерти бедной тетки только потому что она оставила наследство дающее мне возможность бросить службу и вполне отдат...ся моему любимому занятию. Теперь я свободен я художник.

Мне захотелось уйти (куда)нибудь подальше от людей и от Петербурга я взял краски и отправился на взморье. Вода небо сверкающий (в)дали на солнце город синие леса ок...ймляющие берега залива верхушки мачт на кроншта...ском рейде десятки пролетающих мимо меня пароходов и к...раблей все показалось мне в новом свете. Все это мое все это я могу схватить и бросить на полотно и поставить перед изумле...ою силою иску...тва толпою. Правда (не)следовало бы продавать шкуру еще (не)убитого медведя ведь пока я еще (не)бог знает какой великий художник...

Лодка быстро разрезала гладь воды. Лодочник рослый здоровый и красивый парень в красной рубахе (без) устали работал веслами то нагибаясь вперед то откидываясь назад. Солнце закатывалось и так эф...ектно играло на его заг...релом лице что мне захотелось набросать его.

Перестань грести посиди минутку смирно я тебя напишу сказал я. Он бросил весла.

Ты сядь так буд(то) весла заносишь.

Он взялся за весла взмахнул ими как птица крыльями и так и замер в прекрасной позе. Я быстро набросал карандашом контур. С каким (то) особе...ым радос...ным чу...ством я смешивал краски.

Лодочник скоро начал уставать его удалое выражение лица сменилось скучным он стал з...вать складки рубахи совсем пропали.

Конечно я не стал читать ему лекции о значени... искус...тва а только сказал что за эти картины платят хорошие деньги. Лодочник был соверше...о удовлетворен и больше (не)разговаривал. Этюд вышел прекрасный очень красивы эти Г...рячие тона осв...ще...ого заходящим со...нцем кумача и я возвратился домой соверше...о счас...ливым.

(По В. Гаршину)

№ 49

Перед охотой

Покамест дорога шла близ болот (в)виду соснового леса все время отклоняясь (в)бок мы зачастую вспыхивали целые выводки уток приютившихся здесь.

Мой спутник провожал глазами каждую птицу и (в)тайне обдумывал план нашей будущей охоты. Заметив (где)нибудь ути...ые стаи он просил шофера остановит...ся и мы (по)долгу и (в)волю любовались не (в)меру бе...печными утками плавающими (по)середине трос...ников.

Приятно было видеть такое обилие дичи и мы вовсе (не)обращали внимания на мошек и комаров которые (в)переме...ку летали вокруг и облепляли нас лиш... только мы останавливались.

Движение впереме...ку с остановками развлекало нас (не)смотря на громадную потерю времени. Мой спутник признался что (н...)где и (н...)когда н... видел такого множества дичи и добавил что эти места знакомые ему до сих пор только (по)наслышке поисти...е великолепны для охоты и (по) праву могут ра...читывать на широкую извес...ность.

Наконец миновав болота мы пересекли (не)большую но глубокую реч...нку которую без риска не перейдешь (в)брод и поехали (в) сторону. Мало (по) малу дорога стала подниматься и мы в...ехали в лес который предстояло пересечь поперек. Нам хотелось (по)скорее выбраться из лесу.

А вокруг царила тишина. Сначала лес был (не)однородный а смеша...ый потом сплош... пошла одна сосна да такая высокая что (в)пору к...рабельной мачте. (В)плотную сомкнувшись своими вершинами гиган...ские сосны непр...рывно тянулись (в)доль дороги которую пересекали вылезающие наружу корни. Сторона (по)видимому была глухая везде виднелся лес а полей (по)прежнему не было.

Но вот сосна стала (по)немногу редеть и сквозь стволы (кое)где проглядывала (не)вдал...ке р...внина. (По)осеннему пахло сыростью. (В)дали что(то) бл...снуло но настолько (не)...ясно что н...как нельзя было ра...мотреть что это такое. (По)напрасну всматривались мы в(даль) (на)встречу нам поднимался туман.

(Тот)час после одного крутого поворота мы увидели мельничную плотину из которой (в)кривь и (в)кось торчали пучки хвороста. Сама мельница была закрыта старыми ветками усыпан...ыми ворон...ими гнездами (из)дали похожими на наросты.

При нашем приближени... десятки ворон с резким криком разлетелись вра...ыпную неожидан...о залаяли собаки и впервые за весь день мы остановились у человеческого жилья.

(По К. Паустовскому)

№ 50

В одном большом городе был ботанический сад а в этом саду большая стекля...ая ...ранж...рея. Она была очень красива стройные витые колон...ы по...ерживали все здание на них опирались легкие узорчатые арки переплете...ые между собою паутиной железных рам в которые были вставле...ы стекла. Особе...о хороша была ...ранж...рея когда со...нце заходило и освещало ее (золотисто) красным огнем. Тогда она вся горела красные отблески играли и переливались точно в огромном (мелко)отшлифова...омдрагоце...ом камне.

Сквозь толстые прозрачные стекла виднелись заклоче...ые в ней ра...тения. (Не)смотря на величину ...ранж...ре... им было в ней тесно. Корни переплетались между собой садовники постоя...о обрезали ветви подвязывали провол...ками листья что(бы) они не могли расти куда хотят но и это плохо помогало. Для ра...тений нужен был широкий простор родной край и свобода они были уроженцы жарких стран нежные ро...кошные создания они помнили свою родину и тосковали по ней.

Как н... прозрачна была стекля...ая крыша но она (не) ясное небо. Иногда зимой стекла замерзали и в ...ранж...ре... становилось

совсем темно. Гудел ветер рамы об...ндевели крыша покрывалась намете...ым снегом. Растения стояли и слушали вой ветра и вспоминали иной ветер теплый влажный. В ...ранж...ре... воздух был (не)подвижен разве только иногда зимняя буря выбивала стекло и резкая холодная струя полная ин...я влетала под свод. Куда попадала эта струя там листья бледнели с...еживались и увядали.

Но стекла вставляли очень скоро ботаническим садом управлял отличный уче...ый директор (не)допускавший н...какого бе...порядка (не)смотря на то что большую часть своего времени проводил в занятиях с микроскопом в особой стекла...ой будочке устрое...ой в ...ранж...рее.

Была между ра...тениями одна пальма выше и красивее всех. Директор сидевший в будочке называл ее (по)латыни. Но это имя не было ее родным именем его придумали ботаники. На пять сажен... возвышалась она над верхушками всех других ра...тений и эти другие ра...тения не любили ее они завидовали ей. Этот рост доставлял ей только одно горе потому что она лучше всех помнила свое родное небо и больше всех тосковала о нем потому что ближе всех была к тому что заменяло другим его к гадкой стекла...ой крыше.

(По В. Гаршину)

№ 51

Между тем наступил вечер. Засветили лампу которая как луна сквозила в тр...льяже с плюш...м. Сумрак скрыл очертания лиц и фигуры Ольги и набросил на нее как (будто) покрывало лицо было в тени слышался только мягкий но сильный голос с нервной дрожью чувства.

Она пела много арий и романсов по указанию Штольца в одних выражалось страдание в других радость но в звуках уже таился зародыш грусти.

Ольга в строгом смысле была (не)красавица то есть не было н...белизны в ней н...яркого к...лорита ш...к и губ и глаза не горели лучами внутре...его огня н... к...рал...ов на губах н... жемчуга во рту н... было н... м...ниатюрных рук как у пятилетнего ребенка.

Но если(б) ее обратить в статую она была(бы) статуя грации и г...рмонии. (Не)сколько высокому росту отвечала величина головы величине головы овал и размеры лица. Кто н... встречал ее даже ра...ея...ый и тот на мгновение останавливался перед этим так строго и обдума...о (артистически) созда...ым существом.

Нос образовывал чуть заметно выпуклую грациозную линию губы

тонкие и большею частью сжатые признак непр...рывно устремле...ой на что(нибудь) мысли. То(же) присутствие говорящей мысли светилось в зорком всегда бодром (н...)чего н... пропускающем взгляде темных (серо)голубых глаз. Брови пр...давали особе...ую красоту глазам они не были дугообразны не округляли глаз двумя тоненькими ниточками нет это были две русые пушистые почти прямые полоски которые лежали сим...етрично.

Обломов вспыхивал изнемогал с трудом сдерживал слезы и еще труднее было душить ему радос...ный готовый вырват...ся из души крик. Давно не чувствовал он такой бодрости такой силы которая казалось вся поднялась со дна души готовая на подвиг.

Он в эту минуту уехал(бы) даже (за)границу если б ему оставалось только сесть и уехать.

(В) заключени... она запела «Каста дива» все восторги молнией несущиеся мысли в голове трепет как иглы пробегающий по телу все это уничтожило Обломова он изнемог.

Он не спал всю ночь грус...ный задумчивый проходил он взад и вперед по комнате на 3...ре ушел из дома ходил по Неве по улицам бог знает что чувствуя о чем думая...

(По И. Гончарову)

№ 52

В лесу стояла та особенн...ая тишина которая бывает только осенью. (Не)подвижно висели мохнатые ветви (н...)качалась (н...)одна вершина (не) слышалось (н...)чьих шагов лес стоял молча задумчиво прислушиваясь к своей собстве...ой вековой думе.

И когда отломившись от родного дерева мертвая сухая веточка падала переворачиваясь и цепляясь пожелтевшими иглами за живые чуть вздрагивающие ветви было далеко слышно.

(В)верху (не) было видно печального северного неба хмуро закрывала его густая хвоя и как колон...ы могуче вздымались вверх красные стволы гиган...ских сосен. Царил покой безлюдья точно под огромным темным сводом молчаливых колон....

Между стволами которые сливались (во)едино мелькало что(то) живое. Кто(то) без...вучно шел и прошлогодняя хвоя толсто зас...лавшая землю мягко погл...щала шаги. Сосны ра...ступились и опять смыкались в сплошную красную стену.

Мальчик лет двенадцати туго подпояса...ый кожа...ым ремнем за которым торчал топор в огромных должно быть отцовских сапогах наклонялся приседал на корточки что(то) цеплял за ветки и стволы

и когда шел дальше позади на земле оставался целый ряд волосяных петель и в них краснели прицепленные ягоды.

Мальчик ставил силки внимательно запоминая местность в лесной чашке.

Молчаливый лесной сумрак посветлел в одной стороне и меж деревьев блеснул водный простор. С крутого песчаного берега открылось озеро. Необозримо уходило оно отодвинув леса до синего горизонта и изумрудно-зеленые острова бесчисленными стаями покрывали светлое лицо его. Узкими протоками оно тянулось в другие соседние озера на сотни верст растянувшиеся по бескрайнему молчаливому суровому краю с одной стороны которого катило тяжелые холодные волны беселое море с другой морозной мглой дышали ледяные поля Северного океана.

Бесчисленные стада уток гусей и всякой пролетной водяной и болотной птицы с криком и шумом возились на воде заслоня и воду и далеко виднеющийся лес и изумрудно-зеленые острова.

Мальчик с минуту постоял и пронзительно два раза свистнул. Озеро оживило. Как (будто) множество людей засвистало и отозвалось со всех сторон и над водой все ослабевая понеслись замарающие тонкие звуки. Птица рванулась взрывая воду шумом заглушая умрающее эхо.

(По А. Серафимовичу)

№ 53

Четыре часа (по)полудни день жаркий но воздух чист и ароматен. Солнце усердно нагревает (темно)серые стены большого (не)уклюжего дома стоящего (в)дали от прочих деревенских изб. Об архитектуре можно сказать одно вероятно он был (не)достроен когда его покрыли крышей. Окна маленькие и редкие (на)глухо заперты. У дома есть и сад но он (н...)сколько (н...)защищает его от солнца кроме кустов сирени... да акаций (н...)видно в нем (н...)каких деревьев. Впрочем в нем найдется все для деревенского сада крытая аллея из акаций несколько скамеек разставленных на (дурно) выметенных дорожках в стороны гряды с клубникой. Полугнившая терраса с колоннами и деревьями перилами выкрашенными белой краской выходит в сад и от нее тянется дорожка к (не)большой речке через которую перекинут дощатый мостик гнивший местами.

Вступив в дом мы увидим одну из главных комнат необыкновенно широкую и низкую с полом выкрашенным (густо) коричневой краской с закопченным потолком. Высокие стулья выкрашены белой

краской с соломе...ыми подушками привяза...ыми к сиденью жались
плотно друг возле друга ок...ймляя стены. (По)середине комнаты
обеде...ый круглый стол с бе...числе...ыми тоненькими ножками. В
углу против окон мас...ивный флигель на ж...лтой закопче...ой стене
барометр оправле...ый в ч...рное дерево.

Под моното...ый стук маятника по комнате ходила женщина
пожилых лет с лицом бледным и суровым. Закинув руки назад она
прохаживалась тяж...лой поступью погруже...ая в раздумье. Ее
полутраурный туалет г...рмонировал с мрачностью комнаты он состоял
из темного ситцевого к...пота и бархатной пелеринки с б...хромой.

У окна сидела девушка. Ситцевое пол...няное светленькое платье
с короткими рукавами от...еняло красивые руки. Коса ее очень густая
спускалась на затылок. Черты лица были (не)большие исключая глаза
ясные и смелые в очертани... красивых губ (не)смотря на детское
еще выражение всего лица чу...ствовалось уже столько энергии что вы
(не)вольно догадались о силе характера. Г...рмония господствовала
во всей фигуре девушки начиная с огне...ых ее глаз до красивых пальцев
которыми она работала бисером на бумаге занятие придума...ое для
потери зрения.

(По Н. Некрасову)

№ 54

Мохнатые сизые тучи словно разбитая стая испуга...ых птиц низко
несутся над морем. Пронзительный резкий ветер с океана то сбивает
их в темную сплошную мас...у то словно играя разрывает и меч...т
громоздя в пр...чудливые очертания.

Побелело море зашумело (не)погодой. Тяжко встают свинц...вые
воды и клубясь кл...кочущей пеной с глухим рокотом катятся в
мглистую даль. Ветер злобно роется по их косматой поверхности
далеко разнося соле...ые брызги. (В)даль излучистого берега
колос...альным хребтом мас...ивно поднимаются белые зубчатые груды
нагроможде...ого на отмелях льда. Точно титаны в тяж...лой схватке
накидали эти гиган...ские обломки.

Ветер гудит между стволами вековых сосен наклоняет стройные
ели качая их острыми верхушками и осыпая пушистый снег с печально
поникших зеленых ветвей. Сдержа...ая угроза угрюмо слыш...тся в
этом ровном глухом шуме и мертвой тоской веет от этого дикого
безлюдья. Бе...ледно проходят седые века над этой молчаливой
страной а дремучий лес стоит точно в глубокой думе качает темными
вершинами. Еще н... один его могучий ствол н... упал под дерз...ким

топором лесопромышле...ика топи да непроходимые болота залегли в его темной чащ...бе. А там где столетние сосны перешли в мелкий кустарник мертвым простором потянулась бе...жизне...ая тундра и потерялась бе...конечной границей в холодной мгле (низко) нависшего тумана.

На сотни верст н... дымка н... человеческого следа. Только ветер крутит п...рошу да мертвая мгла (низко)низко стел...тсЯ над снеговой пустыней.

Раз в год и сюда заходит бе...покойный человек нарушая угрюмое безлюдье дикого побережья. Каждый раз как ударит лютый мороз и пролож...т крепкие дороги через топи а на море в мглистой дали обрисуются бе...порядочные очертания полярных льдов с далеких берегов речк... Мезен... и из пр...бранных селений скр...пя железными полозьями по (на)сквозь промерзш...му снегу тянутся оригинальные обозы низкие (ветвисто)рогие северные олени запряже...ые в дли...ые черные лодки на полозьях рядом с которыми широко шагают косматые белые фигуры.

И с угрюмой досадой вид...т старый лес как раскидываются станом на несколько верст нехва...ые гости.

(По А. Серафимовичу)

№ 55

Однажды весною в час (не)бывало жаркого заката в Москве на (П, п)атриарших прудах появил...сь два гражданина. Первый был (не, ни)кто иной как Михаил Александрович Берлиоз председатель пр...вления одной из (М, м)осковских литературных а...оциаций которая сокр...щенно им...новалась МАССОЛ ИТ и редактор толстого журнала а молодой спутник его поэт Иван Николаевич Понырев пишущий под пс...вдонимом Бездомный.

Писатели попав в тень чуть зеленеющих лип первым делом бросились к пестро ра...краше...ой будочке с надписью Пиво и воды.

Да следует отметить первую стра...ость этого страшного вечера. (Н...)где н... у будочки н... во всей алле... парал...ельной Малой Бронной улице (н...)оказалось (н...) одного человека. В этот час когда кажется и сил (н...)было дышать и когда солнце раск...лив Москву валилось куда(то) за Садовое кольцо (н...)кто н... пришел под липы ал...ея была пуста. Литераторы напившись теплой абрикосовой и немедле...о начав икать уселись на скамейке.

Тут приключилась вторая стра...ость касающ...ся одного Берлиоза. Он внезапно перестал икать и сердце его стукнув на мгновение куда(то)

провалилось потом вернулось но с тупой иглой засевшей в нем. Берлиоза кроме того охватил (н...)обоснова...ый страх столь сильный что ему захотелось (тот)час (же) (н...)оглядываясь бежать с (П, п)атриарших.

И тут из знойного воздуха ...густивш...гося перед ним возник прозрачный гражданин пр...странного вида. (Не)привыкший к (не)обыкновенным явлениям Берлиоз побледнел и вытаращив глаза в см...тен... подумал Этого (не)может быть! Но это увы было и дли...ый гражданин сквозь которого видно (не)к...саясь земли качался перед ним и (в)лево и (в)право. Тут ужас до того овладел Берлиозом что он закрыл глаза а когда открыл их увидел что все кончилось марево растворилось клетч...тый и...чез а (за)одно и тупая игла выск...чила из сердца.

(По М. Булгакову)

№ 56

Внезапно все смолкло и головы повернулись в одну сторону.

По степи стелясь к самому жнивью вытягиваясь в нитку скакал вороной а на нем с...док в (красно)пестрой рубахе навалился грудью и головой на лошади...ую гриву опустив по об...им сторонам руки. Ближе. Ближе. Видно как изо всех сил рвется обезумевшая лошадь. Беше...о отстает пыль. Хлопьями пены (бело)снежно занесена грудь. Потные бока взмылились. А седок все так(же) уронив голову шатается в такт лошади.

В степи опять зачернело. По толпе пробежало Второй скачет

Вороной доскакал храпя и роняя белые клочья и сразу перед толпой осел покотившись на задние ноги всадник в (полосато)красной рубахе как куль перевернулся через лошади...ую голову и глухо плюхнулся о землю ра...кинув руки и неестестве...о подогнув голову.

Одни кинулись к упавшему другие к вздыбившейся лошади черные бока которой были (липко)красные. Да это Охрим закричали подбежавшие бережно расправляя стынувшего. На плече и груди (кроваво) зияла сеч...ная рана а на спине черное закипевшееся пятнышко.

Подскакал второй. Лицо потная рубаха руки босые ноги все было в пятнах крови. Он прыгнул с шатающейся лошади и бросился к лежащему по лицу которого неотвратимо потекла (прозрачно) восковая желтизна. Потом быстро стал на четвереньки приложил ухо к залитой кровью груди и сейчас(же) поднялся и стоял над ним опустив голову Сын! Мой Сын!

Он постоял над мертвецом уронив голову. А в неподвижной тишине все глаза смотрели на него.

Он пошатнулся (в)пустую хватаясь руками потом схватил уз...цы лошади и стал садит...ся на все так(же) вздрагивавшую потными боками лошадь судорожно выв...рачивавшую в торопливом дыхании кровавые ноздри.

И вот уже топот пошел по степи удаляясь. Он во все плечо ударил плетью и лошадь покорно вытянув мокрую шею прижав уши пошла карьером. Тени ветр...ных мельниц косо и дли...о погнались за ним через всю степь.

(По А. Серафимовичу)

№ 57

Волшебные черные кони утомившись несли своих всадников медле...о и (не)избежнаяночь стала их догонять. Чужая ее (с)зади притих даже (не)угомо...ый Бегемот и вцепившись (крепко)накрепко в седло когтями летел молчаливый и серьезный распутив свой хвост. Ночь закрыв и...синя(черным) платком леса и луга зажгла где(то) далеко (в)низу печальные огонечки теперь уже (не)интересные и (не) нужные (не, ни)Маргарите (не, ни)мастеру чужие огоньки. Ночь то обгоняя кавалькаду се...лась на нее (с)верху и выбрасывала в загрузивш...м небе белые пятнышки звезд то летела рядом и хватая скачущих за плащи (з, с)д...рала их с плеч... разоблачая обманы. И когда Маргарита обдуваемая прохладным ветром открывала глаза она вид...ла как меняется облик всех летящих к своей цели.

Вряд(ли) теперь узнали(бы) Коровьева-Фагота самозва...ого переводчика при таинстве...ом и (не)нуждающ...мся (не, ни) в каких переводах консультанте в том кто теперь летел (не)посредственно рядом с Воландом. На месте того кто в дра...ой одежде покинул Воробьевы горы под именем Коровьева-Фагота теперь ск...кал тихо звеня золоче...ой цепью поводка темно(фиолетовый) рыцарь с мрачнейшим и (не, ни)когда (не) улыбающ...мся лицом.

Ночь оторвала пушистый хвост у Бегемота и содрал с кота шерсть ра...швыряла ее клочья по болотам. Тот кто был котом потешавш...м князя тьмы теперь оказался худеньким юношей (демоном)паж...м лучшим шутком какой существовал когда(либо) в мире. Теперь притих и он летел беззвучно подставив свое молодое лицо под свет льющ...йся от луны. (С)боку всех летел бл...стая сталью доспехов Азazelло. Луна изменила и его лицо и...чез бе...следно нелепый безобразный клык и кривоглазие оказалось фальшивым. У Азazelло оба глаза пустые и

черные были одинаковые и лицо белое и холодное. Себя Маргарита видеть не могла но она хорошо вид...ла как изменился мастер. Его волосы белеющ...е при луне (с)зади собрались в косу и она летела по ветру. Подобно юноше(демону) мастер летел (не)сводя глаз с луны но улыбался ей как(будто) знакомой хорошо и любимой и что(то) бормотал сам себе по привычке пр...обрете...ой в комнате № 118.

И наконец Воланд летел тоже в своем настоящем обличье. Маргарита не могла(бы) сказать из чего (с, э)делан повод его коня и думала что самый конь только глыба мрака грива этого коня туча а шпоры всадника белые пятна звезд. Так летели они в молчани... долго...

(По М. Булгакову)

№ 58

Василий Петрович встав со стула чу...ствовал себя в полном порядке. Однако ноги (не)совсем повиновались ему и он (не)мог держать подсве...ник так что(бы) стеарин (не)капал на ковер. Но (не) сколько справившись с (не)послушными членами он пошел за Кудряш...вым. Они прошли несколько комнат коридор узкий и темный и очутились в каком(то) сыром помещени.... Шаги глухо стучали по каме...ому полу. Шум падающей где(то) струи воды звучал бе...конечным ак...ордом. С потолка висели ст...л...ктиты из туфа целые иску...тве...ые скалы возвышались здесь и там. Мас...а тропической зелени прикрывала их а в (не)которых местах бл...стели темные зеркала.

Что это такое спросил Василий Петрович.

Аквариум которому я посв...тил два года ответил Кудряш...в.

Он скрылся за зелень и Василий Петрович подошел к зеркальному стеклу и стал ра...матривать что было за ним. Вдруг поток ослепительного света заставил его закрыть глаза и когда он открыл их то не узнал аквариума. Кудряш...в в двух местах заж...г электрические фонари свет их проходил сквозь мас...у голубоватой воды кишащую рыбами наполне...ую растениями (резко)выделявшимися на неопределе...ом фоне своими (кроваво)красными и (грязно)зелеными силу...тами. Скалы и тропические рас...тения сделавшиеся еще темнее красиво обр...мляли толстые золоче...ые стекла сквозь которые была видна внутре...ость аквариума. В нем все зак...пошилось беше...о заматалось испуга...ое ослепительным светом стая большеголовых бычков носилась туда и сюда поворачиваясь точно по команде стерляди изв...вались прильнув мордой к стеклу точно хотели пройти через стекла...ую пр...граду смешная к...р...катица отцепилась от скалы на

1. И

которой сидела и плыла (задом)наперед волоча за собой дли...ые пр...чудливые щупальца.

Маленькая рыбка порывисто металась (в)верх и (в)низ и (в)стороны спасаясь от какого(то) дли...ого хищника. В смертельном страхе она выбрасывалась из воды непр...ста...о пряталась под выступы скалы а острые зубы везде ее нагоняли. Хищная рыба уже была готова схватить ее как вдруг другая подск...чив (с)боку перехватила добычу рыбка исчезла в ее пасти. Пр...следовательница остановилась в недоумени... а похитительница скрылась (во)своей.

Это моя гордость и утешение промолвил Кудряш...в. Придешь сюда сяд...шь и смотр...шь. Я люблю всю эту тварь (за)то что она открове...а (не)так как наш брат человек.

(По В. Гаршину)

№ 59

Четвертого мая 1887 года я приехал в Кишинев и через (пол)часа узнал что через город проходит пехотная дивизия. Так как я приехал с целью поступить в какой(нибудь) полк и побывать на войне это надо было ра...матривать как (н...)что иное как удачно представившийся случай. Седьмого мая в 4 часа утра я уже стоял на улице в серых рядах выстро...вшихся перед квартирой полковника.

Музыка грянула от полковника выносили разв...вающиеся знамена. Раздалась команда полк выр...внялся и бе...звучно сделал на караул. Потом поднялся ужасный крик скомандовал полковник за ним батал...онные и ротные командиры. Следствием всего этого было запута...ое и соверше...о (не)понятное для меня движение серых шинелей кончившееся тем что полк вытянулся в дли...ую коло...у и мерно зашагал. Шагал и я стараясь попасть в ногу и и...ти (на)равне с соседом. Ранец тянул назад тяжелые сумки вперед. Но (не)смотря на все эти неприятности музыка стройное тяжелое движение коло...ы ра...ее свежее утро вид штыков и лиц заг...релых и суровых все настра...вало душу твердо и спокойно.

Нас влекла (не)ведомая тайная сила нет силы большей в человеческой жизни. Каждый отдельно ушел(бы) домой но вся мас...а шла повинуюсь н... дисциплине н... чу...ству ненависти к (н...)известному врагу н... страху наказания а тому (не)ведомому и бе...сознательному что долго еще будет водить человечество на кровавую бойню самую крупную причину (все)возможных людских бед и страданий.

За кладбищем открылась глубокая д...лина уходившая (в)даль

тума...ую. Дождь пошел сильнее кос(где) (далеко)далеко тучи раздаваясь пропускали солнечный луч тогда косые и пр...ые полосы дождя казались серебря...ыми. Иногда тучи сдвигались становилось темнее дождь шел чаще. Через час после выступления я почув...ствовал как (будто) струйка холодной воды побежала у меня по спине.

Первый переход был (не)велик всего восемнадцать верст от Кишинева. Однако с непривычки нести на себе такой груз я добравшись до отведс...ой нам хаты сначала даже сесть не мог пр...слонился ранцем к стене да так и стоял минут десять (не)шевелься а потом уснул как убитый проспав до четырех часов утра.

(По В. Гаршину)

№ 60

Давно наступили долгие весе...ие сумерки темные от дождевых туч... тяжелый вагон грохотал в прохладном поле в полях весна была еще ра...ая шли кондуктора по кор...идору вагона спрашивая билеты а Митя все еще стоял возле дребезжащего окна чу...ствуя запах Катиной перчатки.

Утром был Орел пересадка и провинциальный поезд возле дальней платформы. И Митя почув...ствовал какой это простой спокойный и родной мир по сравнению с московским уже отошедшим куда(то) в тридцатое царство. Поезд из Орла шел (не)спеша. Митя (не)спеша ел тульский пряник сидя в почти пустом вагоне.

Проснулся он только в Верховье. Поезд стоял было довольно многолюдно но то(же) как(то) захолус...но. Приятно пахло чадом станцио...ой кухни. Митя с удовольствием с...ел тарелку щей потом опять задремал глубокая усталость напала на него. А когда он опять очнулся поезд мчался по весе...ему березовому лесу в открытое окно пахло дождем и как(будто) грибами а (в)дали уже мелькали (по)весеннему печальные огоньки станции. Все тонуло в необычно-ве...ых мягких сумерках и опять Митя дивился и радовался как спокойна проста убога деревня. Тарантас нырял по ухабам дубы за двором богатого мужика высились еще совсем нагие (не)приветливые чернели грачи...ыми гнездами. У избы стоял стра...ый как(будто) из древности мужик босые ноги рва...ый армяк баранья шапка на дли...ых прямых волосах.

Когда Митя на другой день по приезде проспавши двенадцать часов вымытый во всем чистом вышел из своей солнечной комнаты она была окнами в сад на восток и прошел по всем другим то живо испытал чу...ство их родстве...ости и мирной успокаивающей и душу и тело простоты. Везде все стояло на своих прежних местах как и

много лет тому назад и так(же) знакомо и приятно пахло везде к его приезду все было прибра...о. Весну...атая девка домывала только гости...ую примыкавшую к лакейской как ее называли еще до сих пор.

Горничная Параша босая белоногая шла по залитому полу и сказала (дружественно)развязной скороговоркой вытирая пот с разг...ревшего лица Идите кушайте чай мамаша еще до свету уехала на станцию со старостой вы наверное и не слышали...

(По И. Бунину)

№ 61

Десятого марта с вечера пал над Гремячим Логом туман до утра с крыш куреней журчала талая вода с юга со степного гребня шел теплый и мокрый ветер. Первая ночь принявшая весну стала над Гремячим окута...ая ч...рными шелками наплывавших туманов тишины овев...ая вешними ветрами. Поз...но утром взмыли порозовевшие туманы оголив небо и солнце с юга уже мощной лавой ринулся ветер стекая влагой с ш...рохом и гулом стал оседать (крупно)зерный снег побурели крыши ч...рными пятнами покрылась дорога а к полудню ярос...но всклокоталась светлая как слезы нагорная вода и бе...числе...ыми потоками устремилась в низины в сады омывая горькие корневища више...икатопя прибрежные камыши.

Дня через три уже оголились доступные всем ветрам буфы промытые до земли склоны засияли влажной глиной нагорная вода помутилась и понесла на своих вскипающих волнах ж...лтые шапки пышно взбитой пены вымытые хлебные корневища сухие выволочки с пашен...

В Гремячем Логу вышла из берегов речка. Откуда(то) с верховьев ее плыли источе...ые со...нцем голубые льдины. На поворотах они выбивались из русла кружились и терлись как огромные рыбы на нересте. Иногда струя выметывала их на берег а иногда льдина вл...комая впадавшим в речку потоком относилась в сады и плыла между деревьями со скрежетом налезая на стволы круша садовый молодец раня яблони пригибая густейшую пор...сль више...ика.

За хутором призывно чернела освобожде...ая от снега зябь. Взвороче...ые лемехами пласты тучного чернозема курились на солнце паром. Великая благос...ная тишина стояла в полуде...ые часы над степью. Над пашнями солнце (молочно)белый пар волнуемый вышелк ра...его жаворонка да манящий клич журавли...ой стаи вонзающейся грудью построе...ого тр...утольника в густую синеву

(не)знакомые мне места. У ног моих тянулась узкая д...лина а справа возвышался частый осин...ик. Я остановился в недоумени... и оглянулся. Да подумал я куда же это я попал Видимо я чере...чур забрел влево. Я поскорее выбрался на другую сторону холма и пошел забирая (в)право. Я добрался до леса но там не было никакой дороги какие(то) (не)скоше...ые низкие кусты широко ра...тиались передо мной а за ними (далеко)далеко виднелось пусты...ое поле.

Между тем ночь приближалась и росла как грозная туча. Все кругом быстро чернело и утихало одни перепела изредка кричали. Небольшая птица (не)слышно и низко мчавшаяся на своих мягких крыльях почти наткнулась на меня и пугливо нырнула в сторону. Я уже с трудом различал отдале...ые предметы только одно поле (не)ясно белело вокруг. Я отчая...о устремился вперед словно вдруг догадался куда следовало идти обогнул бугор и очутился в (не)глубокой кругом распаха...ой ложине. Я окончательно удостоверился в том что заблудился соверше...о и уже (н...)сколько (н...)стараясь узнавать окрес...ные места почти совсем потонувшие во мгле пошел прямо по звукам (на)угад.

Около полудня шел я так с трудом переставляя ноги. Казалось что (от)роду н... бывал я в таких пусты...ых местах н...где н... было видно н... огонька н... слышно н... звука. Бе...конечно тянулись поля кусты словно (из)под земли вставали перед самым моим носом. Я уже соб...рался прилечь где(нибудь) до утра как неожида...о узнал куда я зашел. Эта мес...ность была извес...на у нас под названием Бежин Луг.

(По И. Тургеневу)

№ 66

Над портом стоит потемневшее от пыли (мутно)голубое небо. Жаркое со...нце смотрит в зеленоватое море точно сквозь тонкую серую вуаль. Оно почти (не)отражается в воде рас...екаемой ударами весел паровых винтов острыми киями судов бор...щихся с высокими морскими волнами. Они закова...ые в гранит бьются о борта судов и ропшут вспене...ые загрохот...ые разным хламом. Звон якорных цепей грохот сцепле...ых вагонов мета...ический вопль железных листов падающих откуда(то) на (не)моще...ую мостовую крики (труже...иков)грузчиков ю...ых матросов и таможе...ых солдат все эти звуки сливаются в оглушительную музыку рабочего дня. Но голоса людей (еле)сл слышны в нем слабы и смешны. И сами люди первоначально родившие этот шум работающие (на)износ и живущие

(в)проголодь смешны и жалки. Потные оборва...ые согнутые под тяжестью товаров они суетливо бегают в тучах пыли. Люди ничтожны по сравнению с окружающими их колос...ами грудями товаров гремящими (во)всю вагонами. Созда...ое ими поработило и обезлич...ло их.

Стоя под парами тяжелые (пароходы)гиганты свистят шипят и в звуке рожде...ом ими чудит...ся насмешливая нота пр...зрения к серым пыльным фигурам людей. Дли...ые вереницы грузчиков несущих на своих плечах тысячи пудов хлеба в железные животы судов для того чтобы заработать несколько фунтов того(же) хлеба для своего желудка. Вот так (бок)о(бок) и уживаются друг с другом рва...ые потные отупевшие от усталости шума и зноя люди и могучие бл...стящие на солнце машины созда...ые этими людьми.

Раздалось один...адцать ударов в колокол. Когда последний звук зам...рал страс...ная музыка труда звучала уже тише. Наступало обеде...ое время. Грузчики бросив работать рас...ыпались по гаван... шумными груп...ами. Вдруг появился Гришка Челкаш старый травле...ый волк несомне...о хорошо знакомый всем в этой мес...ности. Он был бос в старых поноше...ых штанах в грязной ситцевой рубаше с разорва...ым воротом. Дли...ый немного сутулый он медле...о шагал по до...атому тр...туару и поводя своим горбатым хищным носом кидал вокруг себя острые взгляды. Он (как)будто высматривал кого(то). Его густые и дли...ые усы то и дело вздрагивали как у кота а заложе...ые за спину руки пот...рали одна другую. Даже здесь среди сотен таких(же) как и он бося...ких фигур он сразу обращал на себя внимание своим сходством с ястребом. В этой беше...ой сутолоке порта Челкаш чу...ствовал себя прекрасно. (В)переди ему улыбался солидный заработок требующий (не)много труда и много ловкости. Он мечтал о том как загуляет завтра (по)утру когда в его кармане появятся кредитные бумажки.

(По М. Горькому)

КЛЮЧИ

I. Словарные диктанты

№ 3

Уплотнить, приласкать, обнажить, раскалить, усложнить, облокотиться, отдалить, поглощать, отказаться, угрожать, оправдать, желтеть, вопиющий, запевала, зарядить, роптание, смягчение, увядание, заглядение, заграждение, зачарованный, клеенка, обрамление, нагревание, голодание, удивление, всклокоченный, покаяние, топтать, священник, смирение, озлобление, сторона, угнетение, упрощенно.

№ 4

Больной, бегущий, размягчить, босиком, заглянуть, заколоть, засвистеть, настроичь, ворсистый, раскрошить, обломать, побелить, обновленный, одарить, породить, орошение, оплатить, сломать, оснащенный, повалиться, удивляться, щедрота, молодежь, насвистать, наскрести, ополчение, нарядиться, разговор, разуверение, ублажить, просвещение, растяжение.

№ 5

Намолоть, насадить, обговорить, обречение, отравиться, укоротить, облениться, очерстветь, подбодрить, похвалить, окровавленный, позолотить, растрепать, отрядить, обломать, обновленный, осквернить, разболеться, трепетать, оснастить, одряхлеть, оправдать, покаяние, разгородить, озлобление, сплоченный, отождествление, соединение, смирение, настроение, щебетание, облегчение, старожил, утолщение, утроение, утопический.

№ 6

Залезать на дерево — зализать рану; запевать куплет — запивать лекарство; навевать сны — навивать локоны; обвевала лицо веером — обвивала косы вокруг головы; волосы развевались на ветру — развивали промышленность; ударился оземь — созревает озимь; полоскать белье — поласкать котенка; посветить фонариком — посвятить жизнь

науке; спешите видеть — спишите данные; частота посещений — чистота помещений; умолять о помощи — умалять значение; развлекается стяг — развивается сюжет; посидеть на лужайке — поседеть от горя; цветы стали увядать — надеялся увидеть чудо; примерять костюм — примирять спорщиков; шумят и пенятся валы — устало брели волю; детишки были очень малы — приходилось стоять на молу; проредили морковь на грядке — зарядили пушки; накалил железо докрасна — наколоть сосновых дровишек; носить пристежные воротники — понукал пристяжных лошадей; спуститься в цветущую долину — быть вдалеке от дома.

№ 11

Вермишель, каватина, меридиан, отражение, перифраз, пиктография, спонтанный, суверенный, форель, фестиваль, чеснок, эликсир, олеандр, претендент, триада, ротонда, водевиль, габардин, аккомпаниатор, дилетант, канонада, виолончель, коромысло, кенгуру, наваждение, обагрить, парадигма, prerогатива, фарватер, филигрань, диадема, есаул, гастролер, декламировать, миниатюра.

№ 12

Габарит, дифирамб, маринад, минорный, ореол, респиратор, приоритет, триумфальный, нумерация, преамбула, регата, резонанс, рикошет, скомпонованный, фантазмагория, ювелир, фрикаделька, фиаско, сталактит, торшер, синтагма, соната, ренегат, ностальгия, омонимия, кастрюля, экстравагантный, эпистолярный, фламинго, коростель, тротуар, тотализатор, серпантин, рудимент, презентабельный.

№ 13

Бокал, балкон, аромат, абажур, барьер, гараж, гамак, герметизировать, загромождение, комар, океанолог, перспектива, полисемия, увертюра, хрестоматия, шевелюра, экзистенциализм, эстакада, дилижанс, дилетантизм, исковерканный, кастелянша, компетентный, клерикальный, олимпиада, парабола, перифраз, портьера, резиденция, скарлатина, тореадор, феномен, фламандский, хризантема, реестр, ротапринт.

№ 14

Канонерка, колибри, панихида, натюрморт, пирамидальный, президент, регламент, ритуал, дизентерия, инспирировать, керамика,

жонглер, пальто с капюшоном, защелка замка, никчемный человек, прожорливый медвежонок, новая расческа, произвести расчет, танцевать чечетку, старый шофер, шотландская песня, красивое пончо, исполнять каприччио, готовить харчо, играть на банджо.

№ 36

Купе, крепдешин, бельведер, поэтический, силуэт, эффект, темп, сэкономить, портмоне, гнузцы, дизель, пируэт, папье-маше, клиент, пациент, шезлонг, пенсне, стенд, бежевый, непонятный, котедж, термос, процессия, бенефис, ренессанс, дуэлянт, дуэнья, идентичность, фиеста, эмигрант, Эзоп, Эфиопия, электрик, экспромт, бельэтаж, эскорт.

№ 38

Полезный труд, непростительный порок, переступить порог, пасть стада коз, любоваться красотой девичьих кос, на крышах изморозь, сеет мелкая изморось, дамы и господа сидят за столом вперемежку, газеты и письма лежали на столе вперемешку, частые перебежки, кружка пива, новые скворечни, свежие коврижки, вырубка леса, громоздкий багаж, дележка барышей, зыбкая надежда, модная застежка, кровавый мятеж, издержки производства, перевязка раны, высший пилотаж, маленькая пичужка, ревизские списки, старая усадьба, свежая смазка, дальнее родство, последний раунд, помощник директора.

№ 40

Пристрастный, разномастный, опасный, ужасный, громоздкий, повиснуть, чувствовать, участвовать, здравствовать, чествовать, безмолвствовать, солнце, явственный, сверстник, яростный, яства, корыстный, захолустный, завистливый, искусный, словесный, ровесник, срам, воскресник, блеснуть, древесный, компрометировать, инцидент, дерматин, констатировать, комментировать.

№ 41

Властный, гласный, горестный, декадентский, интриганство, несчастливый, окрестный, праздный, бескостный, исландский, местность, наперсник, пакостник, редкостный, дилетантский, сладостный, конъюнктивит, ревностный, ландшафт, подвластный, юрис-консульт, целостный.

№ 42

Беспокойное хозяйство, ласковое солнце, яростное сопротивление, шефская помощь, косный взгляд, полновластный хозяин, известный писатель, костный бульон, словесный портрет, счастливый день, чувствовать усталость, праздничное шествие, грустная повесть, гнусный поступок, участвовать в спектакле, тревожное предчувствие, вкусный обед, гигантское строительство, президентские выборы, властные структуры, радостный возглас, блеснуть на солнце, неуместный вопрос, длинные ресницы, угостить разнообразными яствами, мои ровесники, мерзопакостный человек, частнособственнические интересы.

№ 48

агрессия	драма	кристалл
аллергия	иллюзия	кросс
аллея	иллюминация	манна
аннотация	имитация	масон
аннулировать	инкассация	миссия
апелляция	инициатива	оккупация
аппарат	интеллигенция	оппозиция
алюминий	интеллект	оппонент
аппетит	искусство	параллель
артиллерия	искусный	пассивность
ассигнование	ирригация	пассажир
ассистент	касса	пессимизм
ассортимент	кассета	пресса
ассоциация	карикатура	пьеса
аттракцион	коридор	привилегия
баллада	коллега	прогресс
баллотироваться	колледж	процесс
баррикада	коллекция	режиссер
бассейн	коллизия	репрессированный
беллетристика	колонна	ресурсы
бюллетень	колоссальный	расчет
галерея	комиссия	рессора
группировка	комментатор	суррогат
гуманизм	коммерсант	теннис
дискуссия	компромисс	терраса
десант	корректность	территория
диссертация	корреспондент	тонна
дифференциация	коридор	трасса

туннель	целлюлоза	эллипс
труженик	цивилизация	эссе
хоккей	шасси	эластик
холл	шоссе	элегия
целлофан	экспрессия	юный

№ 53

Ночь, каменщик, куч, ветви, кланчить, срежь, тончайший, бережешься, залежь, зонтик, бричка, щелочь, бишь, стричься, декабрьский, свечка, брошь, пилышик, срочный, день-деньской, вишенка, плющ, мельчайший, хрящ, кумач, наотмашь, навзничь, замуж, горяч, молодежь, сторож, невмочь, с плеч, хорош, умножьте, назначьте.

№ 54

Горяч, дочь, обжечься, зарежь, кулич, мелочь, остричь, сплошь, тоньше, уж, фальшь, вскачь, вояж, глушь, пейзаж, прочь, сварщик, уберечься, тягуч, январский, платеж, пожаришь, пожариш, стриж, возьмешь, колюч, еж, испечь, кончик, ералаш, невтерпеж.

№ 59

Портьера, пьеса, субъект, бульон, предъявить, изъян, обезьяна, съязвить, лисья, разъяренный, эскадрилья, трехэтажный, сверхъестественный, бьем, вявь, сыновья, сэкономить, съездить, мелкоlese, подъем, объявление, сагитировать, арьергард, объективный, выюга, межъярусный, пьедестал, предъюбилейный, бильярд, отъявленный, фортепьяно, безядерный, рьяный, интерьер, предъявитель.

№ 60

Съязвить, компаньон, изъять, фельетон, съежиться, изъясняться, бельэтаж, фельдгегерь, карьер, вявь, барьер, курьез, инъекция, изъян, конъюнктивит, трансарктический, выюнок, гнездовье, подъячий, соловьи, пасьянс, панъевропейский, конъюнктура, пан-Европа, съябедничать, нюанс, въездной, небыующийся, объем, дe-тjаcли, контратака, предобеденный, предъюбилейный, въедливый, безупречный, компьютер.

№ 63

Безыскусственный, небезызвестный, предыстория, сверхизысканный, безысходный, межинститутский, взимать, изымать,

субинспектор, трансиорданский, возыметь, обыскать, дезинформация, обындевать, подытожить, постимпрессионистский, сверхиндустриализация, спортигра, предьюльский, сызмала, отыменный, панисламизм, возыметь, фининспектор, межигровой.

№ 67

Безрезультатный разговор, беспредельная нежность, безоговорочная капитуляция, рассчитывать на успех, бестактный вопрос, беспощадный судья, сдержанный человек, бесформенная фигура, бессердечное отношение, воздвигнутый монумент, рассерженный сосед, **исчерпать** ресурсы, ненужная вспыльчивость, чересчур строгий преподаватель, бессмысленный спор, возглавить делегацию, провозгласить лозунг, бессчетное количество, безбрежное пространство, восхождение в гору, размеренная поступь, растерянное преимущество, ниспосланная милость, низвергнуть в пропасть, избалованный ребенок, исправленная ошибка.

№ 68

Восхождение на вершину, расчетный счет, чересчур много, восполнить пропущенное, безграничное доверие, пламенное воззвание, расформировать полк, истратить деньги, чрезмерный восторг, искоренить недостатки, иссякший источник, бесперспективный план, ниспровергать авторитеты, разжечь костер, безветренный вечер, бесформенная масса, безжалостный поступок, бессмертное произведение, бессрочный отпуск, воспитать ученика, воспроизвести текст, возрастной ценз, восседать на престоле, резкая мимика, сдвинутые шкафы, бесконечное нытье, воспылать любовью.

№ 69

Бесчисленные споры, распаковать вещи, сделыщина, сдержать слово, ниспадать на плечи, происшедший случай, низринуться с обрыва, рассердиться на сына, безвкусная обстановка, разбавить водой, распланировать день, истечь кровью, **ниспровергать** авторитеты, шалить исподтишка, бездонная бочка, сгинуть навсегда, распробовать сладости, сгореть дотла.

Расшуметься всерьез, беззвездное **небо**, взгляд исподлобья, бескорыстный поступок, безгрешный человек, безжизненное тело, бесцеремонное **поведение**, низшая порода, беззубый рот, бессильный вздох, здорово живешь, совершить удачную сделку, распаковать вещи,

бесчисленные злопыхатели, руководство расщедрилось, глупые рассуждения, распутать узел, расчистить поляну, безбрежное море.

№ 73

Пребывать на даче, предать друга, претворить планы в жизнь, преступить закон, беспристрастный судья, непреходящий успех, придать необходимый оттенок, преодолевать трудности, преклоняться перед красотой, приземлиться вовремя, прекратить спор, приоткрыть дверь, приверженец новых взглядов, большие претензии, приморский край, прилагать усилия, пренебрежительное отношение, причудливые узоры, прибывать в Москву, преобразовать жизнь, показать жизнь без прикрас, приступить к работе, достойный пресмник, превосходный спектакль.

№ 74

Превозмочь боль, пренебрежительное отношение, привередливый человек, претендовать на призовое место, приступить к работе, преследовать благородные цели, президент страны, привлекательный вид, несправедливые притязания, седой привратник, прекрасный вечер, пребывать на отдыхе, предаваться воспоминаниям, преходящее явление, приручить зверя, причудливый рисунок, сделать прививку, преградить дорогу, преувеличить опасность, искать пристанища, найти прибежище, искатели приключений.

№ 75

Прибывать к месту работы, пригородный поезд, приоткрывать дверь, прекращение споров, присесть на скамью, преходящий успех, пребывать в неведении, приходящая медсестра, прилагать усилия, преклоняться перед красотой, приморский бульвар, преступить закон, приступить к занятиям, приблизиться к заветной цели, приезд в город, привилегированное сословие, придать оттенок, презирать труса, претворить мечты в реальность, приглушенные голоса, присутствовать на премьере, презабавный случай, преследовать врага.

№ 76

Сидеть в президиуме, прикоснуться к тайне, столовый прибор, престижная профессия, признаться в чувствах, приданое невесты, отвергнуть притязания, презрительный взгляд, привить хорошие манеры, лишить привилегий, превратиться в посмешище, камень преткновения, претендовать на пост, забавная прибаутка, выглядеть

презентабельно, пребывать в тревоге, превосходный коммерсант, притупленный звук, искусная притворщица, предаваться мечтам, приноравливаться к обстоятельствам, картина без прикрас, превратно понимать, предать осмеянию, знаки препинания.

№ 77

Непременное условие, примерный студент, примелькавшиеся лица, премудрый пескарь, примитивный взгляд, превозмочь усталость, превратный смысл, преамбула договора, принудительный труд, принаряженный кавалер, принципиальный поступок, не преминуть сказать, приворотное зелье, привычная работа, таинственное привидение, примитивный взгляд, препираться из-за пустяков, претерпеть изменения, правила приличия, прерогатива, пригожий денек, сердечная привязанность, приостановленное движение, преемственность в работе, неприступная твердыня, претерпеть унижение, припереть к стенке, приумножить богатства.

№ 81

Багряный закат, бесчисленное множество, глиняная посуда, дискуссионный вопрос, длинная очередь, дровяной склад, журавлиное гнездо, зеленая лавка, земляной пол, каменный дом, карманные часы, картинная галерея, клюквенное варенье, кожаная куртка, конный плуг, ледяной покров, монотонные звуки, недюжинные способности, оловянные солдатики, осенняя погода, песчаная отмель, племенной скот, подлинное искусство, полотняное белье, революционный подъем, румяные щеки, свиная туша, серебряная ложка, соломенная подстилка, туманное утро, ураганный ветер, ценное изобретение, чугунная ограда, юные натуралисты.

№ 82

Вагонное депо, машинный зал, глиняный сосуд, мужественный человек, румяный юноша, куриный бульон, стеклянная бутылка, платяной шкаф, ветреный юнец, ветряная мельница, обветренные руки, ссеребряный колокольчик, свиной паштет, лебединая песня, временное явление, подлинный документ.

№ 83

Вареный, сваренный, полужареный, раненый, израненный, ломаный, поломанный, фаршированный, линованный, кованый, подкованный, рваный, золоченый, посеребренный, мощеный,

вымощенный, неожиданный, невиданный, неслыханный, нечаянный, сказанный, печеный, желанный, незванный, медленный.

№ 84

Серебряные часы, старинное оружие, лебединая песня, недюжинные способности, подлинныe документы, песчаный берег, лимонный сок, конопляное масло, обыкновенный человек, лекционный материал, лунный свет, машинное отделение, кожаное кресло, ледяной ветер, ветряные мельницы, письменный стол, странная женщина, деревянный дом, моченые яблоки, путанные ответы, сушеные грибы, выкованные обручи, уверенная поступь, оживленная беседа, комариный писк, торжественное заседание, кованный сундук.

№ 85

Туманная мгла, ветреная подруга, несказанная тишина, непаханое поле, длинные тени, серебряные часы, незаслуженная обида, таинственные приключения, сеяные травы, каменные ворота, холстинная рубашка, подлинное чувство, взволнованное лицо, нечаянная встреча, данный текст, бешеный ритм, тушеное мясо, жареный картофель, неожиданное известие, отчаянное решение, нетканые материалы, ограниченный человек, писанный красавец, стреляный воробей, масляные краски, нехоженные тропы, званые гости.

№ 86

Барханные пески, овчинный тулуп, буланный конь, оловянный солдатик, жеманные манеры, действенное решение, фазаний питомник, жизненные принципы, конституционный суд, воинственная поступь, органный концерт, нефтяная скважина, чванный вид, гуманный закон, орлиный взгляд, вещественное доказательство, пряный запах, медленное движение, бесталанное существо, юный спортсмен, перепелиные гнезда, пенсионный возраст, ветряная мельница, макаронные изделия, блинная мука.

№ 87

Подлинный шедевр, поверенный в делах, разобщенные действия, бедственное положение, безвременная утрата, берестяные грамоты, бешеный ритм, глаженный костюм, гостинный двор, граненый стакан, дарственная надпись, деланное выражение лица, дерганый человек, достигнутая договоренность, дрянная пьеса, злоумышленный поступок, искренний порыв, искусный мастер,

несмысленный малыш, нетленный образ, недвусмысленный ответ, неразделенное чувство, пустынный пейзаж, попранные авторитеты, посаженный отец, хоженные тропы, надуманный сюжет.

№ 88

Ношенная шляпа, поношенное пальто, хоженные тропы, нехоженные леса, груженные баржи, нагруженная сумка, соленые огурцы, посоленный салат, подмоченная репутация, недоваренный картофель, моченые яблоки, щедро посоленная закуска, правленный редактором текст, асфальтированная улица, мощенная булыжником площадь, мороженный лещ.

№ 89

Мощеная улица, серебряный кубок, посеребренная цепочка, тканая скатерть, вытканый ковер, златотканый рисунок, сливочное мороженое, мороженое мясо, замороженное филе, свежемороженые фрукты, свежемороженые овощи, златокованое изделие, осенний день, сушеные ягоды, военное дело, военизированный отряд, уверенный взгляд, кожаная куртка, церемонный поклон, полотняная блуза, песчаный пляж, лиственный лес, раненый олень, воспитанный человек, решенный вопрос, купленное здание, брошенный камень, неожиданное известие, священный дом, неслыханные дела.

№ 90

Авиационный завод, болезненное состояние, бритвенный прибор, весенняя капель, голубиное гнездо, воробьиные стаи, гусиное перо, дерзновенный порыв, дивизионный командир, единственное желание, змеиная кожа, комиссионный магазин, лошадиная морда, масляный блин, масляное пятно, масляная неделя, мгновенное решение, мужественный поступок, обеденный час, обыкновенное чудо, оконное стекло, оппозиционное решение, орлиный полет, ослиное упрямство, пламенное сердце, родственные отношения, соболиная шапка, соловьиные трели, стеклянные двери, телефонный разговор, торжественное событие, традиционная встреча, утренний туман, пряный запах, рьяный поступок, хозяйственные постройки, чувственные губы, шерстяной платок.

№ 91

Жареный гусь, поджаренная колбаса, жаренные в масле пирожки, пуганая ворона, перепуганные (испуганные) люди, каленые

орехи, раскаленная печь, каленные в печке орехи, рваный рукав, вырванный (разорванный) рукав, писанный красавец, вписанный треугольник, писанный знаменитым художником портрет, ломаный грош, поломанный автомобиль, топленое молоко, вытопленная печь, затопленная хата, бешеный карьер, взбешенный человек, груженная баржа, выгруженная баржа, груженная хлебом баржа, раненый боец, израненное тело, раненный под Киевом боец, пареный лук, распаренные косточки, штопанные носки, поштопанная гимнастерка.

№ 92

Мазаная печь; вымазанное платье; золоченое блюдо; позолоченные ложки; гашеная или негашеная известь; скошенный луг, нескошенные травы; луг, не скошенный колхозниками; вареный картофель; вываренное мясо; варенная в котелке картошка; драный сапог; ободранное лицо; травленный волк; затравленный зверь; путанные мысли; запутанные ответы; плетеная корзина; плетенный из хвороста шалаш; оплетенный плющом забор; толченный графит; истолченный в порошок сахар; ношенные вещи; долго ношенные вещи; поношенные вещи; копченая рыба; закопченная кастрюля; сырокопченая колбаса; сушеные фрукты; иссушенные степи; высушенное белье; крашеный пол; выкрашенный пол; крашенный масляной краской пол; тканая скатерть; вытканная скатерть; тканная золотом скатерть.

№ 93

Организованная спонсорами ярмарка, выставка организована шефами, сломанная хулиганами скамья, игрушка сломана ребенком, свеча потушена ветром, лыжи заброшены на чердак, лошади подкованы кузнецом, покусанные москитами животные, руки искушены комарами, потушенный дождем костер, огни потушены давно, испеченная лепешка, печеные блины, жаренная хозяйкой рыба, картошка испечена в золе, топленое в печке масло, были временные трудности, деревья посажены в саду, полотно соткано мастером, варенный утром кофе, каша сварена на молоке, убранные в парке дорожки, испуганный шорохом заяц, средства вложены в недвижимость, участки куплены предпринимателями, выявлено много нарушений, забракованный товар, известие получено утром.

№ 94

Ресурсы изысканы экономистами, ее манеры изысканны, ягоды подавлены в корзине, люди стояли подавленны и унылы, сумма собрана

по копеечке, **речь** стройна и собрана, организованный концерт, собрание прошло организованно, отчаянный крик, кричал отчаянно, бешеный ритм, бешено **мчаться**, глядеть испуганно, все трудности временны, вещи утеряны в дороге, мука рассыпана по столу, тучи рассеяны ветром, студентка рассеянна, мадам очень надменна, толкнуть локтем **нечаянно**, овощи сварены в **кастрюле**, ворота открыты **сторожем**, актеры неопытны и юны, **глядел** рассеянно, зрители спокойны и сдержанны, публика избалована **гастролерами**, поля ограничены **рвом**, **злости** тупы и ограничены, **векселя** отправлены по назначению.

№ 95

Взволнованный разговор, воды взволнованы бурей, голоса резки и взволнованны, рассказывал **очень** взволнованно, **невиданный** свет, нескошенный луг, невымоченная рыба, оловянный солдатик, квашеная капуста, **утренняя** прогулка, надеть полотняную блузу, купить деревянный брус, лица вымазаны сажей, загримированный артист, **всесеннее** солнце, подписанные листы, выкупленный филиал, приватизированные корпуса, болезненный вид, желанная мечта, медленно угасать, решенная проблема, бутерброд с вареным яйцом, подать на стол **печенный** картофель, попробовать **печенный** мамой торт, дети избалованы няней, лица **перекошены** гневом, дорогой племянник, читать в подлиннике, произошла путаница, изданная книга, **утонченный** слух, соотечественник, вкусный вареник, связанный пленник.

№ 96

Масленный блин, посаженный **отец**, **приданое** невесты, посаженный мною цветок, названный брат, масляная краска, неутомимый труженик, полюбил бесприданницу, названный в честь героя проект, совершеннолетний юноша, явное мошенничество, гостинный двор, бешеный ритм, датированный апрелем, дисквалифицированный спортсмен, уютная гостиница, миграционный процесс, поверенный в делах, суженные кровеносные сосуды, явный сангвиник, убежденный трезвенник, полотняный костюм, веселая масленица.

№ 114

Вдали виден лес — в дали голубой скрылся пароход; вдаль ушел караван — в даль туманную уходят поезда; ввысь поднимается дым — в высь небесную **взлетел** голубь; ввек не забыть мне друга — в век электроники; **внакидку** носить пальто — в **накидку** из парчи одета; вовремя прийти — во время летнего отпуска; вконец разобиделся на

друга — в конец переулка убежал; впору сшит костюм — в пору тяжких испытаний; врасяжку говорить слова — в растяжку отдать сапожки; втайне готовить подарок — в тайне необходимо разобраться и открыть этот секрет; **кверху** поднять голову — кверху палатки прикрепить флажок; наверх подняться — на верх горы взобраться; завтра будет веселье — на завтра перенести совещание; налицо были ошибки — на лицо упала прядь волос.

№ 128

Ввиду болезни, иметь в виду, разговоры насчет земли, положить деньги на счет, сосуд в виде шара, в течение шести лет, в течении реки, в продолжение месяца, в продолжении повести, вследствие холодов, в следствии по делу, вслед за тем наступило потепление, в связи с **собранием**, **вследствие** опоздания, встретиться впоследствии, медальон в виде сердечка, постройка вроде башни, что-то вроде воспоминаний, ввиду недостатка времени, в заключение собрания, в связи с переездом.

№ 129

Узнать насчет подписки, в силу аттестаций, узор вроде снежинки, невзирая на ливень, в заключение выступления, как будто на периферии, несмотря на привилегии, я за то уже рассчитался, что бы то ни было, рассказал то же самое, в продолжение утра, наподобие скачка, в течение недели, в продолжение учебного года, встретиться впоследствии, что бы ни случилось, довольно-таки, кое про кого, так-таки, мысль **таки** верна, устал, зато кончил работу.

II. Орфографические диктанты

№ 1

Утро застало нас близ моря. О том, что ночью бушевал девятибалльный шторм, напоминали лишь плавучие водоросли, брошенные на прибрежные кристаллические скалы. Их так много, что кажется, как будто океан нарочно постлал здесь этот зеленый ковер. У самой земли еще влажно мерцает мелкая холодная изморозь, но вверху небо уже кристально чистое. Вдруг брызнули **первыс** лучи солнца, и миллионы бриллиантов заблестали везде: на кустах можжевельника, в зарослях камыша, произрастающего у ближайшей речонки, и на

вспыхнувшей огнем брошенной перламутровой раковине. Кажется, здесь не ступала нога человека, но вот виден свежий след трехтонки, проехавшей по песчаному берегу, да вон чей-то полуразрушенный дощаник. Однако посмотрите: уж не след ли это медвежонка?

Нам надо поторапливаться, и поэтому мы, наскоро подкрепившись свиной тушенкой и шоколадом, отправляемся в путь. Обувь наша не высохла-таки и, вопреки заверениям, очень промокает. Все сияет после недавнего ливня: и голубые цветы цикория, и какие-то кусты с красными ягодами. Мой приятель забирается за ними в самую чащобу, несмотря на то что кусты колются и жалятся. Посмотрите: вот птенцы широко разевают клювы. Как низко расположены гнезда! Здесь, наверное, их некому разорять.

Так мы продолжаем продвигаться вперед, взяв эту неожиданную для нас дань с природы. Но так как наш арьергард слишком растягивается, начальник экспедиции дает приказ подравняться. И мы продолжаем идти, забыв о всех горестях и изъятиях нашей экспедиции.

Не нужно чересчур преуменьшать трудность таких походов, но я не хочу и приуменьшить то удовольствие, которое они доставляют. Мы идем через лес, окропленный мириадами капель, которые висят даже на безыглых ветвях старых елок. Как ни тяжелы наши рюкзаки, мы все впоследствии с удовольствием вспоминали наше путешествие.

№ 2

Как ни боялись засухи, она все-таки пришла. Небо было донель-зя раскалено, и с него почти отвесно падали колющие лучи солнца, а в воздухе уже начинал веять дышащий гарью ветерок. Овес, не поднявшийся еще и на пол-аршина от земли, уже поблек. Просянные поля, едва колеблемые жарким дыханием ветра, настоящего на увядших полевых травах, без устали отливали своими унылыми бледно-зелеными кистями. Почти не заросшие в этом году травой паровые поля печально разнообразили картину. Песчаная земля, которая, по-видимому, некогда особенно избалована дождями, окончательно задыхалась от зноя.

Кое-где попадавшиеся нам навстречу стада еще более усиливали тоскливую неприглядность полей. И только один раз мы заметили возле них пастуха, не спеша идущего за стадом и с видимым усилием тащашего свою палку. Он безучастно посмотрел на нас и путано объяснил, куда нам следует ехать, чтобы попасть на мельницу. Несмотря на раннее время, деревня, через которую мы проезжали, поражала своей пустынной. Только кое-где на завалинке сидела какая-нибудь старуха

да копошились ребяташки, почти не интересовавшиеся нами. Даже собаки и те лаяли как-то нехотя и как будто по привычке. Но вот в отдалении мы увидели небольшой домишко с штукатуренными стенами. Это и было не что иное, как мельница, где мы рассчитывали остановиться на ночевку. Весело выглядывают из ярко-зеленой листвы черепитчатые и камышовые крыши построек, без устали вращается обвешанное маслянистыми каплями замшелое колесо, бешено стучит в амбаре жернов, с приглушенным шепотом плещется речонка, убегающая куда-то в глубь степей. Уж не примерещилось ли все это нам?

№ 3

В тайге темнеет быстро. И, несмотря на то что мы это знали, все-таки темнота застала нас врасплох. Раздвигая тяжелые колючие ветви и нащупывая ногой следующую кочку, мы мало-помалу продвигались вперед. Было совершенно темно, но, как ни странно, от прожорливых комаров и мошек, летавших вперемешку вокруг нас, спасения не было так же, как и днем.

Целый день мы шли вниз по течению реки, но река исчезла в темноте где-то слева, и нам приходилось идти наугад. К счастью, до ближайшей охотничьей избушки, в которой мы рассчитывали устроить ночевку, оставалось, по-видимому, совсем недалеко. И действительно, когда мы поодиночке перешли по узкой жердочке, брошенной через топкий лесной ручей, и поднялись в гору, мы оказались перед избушкой.

Не теряя ни минуты и в душе радуясь, что расчет наш оправдался и мы в пору добрались до места, мы без устали рубили хвою, пилили ножовкой небольшие ветки и клали их крест-накрест. Вот и готова наша пахучая, но не очень мягкая постель! Товарищ мой уже не смотрит исподлобья и даже начинает читать стихи, которые учил когда-то на память, сначала шепотом, а потом и в голос, вовсе не подозревая, как он смешон в эту минуту.

С тихим шорохом ветер раскачивает вершины старых кедров, как будто предвещая на завтра дождь, и где-то вдали кричит какая-то ночная птица.

№ 4

Дожди

Неблагоприятная для отдыха погода установилась надолго. Неприветливое небо непрестанно хмурилось. Не прекращаясь ни на час

ни днем ни ночью, шли дожди. К сырой погоде я был не подготовлен, так как не захватил с собой на дачу ни плаща, ни непромокаемой обуви, ни даже какой-нибудь незатейливой одежки, которую не жалко было бы трепать в непогоду. А почва у нас повсюду глинистая, вязкая. Даже после небольшого дождя грязь вокруг непролазная. Сколько ни оглядывал я низко нависшие пепельно-серые облака, но не мог рассмотреть даже ни малейшего проблеска. Незаметно было никакого намека на просветление. Как ни досадно терять драгоценное время летнего отпуска, но, как говорится, ничего не попишешь. И хотя я внешне примирился с тем, что придется отсиживаться дома, однако в душе не мог не надеяться на лучшее. Ведь человек всегда живет светлой надеждой, и это неплохо. Что ни говори, а люди неунывающие — это лучшая часть рода человеческого. Итак, не смея рассчитывать на прекращение дождей, я расположился у окна с недурными намерениями просмотреть не прочитанные за последние дни газеты, ответить на два-три письма.

№ 5

Мать рек русских

Матерью рек русских издавна называли люди Волгу. Из-под сруба старинной часовенки близ деревеньки Волгино-Верховьс вытекает неприметный ручеек, через который перекинут бревенчатый мостик.

Прodelав путь в три тысячи шестьсот восемьдесят восемь километров, Волга приходит к Каспийскому морю.

Какие только суда не встречаются на Волге!

Тяжело проплывает огромная нефтеналивная баржа, заменяющая собой много железнодорожных цистерн. Вслед за ней тянутся не спеша широкие баркасы с невысокими бортами, доверху нагруженные камышинскими арбузами. Взгляните издали с берега — точь-в-точь огромное блюдо с плодами плывет по реке. А навстречу движется длинная улица, мощенная бревнами. Как полагается, на улице выровнялись, будто по линейке, игрушечные домики. Перед домиком догорает костер, кипит чай в закопченном котелке, колышется на бечевках вывешенное белье — и все это хозяйство медленно движется вниз по реке.

Не поодиночке, а караваном тянутся огромные плоты, насчитывающие по пятидесяти тысяч бревен. Провести такую громадину по своеобразным поворотам в течении реки — большое искусство.

На залитой июньским солнцем палубе с комфортом расположились

в камышовых креслах пассажиры трехэтажного теплохода, точно серебряного от солнца. Неслышно рассекает он зеленовато-серые волны реки. По сравнению с этим плавучим дворцом неказистым кажется труженик-буксир, толкающий впереди себя или ведущий за собою тяжело груженные баржи.

Бегут скоростные поезда, несутся автомобили по трассам нашей необъятной страны, но Волга по-прежнему величайшая магистраль нашей Родины.

№ 6

Заря разгоралась. Лучи солнца коснулись верхушек деревьев, позолотили блестящую поверхность озера и проникли в спальню к ребятишкам. Высоко над домом развевается и горит ярким пламенем красный флаг. Скоро подъем. По звуку горна юные спортсмены быстро поднимаются и, застав аккуратно постели, выбегают на зарядку. В комнате остаются ребятишки младшего возраста. Они не умеют еще самостоятельно застилать свои постельки и делают это под наблюдением вожатой Люси.

На спортивной площадке, построившись по росту в ряд по трое и подравнявшись, ребята застывают по команде «смирно!». Через минуту в воздухе мелькают загорелые руки, и стриженные наголо ребятишки наклоняются, касаясь земли кончиками пальцев. После зарядки они врассыпную бегут к озеру, оглашал его берега звонким смехом.

Малыши, не умеющие плавать, плещутся у берега. Несколько ребят во главе с Юрой, знаменитым лагерным пловцом, направились к плавучему мостику, но, услышав сердитый голос вожатой Люси, поспешили обратно.

После купанья хорошо растереться мохнатым полотенцем. Ежедневная зарядка и обтирание холодной водой укрепляют и закаляют здоровье. А какой аппетит развивается после купанья! Все кажется необычайно вкусным. Ребята с удовлетворением уплетают оладьи, макая их в сметану. Перед столовой красивый цветник. Дорожки выровнены и посыпаны песком; большая клумба представляет собой искусное сочетание цветов. За цветником расположился опытный участок, на котором юннаты вырастили доселе неизвестные породы овощей. Садовник Анисим Романович Бичов собирает отослать лучшие экземпляры на сельскохозяйственную выставку. Анисим Романович пользуется большим авторитетом у детей и имеет среди них своих почитателей. Ребята преклоняются перед его искусством и собираются посвятить себя садоводству.

Бичов — это не только садовник, но и взыскательный педагог. Безынициативным и равнодушным ребятам нет места. Интересно и содержательно проводят они свой досуг в лагере. На высоком уровне проходят спортивные состязания, туристические походы и занятия в кружках самодеятельности.

Перед ужином мальчики и девочки с большим удовольствием танцуют и поют под аккомпанемент баяна.

№ 7

Стертые каменные ступени, скользкие от мелкого осеннего дождя, вели вниз, в стиснутые высокими скалами ущелья. Одна из ближних к лестнице скал, округлая и тяжелая, напоминала силуэт доисторического животного. Складчатая спина чудовища покрыта, как шерстью, пучками увядшей травы. Только что пребывали мы в цивилизованном мире высотных зданий, автобусов и троллейбусов, переполненных спешащими людьми, мощеных и асфальтированных улиц и площадей, в мире гигантских сооружений и нескончаемых реклам. Но стоило перебраться через большой неподвижный водоем, как мы неожиданно-негаданно очутились в царстве неживой природы. Как ни странно, эта жизнь казалась реальной, а та, отделенная тонкой сеткой дождя, сквозь которую просвечивали контуры современных катакомб, представлялась наваждением. И вот мы прикасаемся к древности, искусно созданной и сохраняемой учеными-экологами. Мы приостановились у безлюдного берега озера, любуясь открывшимся пейзажем: серебряной ниткой прорезал песчаную гряду ручей, чуть-чуть пожухлая зелень трав обвивала кусты ольшаников, создавая живописный рисунок. Облетающие березы, кустарники — все это образовывало неповторимый ландшафт. Мы стали продвигаться в глубь территории, как вдруг услышали детские голоса. Посторонившись, мы пропустили небольшой отряд ребятешек в непромокаемых курточках и вязанных из разноцветных ниток шапочках. Впереди шагал улыбчивый веснушчатый мальчуган, державший флаг. На бледно-голубом полотнище был нарисован диковинный рогатый жук-олень. Флажки поменьше, тоже с изображением насекомых, несли другие дети. Но вот мимо нас прошли последние следопыты, и мы расспросили руководителя, наблюдавшего издали за ребятами, о цели их путешествия. Он объяснил нам, что эти дети — юннаты и что все члены общества охраны природы приводят сюда своих подшефных школьников, чтобы с детства привить им любовь к природе, к прошлому своей страны. По прибытии в

город мы не захотели идти ни в театр, ни в кино, потому что ничто другое, кроме встречи с живым чудом, не влекло нас.

№ 8

Из-за поднявшейся метели я не мог выехать раньше, как предполагал. Было совсем поздно, когда мне подали повозку, запряженную парой лошадей. Кучер вскочил на козлы, и мы покатили. Какое наслаждение мчаться на бойких лошадях по укатанной снежной дороге! Удивительное спокойствие овладевает тобой, и приятные воспоминания роем теснятся в голове. Недоверие, сомнение — все осталось позади. Равнина, расстилающаяся перед глазами, блестит алмазами, на горизонте догорает бледная заря. Скоро поднимется луна, озарит таинственным светом всю окрестность. Опираясь на спинку саней, плотно запахнувшись шубой, гляжу на бесконечную темную ленту дороги. Вот в отдалении показали две точки, они то исчезают в ухабах, то, обгоняя друг друга, двигаются нам навстречу. Точки приближаются и превращаются в два воза, на которых сидят закутанные фигуры.

Мой кучер здоровается, о чем-то расспрашивает их и, повернувшись ко мне, говорит: «Не опоздаем, поспеем к поезду».

Снова впереди пусто и тихо, только слышится непрерывный скрип саней да храп лошадей. Утомленный разнообразием местности, я погружаюсь в какой-то сладкий сон. Мне кажется, что сон мой продолжался несколько мгновений, но, проснувшись, убеждаюсь, что мы уже добрались до цели нашего путешествия. В долине виднеется городок, освещенный рядами фонарей, а на западе догорают звезды.

№ 9

Дни были невыносимо жаркие, но в небольшом дубовом лесочке стояла живительная свежесть. Упругие глянцевитые листья молодых дубков свежи, как будто их только что обмакнули в зеленый воск. Из-под пестрой трафаретной листвы папоротников глядит ярко-красная волчья ягода и опавшие желуди. Вверху блещет сухая орешина, вся золоченная светом, на темно-коричневой торфянистой почве в изобилии произрастают целые семьи грибов. Кругом сонное царство, только стрекочут в траве неутомные кузнечики до тащат соломинки смышленные работающие муравьи. Из чащобы на опушку выскочил полинялый заяц, но, сделав прыжок, тотчас же решил пойти на попятную и бросился наутек.

Высоко в небе плавает ворон. Вот долетает издали, как брошенная горстка гороха, грустный вороний крик. Что он высматривает оттуда? Может быть, он устал парить в **поднебесье** и хочет этой студеной воды из ручья? А вот **издалека** слышалось словно пение жаворонка.

И вдруг слышится тяжелый грохот. Опять удар, нива заколебалась, и по ней полоснуло холодом. К черной туче, которой заслонены восток и юг, книзу мало-помалу присоединяются тучки **поменьше**. По верхнему краю тучи, которая кажется непроглядной, блеснула огненная нить серебряной молнии. Вихрь свистнул, зашелкал, и по бурому полю зреющей ржи заблестали **причудливые** светлые пятна.

И вдруг тихо. Ни молний, ни ветра. Вот и недавно реявший ворон, бросившись вниз, закопошился в посеребренной листве дуба. На траву упали первые тяжелые капли, и барабанщик-дождь пустился вовсю.

№ 10

Прошлым летом мне пришлось побывать в одном заволжском селе, затерянном в дремучем смешанном лесу, **простирающемся** на много километров. Село было небольшое, но какое-то веселое и оживленное, как будто праздничное.

При самом въезде в село нас встречает не стихающий ни днем ни ночью шум лесопильного завода. Здесь сложены стопками брусья, навалены бревна, желтеют кучи еще не улежавшихся опилок. А вокруг села ни на минуту не умолкает разноголосый птичий шум.

Чего только не дает человеку этот зеленый богатырь! За что ни возьмешься, все так или иначе связано с лесом. Гнутую мебель, **кованые** сундуки, бочонки — все это делали местные жители — **исконные** **дервообделочники**. А вокруг высятся почти не **освоенные** пока леса. Да это и немудрено: ведь рабочих рук не хватает, хотя недавно вернулись в село демобилизованные ребята.

Стоит вам углубиться в пустынный, казалось бы, бор, и вы сразу увидите стриженные мальчишечьи головки, услышите певучую девичью переключку. Это грибники, ягодники. Хотя только вчера закончился давно **уже** ненужный дождь, а ветки обвешаны не высыхающими целый день каплями, весь лес наполнен народом.

Но в самой непролазной чащобе вы можете столкнуться с хмурым, не нуждающимся в попутчиках стариком, который в присутствии нежданного и незваного гостя с деланным безразличием будет

2125

собирать ядреные подосиновики с крутыми шляпками и сконфуженно покашливать. И все лето несут в магазин сушеную малину, вяленную на солнце ежевику, бруснику, грибы.

№ 11

Чопорный черт в черной шелковой одежонке сидел на жестком диване и пил дешевый желудевый кофе, изредка чокаясь со своим отражением в тяжелом глянцеви́том самоваре, стоящем на парчовой скатерти шоколадного цвета. Черт был большой обжора и, несмотря на изжогу и больную печенку, обедался крыжовником со сгущенным молоком. Поев и погрозив своему отражению пальцем, черт, молодежато встряхнув челкой, пустился танцевать чечетку. Цоканье его копыт было столь сильным, что в цокольном этаже думали, что наверху гарцевала лошадь. Однако черт был не очень искусным танцором и, совершив один не совсем удачный скачок, врезался в самовар и обжег свой пяточок, покрытый мягкой шерсткой. Ожог был очень тяжел. Огорченный черт куцей овцой кинулся к бочонку с мочеными яблоками и сунул в него обожженный пяточок. «Правду говорят, что небереженного бог не бережет», — чертыхнулся черт чертовской пословицей.

№ 12

Опершись на фортепьяно, протодьяконша в колье и пенюаре, отделанном беличьим мехом, пела низким контральто арию из оперы «Маньчжурская обезьяна», томно поглядывая на сидевшего в бельэтаже флигель-адъютанта, небрежно жевавшего монпансье. Хотя решительного объяснения между ними еще не произошло, но по всему было видно, что оно не за горами: уж слишком фамильярно — по мнению раскладывавшей пасьянс почтальонши с изъязвленным оспой лицом — поглядывал во время последнего котильона этот субъект на бедную протодьяконшу. Впрочем, сама певунья была без памяти от этого «славного кабальеро из Севильи», как она его именovala, еще с того вьюжного вечера, когда он с видом отъявленного злодея разъезжал по набережной на необъезженном коне по кличке Дьяволенок, а она мирно прогуливалась, держа под руку съезжившегося от холода подьячего, серьезно разъяснявшего ей смысл средневекового барельефа, изображавшего испанскую донью в объятиях некоего сеньора. С каким-то неизъяснимым блаженством вспоминала протодьяконша с тех пор эту минуту первой влюбленности и всякий раз, ложась спать, клала в изголовье постели медальон с

портретом флигель-адъютанта И, пряча свой копьеобразный нос в кроличьем воротнике пенюяра, предавалась сладким мечтаньям.

№ 13

Именинник бешено вопил, иступленно размахивая над головой рваным башмаком, сташенным второпях с ноги насмерть перепуганного соседа. Изумленные гости и родственники в первую минуту ошеломленно застыли, но потом под градом масленых вареников, пущенных в их сторону взбешенным именинником, вынужденно отступили к отворенным дверям. «Изменники! Подсунуть мне бесприданницу, за которую никто гроша ломаного не давал!» — отчаянно визжал он, возмущенно скача на кованом сундуке, застеленном продранной клеенкой. «Она невоспитанна и необразованна, неслыханно глупа и невиданно уродлива, к тому же и вовсе без приданого», — кричал он, швыряя драный башмак в недавно купленный соломённый абажур лимонного цвета. Брошенная вслед за ним папка копченой колбасы угодила в стеклянную вазу, наполненную дистиллированной водой, и вместе с ней рухнула на коротко стриженную, крашенную под каштан голову обвиненной во всех грехах бесприданницы, с уязвленным видом жавшейся у двери. Та, раненная в голову колбасой, картинно взмахнув обнаженными по локоть руками и сдавленно пискнув, повалилась в кашню с замешенным тестом, увлекая за собой рождественскую елку, увешанную слюдяными игрушками, посеребренными сосульками и с золоченой звездой на самой макушке. Восхищенный произведенным эффектом, именинник упоенно пританцовывал на выкрашенном масляной краской комодe, инкрустированном тисненой кожей, куда он перебрался с сундука непосредственно после падения дамы для лучшего обзора кутерьмы, вызванной его экзальтированным поступком.

№ 14

Перед экзаменами

Приближаются весенние экзамены, и мы с братом Сашей усиленно готовимся к их сдаче. Саша учится в университете, а мне еще далеко до аттестата зрелости: в этом году мне, может быть, удастся получить свидетельство об окончании восьмого класса.

Из-за болезни я не был в школе два месяца и вследствие этого очень отстал. Во что бы то ни стало мне необходимо повторить всю программу, пройденную в продолжение года. Я рассчитал, по сколько

страниц надо читать в день, но мне никак не удастся выполнить эти расчеты. Стоит только усесться за учебник, как в голову сами приходят мысли о стадионе. Хорошо бы сыграть в волейбол или потренироваться в беге — в прошлом году я был чемпионом школы в соревнованиях на короткую дистанцию.

Неплохо сбегать с компанией сверстников на берег Волги, к речному вокзалу, или забраться в палисадник и почитать что-нибудь о кораблях, караванах, необыкновенных приключениях.

Саша весь поглощен занятиями: что-то подчеркивает карандашом в брошюрах, выписывает цитаты из сочинений классиков, иногда читает вполголоса об агрессиях, капитуляции, конгрессах и еще о чем-то совершенно непонятном.

Я сажусь за стол и тоже читаю о меридианах и параллелях, о кристаллах и элементах.

Но начинается трансляция матча со стадиона «Динамо», и я замираю над недочитанным параграфом. Саша тотчас выключает радиоприемник.

Я старательно решаю уравнения с двумя неизвестными, но все равно слышу и шум трамваев, и крики девчонок, скачущих на тротуаре. В отчаянии я ухожу на кухню, но здесь мне мешает сосредоточиться наш пес Дружок, сидящий в конуре под окном.

№ 15

Детство Антоши Чсхонте

Антоша — ученик таганрогской гимназии — взялся за приготовление уроков по латыни на завтрашний день. Но только он обмакнул перо, как входит отец: надо, значит, идти сидеть в лавку. Антоша натягивает старенькое пальтецо и рваные кожаные калоши и идет вслед за отцом. Лавка, где приходится учить и недоучивать уроки, отнюдь не веселое место, а главное, в ней холодно, так что у непоседливых мальчиков-приказчиков, которые от январского мороза сутуловато поеживаются, лица стали серо-синими. Решетчатое окно обындевело, двустворчатую дверь тоже покрыла изморозь.

Антоша, не переставая плакать, взбирается на увесистый ящик из-под казанского мыла, прислоняется к груде мешков с крупитчатой мукой. Завтра — единица, а потом строгий нагоняй от отца, который все объясняет лишь ленью и рассеянностью. Антоша, который сидел за прилавком будто прикованный, только издали видел заманчивую жизнь сверстников, живущих по-человечески.

А вспыльчивый отец и не подозревал, как были бы счастливы его дети, избавленные от сидения в лавке, от всяческого страха быть высеченными, от созерцания подзатыльников, и не пустячных, которые получали несчастные мальчики нарочно в присутствии публики. А ведь Антоша не мог без слез видеть, как бьют извозчицью лошадь!

Скучное сидение в лавке продолжалось и летом, когда пряные запахи привлекали в лавку тучи назойливых мух и они сплошь покрывали и дощатые стены, и сводчатый потолок.

Но по природе отец был вовсе не злым человеком, скорее, наоборот, добрым, и впоследствии, когда жил у сына — уже известного писателя — и в его присутствии вспомнили о розгах, он вино-вато ответил: «Мало ли что было в тогдашнее времечко».

№ 16

Среди развалин древнего Херсонеса висит над морем колокол, установленный на невысоких, но прочных столбах, пропитанных смолою. Как ни густы бывают студёные осенние туманы, моряки найдут дорогу по размеренным, вовсе не торопливым ударам колокола. Когда-то этот колокол, на котором высечены подлин-ные греческие письмена, был захвачен чужеземцами и едва ли не сто лет пробыл на чужбине, пока не вернулся наконец на родину.

Когда погода была безветренна, смотритель, не торопясь, сворачивал папиросу из мелкокрошеного табака, надевал форменную бескозырку и почти ненадеванный бушлат и шел к морю. Затем старик возвращался домой, и ни с чем не сравнимый запах моря сменялся запахом свежей золы и печенной в жару картошкой.

Весной тоже случались штормы, но ветер тогда дул не холодный, а теплый и ласковый. Приходили к колоколу не занятые службой матросы, прислушивались к его неумолкающему гулу, не спеша думали о чем-то своем. Тяжелый, почти недвигающийся от ударов, он гудел обиженно и приглушенно, окаченный волной. А когда море не доставало до него, звенел весело и задорно.

А в развалинах жили ящерицы. С деланным равнодушием, греясь в лучах полуденного солнца, они чутко оберегали жутковатую тишину умершего, никому уже не нужного города. Море тогда было почти неподвижным и ровным, как синеватое вороненое блюдо. И белые лепестки цветущих слив и вишен осыпали тогда развалины.

Весь следующий день прошел в напряженном ожидании норд-оста. На сигнальной мачте с рассвета висел штормовой сигнал — черный конус и черный квадрат.

Каждый ждал шторма по-своему. Рыбаки торопились поставить на якоря смоленые банды. Перевозчики угоняли шлюпки в тихие затоны. Серо-голубые военные корабли крепче швартовались к ярко-красным плавучим бочкам. Серебряные гидропланы прятались в ангарах, как пчелы заползают в улей. Маячные сторожа протирали суконными тряпками стеклянные линзы фонарей. Ничего не делали только дворники: они ожидали, что ветер выметет и продует навстречу Севастополь.

Устав от бесплодного ожидания бури, я поехал на Северную сторону. В песчаных прибрежных пещерах, выбитых в желтых сухих утесах, жили рыбаки — загорелые оборванцы с женами и полуголыми детьми. Грязно-серые сети и развешенная на бечевках рваная роба дополняли пейзаж.

Вдали на заднем плане, за лесом мачт и свернутых парусов, похожих на полотняные листья бананов, за путаницей турецких балконов, разбитых черепичных крыш, желтела степь, поросшая пропыленной травой. По ней бродили псы — старожилы и владельцы этих рыбацких и крепостных берегов.

Дворы напоминали склады декораций. Белье на каменных оградах висело, как изорванные театральные костюмы. Дети гоняли обручи. Эта игра свойственна всем широтам земного шара. На пустырях валялись остатки реквизита: разбитые глиняные кувшины, жестяные банки, как будто высушенные букеты и поломанные вёсла. Чайки сидели на чугунных шарах — пустых минах, изъеденных ржавчиной. Стены старинных круглых фортов были наискось разрезаны тенью и солнцем. На крышах фортов были укреплены сигнальные мачты. На них развевались флаги.

Я был уверен, что флаги пахнут, как выстиранное белье. Недаром их беспрестанно обдувал соленый ветер.

Вечером на мачтах загорались зеленые фонари, и казалось, что форты, как мониторы, неся сигнальные огни, тяжело шли в ночь навстречу невидимым вражеским эскадрам.

Эти давным-давно разоруженные брошенные форты остались на Северной стороне со времен севастопольской обороны. Они придавали всему пейзажу облик старинного крепостного района, засыпанного вросшими в землю ядрами.

№ 18

Мы выбрали небольшую равнину, прогретую нежарким в это время солнцем. Если посмотришь направо, на лиственный склон горы, то среди медно-красной листвы увидишь, как среди домов кое-где светятся золотые кроны деревьев. Внизу трава еще зеленая, как будто молодая, а меж голубоватых камней, как полированная, блистает вода. В стеклянной синеве тихой заводи вода приобретает темный цвет, медленно кружит опавшую листву и затем мчит ее дальше по каменистому ложу.

Виноград вприкуску с хлебом, особенно под теплым небом, кажется необыкновенно вкусным. И тут же можно прямо пригоршней напиться осенней, студеной, как драгоценное вино, воды. Рядом с нами лежат пока еще не разобранные удочки и пол-литровая банка с икрой.

В одном месте вода бурлит огромными клубами, чуть ли не фонтанами, пытаюсь растечься вширь, но, стесненная каменными берегами, устремляется вперед, собственно, летит, обрызгивая прибрежные камни. Едва только я опустил удочку в самое отчаянное клочкотанье, как почувствовал, как меня тянет вниз.

И вот из потока, извиваясь на крючке, облегченно выскочила серебряная рыбина. Особенно волнующим, истинно красивым было сочетание летящей волны и напряженной лески, когда слышится гневный рывок пойманной форели.

Искренне обрадованные неожиданно богатым уловом, мы не медленно тронулись в путь. После такой рыбалки невольно замечаешь каждую заводь, отмеченную обыкновенно более густым цветом.

№ 19

Отблестели молнии, отгрохотала канонада грома. Яростный барабанщик, дождь, сначала приостановил, а затем и совсем прекратил свою трескотню. Стихии больше не спорят, не борются. Буря отбушевала, атаки рвавшихся со всех сторон ветров отражены деревьями. Их верхушки не мечутся больше из стороны в сторону. Они резко вырисовываются на очищающемся небе, чуть-чуть колышутся. Дышишь не надышишься чудесной свежестью.

Расстроенные, разгромленные полчища туч уносятся с места сражения. Сейчас должно появиться из-за облачка солнышко. Оно уже выглядывает верхним краешком. Выпрямляется освеженная рожь, благодарно трепещет глянцевая древесная листва. Все живое вновь суется и мечется. С новым азартом стрекочет кузнечик, в медвяных чашечках цветов берутся деловито пчелы. По соломинкам, как

по лестнице, шествует жучок и важно расправляет свои миниатюрные крылышки. Над камышом ручья кружатся темно-синие и бирюзовые стрекозы. Шмель начинает жужжать и нудно проповедовать что-то не слушающим его насекомым.

Из ближних рощ, с пашен и пастбищ — отовсюду доносится радостная птичья разноголосица. Природа не нарадуется: чудесный прошел дождь, теплый, урожайный. Скоро теперь появятся грибы. Любители грибного спорта, приготовьтесь к грибной кампании! Поставьте за правило в эти дни не жалеть ни времени, ни сил. Заметьте, что раннему грибу нравится расти и наливаться соком у лесной опушки, а не в глубине лесных чаш.

Встаньте на рассвете и направьтесь в перелесок. Никто из вас не пожалеет о большом размере корзины. С утра на следующий день после грибного похода вам будет казаться, что ноги одеревенели, спина окостенела, что все лесные растения колются и все насекомые жалятся, но через 15–18 минут вы приободритесь, и все будет по-прежнему, как вчера. Экономьте силы с утра!

№ 20

Снег, не перестававший сыпаться, казалось, со всех сторон, слепил глаза и словно хотел остановить Василия, но он непрестанно всматривался вдаль, где, казалось, по временам на миг мелькал брезжащий свет, и гнал лошадь не переставая.

Он ехал, как ему казалось, все прямо, ничего не видя перед собой, кроме головы лошади, пока не зачернелось что-то перед ним. Сердце радостно забилося в нем, и, уже видя не заметенный снегом заборишко и даже скворечник над домом, он быстрее погнал лошадь.

Но черное это было не стоящее, а шевелилось и было не деревня, а обвешанный комьями снега и стелющийся под ветром обындревший куст.

Не обрадованный видом этого куста, Василий стал сильнее погонять лошадь, не замечая того, что взял вовсе не правильное направление. Лошадь заупрячилась и, хоть Василий то усовещевал ее словами, а то порол и потчевал кнутом, тянула вправо от пути, который он выбрал.

Опять впереди что-то зачернело. Он обрадовался, уверенный, что теперь уже, наверное, деревня. Но это был точь-в-точь такой же чернобыльник, мучимый немилосердно студеным ветром, который спутывал его ветви крест-накрест.

Ошеломленный, Василий остановился, пригляделся, и даже такого притерпевшегося ко всяким превратностям судьбы, такого стреляного воробья, как он, все-таки охватил ужас: он увидел еще почти не замеченный санный след. Он, по-видимому, кружился на небольшом пространстве.

№ 21

В глухом тасжном междуречье расположился лагерь разведывательной буровой бригады Василия Миронова. Несколько палаток на только что раскорчеванной и выровненной площадке, длинный свежеструганный стол между ними, закопченное алюминиевое ведро над костром. А рядом вышка и дощатый домик конторы, где установили рацию, приспособили для обогрева железный бочонок из-под сожженного в пути горючего. Место, выбранное для лагеря, ничем не отличалось от десятков таких же стоянок в таких же диких, нехоженных местах. С одной стороны — зарастающая тростником и камышовой порослью речонка, с другой — маслянисто блистающее на солнце трясиное болото.

И со всех сторон сразу — бесчисленные полчища комаров и вездельного северного гнуса.

Плыли сюда мионовцы на самоходной плоскодонной барже. Плыли дней шесть, преодолевая бессчетные мели, застревая на песчаных перекатах. Высаживались на берег, чтобы облегчить плоскодонку, и, обессилив, валились в дышащий вековым холодом мох. Если бы выпрямить все затейливые петли реки, получилось бы километров полтораста до поселка разведчиков. Там остались семьи, там в ранний утренний час гостеприимно раскрываются двери столовой, там поминутно стрекочут вертолеты, прицеливаясь к утрамбованной площадке перед продовольственным складом.

У горстки людей, оторванных от всего этого, было такое чувство, что они давно расстались с домом и неизвестно, когда снова увидят рубленые, давно не крашенные домишки, аккуратно расставленные по обе стороны широкой улицы.

А через четыре года вниз по Оби пошли первые танкеры, груженные нефтью. И одиннадцать миллионов тонн тюменской нефти, которые, по расчетам специалистов, должны были быть выкачаны из недр в ближайшие годы, не оказались фантастикой. Не преувеличивали сибиряки, рассчитывая на первенство в нефтегазовой индустрии.

Сентябрьское солнце, ярко пронизывающее прозрачный воздух, уже низко. Осиновые кусты попеременно с одинокими деревьями, брошенными там и сям, кажутся словно золочеными. В сторону, противоположную закату, от них тянутся густые тени. Нежно-голубое небо покрыто легкими, как пух, и, словно пар, прозрачными облаками, подернутыми багряным румянцем. Едва ощутимое веяние уже нежаркого, но еще мягкого и нежного ветерка слабо тревожит воздух, напоенный запахом полыни.

Вдруг неведомо откуда доносятся мерные и торжественные звуки, подобные звукам трубы. Это в страшной, почти недоступной глазу высоте протянулись ключом журавли. Но звуки те мало-помалу слабеют, понемногу замирают, и скоро их уже совсем не слышно. Тихо, иногда только по гладкой, точь-в-точь полированной, дороге проскрипит, пробираясь, воз с рожью, и снова тишь.

Визгливые воробьиные стаи то и дело переносятся с конопляников, которые уже давно обобраны и где теперь можно так вольготно порезвиться, на полуразрушенный плетень, на котором возносится домотканая холстинная рубаха и сохнут на колышках горшки.

Словно пущенный камень, проносится милою летучая мышь, а там, над камышом, они реют тучами, производя подобный ветру шум.

Проходят считанные минуты — и солнце уже почти закатилось. В глубине востока, неуверенно мигая брезжащим огоньком, вспыхнула маленькая звездочка.

На самой окраине села, неподалеку от шоссе, на песчаном пригорке стоит сосна. Выросшая на приволье, она когда-то поражала своей мощью. И теперь еще, сорокалетняя или, может быть, девяностолетняя, она не потеряла остатки былой силы. Толстенный, вдвоем не охватишь, ствол весь в чудовищных узлах и сплетениях — ни дать ни взять окаменевшие в сверхъестественном напряжении мускулы гиганта. Толстая бугристая кора, напоминающая шероховатый бок выветренной скалы, местами обвалилась, обнажив изъеденное короедами тело сосны. Ветви торчат в стороны, словно гигантские костлявые руки, сведенные намертво в какой-то загадочной страстной мольбе. Дереву уже не в радость приволье, солнце, дожди. Только на самой верхушке клочок желтой, старческой хвои. Но и с этого клочка сыплются крошечными пергаментными мотыльками семечки.

Напоминает эта сосна не что иное, как священное дерево, которое, говорят, было в седой древности у каких-то народов.

А вокруг шумит рожь. Сорвите колосок, рассмотрите его повнимательнее. Не ради ль такого колоска умирали бунтующие мужики, целые деревни, скрипя немазаными телегами, тащились на чужбину?

Шуми, шуми, рожь! Что бы ни напоминал твой колос, шум его все равно успокаивает и радует!

№ 24

Гроза ширилась и наступала на нас. Не успели мы оглянуться, как туча, почти не двигающаяся, казалось, с самого горизонта, неожиданно оказалась перед нами. Вот блеснула огненная нить, и густой смешанный лес, через который мы пробирались, мгновенно озаряется зловещим светом кроваво-красного пламени. Сразу же обиженно пророкотал гром, еще нерешительный, но как будто тревожный и угрожающий, и тотчас же по листьям забарабанили капли дождя.

Вряд ли знает грозу человек, не встречавшийся с нею в лесу. Мы бросились искать убежище, пока ливень не пустился вовсю. Но было уже поздно: дождь хлынул на нас бешеными, неукротимыми потоками. Оглушительно грохотал гром, а молнии, все время не перестававшие вспыхивать серебряными отблесками, только ослепляли. Лишь на какую-то долю секунды можно было рассмотреть почти непроходимые заросли, едва не затопленные водой, и крупные листья, обвешанные маслянистыми каплями.

Скоро мы поняли, что, несмотря на все наши старания, мы так и останемся совершенно не защищенными от дождя. Но вот небо медленно очищается от туч, и мы продолжаем идти по путаной тропинке, которая приводит нас на малоезженую дорогу.

Мы проходим мимо невысокой, но стройной лиственницы, вершина которой расщеплена, и видим не что иное, как обещанную нам избушку лесника. Приветливый старик в холстинной рубаше с несвойственной ему торопливостью разжигает печурку, ставит на стол топленое молоко, печенную в золе картошку, сушеные на солнце ягоды, предлагает ненадеванный тулупчик. Старик потчует нас на славу.

В продолжение целого дня дождь лил как из ведра, но впоследствии погода прояснилась. Послеполуденное солнце безмятежно засияло, и наступила ниспосланная благодать. Начинался чудесный безветренный вечер.

Громадный порт, один из самых больших портов мира, всегда бывал переполнен судами. В него заходили темно-ржавые гиганты-броненосцы. Весной и осенью здесь развевались сотни флагов со всех концов земного шара и с утра до вечера раздавались команды на всевозможных языках. От судов к бесчисленным складам туда и обратно по колеблющимся сходням сновали грузчики: русские босяки, оборванные, почти оголенные, смуглые турки в широких до колен, но обтянутых вокруг голени шароварах, коренастые мускулистые персы, с волосами и ногтями, окрашенными хной в огненно-рыжий цвет. Часто в порт заходили прелестные издали двух- или трехмачтовые итальянские шхуны. Здесь месяцами раскачивались в грязно-зеленой портовой воде маленькие суденышки со странной расцветкой и причудливым орнаментом. Сюда же изредка заплывали и какие-то диковинные узкие суда, под черными просмоленными парусами, с грязной тряпкой вместо флага. Матросы такого судна — совершенно голые, бронзовые, маленькие люди, — издавая гортанные звуки, с непостижимой быстротой убирали рваные паруса, и мгновенно грязное таинственное судно делалось как мертвое. И так же загадочно, темной ночью, не зажигая огней, оно беззвучно исчезало из порта.

Окрестные и дальние рыбаки свозили в город рыбу: весной — мелкую камсу, миллионами наполнявшую доверху их баркасы, летом — уродливую камбалу, осенью — макрель, а зимой — десяти- и двадцатипудовую белугу, выловленную часто с большой опасностью для жизни.

Все эти люди — матросы разных наций, рыбаки, веселые юнги, лодочники, грузчики, контрабандисты, — все они были молоды, здоровы, пропитаны ядреным запахом моря и рыбы, знали тяжесть труда, любили прелесть и ужас ежедневного риска, а на суше предавались с наслаждением бешеному разгулу, пьянству и дракам. По вечерам огни большого города, взбегавшие высоко наверх, манили их, как волшебные блестящие глаза, всегда обещая что-то новое, радостное, еще не испытанное и всегда обманывая.

№ 26

Внизу, у беспорядочно нагроможденных в бесчисленном количестве пепельно-серых камней, плещутся, и брызжут, и дышат горько-

соленым пьяняще-ароматным воздухом выровненные, как по линейке, волны прилива. Лицо чуть-чуть обвеивает прохладой «морячок», приносящийся из Турции. Ломаной линией тянутся вдоль берега военные склады. Внутренний рейд охраняется от декабрьских и январских штормов железобетонным молотом. Изжелта-красный хребет как бы с ходу обрывается в море. Никто невидимые и недоступные для человека расселины в скалах — убежище птиц. Далеко вверх забрались миниатюрные, беленные негашеной известью глиняные домики. Вдали, на юго-западе, виднеются бело-серые гряды гор с тающими в воздухе, сходящими на нет серебряными вершинами.

В старом-престаром загородном парке тихо и безлюдно. Давно не крашенные деревянные беседки увиты плющом и манят прохладой. Эстрада для оркестра с плохо настланным полом доверху залочена фанерой. Теперь это не что иное, как склад ненужных театру декораций.

Ничем иным, как складом, не могла быть теперь и галерея, находящаяся близ эстрады. Беззвучно падают бесчисленные золотисто-желтые осенние листья. Парк раскинулся вширь на два-три километра. По тропинкам далеко не безопасно ходить, так как в траве кишат небольшие змейки-медянки. Нижняя площадка усеяна отшлифованными морем блестящими камешками; среди них пробивается растение не-тронь-меня. Войдя в глубь парка, вы увидите на редкость красивый двухэтажный павильон с витыми колонками и с искусной резьбой. Из-за зелени широколиственных деревьев выглядывают точенные из камня статуи, относящиеся, по-видимому, к предыстории парка. Клумбы пестрят огненно-красными каннами, гладиолусами и разными субтропическими цветами. Каких сочетаний красок я не увидел здесь! Кого ни спросишь, все говорят, что из парка уходить не хочется. Вряд ли удастся ввиду загруженности приехать сюда еще раз в течение ближайших лет.

№ 27

Стояла чудесная весенняя пора. Море пробуждалось от сковывавшей его дремоты и как бы посылало свой утренний привет еще не проснувшейся земле. Желтовато-розовые лучи солнца едва коснулись поверхности воды, позолотили пристань, корпуса судов, стоявших на рейде, и краешки парусных лодок. На дощатых настилах и прямо на песке, всего-навсего шагах в пяти от воды, лежали вповалку какие-то люди. Некоторые из них недавно пришли сюда в надежде на заработок, другие были исконными местными бродягами,

которые привыкли проводить летние ночи под открытым небом. С краешка настила распластались два местных «галаха», которые до упаду набродились впотьмах, рассчитывая чем-нибудь поживиться, и, разделив добычу, они заснули каменным сном. Едва-едва забрезжил рассвет, как пристань стала **понемногу** пробуждаться. Из-за кормы никому не **принадлежащей** старой баржи появилась компания запоздалых гуляк, которые, видимо, не в меру выпили после темных ночных походов и теперь нарушали тишину южного умиляющего душу утра нестройными выкриками. Двое из них шли в обнимку и пели какую-то залихватскую песню. Голоса их звучали нестройно, вразнобой, внося диссонанс в **гармонию** просыпающегося утра. О, как раздражало это тонко чувствующего художника, который явился сюда с мольбертом и приготовился запечатлеть на своем холсте неподражаемые краски моря. Песнь внезапно оборвалась, и послышалась брань. По-видимому, приятели поссорились всерьез, ибо один из них насккивал на другого, гневно размахивая руками и крича что-то в сердцах. Им всегда было вместе **тесно**, а врозь скучно.

Через час пристань была неузнаваема. Народ сновал взад и вперед, мальчишки торговали папиросами в розницу, то есть поштучно. Лоточницы продавали **печеные** и только что сорванные анисовки и **грушовки**. Все ожидали прибытия тихоокеанского парохода. Взвод солдат во главе с унтер-офицером промаршировал в ногу по набережной и остановился у причала. Вскоре на горизонте показался силуэт судна, а через полчаса железное чудовище вполоборота подходило к причалу. Пароход пришел вовремя, и пристанская администрация была во всеоружии. Первым по трапу сошел на берег генерал-майор в сопровождении денщика. Вслед за ним семенила старушонка в душегрейке, держа на руках дрессированную собачонку. **Далее** двигалась дама в экстравагантном **желто-зеленом** в полоску жакете и молодой человек с моноклем в глазу, в блестящем цилиндре и в макинтоше внакидку. Старушонку, еле-еле державшуюся от усталости на ногах, встретила толпа родственников. Они доверху нагрозили бричку корзинами и баульчиками, набившись туда до отказа...

№ 28

Идет лесник по тихой тропинке, пробирается сквозь чащобу, а потом перебирается через топкий лесной ручей. Ветер треплет густую крону лип, развеивает зеленые верхи берез. Только в дубовой листве, такой густой, что, кажется, даже в ливень она не промокает, ветер запутывается и стихает.

Вот лесник останавливается у невысокого деревца, наклоняется. Нет, не поганки, растущие здесь, привлекают его внимание. Лесник отыскивает в сумке инструмент, приступает к работе, и вот уже из тела дерева вынут небольшой блестящий кусочек металла — осколок снаряда. Ничего, скоро рана обрастет корой, и дерево будет жить по-прежнему. А вот он поравнялся с дубком, который уже перенес такую же операцию. Теперь и не найдешь его раны: молодая кора сровняла даже шрам. Останавливается Лукьян Кузьмич возле ростков сосны, нежно прикасается к ним, и от его прикосновения они ласково кивают пушистыми верхушками. «Вот бы сюда привести тех скептиков, которые полагают, будто сосна не может расти на черноземе», — думает он. В его питомнике выращено более двух миллионов саженцев лиственных и хвойных пород.

Перед возвращением домой можно и передохнуть, и лесник приклоняется спиной к стволу, вслушивается в безыскусный перезвон птичьих голосов. Вдруг к привычным запахам примешивается горьковатый запах горелого. Что за наваждение? Где же горит?

С собой только сумка с немудреным инструментом да пара рук, а впереди, зловеще блистая, уже текут змейки пламени. Лесник очищает землю от сухих листьев, спешит, преодолевая боль в обожженных пальцах, погасить пламя, и вот уже один за другим, дойдя до очищенной земли, гаснут огненные ручейки. Лесник вытирает пот со лба. Туда, где только что бушевало бешеное пламя и деревья стояли словно окропленные кровью, возвращается мгла.

№ 29

Центральная электростанция стоит в неглубоком ущелье на речонке Горыни недалеко от пристани. Высокое напряжение опасно для жизни, поэтому на территории станции повсюду на столбах висят предупреждения: «Осторожно: Смерть!» Не раз, казалось, монтеры во время ремонтных работ бывали на волосок от гибели; однако в книге, носящей название «Книга несчастных происшествий», не значится ни одной серьезной аварии, ни одного несчастья с людьми.

Причина — в умелой организации монтажа и ремонта. По всей площади станции проходят рельсы узкоколейки, находящейся в ведении общей любимицы Лидии Алексеевны Лисицыной, которую во время работы можно найти либо на линии, либо в сигнальной станционной башенке, выстроенной на возвышении (-ьс), в садике, среди бурно разросшихся вишен, черешен и груш. Отсюда видны все подъемы и закругления дороги, виден карьер для выемки

балластного песка. Поговорить с Лидией Алексеевной или с ее помощницей Любовью Николаевной можно только после окончания работы в ее домишке. Живет она близ станции и занимает маленький флигелечек, куда к Лидии Алексеевне нередко приходят посетители. По вечерам она и внучок Ванечка сидят в своей спальне и читают. Особенно любят они слушать старинную песенку: «Ты стоишь, моя березонька, на полосоньке». Летом по воскресеньям бабушка с внуком выходят на лужок перед домом или на бережок Горыни. Около них носится собачонка Дружок, которая тербит своего приятеля мальчонку за рубашонку. Наглядевшись на заречные просторы, Лидия Алексеевна усаживается на завалинку и вяжет варежки. Крючок так и мелькает в ее руках. Ванечка в это время плетет корзины из соломинок или делает трещотки и погремушки для змея. Позже выходит из дому нянюшка Мария Кузьминична, которая когда-то работала поднощицей на электростанции, и начинает рассказывать Лидии Алексеевне обо всем, что она за день сделала.

№ 30

Только совершенно незаинтересованному взгляду русская природа кажется бедной и нисколько не разнообразной. Неброская, но какая-то сосредоточенная и сразу не раскрывающаяся красота ее вызывает неповторимое, долго не забывающееся чувство шемящей грусти. Я не знаю ничего более трогательного, чем первый снег, который, несмотря на свою хрупкость, властно манит далью еще почти не проторенных дорог.

Сколько песен сложено про зиму, сколько поэм посвящено юной красавице в сарафане из серебряной парчи, а нам все недостает. Когда особенно безветренна и румяна зорька, не спеша умывается она студеным рассыпчатым снегом. А как поведет потом синими очами из-под опущенных инеем ресниц, так каждый поверит, что такая красота никем и нигде не видана.

Чего только не вспомнишь из далекой поры юности! Я до сих пор вижу дуги с узорами, писанными масляной краской, золоченую упряжь коней с лебедиными шеями, которые на масленой неделе, едва не сцепившись оглоблями, наперегонки мчат нас по вовсе не узкой деревенской улице. Часто за мной приезжал брат, и мы не медля отправлялись в соседнее село. Заметив, что я загляделся по сторонам, он с непривычной мне ловкостью выталкивал меня из саней и пускал обындевевшего коня в галоп.

В тяжелых валенках и овчинном свежедубленом полушубке не

быстро побежишь, но я налегал изо всех сил, а брат не останавливал коней, пока я не начинал спотыкаться. Но сколько ни пробовал я вытолкнуть его из саней, это мне никогда не удавалось.

Нет, русской зимы нельзя не любить. Люди, не видевшие ее, досыта не налюбовавшиеся ею, не поймут русской жизни и русского характера.

№ 31

Прошел холодный ветреный март, и, наполняя воздух ароматом оттаявшей земли, наступил солнечный апрель, хотя по-прежнему иногда дул студеный ветер. Все обрадовались, увидев, что наперегонки побежали шустрые ручьи, стремясь к сверкающей в отдалении речонке, ставшей вдруг шумной и полноводной.

Всюду, куда ни взглянешь, стелется над землей легкий пар, на песчаных буфах, которые сами собой уже давно обезлесели, малопомалу подсохли проталинки, и только на давно неезженной дороге синеют лужицы последней снеговой воды. И степь, и сама деревенька, разбросанная на пригорках, и дощатый заборишко, и сложенные у него дрова, обмытые дождями и обветренные, — все казалось таким новым, праздничным, что каждый, кто ни смотрел, не раз удивлялся диковинной перемене.

А вот и прилетели первые скворцы и тут же, несмотря на усталость после долгого перелета, начали оживленную работу. Без устали носили перышки и соломинки, собирали зернышки, брошенные в траве. Прилетели скворцы, и тут же оказалось, что прилетели они не в пору и только один день могли вволю попеть. Весна пошла на попятную, и уже ввечеру ударил мороз, в течение ночи валом валил снег, а пополуночи завьюжило совсем по-январскому.

Люди укрылись в домах, а скворцы забились в хворост, прятались вместе с воробышками в обындивевших соломенных крышах конюшен... А неопытные или просто недогадливые насмерть замерзали либо на лету, либо в холодных скворечнях. Приходилось голодать: где уже тут найти хоть какое-нибудь семечко.

№ 32

Я чересчур переоценил свою потрепанную и расшатанную машину. Тяжелый североуральский участок с его 1280 километрами в осенних условиях оказался не под силу моему заслуженному моторику. Он начал покашливать и сдавать. Ноги у меня одеревенели, глаза остекленели. Ледяные ветры гонят низко нависшие тучи и кое-где

уже обледенили машину. По старинной привычке я попробовал беседовать с самим собою: «До аэродрома, Кузьма Кириллыч, не дотянете. Спокойствие! Не дурачься, оставь трассу и сэкономь горючее, приблизься к северным озерам и разыщи что-нибудь похожее на посадочную площадку. От твоего искусства будет зависеть, приземлишься ты или отправишься к праотцам». Вглядываюсь в знакомую местность, и мысли вереницей проносятся в голове. Когда-то недалеке отсюда находящемся городишке Золотой Ключик я командовал инженерной ротой, а потом заведовал конструкторским бюро. В этом городишке меня чествовали при получении первого ордена. Помнится, мои юные друзья вместе со мною недоспали и недосыпали — все создавали новые модели. Бывало, обессиленные свалятся с ног, а потом выспятся и опять за работу. Здесь было так привольно расти моим дочкам Наденьке и Лизоньке!

Но вот вдали что-то заблестело.

Приближаюсь. Да это же не что иное, как чудесное Анненское озеро! Ничто иное в этих местах и не могло бы оказаться. Снижаюсь. Волны беспокойно плещутся, сухие камыши колышутся, шепчутся, что-то назойливо лепечут. Смотришь вниз, и кажется, что на тебя несутся прибрежные скалы и что волны вот-вот докатятся до самолета.

Приземляюсь у линии прибоя. Кругом никого и ничего. Только темно-желтые сухие листья вертятся в сумасшедшей пляске. Позвать кого-нибудь? Попробуйте, крикните! Никто не услышит. Если вы крикнете громче, эхо загрохочет в ущелье. Снежинки вертятся в воздухе, колются, жалят и тотчас же тают на щеках. Но что это? Собачий лай. Сухонький старичок с ружьем. Да это же Аниканыч, знаменитый приисковый лекарь, искусно лечивший от цинги и других нехитрых «старательских» болезней настоем можжевельника.

Не рассчитывал я еще раз ночевать в его избушке. Расспросы. Рассказы. На столе все такое знакомое: старенькая тканая скатерть, деревянные блюда с криво выжженными на них какими-то надписями, тусклые оловянные ложки, каленые кедрышки, сушеная на ветру и печеная рыба, копченая медвежати́на, вареный картофель, глиняная кринка с медом, две серебряные чарки, заветная фляжка, всегда наполненная в ожидании желанного гостя.

№ 33

Много сотен верст нужно лететь птицам со своих зимних становищ на родину. Иным придется сделать чуть ли не тысячекилометровый

перелет. Сколько приключений и опасностей, сколько превратностей встретится им на пути! Чего только не испытывает в течение такого полета маленькое существо весом около ~~двадцати—двадцати~~ пяти граммов. Право, нет сердца у стрелков, не жалеющих птицу и тогда, когда, обессиленная после трудного перелета, повинувшись ничем непобедимому зову природы, она стремится в то место, где впервые увидела солнечный свет.

У животных много своей, таинственной, непонятной людям мудрости. Птицы особенно чутки к переменам погоды и задолго предугадывают их, но зачастую бывает так, что перелетных странников застигает посреди моря внезапный ураган, нередко со снегом. До берегов далеко, а силы ослаблены и кругом расстилается безбрежное море. И тогда погибает едва ли не вся стая, за исключением наиболее сильных.

Счастье для птиц, если неожиданно-негаданно встретится им в эти минуты морское судно. Невзирая на опасность, целыми тучами опускаются неожиданные и незванные гости на палубу, на борта, на снасти, и странным кажется корабль, обвешанный живыми гирляндами птиц. И суровые моряки, никогда не обидевшие их, не оскорбившие их трепетной доверчивости, спасают им жизнь. Ибо говорится в прекрасном морском поверье, что неизбежно несчастье для того корабля, на котором была убита птица, просившая приюта.

Небезопасным для птиц бывает не что иное, как прибрежный маяк. Измученные перелетом, отяжелевшие от морской влаги птицы, пренебрегая опасностью, стремятся туда, куда их обманчиво влечет едва брезжащий свет маяка, и на лету разбиваются грудью о толстое стекло и камень галерей. Но опытный вожак, взяв заранее другое направление, всегда предотвратит почти неизбежное несчастье.

№ 34

Знаете ли вы, например, какое наслаждение выехать весной до зари? Вы выходите на крыльцо. На темно-сером небе мигают звезды, влажный ветерок колышет темные ветви ~~деревьев~~; слышится сдержанный неясный шепот ночи. Вот кладут домотканый ковер на телегу, ставят в ноги ящик с самоваром. Пристяжные ежатся, фыркают; пара только что проснувшихся гусей медленно перебирается через дорогу. За плетеным забором мирно похрапывает сторож; каждый звук как будто висит в застывшем воздухе. Вот вы сели; лошади разом тронулись, громко заскрипела не смазанная впопыхах телега. Вы едете-едете вдоль деревни, мимо церкви, с горы направо, через

плотину. Впереди не что иное, как пруд, который сле-сле курится. Вам дремлет. А между тем заря разгорается. За воротами слышатся заспанные голоса. Солнце быстро поднимается. Вы второпях взбегаете на гору. Какой вид! Река вьется верст на восемь, тускло синяя сквозь туманную даль; за ней стелются водянисто-зеленые луга, а дальше невысокие холмы. Как вольно дышит грудь, как быстро движутся члены, как крепнет весь человек, охваченный светлым дыханием весны!

Еще свежо, но уже чувствуется приближение жары. Голова томно кружится от избытка благоуханий. Кое-где вдали желтеет рожь, узкими полосками краснеет гречиха. Мужик заранее ставит лошадь в тень. Проходит час, другой... Колючим зноем пышет неподвижный воздух.

— Где бы, брат, тут напиться? — спрашиваете вы косаря.

— А вон, в овраге, колодезь.

Сквозь колышущиеся кусты ольшаника, перепутанные цепкой травой, спускаетесь на дно оврага. Серебряные пузырьки поднимаются с песчаного дна источника.

Вы выходите из оврага... Что за свинцовая полоса на небосклоне? Э, да это гроза! Кругом ярко блистает солнце: охотиться еще можно. Но туча растет. Скорей! вон, кажется, виднеется сенной сарай... скорее... Вы добежали, вошли... Каков дождик! Кое-где сквозь соломенную крышу закапала вода. Но вот вскоре солнце опять заиграло; вы открываете дверь настежь и выходите. Боже мой, как весело искрится все кругом, как воздух свеж и пахуч!

Но вот наступает вечер. Заря запылала пожаром и охватила полнеба. Солнце садится за горизонт. Воздух вблизи как-то особенно прозрачен, словно стеклянный; от деревьев вскоре побежали длинные тени. Пора домой, в деревню, где вы устраиваете ночевку. Сквозь окошко вы видите деревянный стол, горящую свечу и аппетитный ужин...

№ 35

Вот и наступил тихий, безветренный вечер. Едва-едва брезжит заря, отражаясь в темных, почти неосвещенных окнах домов. Каждая веточка деревьев поразительно вырисовывается на иссиня-зеленом небе. В отдаленье слышится песня, но звуки в такой вечер смягчены, лишены обыденной резкости и немного таинственны. И все это, как пряное вино, вливается в каждую каплю крови и по-немногу кружит голову.

Нелегко путь от корпуса до парка, есть еще опасность столкнуться с дежурным, не спускающим глаз с единственной дорожки, по которой не раз убегали воспитанники. И вот Сергей уже мчится изо всех сил в гору, несмотря на то что отчаянно колются и жалятся ветви густого кустарника, произрастающего на берегу пруда, пока не останавливается наконец на пригорке.

Затем, обессиленный окончательно, он не спеша проходит мимо забытой, никому не нужной оранжереи, обвешанной плетущимися растениями, и спускается к неширокой, но глубокой речонке. На спех раздевшись, он без раздумья с разбегу бросается в студеную воду, достает ногами коряжистое илистое дно, на миг задыхается, обожженный жестоким холодом, и ловко переплывает реку саженьками. И когда он, одевшись, не спеша выбирается наверх, то с наслаждением чувствует такую удивительную легкость, как будто все его тело потеряло вес.

№ 36

Однажды, ранней весной, шли мы в Батуми из Порт-Саида. В Константинополе были чумные случаи, и с нами отправили из Дарданелл двух турок, двух карантинных стражей, дабы они удостоверили, что остановки на Босфоре не делалось. Было время обеда. Перед обедом матросам полагается по мензурке спирта. Но некоторые сочли за грех пить в чистый четверг, а чтобы спирт не пропадал даром, преподнесли для потехи туркам. Спирт свалил их, не привыкших к вину, с ног, и они заснули: один, рослый, на корме, другой, маленький, около машинной части. И перед тем, как заснуть, маленький долго бормотал и по-турецки, и по-гречески, и даже по-русски. Он рассказал, что сына его отправили на войну в Аравию. «А уж из Аравии не вернешься, нет!» — говорил он. И, вскакивая, громко вскрикивал, как бы стреляя из карабина, падал на спину, изображая убитого наповал.

Около двух часов ночи подходили к Стамбулу. Я оделся и вышел в кают-компанию. Среди тишины выделялось медленное постукивание стенных часов и чуть-чуть слышный звон рюмок, которыми увешан потолок в буфете. Я вышел на левый борт и загляделся на приближающийся Стамбул, таинственно-бледный на синеве лунной ночи...

Потом поднялся на мостик. Глядя вперед, за фок-мачту, дежурили у телеграфа капитан и вахтенный помощник. Они, тоже замороженные ночью и Стамбулом, роняли слова команды медленно, вполголоса.

Полная ясная луна стоит справа почти сзади нас, над туманными силуэтами Принцевых островов. Огромная золотая полоса лежит по горизонту за лунным блеском. Я различал глиняные дома стамбульских предместий, высокие минареты вокруг чашеобразных куполов.

Все ближе роились огни. Вот опять негромкая команда и альт рулевого. Уже прошла гора Галаты, сплошь залитая каменным городом, подернутая прозрачным покровом. Нос парохода медленно поворачивается, и закрывается выход в Мраморное море, блещущий, как стеклянно-золотое поле. Беломраморные дворцы тянутся по левому побережью, купая в воде ступени своих мраморных пристаней. Зеленовато-бледен в тени мрамор.

— Юсу-ф! — вдруг откуда-то издалека пронесся в тишине чей-то слабый рыдающий зов.

— Юсуф! — снова крикнул кто-то.

Я прислушиваюсь.

— Юсуф! — страстно, захлебываясь слезами, кричит голос с кор-
мы.

Я быстро пошел туда. Там был он, маленький турчонок. Проснувшись после пьяного сна, он внезапно постиг всю глубину того, что сделал Стамбул с его никому не нужной жизнью и с прекрасной молодостью Юсуфа.

Я взял его ледяную руку. Неудержимо катившиеся слезы застилали его изумленные, остекленевшие от яда глаза.

— Юсуф! — завопил он, захлебываясь и простирая руки к Стамбулу.

Неслась вода мимо борта.

№ 37

Едва забрезжил рассвет, как Ерофеич, известный местный садовод, был уже на ногах. В юности, защищая Советскую власть, он участвовал в боях под Царицыном и в одном из сражений потерял ногу. За доблестные подвиги Ерофеич получил пенсию и отправился на жительство в родной городишко. Ранее городок был захолустным, но славился по всей окрестности своими чудесными садами. Пристрастившись к садоводству, Ерофеич всецело посвятил себя этому благородному делу и терпеть не мог дилетантского к нему отношения.

Бывало, зайдет к нему горе-садовник Манкин, чтобы блеснуть своею ученостью, и обязательно произойдет инцидент. Он Ерофеичу и о хлорофилле, и о хлорофилльных реакциях жужжит в уши, своим интеллектом всячески похвывается, а в практике всегда

проявляет косность. Ерофеич сердится, прыгает на деревяшке вокруг собеседника, брызжет во все стороны слюной и морщит свой веснушчатый нос. Сам Ерофеич был кристальной чистоты человек и, несмотря на свои широко известные удачные эксперименты, не имеющие прецедентов и сделавшие его известным, был очень скромн. После яростного диспута и ссоры он обычно долго не мог прийти в себя и продолжал брюзжать. Успокаивал его всегда сад. Чего только в нем не было! Все, начиная с затейливых растений, искусно взлелеянных садовником, и кончая простым можжевельником.

Ветви яблонь, вишен и черешен, украшенные кристалликами росынок, пригибаются от тяжести к земле. Солнце нещадно жжет старика, а он ползает вокруг розовых кустов и производит какие-то манипуляции. Больно уколовшись о шипы, Ерофеич только присвистнет да наденет, вздыхая, на руки специальные варежки. В полдень садовник обыкновенно закусывает на терраске под черепитчатой крышей. На столике расставлены немудреные яства. Вокруг них кружатся и жужжат пчелы и осы. Посередине стола красуются медовые коврижки вперемешку с творожными ватрушками и румяный крупитчатый пудинг с грецким орехом. Из напитков ставятся дрожжевой квас, топленое молоко да простокваша. Для аппетита Ерофеич всегда начинал обед с семужки или с копчушки, а далее хозяйка потчевала его тем, что было под рукой. Подкрепившись, Ерофеич просил постлать ему циновку в готической беседке и шел отдыхать. Частенько в сад заходили юннаты, которых Ерофеич учил искусству садовничать.

№ 38

В неоглядно знойных облаках пыли, задыхаясь, потонули станичные сады, улицы, хаты, и лишь остро выглядывают верхушки пирамидальных тополей.

Отовсюду несется говор, гул, лошадиное ржание, лязг железа, детский плач, забубённые песни под пьяную гармошку. Как будто громадный невиданный улей, потерявший матку, разноголосо-растерянно гудит нестройным большим гулом. Эта безграничная горячая муть поглотила и степь до самых ветряных мельниц на кургане. Вдали за рекой синеющими громадами загораживают полнеба горы.

Удивленно плавают в сверкающем зное, прислушиваясь, рыжие степные разбойники-коршуны, поворачивая кривые носы, и ничего не могут разобрать — не было еще такого.

В станице смутно, неясно, запыленно; перепутано гамом, шумом. Выделяясь из коровьего мычания, горластого петушиного крика,

людского говора, разносятся то стройные, то обветренные, хриплые, то **крепкие** степные **звонкие** голоса: «Товарищи! На митинг!»

А вокруг с возрастающим гомоном **все шире** растекается людское море. Седобородые старики, бабы с измученными лицами, веселые глаза девчат, ребяташки шныряют между ногами, собаки, торопливо дыша, дергают высунутыми языками, — и все это тонет в громадной, **все заливающей** массе солдат. Лохмато-воинственные папахи, измызганные фуражки, городские шляпы с обвисшими краями. В рваных гимнастерках, в **вылинявших** ситцевых рубахах, в черкесках, нестройно, как попало, глядят **ДО** все стороны над головами темно-вороненные штыки.

У мельницы стоит **низкий** человек, весь тяжело сбитый, точно из свинца, со сцепленными четырехугольными **челюстями**. Из-под низко срезанных бровей, как два шила, блестят маленькие, **ничего не упускающие** серые глазки. Тень от **него** лежит короткая — голову ей оттаптывают кругом ногами.

Среди моря рук, среди моря голосов поднялась худая, длинная, **сожженная** солнцем и работой, горем, костлявая бабья рука, и замученный бабий голос заметался: «И слушать не будем! Слазь!»

И опять иступленно забушевало над толпой — каждый кричал свое, никого не слушая.

Человек с железными челюстями оглядел **бушевавшее** человеческое море: **черно-кричащие** рты, темно-красные лица, из-под бровей искрятся злобно-кричащие глаза.

Шум, ругань заглушили одинокий голос **выступающего**.

III. Пунктуационные диктанты

№ 1

В истории русской живописи сохранились имена прекрасных художников-пейзажистов: Саврасова, Васильева, Куинджи, **Левитана** и др. Один из лучших художников этого жанра — Шишкин. Русская природа — основная тема его творчества. В своих картинах он воспевал родную землю, ее **свежее** дыхание, необозримые просторы и богатства. **Цветущие** поля, сосновые рощи, лесные дали, папоротник в лесу, ручей в лесной чаще — все это близко и дорого сердцу художника.

Широко известны многие его картины: «Сосновый бор», «Лесная

глушь», «Рожь», «Среди равнины ровныя...», «На севере диком», «Корабельная роща», «Лес весной» и другие.

«Утро в сосновом лесу» — одна из лучших картин художника. Он писал русскую природу летом и зимой, весной и осенью, на восходе солнца, в яркий полдень и при закате — в разные времена года, в различные часы дня. Все: обыкновенное дерево, старый пенек, полевые цветы — привлекало внимание художника. Во всем он умел находить красоту: в тумане над рекой, в лесной полянке, в чаше леса. Смотришь на его картины и вдруг как будто снова находишься среди родной природы; у знакомой речки, в родном лесу, в поле. Картины Шишкина широко известны как в нашей стране, так и за рубежом.

№ 2

Дубечня — так называлась наша первая железнодорожная станция — находилась в семнадцати верстах от города. В течение нескольких часов я шел туда пешком, и на протяжении всей дороги ярко зеленели озимь и яровые, охваченные утренним солнцем.

В Дубечне штукатурили внутри станцию и строился верхний деревянный этаж у водокачки. Было довольно-таки жарко, и рабочие вяло бродили по кучам щепок и мусора. Ни одного дерева не виднелось вокруг.

Походив часа два, я заметил, что от станции куда-то вправо шли телеграфные столбы, которые через полверсты оканчивались у белого каменного забора. Рабочие сказали, что там контора, и я, подумав, решил, что нужно идти именно туда.

Это была старая и, по-видимому, заброшенная, никем не заселенная усадьба. В ворота был виден просторный двор, поросший бурьяном, и прежний барский дом с высокой крышей, рыжей от ржавчины.

Позади старинного дома был большой сад, уже одичавший, заглушенный выросшей травой и кустарником.

Я прошлся по террасе, еще крепкой и красивой. Было густо, и сад казался непроходимым, но это только вблизи дома, где еще стояли тополи, сосны и старые липы-сверстницы, уцелевшие от прежних аллей. Чем дальше вглубь, тем было просторнее.

Сад, все больше редая и переходя в настоящий луг, спускался к реке, поросшей зеленым камышом и ивняком. Около мельничной плотины был плес, глубокий и рыбный, сердито шумела небольшая мельница с соломенной крышей, неистово квакали лягушки. По ту сторону речки находилась деревушка Дубечня. Голубой плес манил к

себе, обещая прохладу и покой. И теперь все это: и плес, и мельница, и уютные берега — принадлежало инженеру.

№ 3

Гроза

Я ехал с охоты вечером один, на беговых дрожках. До дому еще было верст восемь — десять; моя добрая рысистая кобыла бодро бежала по неширокой пыльной дороге, изредка похрапывая и шевеля ушами; усталая собака, словно привязанная, ни на шаг не отставала от задних колес. Гроза надвигалась. Впереди огромная темно-лиловая туча медленно поднималась из-за лесу; надо мною и мне навстречу, длинные, серые, неслись облака; ракиты тревожно шевелились и лепетали. Душный жар внезапно сменился влажным холодом; тени быстро густели. Я ударил вожжей по лошади, спустился в неглубокий овраг, перебрался через ручей, наполовину высохший и заросший лозняками, поднялся в гору и въехал в лес.

Дорога вилась передо мною между чересчур густыми кустами орешника, уже окутанными мраком; я подвигался вперед с трудом. Дрожки отчаянно прыгали по твердым корням столетних дубов и лип, беспрестанно пересекавшим глубокие продольные рытвины — следы тележных колес; моя некованая лошадь начала спотыкаться. Сильный востер внезапно загудел в вышине, деревья забушевали, крупные капли дождя резко застучали, зашлепали по листьям, сверкнула молния — и гроза разразилась. Дождь полил ручьями.

Я поехал шагом и скоро принужден был остановиться: лошадь моя вязла, я не видел ни зги. Кое-как приютился я к широкому кусту. Сгорбившись и закутавши лицо, терпеливо ожидал я конца ненастья.

Наконец дождик перестал. В отдалении еще толпились тяжелые громады уже отчасти рассеянных туч, изредка вспыхивали длинные молнии; но над головой уже виднелось кое-где темно-синее небо, звездочки мерцали, сквозь жидкие, быстро летевшие облака. Очерки деревьев, обрызганных дождем и взволнованных ветром, начинали выступать из мрака. Небо все более расчищалось, в лесу заметно светлело.

№ 4

Я плыл на лодке вниз по реке и вдруг услышал, как в небе кто-то начал осторожно переливать воду из звонкого стеклянного сосуда в

другой такой же сосуд. Вода булькала, позванивала, журчала. Звуки эти заполняли все пространство между рекой и небосводом. Это летели журавли.

Я поднял голову: большие косяки журавлей тянулись один за другим прямо к югу.

Я бросил весла и долго смотрел на журавлей. По береговой проселочной дороге ехал, покачиваясь, грузовичок. Шофер остановил машину, вышел и тоже начал смотреть на журавлей.

«Счастливо, друзья!» — крикнул он и помахал рукой вслед птицам. Потом он опять забрался в кабину, открыл боковое стекло, высунулся, смотрел и смотрел и все слушал плеск и переливы птичьего крика.

За несколько дней до этой встречи с журавлями один московский журнал попросил меня написать статью о том, что такое «шедевр», и рассказать о каком-нибудь литературном шедевре.

Сейчас на реке я подумал, что шедевры существуют не только в искусстве, но и в природе. Разве не шедевр этот крик журавлей и их величавый перелет по неизменным в течение многих тысячелетий воздушным дорогам?

Птицы прощались с Россией, с ее болотами и чашобами. Оттуда уже сочился осенний воздух, сильно отдающий свежестью.

Да что говорить! Каждый осенний лист был шедевром, совершенным творением природы, произведением ее таинственного искусства, недоступного нам, людям. Этим искусством уверенно владела только она, только природа, равнодушная к нашим восторгам и похвалам.

...Я пишу все это осенней ночью. Осени за окном не видно. Но стоит выйти на крыльцо, как осень окружит тебя и начнет настойчиво дышать в лицо холодноватой свежестью своих загадочных черных пространств, горьким запахом первого тонкого льда, сковавшего к ночи неподвижные воды, начнет перешептываться с последней листвой, облетающей непрерывно днем и ночью.

№ 5

Расставшись с Максимом Максимычем, я живо проскакал Терское и Дарьяльское ущелье, завтракал в Казбеке, чай пил в Ларсе, а к ужину поспел в Владикавказ. Избавляю вас от описания гор, от возгласов, которые ничего не изображают, особенно для тех, которые там не были, и от статистических замечаний, которых решительно никто читать не станет.

Я остановился в гостинице, где останавливаются все приезжие и где между тем некому велеть зажарить фазана и сварить щей, ибо три инвалида, которым она поручена, так глупы или так пьяны, что от них никакого толка нельзя добиться.

Мне объявили, что я должен прожить тут еще три дня, ибо оказия из Екатеринограда еще не пришла и, следовательно, отправиться обратно не может. Что за оказия!.. Но дурной каламбур не утешение для русского человека, и я, для развлечения, вздумал записывать рассказ Максима Максимыча о Бэле, не воображая, что он будет первым звеном длинной цепи повестей: видите, как иногда маловажный случай имеет жестокие последствия!.. А вы, может быть, не знаете, что такое «оказия»? Это — прикрытие, состоящее из полроты пехоты и пушки, с которым ходят обозы через Кабарду из Владикавказа в Екатериноград.

Первый день я провел очень скучно; на другой рано утром выезжает на двор повозка... А! Максим Максимыч!.. Мы встретились, как старые приятели. Я предложил ему свою комнату. Он не церемонился, даже ударил меня по плечу и скривил рот на манер улыбки. Такой чудак!..

№ 6

Душный полдень, где-то только что бухнула пушка — мягкий, странный звук, точно лопнуло огромное гнилое яйцо. В воздухе, потрясенном взрывом, едкие запахи города стали ошутимее, острее пахнет оливковым маслом, чесноком, вином и нагретой пылью.

Жаркий шум южного дня, покрытый тяжелым вздохом пушки, на секунду прижался к нагретым камням мостовых и, снова вскинувшись над улицами, потек в море широкой мутной рекой.

Город — празднично ярок и пестр, как богато расшитая риза священника; в его страстных криках, трепете и столах богослужебно звучит пение жизни. Каждый город — храм, возведенный трудами людей, всякая работа — молитва Будущему.

Солнце — в зените, раскаленное синее небо ослепляет, как будто из каждой его точки на землю, на море падает огненно-синий луч, глубоко вонзаясь в камень города и воду. Море блестит, словно шелк, густо расшитый серебром, и, чуть касаясь набережной сонными движениями зеленоватых теплых волн, тихо поет мудрую песню об источнике жизни и счастья — солнце.

Пыльные, потные люди, весело и шумно перекликаясь, бегут обедать, многие спешат на берег и, быстро сбросив серые одежды, прыгают

в море, — смуглые тела, падая в воду, тотчас становятся до смешного маленькими, точно темные крупинки пыли в большой чаше вина.

Шелковые всплески воды, радостные крики освеженного тела, громкий смех и визг ребятишек — все это и радужные брызги моря, разбитого прыжками людей, вздымается к солнцу, как веселая жертва ему.

№ 7

Прошло около часа, как мы расстались с нашей компанией, и нам оставалось немного подняться, чтобы достигнуть вершины горного хребта, где, как говорили, есть роскошные долины и леса. Подъем становился все круче и круче. Приходилось делать беспрестанно крутые повороты, и мы решили немного посидеть на бугорке, покрытом порыжевшей, выжженной травой, а по краям какими-то невиданными цветами. Мы, жители северных равнин, впервые были на такой высоте. Внизу тянулись бесконечной вереницей длинные серые облака, то открывая, то закрывая окрестности.

Неподалеку от нас, на утесе, красавец орел терзал свою добычу: бедный зайчишка, должно быть, попался на обед пернатому хищнику. С жадностью поглощая окровавленные куски один за другим, он на минуту останавливался, поглядывая по сторонам, и, крепче впиваясь когтями в добычу, снова продолжал свою работу.

Мы не просидели и четверти часа, как внезапно почувствовали какую-то необыкновенную свежесть, точно вошли в погреб, и оглянулись: темная туча начинала заволакивать не только то место, где мы сидели, но и близлежащие. Мы бросились вниз. Минуты через две не было видно ни бугорка, на котором мы расположились отдохнуть, ни утеса, на котором сидел орел, так как туча все собой закрыла. Стал накрапывать дождик, вскоре перешедший в ливень. Дорожка, по которой мы карабкались незадолго перед этим, превратилась в ручей, кативший вниз вместе с камнями свои вспенившиеся струи. Поднялся свежий восточный ветер, и мы, иззябшие, промокшие до последней нитки, измученные, воротились домой, посмеиваясь друг над другом и ничуть не сожалея ни о потраченном времени, ни о своем предприятии, давно задуманном, но, к сожалению, не доведенном до желанного конца. Может быть, нам удастся этого добиться в другой раз.

№ 8

Заповедный лес под Воронежем — последний на границе донских степей. Он слабо шумит, прохладный, в запахе трав, но стоит выйти

на опушку — и в лицо ударит жаром, резким светом, и до самого края земли откроется степь, далекая и **ветреная**, как море.

Откроются ветряки, что машут крыльями на курганах, и острова старых усадебных садов, раскинутые в отдалении друг от друга.

Но прежде всего откроется небо — высокое **степное** небо с громадами синеватых облаков. Их немного, но они почти никогда не закрывают солнца. Тень от **них** изредка проплывает то тут, то там по степи. Проплывает так медленно, что можно долго идти в этой тени, не отставая от нее и прячась от палящего солнца.

В степи, недалеко от старого липового парка, проблескивает в отлогой балке маленькая река Каменка. Она почти пересохла. По ней шныряют водяные пауки, а на берегах сидят и тяжело дышат — никак не могут отдышаться от сухой жары — сонные лягушки.

Липовый парк, изрытый блиндажами — разрушенными и заросшими дикой малиной, — слышен издалека. С рассвета до темноты он свистит, щелкает и звенит от множества синиц, щеглов, малиновок и чижей. Птичья сутолока никогда не затихает в кущах лип — таких высоких, что от взгляда на них может закружиться голова.

С птицами в парке у меня были свои счеты. Часто ранним утром я уходил на Каменку ловить рыбу. Как только я выходил в парк, сотни птиц начинали суетиться в ветвях. Они старались спрятаться и обдавали меня дождем росы. Они с треском вылетали из **зарослей**, будто выныривали из воды, и опрометью неслись в глубину парка.

Должно быть, это было красивое зрелище, но я промокал от росы и **не** очень им любовался. Я старался идти тихо, бесшумно, но это **не** помогало. Чем **незаметнее** я подходил к какому-нибудь кусту, переполненному птицами, тем сильнее был **переполох** и тем обильнее летела на меня холодная роса.

Я приходил на **речку**. Подымалось солнце. Блестела пустынная росистая степь. Вокруг не было ни души. Даже самый зоркий глаз не мог бы заметить никаких признаков человека.

N29

Одна из бесчисленных деревень. Не лучше и не хуже других. Но выбор наш не случайный — в этой деревне родился Михаил Васильевич Ломоносов.

Построек, связанных с жизнью великого человека, тут не осталось. Время не пощадило ничего, кроме маленького пруда, вырытого отцом академика. В пруду семья Ломоносовых держала к столу карасей. У дороги темнеет елка, как раз против нее и находился этот

пруд, поросший лозинками. За прудом справа домик-музей. Он построен как раз на том месте, где когда-то стояла изба Ломоносовых. От дома видно: белеет Двина, вернее, один из многих ее рукавов, называемый тут Курополка. По реке вниз уходили когда-то на промысел зверобои. По реке мимо этой деревни не один раз проплывал Петр I. Увидев его в этом месте, соседнее село Холмогоры било в колокола и палило из пушек.

Деревню называли Денисовкой. По заблуждению многие из нас родиной Ломоносова считают село Холмогоры. (Холмогоры стоят через реку, в трех километрах.) Заблуждение проистекает из того, что Денисовка была никому не известной деревней. Холмогоры же старше Москвы и были известны по всей России как крупный северный город, принимавший заморские корабли, а из глубин российских встречали корабли с медом, льном, воском, мехами и хлебом.

Для полной точности надо сказать: совсем недавно установлено: Ломоносов родился в деревне Мишанинской. Это известие взволновало и огорчило денисовцев. Но страсти улеглись, когда уточнили: деревни давным-давно слились в одну, и название «Мишанинская» перестало существовать. Не существует сегодня и название «Денисовка». Деревня именуется Ломоносово.

№ 10

Как упоителен, как роскошен летний день в Малороссии! Как томительно жарки те часы, когда полдень блещет в тишине и зное, и голубой неизмеримый океан, сладострастным куполом нагнувшийся над землею, кажется, заснул, весь потонувши в неге, обнимая и сжимая прекрасную в воздушных объятиях своих! На нем ни облака. В поле ни речи. Все как будто умерло;верху только, в небесной глубине, дрожит жаворонок, и серебряные песни летят по воздушным ступеням на влюбленную землю, да изредка крик чайки или звонкий голос перепела отдается в степи. Лениво и бездумно, будто гуляющие без цели, стоят подоблачные дубы, и ослепительные удары солнечных лучей зажигают целые живописные массы листьев, накидывая на другие темную, как ночь, тень, по которой только при сильном ветре прыщет золото. Изумруды, топазы, яхонты эфирных насекомых сыплются над пестрыми огородами, осеняемыми статными подсолнечниками. Серые стога сена и золотые снопа хлеба станом располагаются в поле и кочуют по его неизмеримости. Нагнувшиеся от тяжести плодов широкие ветви черешен, слив, яблонь,

груш; небо, его чистое зеркало — река в зеленых, гордо поднятых рамах... Как полно сладострастия и неги малороссийское лето!

Такою роскошью блистал один из дней жаркого августа тысяча восемьсот... восемьсот... Да, лет тридцать будет назад тому, когда дорога, верст за десять до местечка Сорочинец, кипела народом, поспешавшим со всех окрестных и дальних хуторов на ярмарку. С утра еще тянулись нескончаемою вереницею чумаки с солью и рыбою. Горы горшков, закутанных в сено, медленно двигались, кажется, скупая своим заключением и темнотою.

№ 11

Про батарею Тушина было забыто, и только в самом конце дела, продолжая слышать канонаду в центре, князь Багратион послал туда князя Андрея, чтобы велеть батарее отступать как можно скорее. Прикрытие, стоявшее подле пушек Тушина, ушло, по чьему-то приказанию, в середине дела, но батарея продолжала стрелять и не была взята французами только потому, что неприятель не мог предполагать дерзости стрельбы четырех, никем не защищенных пушек.

Все орудия без приказа били в направлении пожара. Как будто подгоняя, подкрикивали солдаты к каждому выстрелу: «Ловко! Вот так-так!» Пожар, разносимый ветром, быстро распространялся. Французские колонны, выступившие за деревню, ушли назад, но, как бы в наказание за эту неудачу, неприятель выставил правее деревни десять орудий и стал бить из них по Тушину.

Офицер, товарищ Тушина, был убит в начале дела, и в продолжение часа из сорока человек прислуги выбыли семнадцать, но артиллеристы все так же были веселы и оживленны. Два раза они замечали, что внизу, близко от них, показывались французы, и тогда они били по ним картечью.

В дыму, оглушаемый непрерывными выстрелами, заставлявшими его каждый раз вздрагивать, Тушин бегал от одного орудия к другому, то прицеливаясь, то считая снаряды.

Вследствие этого страшного гула и шума, потребности внимания и деятельности, Тушин не испытывал ни малейшего неприятного чувства страха, и мысль, что его могут убить или больно ранить, не приходила ему в голову. Напротив, ему становилось все веселее и веселее. Ему казалось, что уже очень давно, едва ли не вчера, была та минута, когда он увидел неприятеля и сделал первый выстрел, и что клочок поля, на котором он стоял, был ему давно знакомым, родственным местом. Несмотря на то, что он все помнил, все

соображал, все делал, что мог делать самый лучший офицер в его положении, он находился в состоянии, похожем на лихорадочный бред или на состояние пьяного человека.

№ 12

Сбоку дороги — могильный курган. На обветренной ветрами вершине его скорбно шуршат голые ветви прошлогодней полыни, по скатам, от самой вершины до подошвы, стелются пучки желтого пушистого ковыля. Безрадостно тусклые, выцветшие от солнца и непогоды, они простирают над древней, выветрившейся почвой свои волокнистые ветви, даже весною, среди ликующего цветения разнотравья, выглядят старчески-уныло, и только под осень блещут и переливаются гордой изморозной белизной. И лишь осенью кажется, что величаво приосанившийся курган караулит степь, весь одетый в серебряную чешуйчатую кольчугу.

Летом, вечерними зорями, на вершину его слетает из подоблация степной беркут. Шумя крыльями, он упадет на курган, неуклюже ступнет два раза и станет чистить изогнутым клювом коричневый веер вытянутого крыла, а потом застынет, откинув голову и устремив в вечно синее небо янтарный, окольцованный черным ободком глаз. Как камень-самородок, недвижимый и изжелта-бурый, беркут отдохнет перед вечерней ловлей и снова оторвется от земли.

До заката солнца еще не раз серая тень его царственных крыльев перечеркнет степь.

Куда унесут его знобящие осенние ветры? В голубые предгорья Кавказа? В Персию ли?

Зимой же, когда могильный курган — в горностаевой мантии снега, каждый день в голубино-сизых предрассветных сумерках выходит на вершину его старый лис. Он стоит долго, мертво, словно изваянный из желто-пламенного мрамора, стоит, опустив на лиловый снег рыжий хвост, вытянув навстречу ветру заостренную, с дымной черниной у пасти, морду. В этот момент только его агатовый влажный нос живет, лоя жадно развернутыми, трепещущими ноздрями запах снега, и неугасимую горечь убитой морозами полыни, и веселый душок конского помета, и несказанно волнующий, еле ощутимый аромат куропаатиного выводка.

Стоит курган на гребне в восьми верстах от Гремячего Лога, издавна зовут его Смертным, а старинное предание поясняет, что под курганом когда-то, в старину, умер раненый казак, быть может тот самый, о котором в старинной песне поется.

Так дошел я до узенькой, всего в сажень шириною, но необычайно быстрой речонки, называвшейся Пра. Ее звонкий лепет доносился до меня еще издалека. Через нее с незапамятных времен была мужиками перекинута «лава» — первобытный неуклюжий мост из больших древесных сучьев, перевязанных березовыми лыками. Странно, никогда мне не удавалось благополучно перебраться через эту проказливую речонку. Так и ныне: как ни старался я держать равновесие, а пришлось все-таки угодить мимо и зачерпнуть холодной воды в кожаные, *большие*, выше колена бахилы. Пришлось на другом берегу сесть, разуться и вытрясти воду из тяжелой обуви.

Но уже падает, падает мгла на землю. Если теперь выйти из *освещенного* жилья на волю, то сразу *попадешь* в черную тьму. Но мой глаз уже обвык, и я еще ясно вижу нужную мне, знакомую вереву (вереву — холм, высоко возвышающийся над болотом). Почти всегда на ней свободно растут две или три мощные *столетние* сосны, упирающиеся далекими вершинами в небо, а *четырёххватными* стволами в землю. Еще ясно различаю, как на самом *кряжистом* дереве, покрытом древнею, грубою, обомшелой корою, протянулся и точно дрожит бог весть откуда падающий густо-золотой луч, и дерево в этом месте кажется отлитым из красной меди.

Вылез тонкий, ясный, только что *очищенный* серп полумесяца на высокое небо, и только теперь стало заметно, как темна и черна весенняя ночь. Бежит, бежит молодой нарядный блестящий месяц, плывет, как быстрый корабль, волоча за собою на никому не видимом буксире маленькую отважную звездочку-лодку. Порой они оба: и бригантина, и малая шлюпочка — раз за разом ныряют в белые, распушенные, косматые облака и мгновенно озаряют их оранжевым сиянием, точно зажгли там рыжие брандеры.

Как странно и как торжественно-сладостно ощущать, что сейчас во всем огромном лесу происходит великое и торжественное таинство, которое старые садоводы и лесники так мудро называют первым весенним движением соков.

№ 14

Вернувшись в Москву из армии, Николай Ростов был принят домашними как лучший сын, герой и ненаглядный Николушка; родными — как милый, приятный молодой человек, знакомыми — как

красивый гусарский поручик, ловкий танцор и один из лучших женихов Москвы.

Знакомых у Ростовых была вся Москва; денег в нынешний год у старого графа было достаточно, потому что были перезаложены все имения, и потому **Николушка**, заведя своего собственного рысака и самые модные рейтузы, особенные, каких ни у кого еще в Москве не было, и сапоги, самые модные, с маленькими серебряными шпорами, проводил время очень весело. Ростов, вернувшись домой, испытал приятное чувство примеривания себя к старым условиям жизни. Ему казалось, что он очень возмужал и вырос. Отчаяние за невыдержанный из закона божьего экзамен, тайные поцелуи с Соней, он про все это вспоминал, как про ребячество, от которого он неизмеримо был далек теперь. Теперь он — **гусарский** поручик, готовит своего рысака на бега вместе с известными охотниками, пожилыми, почтенными. **У него** знакомая дама на бульваре, к которой он ездит вечером. Он дирижировал мазурку на бале у Архаровых, разговаривал о войне с фельдмаршалом, бывал в Английском клубе, и был на «ты» с одним сорокалетним полковником, с которым познакомил его Денисов.

Страсть его к государю несколько ослабела в Москве, так как он за это время не видел его. Но он все-таки часто рассказывал о нем, давая чувствовать, что он еще не все рассказывает, что что-то есть в его чувстве к государю, что не может быть всем понятно.

В это короткое пребывание Ростова в Москве, до отъезда в армию, он не сблизился, а, напротив, разошелся с Соней. Она была очень хороша, мила и, очевидно, страстно влюблена в него; он был в той поре молодости, когда **кажется**, что этим некогда заниматься, и молодой человек боится связываться — дорожит своей свободой, которая ему нужна на многое другое. Когда он думал о Соне в это новое пребывание в Москве, он говорил себе: «**Э!** Еще много, много таких будет и есть там, где-то, мне еще неизвестных». Кроме того, ему казалось что-то унижительное для своего мужества в женском обществе. Он ездил на балы и в женское общество, притворяясь, что делал это против воли. Бега, Английский клуб, кутеж с Денисовым — это было **другое** дело: это было прилично молодцу-гусару.

№ 15

Путешествие, как известно, тем именно и отличается от обыкновенного образа жизни, что дает непрерывную смену впечатлений, разнообразит ее течение более или менее занимательными

приключениями, которые все мало ездившие склонны видеть в одном розовом свете. Мы садились на пароход именно в этом настроении, заранее предвкушая все предстоящие нам наслаждения. Надо сознаться, что окружающая обстановка сильно поддерживала эту иллюзию: солнце так мягко и ласково обливало своими золотыми лучами зеленеющие холмы правого берега; Днепр спокойно катил свои мутноватые воды, синевя вдаль безупречной лазурью. Но прошел день, прошла ночь, и радостное настроение сменилось настроением грустным. Заморосил мелкий дождик, подул холодный ветерок, и весь видимый горизонт обложило тучами. По дороге из Кременчуга ночевали в Каменском. Стояли мы в Каменском до четырех часов утра, когда наш случайный мирный сон улетел безвозвратно, испугавшись лязга якорных цепей, топота десяти хорошо подкованных ног, громыханья каких-то тяжестей, перемещавшихся прямо над нашими головами. Вышли на палубу. День был серенький. В шестом часу утра показался Екатеринослав, закутанный клубом дыма, щедро выбрасываемого бесчисленными трубами завода. Кружевной полосой повис в воздухе железнодорожный мост, и на правом берегу реки показались первые городские строения, довольно невзрачного вида. Пароход «Рыцарь», вспенивая воду своей белой грудью, величественно проносится мимо плотов, лодок, загромождивших весь правый берег, и не без чувства собственного достоинства причаливает к пристани. Вещи, с любезного согласия местной администрации, оставляем на пристани, а сами выходим на берег нанимать экипаж на пороги. Оказывается, что это совсем не легко. Извозчиков хотя и много, но они не только не едут на пороги, но даже не устаивают ответа, и только после усиленных настояний следует короткий, но вразумительный ответ: «Не поеду!» Никто не хочет ехать, отказываются, отговариваясь незнанием дороги, так как никогда на порогах не бывали и о существовании таковых на Днепре не знают.

№ 16

Вопреки предсказанию моего спутника, погода прояснилась и обещала нам тихое утро. Направо и налево чернели мрачные, таинственные пропасти, и туманы, клубясь и извиваясь, как змеи, сползали туда по морщинам соседних скал, будто чувствуя и пугаясь приближения дня.

Тихо было все на небе и на земле, как в сердце человека в минуту утренней молитвы; только изредка пробегал прохладный ветер с

востока, приподнимая гриву лошадей, покрытую инеем. Мы тронулись в путь; с трудом пять худых кляч тащили наши повозки по извилистой дороге; мы шли пешком сзади, подкладывая камни под колеса, когда лошади выбивались из сил. Казалось, дорога вела на небо, потому что, сколько глаз мог разглядеть, она все поднималась и, наконец, пропадала в облаке, которое еще с вечера отдыхало на вершине, как коршун, ожидающий добычу. Мне было как-то весело, что я так высоко над миром. Чувство детское, не спорю, но, удаляясь от условий общества и приближаясь к природе, мы невольно становимся детьми. Все приобретенное отпадает от души, и она делается вновь такою, какой была некогда и, верно, будет когда-нибудь опять. Тот, кому случалось, как мне, бродить по горам пустынным, и долго-долго всматриваться в их причудливые образы, и жадно глотать воздух, разлитый в их ущельях, тот, конечно, поймет мое желание передать, рассказать, нарисовать эти картины. Вот наконец мы взобрались на гору, остановились и огляделись: над ней висело серое облако, и его холодное дыхание грозило близкой бурей; на востоке все было так же ясно и золотисто.

И точно, такую панораму вряд ли где еще удастся мне видеть: под нами лежала Койшаурская долина, пересекаемая Арагвой и другой речкой, как двумя серебряными нитями; голубоватый туман скользил по ней, убегая от теплых лучей утра; направо и налево гребни гор, один выше другого, пересекались, тянулись, покрытые снегами, кустарником; вдали те же горы, но хоть бы две скалы, похожие одна на другую. Все эти снега горели румяным блеском так весело, так ярко, что кажется, тут бы и остаться жить навеки. Солнце чуть показалось из-за темно-синей горы; над солнцем была кровавая полоса, на которую мой товарищ обратил особенное внимание. «Я говорил вам, — воскликнул он, — что нынче будет непогода; надо торопиться, а то, пожалуй, она застанет нас на Крестовой!» — закричал он.

№ 17

Нехлюдов заехал к тетушкам потому, что имение их было по дороге к прошедшему вперед его полку, и потому, что они его очень об этом просили, но, главное, заехал он теперь для того, чтобы увидеть Катюшу. Может быть, в глубине души и было у него уже дурное намерение против Катюши, но он не сознавал этого намерения, а просто ему хотелось побывать в тех местах, где ему было так хорошо, и увидеть немного смешных, но милых, добродушных

тетушек, всегда незаметно для него окружавших его атмосферой любви и восхищения, и увидеть милую Катюшу, о которой осталось такое приятное воспоминание.

Приехал он в конце марта, в страстную пятницу, по самой распутице, под проливным дождем, так что приехал до нитки промокший и озябший. «У них ли еще она?» — думал он, въезжая на знакомый, заваленный свалившимся снегом с крыши старинный помещичий двор.

Скинув все мокрое и только начав одеваться, Нехлюдов услышал быстрые шаги, и в дверь постучались. Он узнал и шаги и стук в дверь. Так ходила и стучалась только она.

Это была она, Катюша. Все та же, еще милее, чем прежде. Так же снизу вверх смотрели улыбающиеся, наивные, чуть косившие черные глаза. Она, как и прежде, была в чистом белом фартуке. Она принесла от тетюшек только что вынутый из бумажки душистый кусок мыла и два полотенца: большое русское и мохнатое. И нетронутое с отпечатанными буквами мыло, и полотенца, и сама она — все это было одинаково чисто, свежо, нетронут и приятно. Милые, твердые, красные губы ее все так же морщились, как и прежде при виде его, от неудержимой радости.

— С приездом вас, Дмитрий Иванович! — с трудом выговорила она, и лицо ее залилось румянцем.

— Здравствуйте...здоровствуйте, — не знал он, как, на «ты» или на «вы», говорить с ней, и покраснел так же, как и она. — Живы, здоровы?

Тетушки, и всегда любившие Нехлюдова, еще радостнее, чем обыкновенно, встретили его в этот раз. Дмитрий ехал на войну, где мог быть ранен, убит.

Нехлюдов распределил свою поездку так, чтобы пробыть у тетюшек только сутки, но, увидав Катюшу, он согласился встретиться у тетюшек Пасху, которая была через два дня, и телеграфировал своему приятелю, с которым они должны были съехаться в Одессе, чтобы и он заехал к тетюшкам.

№ 18

Бричка, въехавши на двор, остановилась перед небольшим домиком, который за темнотою трудно было рассмотреть. Только одна половина его была озарена светом, исходившим из окон; видна была еще лужа перед домом, на которую прямо ударял тот же свет. Дождь стучал звучно по деревянной крыше и журчащими ручьями стекал в

подставленную бочку. Промокший и озябший герой наш ни о чем не думал, как только о постели. На крыльцо вышла какая-то женщина, проводила его в комнату. Чичиков кинул вскользь два взгляда: комната была обвешана старенькими полосатыми обоями; картины с какими-то птицами; между окон старинные маленькие зеркала в виде свернувшихся листьев; за всяким зеркалом заложены были или письмо, или старая колода карт, или чулок; стенные часы с нарисованными цветами на циферблате... Он чувствовал, что глаза его липнули, как будто их кто-нибудь вымазал медом. Минуту спустя вошла хозяйка, женщина пожилых лет, в каком-то спальном чепце, надетом наскоро, одна из тех матушек, небольших помещиц, которые плачутся на неурожай, убытки и держат голову несколько набок, а между тем набирают понемногу деньжонок в мешочки, размещенные по ящикам комодов.

Чичиков извинился, что побеспокоил неожиданным приездом.

— Ничего, ничего, — сказала хозяйка. — С дороги бы следовало поесть чего-нибудь, да пора-то ночная, приготовить нельзя.

Чичиков поблагодарил хозяйку, сказавши, что ему не нужно ничего, чтобы она не беспокоилась ни о чем, что, кроме постели, он ничего не требует, и полюбопытствовал только знать, в какие места заехал он и далеко ли отсюда к помещику Собакевичу, на что старуха сказала, что и не слыхивала такого имени и что такого помещика вовсе нет.

Оставшись один, он не без удовольствия взглянул на свою постель, которая была почти до потолка. Когда, подставивши стул, взобрался он на постель, она опустилась под ним почти до самого пола, и перья, вытесненные им из пределов, разлетелись во все углы комнаты. Погасив свечу, он накрылся ситцевым одеялом и, свернувшись под ним кренделем, заснул в ту же минуту.

№ 19

Мы стояли в местечке Н. Жизнь армейского офицера известна: утром ученье, манеж; обед у полкового командира; вечером пунш и карты. В местечке не было ни одного открытого дома, ни одной невесты. Мы собирались друг у друга, где, кроме своих мундиров, не видали ничего.

Один только человек принадлежал нашему обществу, не будучи военным. Ему было около тридцати пяти лет, и мы за то почитали его стариком. Опытность давала ему перед нами многие преимущества. К тому же его обыкновенная угрюмость, крутой нрав и злой

язык имели сильное влияние на молодые наши умы. Какая-то таинственность окружала его судьбу; он казался русским, а носил иностранное имя. Некогда он служил в гусарах. Никто не знал причины, побудившей его выйти в отставку и поселиться в бедном местечке, где жил он вместе и бедно и расточительно: ходил вечно пешком, в изношенном черном сюртуке, а держал открытый стол для всех офицеров. Правда, обед его состоял из двух или трех блюд, приготовленных отставным солдатом. Никто не знал ни его состояния, ни его доходов, и никто не осмеливался о том спрашивать. У него водились книги, большею частью военные, да романы. Он охотно давал их читать, никогда не требуя назад, зато никогда не возвращал хозяину книги, им занятой. Главное упражнение его состояло в стрельбе из пистолетов. Стены его комнаты были все источены пулями, как соты пчелиные. Искусство, которого он достиг, было неимоверно, и если б он вызвался пулей сбить грушу с фуражки кого б то ни было, никто б в нашем полку не усомнился подставить ему своей головы.

Разговор между нами касался часто поединков. Сильвио (так назову его) никогда в него не вмешивался. На вопрос, случалось ли ему драться, отвечал он сухо, что случалось, но в подробности не входил, и видно было, что такие вопросы были ему неприятны. Мы полагали, что на совести его лежала какая-нибудь несчастная жертва его ужасного искусства. Впрочем, нам и в голову не приходило подозревать в нем что-нибудь похожее на робость. Есть люди, одна наружность которых удаляет таковые подозрения. Нечаянный случай всех нас изумил.

№ 20

В те дни вечерами уже холодало, дело шло к осени. По ночам же почва быстро выхолаживалась, и к рассвету степь покрывалась белесым, как солончак, налетом недолговечного инея. Скучная, безотрадная пора приближалась для степного зверя. Та редкая дичь, что держалась в этих краях летом, исчезала — кто куда, кто в теплые края, кто в норы, кто подался на зиму в пески. Теперь каждая лисица промышляла себе пропитание, рыская в степи в полном одиночестве, точно бы начисто перевелось на свете лисье отродье. Молодняк того года уже подрос и разбежался в разные стороны, а любовная пора еще была впереди, когда лисы начнут сбегаться зимой отовсюду для новых встреч, когда самцы будут сшибаться в драках с такой силой, какой наделена жизнь от сотворения мира...

С наступлением ночи лисица вышла из овражка. Выждала, вслушиваясь, и потрусил к железнодорожной насыпи, бесшумно перебегая то на одну, то на другую сторону путей. Здесь она выискивала объедки, выброшенные пассажирами из окон вагонов. Долго ей пришлось бежать вдоль откосов, обнюхивая всяческие предметы, дразнящие и отвратительно пахнущие, пока не наткнулась на что-то маломальски пригодное. Весь путь следования поездов был засорен обрывками бумаги и скомканных газет, битыми бутылками, окурками, искореженными консервными банками и прочим бесполезным мусором. Особенно зловонным был дух из горлышек уцелевших бутылок — разило дурманом. После того как раза два закружилась голова, лисица уже избегала вдыхать в себя спиртной воздух. Фыркала, отскакивала сразу в сторону.

А того, что ей требовалось, ради чего она так долго готовилась, перебарывая собственный страх, как назло не встречалось.

№ 21

Я возвращался домой пустыми переулками станицы; месяц, полный и красный, как зарево пожара, начинал показываться из-за зубчатого горизонта домов; звезды спокойно сияли на темно-голубом своде, и мне стало смешно, когда я вспомнил, что были некогда люди премудрые, думавшие, что светила небесные принимают участие в наших ничтожных спорах за клочок земли или за какие-нибудь вымышленные права!.. И что ж? Эти лампы, зажженные, по их мнению, только для того, чтобы освещать их битвы и торжества, горят с прежним блеском, а их страсти и надежды давно угасли вместе с ними, как огонек, зажженный на краю леса беспечным странником! Но зато какую силу воли придавала им уверенность, что целое небо, со своими бесчисленными жителями, на них смотрит с участием хотя немым, но неизменным!.. А мы, их жалкие потомки, скитающиеся по земле без убеждений и гордости, без наслаждения и страха, кроме своей невольной боязни, сжимающей сердце при мысли о неизбежном конце, мы не способны более к великим жертвам ни для блага человечества, ни даже для собственно нашего счастья, потому что знаем его невозможность и равнодушно переходим от сомнения к сомнению, как наши предки бросались из одного заблуждения к другому, не имея, как они, ни надежды, ни даже того неопределенного, хотя истинного наслаждения, которое встречает душа во всякой борьбе с людьми или с судьбою...

И много других подобных дум проходило в уме моем; я их не

удерживал, потому что не люблю останавливаться на какой-нибудь отвлеченной мысли И к чему это ведет?

№ 22

Есть род людей, известных под именем: люди так себе, ни то ни се, ни в городе Богдан ни в селе Селифан, по словам пословицы. Может быть, к ним следует отнести и Манилова. На взгляд он был человек видный; черты лица его были не лишены приятности, но в эту приятность, казалось, чересчур было передано сахару; в приемах и оборотах его было что-то заискивающее расположения и знакомства. Он улыбался заманчиво, был белокур, с голубыми глазами. В первую минуту разговора с ним не можешь не сказать: «Какой приятный и добрый человек!» В следующую за тем минуту ничего не скажешь, а в третью скажешь: «Черт знает что такое!»

Хозяйством нельзя сказать, чтобы он занимался, он даже никогда не ездил на поля, хозяйство шло как-то само собою. Иногда, глядя с крыльца на двор и на пруд, говорил он о том, как бы хорошо было, если бы вдруг от дома провести подземный ход или выстроить каменный мост, на котором были бы по обеим сторонам лавки, и чтобы в них сидели купцы и продавали разные мелкие товары, нужные для крестьян.

В доме его чего-нибудь вечно не доставало: в гостиной стояла прекрасная мебель, обтянутая щегольской шелковой материей, которая, верно, стоила весьма недешево, но на два кресла ее не доставало, и кресла стояли обтянуты просто рогожею; впрочем, хозяин в продолжение нескольких лет всякий раз предостерегал своего гостя словами: «Не садитесь на эти кресла, они еще не готовы». Жена его... впрочем, они были совершенно довольны друг другом. Несмотря на то, что минуло более восьми лет их супружеству, из них все еще каждый приносил другому или кусочек яблочка, или конфетку, или орешек и говорил трогательно-нежным голоском: «Разинь, душенька, свой ротик, я тебе положу этот кусочек». Ко дню рождения приготавлиемы были сюрпризы: какой-нибудь бисерный чехольчик на зубочистку. Словом, они были, то что говорится, счастливы.

№ 23

В лесу было почти жарко, ветру не слышно было. Береза, вся усеянная зелеными клейкими листьями, не шевелилась, и из-под прошлогодних листьев, поднимая их, вылезала зеленая, первая трава и лиловые цветы. Рассыпанные кое-где по березнику мелкие ели

своею грубою вечною зеленью неприятно напоминали о зиме. Лошади зафыркали, въехав в лес.

На краю дороги стоял дуб. Вероятно, в десять раз старше берез, составлявших лес, он был в десять раз толще и в два раза выше каждой березы. Это был огромный, в два обхвата дуб, с обломанными, давно видно, суками и с обломанною корою, заросшею старыми болячками. С огромными своими неуклюжими, несимметрично растопыренными, корявыми руками и пальцами, он старым, сердитым и презрительным уродом стоял между улыбающимися березами. Только он один не хотел подчиняться обаянию весны и не хотел видеть ни весны, ни солнца.

«Весна, и любовь, и счастье! — как будто говорил этот дуб, — и как не надоест вам один и тот же глупый и бессмысленный обман. Все одно и то же, и все обман».

Князь Андрей несколько раз оглянулся на этот дуб, проезжая по лесу, как будто он чего-то ждал от него. Цветы и трава были и под дубом, но он все так же, хмурясь, неподвижно, уродливо и упорно, стоял посреди них.

«Да, он прав, тысячу раз прав этот дуб», — подумал князь Андрей. Целый ряд мыслей безнадежных, но грустно-приятных в связи с этим дубом возник в душе князя Андрея. Во время этого путешествия он как будто вновь обдумал всю свою жизнь и пришел к тому же прежнему успокоительному и безнадежному заключению, что ему начинать ничего было не надо, что он должен доживать свою жизнь, не делая зла, не тревожась и ничего не желая.

№ 24

Челкаш проснулся первым, тревожно оглянулся вокруг, сразу успокоился и посмотрел на Гаврилу, еще спавшего. Тот сладко всхрапывал и во сне улыбался чему-то всем своим детским, здоровым, загорелым лицом. Челкаш вздохнул и полез по узкой веревочной лестнице. В отверстие трюма смотрел свинцовый кусок неба. Было светло, но по-осеннему скучно и серо.

Челкаш вернулся часа через два. Лицо у него было красно, усы лихо закручены кверху. Он был одет в длинные крепкие сапоги, в куртку, в кожаные штаны и походил на охотника. Весь его костюм был потерт, но крепок и очень шел к нему, делая его фигуру шире, скрадывая его костлявость и придавая ему воинственный вид.

Ногой он толкнул Гаврилу. Тот вскочил и, не узнавая его со сна, испуганно уставился на него мутными глазами. Челкаш захохотал, а

затем протянул Гавриле несколько бумажек. Тот взял их дрожащей рукой и стал прятать куда-то за пазуху, жадно сощутив глаза, шумно втягивая в себя воздух, точно пил что-то жгучее. Челкаш с насмешливой улыбкой поглядывал на него.

Гаврила, вдруг вспыхивая страстным возбуждением, отрывисто, торопясь, точно догоняя свои мысли и с лету хватая слова, заговорил о жизни в деревне с деньгами и без денег. Почет, довольство, веселье...

Челкаш слушал его внимательно, с серьезным лицом и с глазами, сощуренными какой-то думой. Вдруг он заметил, что Гаврила очень переменялся. Его лицо то краснело, то делалось серым, и он мялся на месте, не то желая броситься на Челкаша, не то разрываемый иным желанием, исполнить которое ему было трудно. И тут Гаврила сорвался со своего места, бросился к ногам Челкаша, обнял юс своими руками и дернул к себе. Челкаш пошатнулся, грузно сел на песок и, скрипнув зубами, резко взмахнул в воздухе своей длинной рукой, сжатой в кулак. Но он не успел ударить, остановленный стыдливым шепотом Гаврилы: «Голубчик, дай ты мне эти деньги! Что в них тебе? Пропащий ведь ты... Нет тебе пути... Дай ты их мне».

Челкаш, испуганный, изумленный и оробевший, сидел на песке, откинувшись назад и упираясь в него руками, сидел, молчал и страшно таращил глаза на парня, уткнувшегося головой в его колени и шептавшего, задыхаясь, свои мольбы. Он оттолкнул его, наконец, вскочил на ноги и сунул руку в карман, бросил в Гаврилу бумажки.

№ 25

Раз осенью пришел транспорт с провиантом; в транспорте был офицер, молодой человек лет двадцати пяти. Он явился ко мне в полной форме и объявил, что ему велено остаться у меня в крепости. Он был такой тоненький, что я тотчас догадался, что он на Кавказе у нас недавно. «Вы, верно, — спросил я его, — переведены сюда из России?» — «Точно так, господин штабс-капитан»; — отвечал он.

Его звали Григорием Александровичем Печориным. Славный был малый, смею вас уверить; только немножко странен. Ведь, например, в дождик, в холод целый день на охоте; все иззябнут, устнут — а ему ничего. А другой раз сидит у себя в комнате, ветер пахнет, уверяет, что простудился; ставнем стукнет, он вздрогнет и

поблещет, а при мне ходил на кабана один на один. Бывало, по целым часам слова не добьешься, зато уж иногда как начнет рассказывать, так животики надорвешь со смеха... Да, с большими был странностями и, должно быть, богатый человек: сколько у него было разных дорогих вещей...

«Послушайте, Максим Максимыч, у меня несчастный характер: воспитание ли меня сделало таким, бог ли так меня создал, не знаю; знаю только то, что если я являюсь причиной несчастья других, то и сам не менее несчастлив...

В первой моей молодости, с той минуты, когда я вышел из опеки родных, я стал наслаждаться бешено всеми удовольствиями, которые можно достать за деньги, и, разумеется, удовольствия эти мне опротивели. Потом пустился я в большой свет, и скоро общество мне также надоело; влюблялся в светских красавиц и был любим, но их любовь только раздражала мое воображение и самолюбие, а сердце осталось пусто... Я стал читать, учиться — науки также надоели; я видел, что ни слава, ни счастье от них не зависят нисколько, потому что самые счастливые люди — невежды, а слава — удача, и, чтоб добиться ее, надо только быть ловким. Тогда мне стало скучно... Вскоре перевели меня на Кавказ: это самое счастливое время моей жизни... Когда я увидел Бэлу в своем доме, когда в первый раз, держа ее на коленях, целовал ее черные локоны, я, глупец, подумал, что она ангел, посланный мне сострадательной судьбою... Я опять ошибся: любовь дикарки немногим лучше любви знатной барыни; невежество и простосердечие одной так же надоедают, как и кокетство другой... Глупец я или злодей, не знаю; но то верно, что я также очень достоин сожаления, может быть, больше, нежели она: во мне душа испорчена светом. Мне все мало: к печали я так же легко привыкаю, как к наслаждению, и жизнь моя становится пустее день ото дня; мне осталось одно средство: путешествовать».

№ 26

О Диком-Барине стоит поговорить несколько поподробнее.

Первое впечатление, которое производил на вас вид этого человека, было чувство какой-то грубой, тяжелой, но неотразимой силы. Сложен он был неуклюже, «сбитнем», как говорят у нас, но от него так и несло несокрушимым здоровьем, и — странное дело — его медвежатая фигура не была лишена какой-то своеобразной грации, происходившей, может быть, от совершенно спокойной уверенности

в собственном могуществе. Трудно было решить с первого раза, к какому сословию принадлежал этот Геркулес. Он не походил ни на дворового, ни на мещанина, ни на обедневшего подьячего, ни на мелкопоместного разорившегося дворянина — псаря и драчуна: он был уж точно сам по себе. Никто не знал, откуда он свалился к нам; поговаривали, что происходил он от однодворцев и состоял будто где-то прежде на службе, но ничего положительного об этом не знали, да и от кого было и узнавать, — не от него же самого: не было человека более молчаливого и угрюмого. Также никто не мог положительно сказать, чем он живет. Он никаким ремеслом не занимался, ни к кому не ездил, не знался почти ни с кем, а деньги у него водились, правда, небольшие, но водились. Вел он себя не то что скромно, — в нем вообще не было ничего скромного, — но тихо. Он жил, словно никого вокруг себя не замечал и решительно ни в ком не нуждался. *Дикий-Барин* (так его прозвали; настоящее же его имя было *Перевлесов*) пользовался огромным влиянием во всем округе; ему повиновались тотчас и с охотой, хотя он не только не имел никакого права приказывать кому бы то ни стало, но даже сам не изъяснял малейшего притязания на послушание людей, с которыми случайно сталкивался. В этом человеке было много загадочного. Казалось, какие-то громадные силы угрюмо покоились в нем, как бы зная, что раз поднявшись, что вырвавшись раз на волю, они должны разрушить и себя, и все, до чего ни коснутся. Я жестоко ошибаюсь, если в жизни этого человека не случилось уже подобного взрыва, если он, наученный опытом и едва спасшись от гибели, неумолимо не держал теперь самого себя в ежовых рукавицах. Особенно поражала меня в нем смесь какой-то врожденной, природной свирепости и такого же врожденного благородства, — смесь, которой я не встречал ни в ком другом.

№ 27

Сани остановились около большого странного дома, похожего на опрокинутый супник. Длинный подъезд этого дома с тремя стеклянными дверями был освещен дюжиной ярких фонарей. Двери со звоном отворялись и, как рты, глотали людей, которые сновали у подъезда. Людей было много, часто к подъезду подбегали и лошади, но собак не было видно.

Хозяин взял на руки Тетку и сунул ее на грудь, под шубу, где находился Федор Тимофеич. Тут было темно и душно, но тепло. На мгновение вспыхнули две зеленые искорки — это открыл глаза

кот, обеспокоенный холодными, жесткими лапами соседки. Тетка лизнула его ухо и, желая усесться возможно удобнее, беспокойно задвигалась, смяла его под себя холодными лапами и нечаянно высунула из-под шубы голову, но тотчас же сердито заворчала и нырнула под шубу. Ей показалось, что она увидела громадную, плохо освещенную комнату, полную чудовищ; из-за перегородок и решеток, которые тянулись по обе стороны комнаты, выглядывали страшные рожи: лошадиные, рогатые, длинноухие и какая-то одна толстая, громадная рожа с хвостом вместо носа и с двумя длинными обглоданными костями, торчащими изо рта.

Кот сипло замыкал под лапами Тетки, но в это время шуба распахнулась, хозяин сказал «гоп!», и Федор Тимофеич с Теткой прыгнули на пол. Они уже были в маленькой комнате с серыми дощатыми стенами; тут, кроме небольшого столика с зеркалом, табурета и тряпья, развешанного по углам, не было никакой другой мебели, и, вместо лампы или свечи, горел яркий всеобразный огонек, приделанный к трубочке, вбитой в стену. Федор Тимофеич облизал свою шубу, помятую Теткой, пошел под табурет и лег. Хозяин, все еще волнуясь и потирая руки, стал раздеваться...

№ 28

По дороге к большому городу не спеша идет мальчик.

Город лег на землю тяжелыми горами зданий, прижался к ней, и стонет, и глухо ворчит. Издали кажется, как будто он только что разрушен пожаром, ибо под ним еще не угасло кровавое пламя заката и кресты его церквей, вершины башен, флюгера раскалены докрасна.

Края черных туч тоже в огне, на красных пятнах зловеще рисуются угловатые куски огромных строений; там и тут, точно раны, сверкают стекла; разрушенный, измученный город — место неутомимого боя за счастье — истекает кровью, и она дымится, горячая, желтоватым удушливым дымом.

Мальчик идет в сумраке поля по широкой серой ленте дороги; прямая, точно шпага, она вонзается в бок города; неуклонно направленная могучей незримой рукою. Деревья по сторонам ее — точно незажженные факелы, их черные большие кисти неподвижны над молчаливою, чего-то ожидающей землей.

Небо покрыто облаками, звезд не видно, теней нет; поздний вечер печален и тих, только медленные и легкие шаги мальчика едва слышны в сумеречном, утомленном молчании засыпающих полей.

А вслед мальчику бесшумно идет ночь, закрывая черной мантией забвения даль, откуда он вышел.

Сгушаясь, сумрак прячет в теплом объятии своем покорно при-
никшие к земле белые и красные дома, сиротливо разбросанные по холмам. Сады, деревья, трубы — все **вокруг** чернеет, исчезает, раз-
давленное тьмою ночи, — точно путаясь маленькой фигурки с палкой
в руке, прячась от нее или играя с нею.

Он же идет молча и спокойно смотрит на город, не ускоряя шага,
одиноким, маленький, словно несущий что-то необходимое, давно
ожидаемое всеми там, в городе, где уже тревожно загораются на-
встречу ему голубые, желтые и красные огни.

№ 29

С первого же дня, как он увидел Катюшу, Нехлюдов почув-
ствовал прежнее чувство к ней. Так же, как и прежде, он не мог
без волнения видеть теперь белый фартук Катюши, не мог без
радости слышать ее походку, ее голос, ее смех, не мог без умиле-
ния **смотреть** в ее черные, как мокрая смородина, глаза, особен-
но, когда она улыбалась, не мог, главное, без смущения видеть,
как она краснела при встрече с ним. Он чувствовал, что влюб-
лен, но не так, как прежде, когда эта любовь была для него тай-
ной, и он сам не решался признаться себе в том, что любить
можно один только раз. Теперь он был влюблен, зная это и раду-
ясь этому, хотя и скрывая от **себя**, в чем состоит любовь и что из
нее может выйти.

В Нехлюдове, как и во всех людях, было два человека. Один —
духовный, ищущий блага себе только такого, которое было бы благо
и других людей, и другой — **животный** человек, ищущий блага толь-
ко себе и для этого блага готовый пожертвовать благом всего мира.
В этот период его сумасшествия, эгоизма, вызванного в нем петер-
бургской и военной **жизнью**, этот животный человек властвовал в
нем и совершенно задавил духовного человека. Но, увидав Катюшу
и вновь почувствовав то, что он испытал к ней тогда, духовный
человек поднял голову и стал заявлять свои права. И в Нехлюдове не
переставая в продолжение этих двух дней шла внутренняя, не созна-
ваемая им борьба.

В глубине души он знал, что ему надо ехать и что незачем теперь
оставаться у теток, знал, что ничего из этого не могло выйти хоро-
шего, но было так радостно и приятно, что он не говорил этого себе
и оставался.

Нужно родиться в культурном обществе для того, чтобы найти в себе терпение всю жизнь жить среди него и не пожелать уйти куда-нибудь из сферы всех этих тяжелых условностей. Я родился и воспитывался вне этого общества и поэтому не могу принимать его культуру большими дозами без того, чтобы, спустя некоторое время, у меня не появилась необходимость выйти из ее рамок.

В деревне почти так же невыносимо тошно и грустно, как и среди интеллигенции. Всего лучше отправиться в трущобы городов. Лет пять назад я предпринял именно такую прогулку и, расхаживая по святой Руси, попал в Феодосию. В то время там начинали строить мол, и, в надежде заработать немного денег на дорогу, я отправился на место сооружения.

Желая сначала посмотреть на работу как на картину, я взшел на гору и сел там, глядя вниз на бескрайнее, могучее море.

Передо мной развернулась широкая картина труда: весь каменный берег был изрыт, всюду ямы, кучи камня, тачки, бревна и еще какие-то приспособления из бревен, и среди всего этого сновали люди. Они, разорвав гору динамитом, дробили ее кирками, расчищая площадь для линии железной дороги. Они казались маленькими, как черви, на фоне темно-коричневой горы, изуродованной их руками, и, как черви, суетливо копошились среди груд щебня в облаках каменной пыли. Хаос вокруг них, раскаленное небо над ними придавали их суете такой вид, как будто бы они вкапывались в гору, стремясь уйти в недра ее от солнечного зноя.

По ломаной линии досок, набросанных тут и там, медленно двигалась вереница людей, согнувшись над тачками, нагруженными камнем, и навстречу им шла другая с порожними тачками. Среди них расхаживали распорядители в белых кителях с металлическими пуговицами, сверкающими на солнце, как чьи-то желтые холодные глаза.

Море спокойно раскинулось до туманного горизонта и тихо плещет своими прозрачными волнами на берег. Сияя в блеске солнца, оно точно улыбалось добродушной улыбкой Гулливера, сознающего, что, если он захочет, одно движение — и работа лилипутов исчезнет.

Тихо взбегают волны на берег, усеянный толпой людей, созидających каменную преграду, взбегают и поют свою звучную ласковую песню о прошлом, о всем, что в течение веков видели они на бескрайних берегах этой земли.

Семь с половиной месяцев люди мучительно ждали: придет ли один особенный день развязки. И вот этот день наступил. Как обычно, в восемь часов утра под звон судового колокола взвился андреевский флаг. Но сегодня в честь коронавания царя и царицы одновременно заплескались в сыром и порывистом воздухе еще два таких же флага на обеих мачтах. Эти же флаги имели значение боевых.

Настроение экипажа сверх обыкновения было приподнятое. Слышался оживленный говор. Некоторые, забравшись в укромный уголок, играли в шашки, другие читали книги. Страшно было думать о том, что этим людям сегодня предстоит участвовать в сражении, в котором, может быть, многие найдут себе смерть. Они как будто нарочно рисовались друг перед другом своим равнодушием к опасности: слишком уж надоела такая монотонная жизнь. Около восьми месяцев они проплавали в чужих морях, редко съезжая на берег, выполняя непосильные работы, перенося голод, испытывая изнуряющую тропическую жару.

Кроме того, со дня отплытия из Либавы их не переставали пугать нападениями со стороны японцев. Слухи указывали, что они подстерегают их повсюду. В особенности они усилились после Мадагаскара, а еще больше — после аннамских вод. Каждую ночь они проводили в ожидании минных атак. Теперь все это кончилось и приближалась развязка: одним — холодная могила в этих водах, другим — избавление и отдых на родной земле.

В десятом часу слева, впереди по курсу, на расстоянии около шести кабельтовых показалось четыре неприятельских корабля. Один из них был двухтрубный, а остальные — однотрубные. С переднего мостика долго всматривались вдаль, прежде чем определить их названия. Это были броненосцы второго класса, старые, с малым ходом.

На вспомогательном крейсере «Урал» был усовершенствованный аппарат беспроволочного телеграфа, способный принимать и отправлять телеграммы на расстояние до семисот миль. С помощью такого аппарата можно было перебить донесения японских крейсеров, но этим не воспользовались. Чтобы так пренебрегать противником, нужно было иметь большую уверенность в превосходстве своих сил, а этой уверенности ни у кого из нас не было.

Одиночество все сильнее охватывало Карташева. Он бегал от него, а оно его преследовало. Побывал он в театрах, в Эрмитаже, в

Академии художеств, но везде была все та же чужая ему, раздражающая своей непонятной жизнью, незнакомая толпа. В жизни этой толпы были, конечно, и большой интерес, и большое содержание — она кипела, но чем сильнее кипела, тем больше мучился Карташев, единственный между всеми обреченный томиться пустотой и жадной жизни. Иногда, вечером, выгнанный скукой из своей комнаты, он шел по пустынным улицам, и тогда в стихающем шуме точно легче становилось на душе. Он вспоминал мирную налаженную жизнь своего городка, семью, бывлой кружок товарищей, гимназию и интересы, связывавшие их всех в одно. Он с тоской заглядывал в освещенные окна тех домов, которые своими размерами напоминали ему далекую родину. Там, за этими окнами маленьких домиков, жили люди, у них были свои интересы. И он их имел когда-то. Вот сидит в кресле какой-то молодой господин, девушка прошла по комнате, — какая-то счастливая семейная обстановка. Счастливые, они живут и не знают, что есть на свете ужасный зверь — скука, — который бежит по улицам и жадно караулит свои жертвы. Иногда Карташеву вдруг даже страшно делалось от сознания своего одиночества. В этом большом городе было тяжелее, чем в пустыне. Там хоть знаешь, что никого нет, а здесь везде, везде люди, и в то же время никого, в ком был бы какой-нибудь интерес к нему. Заболел он, упали и умри — никто даже не оглянется. И Карташеву хотелось вдруг уложить свои вещи и бежать без оглядки от этого чужого, страшного в своем отчуждении города.

№ 33

Всего, конечно, за недолгий свой отпуск Сергей не мог ни увидеть, ни узнать, — слишком много странного, никак не вязавшегося с ожидаемым, встретило его не только в селе, но еще на ближних подступах к нему, когда он вышел из вагона на станции и, по обыкновению всех завидовцев, не направился прямо домой, а решил заглянуть к тетеньке Анне — на этот раз для того, чтобы получить первую и — он знал — самую обширную и достоверную информацию об односельчанах. Да и время было позднее; вечерние сумерки быстро сгущались, попутного транспорта теперь уже не будет; до Завидова семнадцать верст, не ближний свет, к тому же на руках офицера были два чемодана, отнюдь не до конца опорожненных у брата и сестры. Тетенькина же информация сгодится для того, чтобы, придя в село, не совершить какого-нибудь необдуманного поступка и не обронить какого-либо слова, способного не поврачевать, а,

напротив, расшевелить, растеребить чью-то сильно пораненную душу, — а их на селе окажется немалое число таких-то душ.

Как и в довоенные годы, ни калитка, впускающая во двор, ни двери, ведущие в сумеречь сеней и в светлую горенку с земляным, всегда свежепобеленным полом, не были заперты, потому что хижина тетеньки более чем прежде, в худшую военную и тяжкую послевоенную пору, была для людей домом открытых дверей. Сергей подошел к нему в момент, когда хозяйка, ни капельки, с точки зрения офицера, не изменившаяся за эти шесть с половиной лет, вышла на низенькое, о двух ступенях, подгнившее крылечко, жалобно зароптавшее под ее ногами. Вслед за тетенькой из сеней выкатилась рыжая лохматая собачонка, взъерошила загривок, но, тут же вспомнив, что так на подворье гостей не встречают, уложила вздыбившуюся шерсть на место и приветливо замолочила хвостом.

№ 34

С моря дул влажный холодный ветер, разнося по степи задумчивую мелодию плеска набегавшей на берег волны и шелеста прибрежных кустов. Изредка его порывы приносили с собой сморщенные желтые листья и бросали их в костер, раздувая пламя; окружавшая нас мгла осенней ночи вздрагивала и, пугливо отодвигаясь, открывала на миг слева — безграничную степь, справа — бесконечное море и прямо против меня — фигуру Макара Чудры, старого цыгана.

Не обращая внимания на то, что холодные волны ветра, распахнув чекмень, обнажили его волосатую грудь и безжалостно бьют ее, он полулежал в красивой, сильной позе, лицом ко мне, методически потягивал из своей громадной трубки и, неподвижно уставив глаза куда-то через мою голову, разговаривал со мной, не умолкая и не делая ни одного движения к защите от резких ударов ветра.

— Так ты ходишь? Это хорошо! Ты славную долю выбрал себе, сокол.

Он плюнул в костер и замолчал, снова набивая трубку. Ветер был жалобно и тихо, во тьме ржали кони, из табора плыла нежная и страстная песня-думка. Это пела красавица Нонка, дочь Макара.

Макар выколотил пепел из трубки и снова стал набивать ее. Я закутался плотнее в шинель и лежа смотрел в его старое лицо, черное от загара. Он, сурово и строго качая головой, что-то шептал про себя; седые усы шевелились, и ветер трепал ему волосы на голове. Он был похож на старый дуб, обожженный молнией, но все еще мощный, крепкий и гордый, и ветер все так же носил его шепот по степи.

Макар замолчал и, спрятав в кисет трубку, запахнул на груди чекмень. Накапывал дождь, ветер стал сильнее, море рокотало глухо и сердито. Один за другим к угасающему костру подходили кони и, осмотрев нас большими умными глазами, неподвижно останавливались, окружая нас плотным кольцом.

Мне не хотелось спать. Я смотрел во тьму ночи, и в воздухе перед моими глазами плавала царственно красивая и гордая фигура Радды. Она прижала руку с прядью черных волос к ране на груди, и сквозь ее смуглые тонкие пальцы сочилась капля по капле кровь, падая на землю огненно-красными звездочками.

А за нею по пятам плыл удалой молодец Лойко Зобар; его лицо завесили пряди густых черных кудрей, и из-под них капали частые холодные и крупные слезы...

Усиливался дождь, и море распевало мрачный и торжественный гимн гордой паре красавцев цыган — Лойко Зобару и Радде, дочери старого солдата Данилы. А они оба кружили во тьме ночи плавно и безмолвно, и никак не мог красавец Лойко поравняться с гордой Раддой.

№ 35

Печорин как безумный выскочил на крыльцо, прыгнул на своего Черкеса, которого водили по двору, и пустился во весь дух по дороге в Пятигорск. Он беспощадно погонял измученного коня, который, хрипя и весь в пене, мчал его по каменистой дороге.

Солнце уже спряталось в черной туче, отдыхавшей на гребне западных гор; в ущелье стало темно и сыро. Печорин скакал, задыхаясь от нетерпения. Мысль не застать Веру в Пятигорске молотком ударила ему в сердце. Видеть ее одну минуту, еще одну минуту, проститься, пожать ее руку... Он молил, проклинал, плакал, смеялся. При возможности потерять ее навеки Вера стала для него дороже всего на свете: дороже чести, жизни, счастья... Бог знает, какие странные, какие бешеные замыслы роились в его голове. И между тем он все скакал, погоняя беспощадно. Вдруг Печорин стал замечать, что его конь дышит все тяжелее, он раза два уже споткнулся на ровном месте. Оставалось всего пять верст до той станицы, где он мог пересест на другую лошадь.

Все было бы спасено, если бы у коня достало сил еще на 10 минут. Но вдруг, поднимаясь из небольшого оврага, при выезде из гор, на крутом повороте, он грянул о землю. Печорин проворно соскочил, хотел поднять его — напрасно. Едва слышный стон вырвался

сквозь стиснутые его зубы, через несколько минут он издох. Печорин остался в степи один, потеряв последнюю надежду. Попробовал идти пешком — ноги его подкосились. Изнуренный тревогами дня и бессонницей, он упал на мокрую траву и, как ребенок, заплакал.

И долго он лежал неподвижно и плакал горько, не стараясь удерживать слез и рыданий. Он думал, что грудь его разорвется. Вся его твердость, все хладнокровие исчезли, как дым. Душа обессилела, рассудок замолк.

Когда ночная роса и горный ветер освежили его горячую голову и мысли пришли в обычный порядок, то он понял, что гнаться за погибшим счастьем бесполезно.

Печорин возвратился в Кисловодск, бросился на постель и заснул сном Наполеона при Ватерлоо.

№ 36

Места, по которым они проезжали, не могли назваться живописными. Поля, все поля тянулись вплоть до самого небосклона, то слегка вздымаясь, то опускаясь; кое-где виднелись небольшие леса, и, усеянные редким и низким кустарником, вились овраги, напоминая глазу их собственное изображение на старинных планах екатерининских времен. Попадались и речки с обрытыми берегами, и крошечные пруды с худыми плотинами, и деревеньки с низкими избенками под темными, часто до половины разметанными крышами, и покривившиеся молотильные сарайчики с плетеными из хвороста стенами и зевающими **воротищами** возле опустелых гумен, и церкви, то кирпичные с отвалившеюся кое-где штукатуркою, то деревянные с наклонившимися крестами и разоренными кладбищами.

Сердце Аркадия понемногу сжималось. Как нарочно, мужички **встречались** все обтерханные, на плохих клячонках; как нищие в ломотях, стояли придорожные ракиты с ободранною корой и обломанными ветвями; исхудалые, шершавые, словно обглоданные, коровы жадно щипали траву по канавам. Казалось, они только что вырвались из чьих-то грозных, смертоносных когтей — и, вызванный жалким видом обессиленных животных, среди весеннего красного дня вставал белый призрак безотрадной, бесконечной зимы с ее метелями, морозами и снегами...

«Нет, — подумал Аркадий, — небогатый край этот, не поражает он ни довольством, ни трудолюбием; нельзя, нельзя ему так остаться, преобразования **необходимы**... но как их исполнить, как **приступить?**..»

Так размышлял Аркадий... а пока он размышлял, весна брала

свое. Все кругом золотисто зеленело, все широко и мягко волновалось и лоснилось под тихим дыханием теплого ветерка, все — деревья, кусты и травы; повсюду нескончаемыми, звонкими струйками заливались жаворонки; чибиры то кричали, вися над низменными лугами, то молча перебежали по кочкам; красиво чернея в нежной зелени еще низких яровых хлебов, гуляли грачи. Они пропадали во ржи, уже слегка побелевшей, лишь изредка выказывались их головы в дымчатых ее волнах. Аркадий глядел, глядел, и, понемногу ослабевая, исчезали его размышления... Он сбросил с себя шинель и так весело, таким молоденьким мальчиком посмотрел на отца, что тот опять его обнял.

№ 37

Боевая биография Ушакова действительно незаурядна.

Федор Федорович Ушаков родился в 1745 году. На родине, в Темниковском уезде Тамбовской губернии, от родителей ему досталось наследство: 19 ревизских душ. Помещик он был захудалый, но Россию он любил очень и своими победами прославил ее на морях. Это был самостоятельный адмирал, создатель русской морской тактики. В войнах с турками на Черном море и с французами на Средиземном море одержал ряд блестящих побед.

Крепость на острове Корфу в Средиземном море всегда считалась неприступной. И только перед русскими моряками 20 февраля 1799 года она не могла устоять. Это была одна из самых громких побед русского флота, окончательно утвердившая во всем мире имя Ушакова как великого флотоводца. В тот момент другой великий, но сухопутный, русский полководец, Суворов, действовал в Северной Италии против французов. Узнав о победе Ушакова, он сказал: «Жалею, что при взятии Корфу не был хотя бы мичманом...»

Ушаков был единственным соперником по славе с знаменитым адмиралом Нельсоном... В 1799 году два великих флотоводца встретились в Палермо. Нельсон твердо рассчитывал, что Ушаков расшаркается перед ним и станет покорным орудием в руках Англии, но самоуверенный англичанин обманулся в своих ожиданиях. Случилось другое: от природы умный, самостоятельный, русский адмирал не уронил достоинства России и ревниво оберегал интересы своей родины. Разочарованный Нельсон в письме отзывался об Ушакове, что он держит себя очень высоко и что под его вежливой наружностью скрывается медведь.

В старой России Ушаков не пользовался такой широкой известностью, как Нельсон в Англии. В Англии каждый школьник знает

этого адмирала, а у нас, кроме морских офицеров, мало кто знает о народном герое — Ушакове. Одна или две книги — вот и все, что было написано о нем.

Цари не очень ценили Ушакова: им не нравилась его самостоятельность, поэтому Ушаков не подошел ко двору. Так и вынужден был он, шестидесяти двух лет, полный сил, уйти в отставку и уехать к себе в тамбовскую деревню, где и умер в 1817 году.

№ 38

Я быстро отдернул занесенную ногу и, сквозь едва прозрачный сумрак ночи, увидел далеко под собою огромную равнину. Широкая река огибала ее уходящим от меня полукругом; стальные отблески воды, изредка и смутно мерца, обозначали ее течение. Холм, на котором я находился, спускался вдруг почти отвесным обрывом; его громадные очертания отделялись, чернея, от синеватой воздушной пустоты, и прямо подо мною, в углу, образованном тем обрывом и равниной, возле реки, которая в этом месте стояла неподвижным, темным зеркалом, под самой кручею холма, красным пламенем горели и дымились друг подле дружки два огонька. Вокруг них копошились люди, колебались тени, иногда ярко освещалась передняя половина маленькой кудрявой головы...

Я узнал наконец, куда я зашел. Этот луг славится в наших околотках под названием Бежина Луга... Но вернуться домой не было никакой возможности, особенно в ночную пору: ноги подкашивались подо мной от усталости. Я решился подойти к огонькам и в обществе тех людей, которых принял за гуртовщиков, дожждаться зари. Я благополучно спустился вниз, но не успел выпустить из рук последнюю, ухваченную мною ветку, как вдруг две большие, белые, лохматые собаки со злобным лаем бросились на меня. Детские звонкие голоса раздались вокруг огней; два-три мальчика быстро поднялись с земли. Я откликнулся на их вопросительные крики. Они подбежали ко мне, отозвали тотчас собак, которых особенно поразило появление моей Дианки, и я подошел к ним.

Я ошибся, приняв людей, сидевших вокруг тех огней, за гуртовщиков. Это просто были крестьянские ребяташки из соседней деревни, которые стерегли табун.

№ 39

Я думал, что я должен непременно написать свою повесть, или, лучше сказать, — свою исповедь. Мне это кажется вовсе не потому,

чтобы я находил свою жизнь особенно интересною и назидательною. Совсем нет: истории, подобные моей, по частям встречаются во множестве современных романов — и я, может быть, в значении интереса новизны не расскажу ничего такого нового, чего бы не знал или даже не видал читатель, но я буду рассказывать все это не так, как рассказывается в романах, — и это, мне кажется, может составить некоторый интерес, и даже, пожалуй, новость, и даже назидание.

Я не стану усекать одних и раздувать значение других событий: меня к тому не вынуждает искусственная и неестественная форма романа, требующая закругления фабулы и сосредоточения всего около главного центра. В жизни так не бывает. Жизнь человека идет, как развивающаяся со скалки хартия, и я ее так просто и буду развивать лентою в предлагаемых мною записках. Кроме того, здесь, может быть, представит некоторый интерес, что эти записки писаны человеком, который не будет жить в то время, когда его записки могут быть доступны для чтения. Автор уже теперь стоит выше всех предрассудков или предвзятых задач всяких партий и направлений и ни с кем не хочет заигрывать, а это, надеюсь, встречается не часто. Я начну свою повесть с детства, с самых первых своих воспоминаний: иначе нельзя. Англичане это прекрасно поняли и давно для осязательного изображения характеров и духа человека начинают свои романы с детства героев и героинь. Ребенок есть тот человек в миниатюре, которая все увеличивается.

№ 40

Против города, на северо-западной стороне Нагасакской бухты, среди скалистых взгорьев заросла зеленою деревня, хорошо известная русскому флоту. На одном из холмов возвышалось двухэтажное здание под названием «Гостиница Нева».

От каменной пристани, ступени которой спускались прямо в воду, начинался город европейскими гостиницами и ресторанами. Здесь, на широких улицах, наряду с японцами, наряженными в национальные костюмы-кимоно, встречались англичане, немцы, французы, русские. Слышался разноязычный говор. А дальше, за европейским кварталом, плотно прижались друг к другу японские домики, деревянные, легкие, не больше как в два этажа, причем верхний этаж приспособлен для жилья, нижний — для торговли. Передние стены магазинов на день раздвинуты, и можно, не читая вывесок, видеть, чем в них торгуют: черепаховыми изделиями, узорчатыми

всерами, изящным японским фарфором. Создавалось впечатление, как будто гуляешь не по узким улицам, а в павильоне, и рассматриваешь выставку японской продукции.

На звуки музыки шли иностранные моряки, прибывшие сюда из-за далеких морей и океанов, загорелые, обвеянные ветрами всех географических широт. Особенно разгулялись на радости некоторые русские, как офицеры, так и нижние чины, только что переставшие быть пленниками. Их можно было узнать издали: они пели песни, радовались, словно наступила для них масленая неделя, разъезжали нарикшах.

Меня удивляли японцы: я не встречал опечаленных и угрюмых лиц ни у мужчин, ни у женщин. Казалось, что они всегда жизнерадостны, словно всем им живется отлично и все они довольны и государством, и самими собою, и своим социальным положением. На самом же деле японское население жило в большой бедности, но искусно скрывало это. Точно так же ошибочно было бы предположить, судя по их чрезмерной вежливости, выработанной веками, что они представляют собою самый мирный народ на свете.

№ 41

Я сидел в березовой роще осенью, около половины сентября. С самого утра перепал мелкий дождик, сменяемый по временам теплым солнечным сиянием; была непостоянная погода. Небо то все заволакивалось рыхлыми белыми облаками, то вдруг местами расчищалось на мгновение, и тогда из-за раздвинутых туч показывалась лазурь, ясная и ласковая, как прекрасный глаз. Я сидел, и глядел кругом, и слушал. Листья чуть шумели над моей головой; по одному их шуму можно было узнать, какое тогда стояло время года. То был не веселый, смеющийся трепет весны, не мягкое шушуканье, не долгий говор лета, не робкое и холодное лепетанье поздней осени, а едва слышная, дремотная болтовня. Слабый ветер чуть-чуть тянул по верхушкам. Внутренность рощи, влажной от дождя, беспрестанно изменялась, смотря по тому, светило ли солнце, или закрывалось облаком; она то озарялась вся, словно вдруг в ней все улыбнулось: тонкие стволы не слишком частых берез внезапно принимали нежный отблеск белого шелка, лежавшие на земле мелкие листья вдруг пестрели и загорались червонным золотом, а красивые стебли высоких кудрявых папоротников, уже окрашенных в свой осенний цвет, подобный цвету перспелого винограда, так и сквозили,

бесконечно путаясь и пересекаясь перед глазами; то вдруг опять все крутом слегка синело: яркие краски мгновенно гасли, березы стояли все белые, без блеску, белые, как только что выпавший снег, до которого еще не коснулся холодно играющий луч зимнего солнца; и украдкой, лукаво, начинал сеяться и шептать по лесу мельчайший дождь.

№ 42

Удивительные постройки. Я, когда их увидел, испытал странное чувство: казалось, родившись, я уже знал, что они есть...

В солнечный, хороший день пролетаем над Регистаном. Голубые постройки похожи на корабли, приплывшие неизвестно откуда и ставшие тут среди домиков и суетливых лодок-автомобилей. Матросов давным-давно уже нет, а корабли целы. Странные палубы, трубы, голубая обшивка бортов... Древняя голубая флотилия стоит на площади посреди Самарканда.

Каждый день с утра на этой площади собираются приезжие люди. Не удивляйтесь, если услышите тут разговор по-французски, если гость назовется жителем Лондона, Праги, Ростова, Семипалатинска, Гомеля. Везде живут любопытные люди, для которых минута перед этими приплывшими из веков «кораблями» — одна из радостей жизни.

Регистан (так по-узбекски называется площадь) — первое место, куда направляется приехавший в Самарканд. Отсюда начинают знакомство с удивительным городом.

За площадью в садике — чайхана. Два деревянных столба, изукрашенных резчиком и червоточиной, подпирают крышу древней харчевни. Прямо на улице жарятся шашлыки, в огромном котле закипает шурпа. Синий пахучий дым стелется между деревьями у чайханы. А далее, за коробками новых домов, — древний жилой Самарканд. Дома с плоскими крышами прилипли друг к другу. Кажется, ступи на одну крышу — и пошел, весь город по крышам перебежишь. Улицы извилисты, с тупиками — идешь неизвестно куда.

Минутах в тридцати ходьбы от площади видишь вокруг над деревьями и домами огромный голубой купол. Сразу вспоминаешь когда-то прочитанное: «Если исчезнет небо — купол Гур-и-Эмира заменит его».

Под куполом лежат кости знаменитого Тамерлана, почитавшего Самарканд единственной столицей земли.

Как мне кажется, я пользуюсь уважением между моими товарищами учениками. Конечно, не без того, чтобы на это не оказывал влияние мой, сравнительно с ними, солидный возраст: во всей академии один только Вольский старше меня. Этот Вольский — отставной офицер, господин лет сорока пяти, с совершенно седой головой. Он упорно работает: летом с утра до вечера пишет этюды во всякую погоду, с каким-то самоотвержением; зимою, когда светло, — постоянно пишет, а вечером — рисует. В два года он сделал большие успехи, несмотря на то что судьба не наградила его особенно большим талантом.

Вот Рябинин — другое дело: чертовски талантливая натура, но зато лентяй ужасный. Я не думаю, чтобы из него вышло что-нибудь серьезное, хотя все молодые художники — его поклонники. Особенно мне кажется странным его пристрастие к так называемым реальным сюжетам: пишет лапти, онучи и полушубки, как будто мы на них не насмотрелись в натуре. А что главное, он почти не работает. Иногда засядет и в месяц окончит картину, о которой все кричат как о чуде, находя, впрочем, что техника оставляет желать лучшего (по моему, техника-то у него очень и очень слаба), а потом бросит писать даже этюды, ходит мрачный и ни с кем не разговаривает, даже со мной, хотя, кажется, от меня он удаляется меньше, чем от других товарищей. Странный юноша!

Удивительными кажутся эти люди, не могущие найти полного удовлетворения в искусстве. Не могут они понять, что ничто так не возвышает человека, как творчество.

Сорока вздрогнул. Раздался гулкий протяжный удар, точно тяжелый артиллерийский залп. Где-то рассеялась ледяная громада, сжатая морозом. Отраженное дальними льдами упругое эхо с рокотом далеко покатилося по водяной глади.

На мгновение он как бы очнулся. К удивлению, никак не мог разодрать глаз: они точно слиплись. И, как далекая зарница в глухую полночь, мелькнуло смутное сознание опасности. В воздухе опять повисла мертвая тишина, и прежнее состояние овладело им. Ему надоело поднимать свои отяжелевшие веки. Опять дрема отуманила голову, и несвязные думы, точно легкие тени в лунную ночь, бежали смутной вереницей. Чудилось ему, что ожило мертвое море и тихо дышало бесконечным простором и тонкий пар его дыхания

поднимался к далеким звездам. Казалось, весь мир замолк и та прежняя жизнь потухла, затаилась в этой загадочной пустоте, наполненной биением какой-то другой, незримой жизни. Чудилось, неслышно веет тихий ветер, и звучит смутный, едва уловимый звон, и легкий туман колеблется над морем.

И сквозь морозный туман чудится Сороке: разбегаясь фосфорическим блеском, катятся две светлые волны. И плывет на него, не касаясь воды, полупрозрачная, смутно-неясная лодка. Ледяная глыба дрогнула, зашаталась, взволновала спокойную поверхность; расходясь побежали серебряные круги. Отраженные в колышущейся глади задрожали звезды, запрыгали и расплылись колеблющимся золотом.

Сияя величавой красотой Севера, тихо дремлет над спокойным морем полярная ночь, затканная тонким искристым, морозным туманом. А над нею, сверкая причудливыми переливами, разметалась звездная ткань. Мертвая тишина неподвижно повисла над застывшим морем, и чудится в этой сверкающей, переливчатой красоте безжизненный холод вечной смерти. Мягкий синеватый отсвет озаряет необъятную водную гладь, подернувшуюся тонким водяным слоем, и в морозной дали неподвижно скорчившуюся на одинокой льдине фигуру, опушенную белым инеем.

№ 45

Сад у тетки славился своей запущенностью, соловьями, горлинками и яблоками, а дом — крышей. Стоял он во главе двора, у самого сада, — ветви лип обнимали его, — был невелик и приземист, но казалось, что ему и веку не будет, — так основательно глядел он из-под своей необыкновенно высокой и толстой соломенной крыши, почерневшей и затвердевшей от времени. Мне его передний фасад представлялся всегда живым: точно старое лицо глядит из-под огромной шапки впадинами глаз, — окнами с перламутровыми от дождя и солнца стеклами. А по бокам этих глаз были крыльца, — два старых больших крыльца с колоннами. На фронте их всегда сидели сытые голуби, между тем как тысячи воробьев дождем пересыпались с крыши на крышу... И уютно чувствовал себя гость в этом гнезде под бирюзовым осенним небом!

Войдешь в дом и прежде всего услышишь запах яблок, а потом уже другие: старой мебели красного дерева, сушеного липового цвета, который с июня лежит на окнах... Во всех комнатах — в лакейской, в зале, в гостиной — прохладно и сумрачно: это оттого, что дом окружен садом, а верхние стекла окон цветные: синие и лиловые.

Всюду тишина и чистота, хотя, кажется, кресла, столы с инкрустациями и зеркала в узеньких и витых золотых рамах никогда не трогались с места. И вот слышится покашливание: выходит тетка. Она небольшая, но тоже, как и все кругом, прочная. На плечах у нее накинута большая персидская шаль. Выйдет она важно, но приветливо, и сейчас же под бесконечные разговоры про старину, про наследства начинают появляться угощения: сперва «дули», яблоки — антоновские, «бель-барыня», боровинка, «плодовитка», — а потом удивительный обед: вся насквозь розовая вареная ветчина с горошком, фаршированная курица, индюшка, маринады и красный квас — крепкий и сладкий-пресладкий...

№ 46

Прошло около двух недель. Жизнь в Марьине текла своим порядком: Аркадий сибаритствовал, Базаров работал. Все в доме привыкло к его небрежным манерам, к его немногосложным и отрывочным речам. Фенечка в особенности до того с ним освоилась, что однажды ночью велела разбудить его: с Митей сделались судороги; и он пришел, и, по обыкновению, полушутя, полузевая, просидел у ней часа два, и помог ребенку. Зато Павел Петрович всеми силами души своей возненавидел Базарова: он считал его гордецом, нахалом, циником, плебеем; он подозревал, что Базаров не уважает его, что он едва ли не презирает его — его, Павла Кирсанова! Николай Петрович побаивался молодого «нигилиста» и сомневался в пользе его влияния на Аркадия; но он охотно его слушал, охотно присутствовал при его физических и химических опытах. Базаров привез с собой микроскоп и по целым часам с ним возился. Слуги тоже привязались к нему, хотя он над ними подтрунивал: они чувствовали, что он все-таки свой брат, не барин. Дуняша охотно с ним хихикала и искоса, значительно посматривала на него, пробегая мимо «перепелочкой»; Петр, человек до крайности самолюбивый и глупый, вечно с напряженными морщинами на лбу, человек, которого все достоинство состояло в том, что он глядел учтиво, читал по складам и часто чистил щеточкой свой сюртучок, — и тот ухмылялся и светлел, как только Базаров обращал на него внимание; дворовые мальчишки бегали за «дохтуром», как собачонки. Один старик Прокофий не любил его, с угрюмым видом подавал ему за столом кушанья, называл его «живодером» и «прощелыгой» и уверял, что он со своими бакенбардами — настоящая свинья в кусте. Прокофий, по-своему, был аристократ не хуже Павла Петровича.

День начинает заметно бледнеть. Лица людей принимают странный оттенок, тени человеческих фигур лежат на земле бледные, неясные. Пароход, идущий вниз, проплывает каким-то призраком. Его очертания стали легче, потеряли определенность красок. Количество света, видимо, убывает; но так как нет сгущенных теней вечера, нет игры отраженного на низших слоях атмосферы света, то эти сумерки кажутся необычны и странны. Пейзаж будто расплывается в чем-то; трава теряет зелень, горы как бы лишаются своей тяжести.

Однако, пока остается тонкий серповидный ободок солнца, все еще царит впечатление сильно побледневшего дня, и мне казалось, что рассказы о темноте во время затмений преувеличены. «Неужели, — думалось мне, — эта остающаяся еще ничтожная искорка солнца, горящая, как последняя, забытая свечка в огромном мире, так много значит?.. Неужели, когда она потухнет, вдруг должна наступить ночь?»

Но вот эта искра исчезла. Она как-то порывисто, будто вырвавшись с усилием из-за темной заслонки, сверкнула еще золотым брызгом и погасла. И вместе с этим пролилась на землю густая тьма. Я уловил мгновение, когда среди сумрака набежала полная тень. Она появилась на юге и, точно громадное покрывало, быстро пролетела по горам, по реке, по полям, обмахнув все небесное пространство, укутала нас и в одно мгновение сомкнулась на севере. Я стоял теперь внизу, на береговой отмели, и оглянулся на толпу. В ней царило гробовое молчание. Даже немец смолк, и только метроном отбивал металлические удары. Фигуры людей сливались в одну темную массу, а огни пожарища на той стороне опять приобрели прежнюю яркость. . .

За поворотом протоки показался город. В нем зажигались огни. Возле порта, за причалом, в скоротечных сумерках чуть виднелись привязанные к столбам самолеты, будто лошади у стойл. Один маленький самолет был оранжевого цвета и угольком светился на снегу.

По мере того как разгорались огни в городе, затухал уголек-самолетик на снегу и пестрая «колбаса», качающаяся на мачте над зданием авиагидропорта, погружалась в небо, в сумерки.

Издали город, прилепившийся на правом берегу протоки, почти в устье ее, казался разбросанным, дома в нем разбрелись куда попало:

где густо, где пусто, будто с самолета горстями раскидывали дома по лесотундре. Но вот зажглись огни повсюду, домов не стало видно, и все приобрело порядок. Огни городские всегда что-нибудь прячут, скрывают собой. Почти сливаясь в сплошную цепь, окаймляют пятна огней лесобиржу. В середине ее, возле штабелей, уже редко и нехотя помигивают полуслепые лампочки. Ближе к Старому городу, у проходных, гудят непрерывным гулом лесовозы. Возле них огней больше. В Новом городе еще один квадрат — самый светлый — каток. На окраине уже квадрат не квадрат, а кривая дуга из лампочек, вытянутая вдоль берега, — нефтебаза.

Город заключен в огни. Люди живут и работают, высвеченные со всех сторон, а за ними темнота без конца и края. Верстах в девяности от города, в сторону севера, лес исчезает совсем. Там тундра. Там ночь светлее от снегов, не затененных лесами и жильем. Ночь беспредельная и беспокойная от позарей.

№ 49

Наверху грохотали тяжелые башенные орудия, и от выстрелов содрогался воздух. По-видимому, бой разгорался во всю мощь, решая участь одной из воюющих сторон.

Внизу, в самом операционном пункте было тихо. Ярко горели электрические лампочки. Нарядившись в белые халаты, торжественно, словно на смотре, стояли врачи, фельдшеры, санитары, ожидая жертв войны. Около выходной двери, в сторонке от нее, сидел на табуретке инженер Васильев, вытянув недолеченную ногу и держа в руках костыли. Он поглядывал на стоявшего поодаль священника, словно любясь его одеянием, переливающимся золотом и малиновыми оттенками, его огненно-рыжей бородой, окаймлявшей рыхлое и бледное лицо. В беспечной позе, заложив руки назад, стоял Добровольский. Младший врач Авроров, небольшого роста полнеющий блондин, скрестив руки на груди и склонив голову, о чем-то задумался. Быть может, в мыслях, далеких от этого помещения, он где-то беседует с дорогими для него лицами. Рядом с ним, пощипывая рукой каштановую бородку, стоял старший врач Макаров, высокий, худой, с удлинненным матовым лицом. И хотя давно все было приготовлено для приема раненых, он привычным взором окидывал свое владение: шкафы со стеклянными полками, большие и малые банки с разными лекарствами и растворами, раскрытые никелированные коробки со стерилизованным перевязочным материалом, набор хирургических инструментов. Все было на месте: морфий,

камфара, эфир, мазь от ожогов, иглы с шелком, положенные в раствор карболовой кислоты, волосяные кисточки, горячая вода, тазы с мылом и щеткой для мытья рук, эмалированные ведра, — как будто все эти предметы выставлены для продажи и вот-вот нахлынут покупатели.

Люди молчали, но у всех, несмотря на разницу в выражении лиц, в глубине души было одно и то же — напряженное ожидание чего-то страшного. Однако ничего страшного не было. Отсвечивая электричеством, блестели белизной стены и потолок помещения. Слева, если взглянуть от двери, стоял операционный стол, накрытый чистой простыней. Я смотрел на него и думал, кто же первый будет корчиться на нем в болезненных судорогах?

Освежая воздух, гудели около борта вентиляторы, гудели настойчиво и монотонно, словно шмели.

Мы почувствовали, что в броненосец попали снаряды — один, другой. Все переглянулись, но раненые не появлялись.

№ 50

Ярмарка, раскинувшаяся по выгону на целую версту, была, как всегда, шумна, бестолкова. Стоял нестройный гомон, ржание лошадей, трели детских свистулек, марши и польки гремящих на каруселях оркестрионов. Говорливая толпа мужиков и баб валом валила с утра до вечера по пыльным, унавоженным переулкам между телегами и палатками, лошадьми и коровами, балаганами и съестными, откуда несло вонючим чадом сальных жаровен. Как всегда, была пропасть барышников, придававших страшный азарт всем спорам и сделкам; бесконечными вереницами, с гнусавыми напевами тянулись слепые и убогие, нищие и калеки, на костылях и в тележках; медленно двигалась среди толпы гремящая бубенчиками тройка исправников, сдерживаемая кучером в плисовой безрукавке и в шапочке с павлиньими перьями... Покупателей у Тихона Ильича было много. Подходили сизые цыгане, рыжие польские евреи в парусиновых балахонах и сбитых сапогах, загорелые мелкопоместные дворяне в поддевках и картузах; подходил красавец гусар князь Бахтин с женой в английском костюме, дряхлый севастопольский герой Хвостов — высокий и костистый, с удивительно крупными чертами темного морщинистого лица, в длинном мундире и обвислых штанах, в сапогах с широкими носками и в большом картузе с желтым околышем, из-под которого были начесаны на виски крашеные волосы мертвого бурого цвета... Бахтин откидывался назад, глядя на лошадь,

Тихо. Только над валежником стрекочет синекрылая сойка. Синими и зеленоватыми искрами блестит снег, словно усыпанный алмазной пылью; от белизны и света, разлитого вокруг, больно глазам.

Вдруг слышу хриплое рычание, хруст сучков. В валежнике на мгновение мелькнуло что-то мохнатое, раздался выстрел. Содрогнувшись, далеким эхом откликнулся лес.

Я выпалил вдогонку медведю, и снова страшный рев, смешанный с яростным лаем, всколыхнул утреннюю тишину. Вижу: убегает от нас зверь, подкидывая кургузый зад, словно кувыркась. Он глубоко проваливается в снег, а Пыж, длинноухий пес, преследуя, мечется около него по насту, точно по гладкой дороге.

Медведь не останавливается, уходит. Вот он повернул в сторону. Савелий помчался наперерез. Забыв об опасности, он с близкого расстояния метнул в него рогатину...

Рывкнув, медведь повернулся, на мгновение замер, ошетинив темно-бурую шерсть, дико озираясь, словно ослепленный ярким солнцем. И вдруг, точно поняв, кто главный враг его, стремительно понесся на Савелия. Старый охотник спрыгнул с лыж и, утвердившись в снегу, ждал, крепко держа рогатину. Медведь быстро приближался, мотая головой, иступленно рычал, потрясая лес. Остался еще один прыжок, но он поднялся на дыбы, огромный, страшный в гневе. Тяжелые передние лапы, выпустив когти, судорожно тянулись к охотнику, готовые схватить его. И еще сильнее, еще оглушительнее, вызывая грохочущее эхо, покатылся по дремучему лесу рев, полный яростной злобы и предсмертной тоски. Медведь наступал, шагая на задних лапах, охотник, немного согнувшись, твердо стоял на месте, выжидая удобного момента для удара — оба черные, лохматые, похожие друг на друга. А когда в грудь медведя вонзилась острая рогатина, он сильным ударом лапы сломал ручку ее и, обрушившись своим грузным телом на упавшего охотника, начал беспощадно рвать его зубами и когтями, переворачивая человеческое тело, точно игрушку. Пыж, заступаясь за хозяина, с яростью набрасывался на зверя. Казалось, все трое, барахтаясь в снегу, обезумели, издавая крик, лай, рычание, наводняя лес диким гулом.

Быстро зарядив ружье, я прицелился в голову медведя. Грянул

выстрел. Когда дым рассеялся, медведь был уже мертв. Савелий лежал на снегу, привалившись головой к еще теплой спине медведя, бормотал, точно пьяный, блуждая глазами: «Вот оно что... Небо-то какое красное... в кругах». Пыж, задыхаясь от усталости, лизал ему лицо и руки.

По-прежнему было тихо. Сияло бледно-голубое небо, ярко горело солнце, разливаясь блеском по чистому снегу, а лес, обласканный ясным днем, зачарованно молчал, сверкая белым нарядом инея, точно распустившимися цветами. Вокруг было радостно, светло, словно ничего не случилось. И только Пыж, оставшись около хозяина, протяжно выл, оплакивая старого охотника.

№ 54

Был знойный летний день 1892 года.

В высокой синеве тянулись причудливые клочья рыхлого белого тумана. В зените они неизменно замедляли ход и тихо таяли, как бы умирая от знойной истомы в раскаленном воздухе. Между тем кругом над чертой горизонта толпились, громоздясь друг на друга, кудрявые облака, а кое-где пали как будто синие полосы отдаленных дождей. Но они стояли недолго, сквозили, исчезали, чтобы пасть где-нибудь в другом месте и так же быстро исчезнуть...

Казалось, у облачного неба не хватало решимости и силы, чтобы пролиться на землю... Тучи набирались, надувались, тихо разрывались и охватывали кольцом равнину, на которой зной царил все-таки во всей томительной силе; а солнце, начавшее склоняться к горизонту, пронизывало косыми лучами всю эту причудливую мгlistую панораму, усиливая в ней смену света и теней, придавая какую-то фантастическую жизнь молчаливому движению в горячем небе... Во всем чувствовалось ожидание, напряжение, какие-то приготовления, какая-то тяжелая борьба. Туманная рать темнела и сгущалась внизу, выделяя легкие белые облачка, которые быстро неслись к середине неба и неизменно сгорали в зените, а земля все ждала дождя и влаги, ждала томительно и напрасно...

По тракту лениво прозвонил колокольчик и смолк. Потом неожиданно заболтался сильнее, и с холма меж рядами старых берез покатился в клубке белой пыли тарантас с порыжелым кожаным верхом, запряженный тройкой почтовых лошадей. Вокруг тарантаса моталась плотная пыль, лошадей густо облепили слепни и овода, увязавшиеся за ними от самой станции. От станции же путников сопровождал печальный и сухой шелест усыхающих нив.

Это было ранней весной. Мы ехали вторые сутки. В вагон входили и выходили едущие на короткие расстояния, но трое ехало, так же как и я, с самого места отхода поезда: некрасивая и немолодая дама, курящая, с измученным лицом, в полумужском пальто и шапочке, ее знакомый, разговорчивый человек лет сорока, с аккуратными новыми вещами, и еще державшийся особняком небольшого роста господин с порывистыми движениями, еще не старый, но с очевидно преждевременно поседевшими курчавыми волосами и с необыкновенно блестящими глазами, быстро перебегавшими с предмета на предмет. Он был одет в старое от дорогого портного пальто с барашковым воротником и высокую барашковую шапку. Под пальто, когда он расстегивался, видна была поддевка и русская вышитая рубаха. Особенность этого господина состояла еще в том, что он изредка издавал странные звуки, похожие на откашливание или на начатый и оборванный смех.

Господин этот во все время путешествия старательно избегал общения и знакомства с пассажирами. На заговариванья соседей он отвечал коротко и резко, или читал, или, глядя в окно, курил, или, достав провизию из своего старого мешка, пил чай, или закусывал.

Мне казалось, что он тяготится своим одиночеством, и я несколько раз хотел заговорить с ним, но всякий раз, когда глаза наши встречались, что случалось часто, так как мы сидели наискосок друг против друга, он отворачивался и брался за книгу или смотрел в окно.

Во время остановки, перед вечером второго дня, на большой станции нервный господин этот сходил за горячей водой и заварил себе чай.

Я с жадностью всматривался в жизнь города, а мои мысли всецело были заняты одной японкой.

Находясь в лагерях для пленных, я сдружился с японским переводчиком. Он великолепно говорил по-русски и очень любил нашу литературу. Мы иногда часами разговаривали о произведениях русских классиков и современных писателей. Это и сблизило нас. Он стал приглашать меня в город к себе на квартиру. У него была сестра, девушка двадцати лет, маленькая, статная, с матово-нежным лицом и загадочным взглядом черных лучистых глаз. Любовь не считается ни с расовым различием, ни с войной; она развивается по своим собственным законам. Девушка, встречаясь со мной, сначала

настораживалась, как птица при виде приближающегося охотника, но после нескольких свиданий у нас началось взаимное тяготение друг к другу- Я разговаривал с нею при помощи ее брата. А когда выяснилось, что она немного говорит по-английски, я взялся за изучение этого языка. Первые слова и фразы, усвоенные мною, были, конечно, приветственные и, конечно, о любви. Но иногда, разгораясь и желая выразить свои чувства полнее, я говорил ей по-русски: «О, милая!»

Я подбирал для нее самые поэтические слова, какие только знал. Она, конечно, не понимала их смысла. Она только улыбалась маленьким ртом, откинув назад черноволосую голову.

Брат не препятствовал нашей любви. И когда я ему сообщил, что хочу жениться на его сестре, он согласился и на это. Может быть, тут сыграло роль то обстоятельство, что она была сиротой. В Россию мне, как политическому преступнику, нельзя было возвращаться. При помощи эмигранта-народовольца, приехавшего в Японию специально для того, чтобы снабжать пленных революционной литературой, я хотел вместе с ней уехать в Америку. Там я поступлю матросом на коммерческий корабль и буду наезжать в Россию как американский гражданин, и снова мне будет доступна родина для политической работы. Так рисовалось будущее, а молодость, опьяненная иллюзией счастья, не рассуждает о преградах, пока не ударится лбом о каменную стену.

№ 57

На реке Лефе

После недолгого, но длительного отдыха мы сели в лодку — длинный плоскодонный челнок, настолько легкий, что один человек может без труда вытащить его на берег, — и поплыли дальше. Кое-где розовел туман, и теневые склоны гор покрылись мягкими светло-фиолетовыми тонами. Около железнодорожного моста, куда мы прибыли вовремя, горы кончились.

Я вышел из лодки и поднялся на сопку, расположенную вблизи нас, чтобы в последний раз отсюда, сверху, осмотреться в стороны. Красивая панорама развернулась перед моими глазами: сзади, на востоке, толпились горы; на юге были пологие холмы, поросшие лиственным редколесьем; на севере, насколько хватал глаз, расстилось низменное пространство, бесконечное, однообразное, покрытое травой. Сколько я ни напрягал зрение, сколько ни всматривался

вдаль, я не мог увидеть конца этой низины. Она уходила куда-то и скрывалась где-то за горизонтом. Порой по ней пробегал ветер, и трава колыбалась и волновалась, как море. Кое-где группами и в одиночку росли чахлые березки, жалкие и унылые, и другие какие-то деревья, скорее, похожие на кустарник.

С горы, на которой я стоял, реку Лефу далеко можно было проследить по ольшаникам и ивнякам, растущим по ее берегам в изобилии. Вначале она сохраняет свое северо-восточное направление, но, не доходя до сопок, чуть-чуть видневшихся на западе километрах в восьми, поворачивает на север и, немного склоняясь к востоку, течет дальше, теряясь у горизонта.

Бессчетное количество протоков, слепые рукава, заводи и озера, самой причудливой формы, — все это окаймляет ее с обеих сторон, украшая чересчур однообразный, вызывающий тоскливое чувство ландшафт. Низина эта казалась всем, кому приходилось побывать здесь, безжизненной и пустынной, а между тем не было ни одного озера, ни одной заводи, ни одного протока, где не ночевали бы стаи лебедей, гусей, уток и другой водяной птицы.

Долина реки Лефы в дождливый период года легко затопляется водой, о чем свидетельствовали лужи, ярко блестящие на солнце в разных местах.

Я смотрел на воду и видел, как в ней отражалось солнце, и казалось, будто светят два солнца: одно сверху, а другое откуда-то снизу.

№ 58

У Андрейки нет ни отца, ни матери. Сколько он помнит себя, он живет в белой хатке, под большой вербой, с дедом Агафоном. Возле хаты с одной стороны белеет береговой песок и синее море, а с другой, насколько глаз хватает, тянется безлесная, голая, сожженная, покрытая высохшим бурьяном степь, размытая оврагами и балками.

Еще в два часа ночи, когда только стали бледнеть звезды, Андрейка отчалил с дедом от берега. Когда рассвело и по воде, и по морю побежали мокрые полосы, а спокойное, гладкое море открылось до самых краев, ветер упал. Пришлось взяться за весла. Сначала работа у него шла легко и свободно, но прошел час, другой, и он стал уставать. Каждый раз, как он откидывался назад и весла с плеском проходили в прозрачной, игравшей розовым отблеском воде, ему казалось, что он уже больше не в состоянии разогнуться, до того ныла поясница и ломило руки, но он снова и снова закидывал весла,

и лодка ползла, как черепаха. Наконец дед, все время молча сидевший на корме, проговорил: «Хватит, Андрейка».

Обрадованный Андрейка торопливо пробрался по качавшейся лодке на корму, а дед сел за весла и стал грести молча и упорно. Андрейка, правя рулем, глядел на разбегавшиеся из-под весел длинные водяные жгуты, на мерно откидывавшуюся фигуру деда и отирал свое мокрое, вспотевшее лицо, с наслаждением предаваясь отдыху.

Солнце подымалось все выше и выше, и зной, неподвижный, слепящий, стоял над морем, в истоме раскинувшийся под горячим небом. Андрейка, разморенный жаром, от скуки и однообразия разговаривал с рыбами, которых он вытаскивал из сети. Андрейка вытаскивал и с трудом поднимал вверх обеими руками большую рыбу. Не успел дед раскрыть рта, как сазан, очутившийся на воздухе и замерший от изумления, вдруг рванулся изо всех сил, выскользнул, плюхнулся в воду, блеснул хвостом — и был таков.

Тогда-то и раздались над морем отчаянные крики Андрейки, потому что дед молча, не говоря ни слова, поднялся, взял просмоленную веревку, сложил ее вчетверо и жестоко наказал мальчика.

№ 59

В лесу зимой

В начале марта, после нескольких дней оттепели, снова ударил мороз, образовав наст, крепкий и гладкий, как стекло. В обед мы отправились на охоту, а к вечеру уже далеко забрались в глушь дремучего леса, легко прокатившись на лыжах верст пятнадцать. Нас было трое: Савелий, старый охотник, толстый и круглый, как улей, с походкой, точно он к кому-то крадется; Пыж, длинноухий его пес, понимающий по части охоты не хуже своего хозяина, и я, в то время еще подросток. Все наше оружие состояло из двух простых одностволок, двух топоров и отточенной рогатины. Выбрали место для ночевки под большими лохматыми елями, точно под шатром, и стали снимать с себя все лишнее.

— Не замерзнем? — спросил я.

Воткнув топор в дерево, Савелий повернул ко мне свое обветренное лицо с вывороченными ноздрями, заросшее черной лохматой бородой, хмуро посмотрел на меня из-под шершавых бровей и прохрипел точно про себя:

— Будем спать как на печке.

Кругом ни одного живого звука. Только дует ветер, шумит лес,

загадочно качая **высокими** вершинами, и скрипит, словно стонет от боли, подгнившая сосна. В сгущающихся сумерках, кружась, точно гоняясь друг за другом, реют снежинки.

Пыж, набегавшись, исследовав все вокруг, обнюхав все деревья, уселся на задние лапы и, помахивая хвостом, смотрит, как я развожу огонь.

Вспыхнув, быстро разгорается береста, свертываясь в трубку, давая копоть, пахнущую дегтем. Затрещали сухие сучки: огонь, перебегая от одного к другому, ласково лижет их острыми длинными языками. Над костром вьется, кудрявясь, сизый дым, он становится все гуще, ширится, вырастая в волнующиеся клубы. Через минуту, пробившись сквозь толщу наложенных дров, высоко поднялось пламя и весело пылает, раздвигая навалившуюся тьму, щедро разбрасывая вверх золото искр. Словно испуганные, заметались вокруг тени, населяя лес привидениями.

Ветер налетает все реже и реже, а снеговые тучи, сплошь закрывшие было небо, разрываются на части, и между ними, из глубоких темно-синих озер, кротко мерцают хороводы звезд. Лес замолк, и в зареве пылающего костра он кажется волшебнo-призрачным, будничным **уснувшим** мечты о чем-то далеком. Из котелка, установленного на раскаленных углях, словно на червонцах, бьет пар, разнося приятный запах супа. Тепло около огня, приятно.

№ 60

На тяге

За четверть часа до захождения солнца, весной, вы входите в рошу, с ружьем, без собаки. Вы отыскиваете себе место где-нибудь подле опушки, **оглядываетесь**, осматриваете пистон, перемигиваетесь с товарищем. Четверть часа прошло. Солнце село, но в лесу еще светло; воздух чист и прозрачен; птицы болтливо лепечут; молодая трава блестит веселым блеском **изумруда**... вы ждете. Внутренность леса постепенно темнеет; алый свет **вечерней** зари **медленно** скользит по корням и по стволам деревьев, поднимается все выше и выше, **переходит** от нижних, почти **еще** голых веток, к неподвижным, засыпающим верхушкам... Вот и самые верхушки потускнели; румяное небо синее. Птицы засыпают — не все вдруг — по породам: вот затихли зяблики, через несколько мгновений малиновки, за ними овсянки. В лесу все **темней** и темней. Деревья сливаются в большие, чернеющие массы; на синем небе робко выступают первые

звездочки. Все птицы спят. Горихвостки, маленькие дятлы одни еще сонливо посвистывают. Вот и они умолкли. Еще раз прозвенел над вами звонкий голос пеночки; где-то печально прокричала иволга, соловей шелкнул в первый раз. Сердце ваше томится ожиданием, и вдруг — но одни охотники поймут меня, — вдруг в глубокой тишине раздается особого рода карканье и шипенье, слышится мерный взмах проворных крыл, и вальдшнеп, красиво наклонив свой длинный нос, плавно вылетает из-за темной березы навстречу вашему выстрелу.

Вот что значит «стоять на тяге».

Итак, мы с Еролаем отправились на тягу.

...Вообразите себе человека лет сорока пяти, высокого, худого, с длинным и тонким носом, узким лбом, серыми глазами, взъерошенными волосами и широкими, насмешливыми губами... Этот человек к кушаку привязывал два мешка, один спереди, искусно перекрученный на две половины, для пороха и для дробы, другой сзади — для дичи. Была у него легавая собака, по прозвищу Валетка... Этого-то человека я взял себе в охотники, и с ним-то я отправился на тягу.

№ 61

На корабле отбили две склянки. Гул судового колокола не успел еще замереть, как раздалась знакомая, тысячу раз мною слышанная мелодия утренней побудки. Это на верхней палубе играл горнист. Его щеки неестественно вздувались, когда он выводил длинные мажорные звуки сигнала. Сейчас же на палубах залились дудки капралов и старшин, слышались окрики: «Вставай! Койки вязать!»

Те, что спали, на этот раз торопливо вскакивали со своих мест, быстро бежали к умывальникам, чтобы наскоро освежиться холодной забортной водой. Утро проходило как обычно: завтракали, убрали палубы и другие помещения.

Дул зюйд-вест на четыре балла. Над волнующим морем расстилалась серая мгла. Медленно поднималось багровое солнце, словно распухшее от напряжения.

Эскадра, разделенная на две колонны, шла девятиузловым ходом, направляясь в Цусимский пролив. Строй ее был тот же, что и накануне. Первую колонну возглавлял броненосец «Суворов» под флагом вице-адмирала Рождественского, левую — броненосец «Николай I».

В начале шестого сигнальщики заметили справа пароход, быстро сближавшийся с нашим. Подойдя ближе, он лег на параллельный

курс, но так шел он лишь несколько минут и, повернув направо, скрылся в утренней мгле. Флага его не могли опознать, но своим поведением он сразу наводил на подозрение — несомненно, это был японский разведчик. Надо было бы немедленно послать ему вдогонку два крейсера. Потопили бы они его или нет, но по крайней мере выяснили бы чрезвычайно важный вопрос: открыты мы противником или все **еще** находимся в неизвестности? А в соответствии с этим должна была определиться и линия поведения эскадры.

Около семи часов с правой стороны, дымя двумя трубами, показался еще **один** корабль, шедший сближающимся курсом. Когда расстояние до него уменьшилось, то в нем опознали легкий неприятельский крейсер. Целый час он шел с нами одним курсом, как бы дразня нас. Конечно, не напрасно он оставался у нас на виду. Это сказывалось на нашей радиостанции, нервно воспринимавшей непонятный для нас текст. То были донесения генералу Того, известившие **его**, из каких судов состоит наша эскадра и каким курсом идем. Адмирал Рождественский приказал судам правой колонны навести орудия правого борта и кормовых башен на неприятельский корабль. Но тем только и ограничились, что взяли его на прицел, а наши быстроходные крейсера и на этот раз ничего не предприняли.

№ 62

У костра, вытаращив испуганные глазенки, держась одной рукой за кнут, а другую, в болтающемся рукаве, приподняв, точно защищаясь, стоял худенький черноголовый мальчишка — в лаптях, в изорванных штанишках, в длинном не по росту пиджаке, обернутом вокруг тела и подпоясанном пенькой. Метелица свирепо осадил жеребца перед самым носом **мальчишки**, едва не задавив его, и хотел уже крикнуть ему что-то повелительное и грубое, как вдруг увидел перед собой эти испуганные глаза над болтающимся рукавом, штанишки с просвечивающимися голыми коленками и этот убогий, с хозяйского плеча, пиджак, из которого так виновато и жалко смотрела тонкая и смешная детская **шея**...

— Чего ты стоишь? Испугался? — смутившись, заговорил Метелица невольно с той ласковой грубостью, с которой никогда не говорил с людьми, а только с лошадьми.

— А если бы задавил тебя? Ах, вот дурак-то тоже! — повторил он, размягчаясь вовсе, чувствуя, как при виде этого мальчишки и всей этой убогости пробуждается в нем что-то такое же **жалкое**, смешное, **детское**...

Парнишка смущенно, недоверчиво шмыгнул носом, но, поняв, что страшного ничего *нет*, а все, наоборот, выходит ужасно весело, сморщился так, что нос его вздернулся кверху, и тоже — совсем по-детски — залился озорно и тоненько. От неожиданности Метелица прыснул еще громче, и оба, невольно подзадоривая друг друга, хохотали так несколько минут: один — раскачиваясь на седле взад и вперед, поблескивая огненными от костра зубами, а другой — упершись в землю ладонями и откидываясь назад всем телом при каждом новом взрыве.

Парнишка, перестав смеяться, смотрел на него с серьезным и радостным изумлением, как будто ждал от него еще самых неожиданных чудачеств.

— И веселый же ты, дьявол, — выговорил он наконец раздельно и четко, словно подвел окончательный итог своим убеждениям.

Парнишка разломил картофелину, подул на нее, сунул в рот половину вместе с кожурой, повернул на языке и с аппетитом стал жевать, пошевеливая острыми ушками. Прожевав, он посмотрел на Метелицу и так же раздельно и четко, как раньше определил его веселым человеком, сказал:

— Сирота я, полгода уж как сирота.

№ 63

Я ехал на перекладных из Тифлиса. Вся поклажа моей тележки состояла из одного небольшого чемодана, который до половины был набит путевыми записками о Грузии. Большая часть из них, к счастью для вас, потеряна, а чемодан с остальными вещами, к счастью для меня, остался цел.

Уж солнце начинало прятаться за снеговой хребет, когда я въехал в *Койшаурскую* долину. *Осетин-извозчик* неумоимо погонял лошадей, чтоб успеть до ночи взобраться на гору, и во все горло распевал песни. Славное место эта долина! Со всех сторон горы неприступные, красноватые скалы, обвешанные зеленым плющом и увенчанные купами чинар, желтые обрывы, исчерченные промоинами, а там высоко-высоко золотая бахрома снегов, а внизу Арагва, обнявшись с другой безымянной речкой, шумно *вырывающейся* из черного, полного мглою ущелья, тянется серебряной нитью и сверкает, как змея своею чешуею.

Подъехав к подножью *Койшаурской* горы, мы остановились. Тут толпилось шумно десятка два грузин и горцев; поблизости караван верблюдов остановился для ночлега. Я должен был *нанять* быков,

чтоб втащить мою тележку на эту проклятую гору, потому что была уже осень и гололедица.

За моею тележкой четверка быков тащила другую как ни в чем не бывало, несмотря на то что она была доверху **накладена**. Это обстоятельство меня удивило. За нею шел ее хозяин, покуривая из маленькой кабардинской трубочки, отделанной серебром. На нем был офицерский сюртук без эполет и черкесская мохнатая шапка. Он казался лет пятидесяти; смуглый цвет лица его показывал, что оно давно знакомо с закавказским солнцем, и преждевременные поседевшие усы не соответствовали его твердой походке и бодрому виду. Я подошел к нему и поклонился; он молча отвечал мне на поклон.

До станции оставалось еще с версту. Кругом было тихо, так тихо, что по жужжанию комара можно было следить за его полетом. Налево чернело глубокое ущелье; за ним и впереди нас темно-синие вершины гор, изрытые морщинами, покрытые слоями снега, рисовались на бледном небосклоне, еще сохранявшем последний **отблеск** зари. На темном небе начинали мелькать звезды, и странно, мне показалось, что они гораздо выше, чем у нас на севере. По обеим сторонам дороги торчали голые, черные камни; кое-где из-под снега выглядывали кустарники, но ни один сухой листок не шевелился.

— Завтра будет славная погода! — сказал я.

Штабс-капитан не отвечал ни слова и указал мне **пальцем** на высокую гору, поднимавшуюся прямо против нас.

№ 64

Я ушел далеко за город. По краям дороги, за развесистыми ветлами, волновалась рожь, и тихо трещали перепела; звезды теплились в голубом небе.

В такие ночи, как эта, мой разум замолкает, и мне начинает казаться, что у природы есть своя единая жизнь, тайная и неуловимая; что за изменяющимися звуками и красками стоит какая-то вечная, неизменная и до отчаяния непонятная красота. Я чувствую — эта красота недоступна мне, я не способен воспринять ее во всей целостности. И то немногое, что она мне дает, заставляет только мучиться по остальному.

Справа, над светлым морем ржи, темнел вековой сад барской усадьбы. Над рожью слышалось как будто чье-то широкое, сдержанное дыхание; в темной дали чудилась то песня, то всплеск воды, то слабый стон. Теплый воздух тихо струился, звезды мигали, как живые. Все дышало глубоким спокойствием, каждый колебавшийся

колосок, каждый звук как будто чувствовал себя на месте, и только я стоял перед этой ночью, одинокий и чуждый всему.

Меня потянуло в темную чашу лип. Из людей я там никого не встречаю: это усадьба старухи помещицы Ярцевой, и с нею живет только ее сын-студент. Он застенчив и молчалив, но ему редко приходится сидеть дома. Говорят, он замечательно играет на скрипке, и его московский учитель-профессор сулит ему великую будущность.

Я прошел по меже к саду, перебрался через заросшую крапивою канаву и покосившийся плетень. В траве, за стволами лип, слышался смутный шорох и движения. И тут везде была какая-то тайная и своя, особая жизнь.

Усталый, с накипавшим в душе глухим раздражением, я присел на скамейку. Вдруг где-то недалеко за мной раздались звуки настроиваемой скрипки. Я с удивлением оглянулся: за кустами акаций белел небольшой флигель, и звуки неслись из его раскрытых настежь, неосвещенных окон. Значит, молодой Ярцев дома... Музыкант стал играть. Я поднялся, чтобы уйти: грубым оскорблением окружающему казались мне эти искусственные человеческие звуки.

Странная это была музыка, и сразу чувствовалась импровизация. Но что это была за импровизация! Звуки лились робко, неуверенно. Они словно искали чего-то, словно силились выразить что-то. Не самую мелодией приковывали они к себе, — ее, в строгом смысле, даже и не было, — а именно этим томлением по чему-то другому, что невольно ждалось впереди. Вот-вот, казалось, будет схвачена тема. Но проходила минута, и струны начинали звенеть сдерживаемыми рыданиями: намек остался непонятым.

С новым и странным чувством я огляделся вокруг. Та же ночь стояла передо мною в своей прежней загадочной красоте. Но я смотрел на нее уже другими глазами: все окружавшее было для меня теперь лишь прекрасным, беззвучным аккомпанементом к тем бо- ровшимся, страдающим звукам.

№ 65

Легко вообразить, какое впечатление Алексей должен был произвести в кругу наших барышень. Но всех более занята была им дочь Муромского, ближайшего соседа, Лиза (или Бетси, как звал ее обыкновенно отец). Ей было семнадцать лет. Она была единственное и, следовательно, балованное дитя. Ее резвость и проказы восхищали отца и приводили в отчаяние ее мадам, сорокалетнюю чопорную девицу.

За Лизою ходила Настя; она была постарше, но столь же ветрена, как и ее барышня. Лиза очень любила ее, открывала ей все свои тайны; словом, Настя была лицом более значительным, нежели любая наперсница во французской трагедии.

На другой день Лиза приступила к исполнению своего плана, послала купить толстого полотна, с помощью Насти скроила рубашку и сарафан и призналась перед зеркалом, что никогда еще так не была мила, говорила на крестьянском наречии, смеялась, закрываясь рукавом. Одно затрудняло ее: она попробовала было пройти по двору босая, но дерн колотил ее нежные ноги. Настя и тут помогла ей: она сняла мерку с **Лизинной** ноги, сбегала к Трофиму-пастуху и заказала ему пару лаптей.

На другой день, ни свет ни заря, Лиза уже проснулась. Заря сияла на востоке, и золотые ряды облаков, казалось, **ожидали** солнца, как царедворцы ожидают государя. Ясное небо, утренняя свежесть, роса, ветерок и пение птиц — все наполняло сердце Лизы младенческой веселостью. Боясь какой-нибудь знакомой встречи, она, казалось, не шла, а летела. Приближаясь к роще, стоящей на рубеже отцовского имения, Лиза пошла тише. Здесь она должна была ожидать Алексея. Сердце ее сильно билось, само не зная почему, но боязнь, сопровождающая наши проказы, составляет их главную прелесть. Мало-помалу предалась она сладкой мечтательности. Итак, она шла, задумавшись, по дороге, как вдруг прекрасная легавая собака залаяла на нее. В то же время раздался голос: «Не бойсь, милая, собака моя не кусается». Лиза успела уже оправиться от испугу. «Да нет, барин, — сказала она, притворяясь полуиспуганной, полужастенчивой, — боюсь». Алексей (читатель уже узнал его) между тем пристально глядел на молодую крестьянку. «Как тебя зовут, душа моя?» — «**Акулиной**», — отвечала Лиза, стараясь освободить свои пальцы из рук Алексея.

№ 66

Несколько лет спустя после своего приезда молодой Дубровский хотел заняться делами, но отец его был не в состоянии дать ему нужные объяснения. Разбирая его бумаги, нашел он только первое письмо заседателя и черновой ответ на него. Между тем здоровье Андрея Гавриловича час от часу становилось хуже. Положенный срок прошел, и апелляция не была подана. **Кистеневка** принадлежала Троекурову. **Шабашкин** явился к нему с поклонами и поздравлениями. **Кирила** Петрович смутился. От природы не был он корыстолюбив, желание мести завлекло его слишком далеко, совесть его

роптала. Он знал, в каком состоянии находился его противник, старый товарищ его молодости, и победа не радовала его сердце. Он грозно взглянул на Шабашкина, ища к чему привязаться, чтоб его выбрать, но не нашел достаточно к тому предлога и сказал ему сердито: «Пошел вон, не до тебя».

Шабашкин, видя, что он не в духе, поклонился и спешил удалиться. А Кирила Петрович, оставшись наедине, стал расхаживать взад и вперед, насвистывая: «Гром победы раздавайся», что всегда означало в нем необыкновенное волнение мыслей.

Наконец он велел запрячь себе беговые дрожки, оделся потеплее (это было уже в конце сентября) и, сам правя, выехал со двора.

Вскоре завидел он домик Андрея Гавриловича, и противоположные чувства наполнили его душу. Он решил помириться со старым своим соседом, уничтожить следы ссоры, возвратив ему его достоинство. Облегчив душу благим намерением, Кирила Петрович пустился рысью к усадьбе и въехал прямо на двор.

В это время больной сидел в спальне у окна. Он узнал Кирила Петровича, и ужасное смятение изобразилось на его лице: багровый румянец заступил место обыкновенной бледности, глаза засверкали, он произносил невнятные звуки. Сын его, сидевший тут же за хозяйственными книгами, поднял голову и был поражен его состоянием: больной указывал пальцем на двор с видом ужаса и гнева. Он торопливо подбирал полы своего халата, собираясь встать с кресел, приподнялся и упал. Сын бросился к нему, старик лежал без чувств и без дыхания, паралич его ударил. «Скорей, скорей в город за лекарем!» — кричал Владимир. «Кирила Петрович спрашивает вас», — сказал вошедший слуга. Владимир бросил на него ужасный взгляд.

— Скажи Кирилу Петровичу, чтоб он скорее убирался, пока я не велел его выгнать со двора... пошел! — Слуга радостно побежал исполнить приказание своего барина.

№ 67

Тамань — самый скверный городишко из всех приморских городов России. Я там чуть-чуть не умер с голода, да еще вдобавок меня хотели утопить. Ямщик остановил усталую тройку у ворот единственного каменного дома, что при въезде. Часовой, черноморский казак, услышав звон колокольчика, закричал спросонья диким голосом: «Кто идет?» Вышел урядник и десятник. Я им объяснил, что я офицер, еду в действующий отряд по казенной надобности, и стал требовать казенную квартиру.

Полный месяц светил на камышовую крышу и белые стены моего нового жилища; на дворе, обведенном оградой, стояла другая лачужка, меньше и древнее первой. Берег обрывом спускался к морю почти у самых стен ее, и внизу с непрерывным ропотом плескались темно-синие волны. Луна тихо смотрела на беспокойную, но покорную ей стихию, и я мог различить при свете ее, далеко от берега, два корабля, черные снасти которых, подобно паутине, неподвижно рисовались на бледной черте небосклона.

Велев казаку выложить чемодан и отпустить извозчика, я стал звать хозяина — молчат... Наконец из сеней выполз мальчик лет четырнадцати... Я засветил спичку и поднес ее к носу мальчика: она озарила два белых глаза.

Я вошел в хату: две лавки и стол да огромный сундук возле печи составляли всю ее мебель. На стене ни одного образа — дурной знак! Я вытащил из чемодана восковой огарок и, засветив его, стал раскладывать вещи: поставил в угол шашку и ружье, пистолеты положил на стол, разостлал бурку на лавке, казак свою на другой. Через десять минут он захрапел, но я не мог заснуть: передо мной во мраке все вертелся мальчик с белыми глазами. Я привстал и взглянул в окно: кто-то пробежал мимо него и скрылся бог знает куда. Я встал, накинул бешмет, опоясал кинжал и тихо-тихо вышел из хаты; навстречу мне слепой мальчик. Под мышкой он нес какой-то узел и, повернув к пристани, стал спускаться по узкой и крутой тропинке.

Между тем луна начала одеваться тучами и на море поднялся туман; едва сквозь него светился фонарь на корме ближнего корабля; у берега сверкала пена валунов, ежеминутно грозящих его потопить. Я, с трудом спускаясь, пробирался по крутизне и вот вижу: слепой приостановился, потом повернул низом направо. Он шел так близко от воды, что казалось, сейчас волна его схватит и унесет, но, видно, это была не первая его прогулка, судя по уверенности, с которой он ступал с камня на камень. Наконец он остановился, будто прислушиваясь к чему-то, присел на землю и положил возле себя узел. Спустя несколько минут с противоположной стороны показалась белая фигура.

№ 68

Это было на рассвете. Я стоял на назначенном месте с моими тремя секундантами. С неизъяснимым нетерпением ожидал я моего противника. Весеннее солнце уже взошло, и становилось жарко. Я увидел его издали. Он шел пешком, с мундиром на сабле, сопровождаемый одним секундантом. Мы пошли к нему навстречу. Он

приближался, держа фуражку, наполненную черешнями. Секунданты отмеряли нам двенадцать шагов. Я должен был стрелять первым, но волнение злобы было во мне так сильно, что я не понадеялся на верность руки и, чтобы дать себе время остыть, уступил ему первый выстрел. Противник мой не соглашался. Положили бросить жребий. Первый номер достался ему, вечному любимцу счастья. Он прицелился и прострелил мне фуражку. Очередь была за мною. Жизнь его наконец была в моих руках; я глядел на него жадно, стараясь уловить хотя бы одну тень беспокойства... Он стоял под пистолетом, выбирая из фуражки спелые черешни и выплевывая косточки, которые долетали до меня. Его равнодушие взбесило меня. «Что пользы мне, — подумал я, — лишить его жизни, когда он ею вовсе не дорожит?» Злобная мысль мелькнула в моем уме. Я опустил пистолет. «Вам, кажется, теперь не до смерти, — сказал я ему, — вы изволите завтракать; мне не хочется вам помешать». — «Вы ничуть не мешаете мне, — возразил он, — извольте себе стрелять, а впрочем, как вам угодно; выстрел ваш остается за вами; я всегда готов к вашим услугам».

Я обратился к секундантам, объявив, что нынче стрелять не намерен, и поединок тем и кончился.

Я вышел в отставку и удалился в это местечко. С тех пор не прошло ни одного дня, чтоб я не думал о мщении. Нынче мой час настал...

Сильвио вынул из кармана утром полученное письмо и дал мне его читать. Кто-то (казалось, его поверенный по делам) писал ему из Москвы, что известная особа скоро должна вступить в законный брак с молодой и прекрасной девушкой.

— Вы догадываетесь, — сказал Сильвио, — кто эта известная особа? Еду в Москву. Посмотрим, так ли равнодушно примет он смерть перед своей свадьбой, как некогда ждал ее за черешнями!

При этих словах Сильвио встал, бросил об пол свою фуражку и стал ходить взад и вперед по комнате, как тигр по своей клетке. Я слушал его неподвижно; странные, противоречивые чувства волновали меня.

Слуга вошел и объявил, что лошади готовы. Сильвио крепко сжал мне руку; мы поцеловались. Он сел в тележку, где лежали два чемодана, один с пистолетами, другой с его пожитками. Мы простились еще раз, и лошади поскакали.

№ 69

Теперь я должен нарисовать его портрет.

Он был среднего роста; стройный, тонкий стан его и широкие

плечи доказывали крепкое сложение, способное переносить все трудности кочевой жизни и перемены климатов, не побежденное ни развратом столичной жизни, ни бурями душевными. Пыльный бархатный сюртук его, застегнутый только на две нижние пуговицы, позволял разглядеть ослепительно чистое белье, изобличавшее привычки порядочного человека. Его запачканные перчатки казались нарочно сшитыми по его маленькой аристократической руке, и когда он снял одну перчатку, то я был удивлен худобой его бледных пальцев. Его походка была небрежна и ленива, но я заметил, что он не размахивал руками — верный признак некоторой скрытности характера. Впрочем, это мои собственные замечания, основанные на моих же наблюдениях, и я вовсе не хочу вас заставить веровать в них слепо. Когда он опустился на скамью, то прямой стан его согнулся, как будто у него в спине не было ни одной косточки; положение всего его тела изобразило какую-то нервическую слабость. С первого взгляда на лицо его я бы не дал ему более двадцати трех лет, хотя после я готов был дать ему тридцать. В его улыбке было что-то детское. Его кожа имела какую-то женскую нежность. Белокурые волосы, вьющиеся от природы, так живописно обрисовывали его бледный, благородный лоб, на котором, только при долгом наблюдении, можно было заметить следы морщин, пересекавших одна другую и, вероятно, обозначавшихся гораздо явственнее в минуты гнева или душевного беспокойства.

Несмотря на светлый цвет его волос, усы его и брови были черные — признак породы в человеке, так, как черная грива и черный хвост у белой лошади. Чтоб закончить портрет, я скажу, что у него был немного вздернутый нос, зубы ослепительной белизны и карие глаза. О глазах я должен сказать еще несколько слов.

Во-первых, они не смеялись, когда он смеялся! Вам не случалось замечать такой странности у некоторых людей?.. Это признак — или злого нрава, или глубокой постоянной грусти. Из-за полупущенных ресниц они сияли каким-то фосфорическим блеском, если можно так выразиться.

Все эти замечания пришли мне на ум, может быть, только потому, что я знал некоторые подробности его жизни, и, может быть, на другого вид его произвел бы совершенно различное впечатление. Но так как вы о нем не услышите ни от кого, кроме меня, то поневоле должны довольствоваться этим изображением.

Скажу в заключение, что он был вообще недурен и имел одну из тех оригинальных физиономий, которые особенно нравятся женщинам светским.

Два дня спустя Кирила Петрович отправился с дочерью в гости к князю Верейскому. Подъезжая к Арбатову, он не мог не налюбоваться чистыми и веселыми избами крестьян и каменным господским домом, выстроенным во вкусе английских замков. Перед домом расстился густо-зеленый луг, на котором паслись швейцарские коровы, звеня своими колокольчиками. Просторный парк окружал дом со всех сторон. Хозяин встретил гостей у крыльца и подал руку молодой красавице. Они вошли в великолепную залу, где стол был накрыт на три прибора. Князь подвел гостей к окну, и им открылся прелестный вид. Волга протекала перед окнами, по ней шли нагруженные барки под натянутыми парусами и мелькали рыбацьи лодки, столь выразительно прозванные душегубками. За рекою тянулись холмы и поля, несколько деревень оживляли окрестность. Потом они занялись рассмотрением галереи картин, купленных князем в чужих краях. Князь объяснял Марье Кирилловне их различное содержание, историю живописцев, указывал на достоинство и недостатки. Он говорил о картинах не на условленном языке знатока, но с чувством и воображением. Марья Кирилловна слушала его с удовольствием. Пошли за стол. Троекуров отдал полную справедливость винам и искусству его повара, а Марья Кирилловна не чувствовала ни малейшего замешательства в беседе с человеком, которого видела только второй раз отроду.

После обеда хозяин предложил гостям пойти в сад. Они пили кофе в беседке на берегу широкого озера, усеянного островами. Вдруг раздалась музыка, и шестивесельная лодка причалила к самой беседке. Они поехали по озеру, около островов, посещали некоторые из них, на одном находили мраморную статую, на другом уединенную пещеру, на третьем памятник с таинственной надписью, возбуждавшей в Марье Кирилловне девичье любопытство. Время прошло незаметно, начало смеркаться. Князь спешил возвратиться домой; самовар их ожидал. Князь просил Марью Кирилловну хозяйничать в доме старого холостяка. Она разливала чай, слушая неистощимые рассказы любезного говоруна; вдруг раздался выстрел, и ракетка осветила небо. Перед домом в темноте вспыхнули разноцветные огни, завертелись, поднялись вверх колосьями, угасали и снова вспыхивали. Марья Кирилловна веселилась, как дитя.

Ужин в своем достоинстве ничем не уступал обеду. Гости отправились в комнаты, для них отведенные, и на другой день поутру расстались с любезным хозяином, дав друг другу обещание вскоре снова увидеться.

В ту самую пору по шоссе усердно и безостановочно шагал какой-то великан, с мешком за плечами и длинной палкой в руках. Это был Герасим. Он спешил, спешил без оглядки, спешил к себе в деревню, на родину. Утопив бедную Муму, он прибежал в свою каморку, уложил кой-какие пожитки в старую попону, взвалил на плечо, да и был таков. Дорогу он хорошо заметил еще тогда, когда его везли в Москву; деревня, из которой барыня его взяла, лежала всего в двадцати пяти верстах от шоссе. Он шел; широко распахнулась его грудь; глаза жадно и прямо устремились вперед. Он торопился, как будто мать-старушка ждала его на родине, как будто она звала его к себе после долгого странствования на чужой стороне, в чужих людях...

Только что наступившая летняя ночь была тиха и тепла; с одной стороны, там, где солнце закатилось, край неба еще белел, — с другой стороны уже вздымался синий, седой сумрак. Ночь шла отсюда. Перепела сотнями гремели кругом, перекликались коростели... Герасим не мог их слышать. Не мог слышать также чуткого ночного шушуканья деревьев, мимо которых проносили сильные его ноги, но он чувствовал знакомый запах поспевающей ржи, которым так и веяло с темных полей, чувствовал, как ветер, летевший ему навстречу, ласково ударял его в лицо. Он видел перед собой белеющую дорогу — дорогу домой, прямую как стрела; видел в небе бессчетные звезды, светившие ему в пути, и, как лев, выступал смело и бодро, так что когда восходящее солнце озарило своими влажно-красными лучами месяц, между Москвой и им легло уже тридцать пять верст...

Через два дня он был уже дома, в своей избенке, к великому изумлению солдатки, которую туда поселили. Помолясь перед образами, тотчас же отправился к старосте. Староста сначала было удивился, но сенокос только что начинался: Герасиму, как отличному работнику, тут же дали косу в руки — и пошел косить он по-старинному, косить так, что мужиков только пробирало...

А в Москве, на другой день после побега Герасима, хватились его. Доложили барыне. Она разгневалась, расплакалась, велела отыскать его во что бы то ни стало, уверяла, что никогда не приказывала утопить собаку, и наконец дала нагоняй Гавриле.

Наконец пришло известие из деревни о прибытии туда Герасима. Барыня несколько успокоилась; сперва было отдала приказание немедленно вытребовать его в Москву, потом, однако, объявила,

что такой неблагодарный человек ей вовсе не нужен. Впрочем, она сама скоро после того умерла; а наследникам ее было не до Герасима: они и остальных-то людей распустили на оброк.

№ 72

Пока Захар и Анисья не были женаты, каждый из них занимался своей частью и не входил в чужую, то есть Анисья знала рынок и кухню и участвовала в уборании комнат только раз в год, когда мыли полы.

Но после свадьбы доступ в барские покои ей сделался свободнее. Она помогала Захару, и в комнатах стало чище, и вообще некоторые обязанности мужа она взяла на себя, частью добровольно, частью потому, что Захар деспотически возложил их на нее.

Так блаженствовал он с месяц: в комнатах чисто, барин не ворчит и он, Захар, ничего не делает. Но это блаженство миновалось — и вот по какой причине.

Лишь только они с Анисьей принялись хозяйничать в барских комнатах вместе, Захар что ни сделает, *окажется* глупостью. Каждый шаг его — все не то и не так. Пятьдесят пять лет ходил он на белом свете с уверенностью, что все, что он ни делает, иначе и лучше сделано быть не может. И вдруг теперь Анисья доказала ему, что он — хоть брось, и притом она делает это так тихо, как делают только с детьми или с совершенными дураками, да еще усмехается, глядя на него.

Гордость его страдала, и он мрачно обращался с женой. Когда же, однако, случалось, что Илья Ильич спрашивал какую-нибудь вещь, а вещи не оказывалось или она оказывалась разбитою, и вообще, когда случался беспорядок в доме и над головой Захара собиралась гроза, он мигал Анисье, кивал головой на кабинет барина и, указывая туда большим пальцем, повелительным шепотом говорил: «Поди ты к барину: что ему там надо?»

Анисья входила, и гроза всегда разрешалась простым объяснением. Таким образом опять все заглохло бы в комнатах Обломова, если б не Анисья: она уже причислила себя к дому Обломова, бессознательно разделила неразрываемую связь своего мужа с жизнью, домом и особой Ильи Ильича.

Она была живая, проворная баба, лет сорока восьми, с заботливой улыбкой и красными, никогда не устающими руками. Лица у ней почти вовсе не было: только был заметен нос; хотя он был небольшой, но он как будто отстал от лица или неловко был приставлен,

и притом нижняя часть его была вздернута вверх, оттого лица за ним не было заметно: оно так выцвело, что о носе ее давно уже получишь ясное понятие, а лица все не заметишь.

№ 73

Было уже часов десять, и над садом светила полная луна. В доме Шуминых только что закончилась служба, которую заказывала бабушка, и теперь Наде — она вышла в *at* на минутку — видно было, как в зале накрывали на стол, как в своем шелковом платье суетилась бабушка. Отец Андрей говорил о чем-то с матерью Нади, Ниной Ивановной, и теперь мать при вечернем освещении казалась молодой.

В саду было тихо, прохладно, и темные тени лежали на земле. Слышно было, как где-то далеко, должно быть за городом, кричали лягушки. Дышалось глубоко, и хотелось думать, что не здесь, а где-то под небом, над деревьями, далеко за городом, в полях и лесах развернулась теперь своя весенняя жизнь, таинственная и прекрасная.

Ей, Наде, было уже двадцать три года; с шестнадцати лет она страстно мечтала о замужестве, и теперь наконец она была невестой Андрея Андреича, того самого, который стоял за окном. Свадьба была назначена на седьмое июля, а между тем радости не было...

Вот кто-то вышел из дома и остановился на крыльце; это Александр Тимофеевич, или попросту Саша, гость, приехавший из Москвы. Когда-то давным-давно к бабушке хаживала ее дальняя родственница, Марья Петровна, обедневшая дворянка-вдова, маленькая, худенькая. У нее был сын Саша. Почти каждое лето приезжал он, обыкновенно очень больной, к бабушке, чтобы отдохнуть и поправиться.

На нем был теперь застегнутый сюртук и поношенные парусиновые туфли, стоптанные книзу. Сорочка была неглаженная, и весь он имел какой-то несвежий вид. Очень худой, с большими глазами, с длинными, худыми пальцами, бородатый и все-таки красивый. К Шуминым он привык как к родным, и у них чувствовал себя как дома.

Когда вошли в залу, там уже садились ужинать. Бабушка, или, как ее называли в доме, бабуля, говорила громко, и по манере говорить было заметно, что она здесь старшая. Ей принадлежали торговые ряды на ярмарке и старинный дом с колоннами и садом, но она каждое утро молилась, чтобы Бог спас ее от разорения, и при этом плакала.

— Ты у меня в неделю поправишься, — сказала бабуля, обращаясь к Саше, — только вот кушай побольше. И на что ты похож!

После ужина Андрей Андреевич играл на скрипке, а Нина Ивановна аккомпанировала на рояле. На столе тихо кипел самовар, и только один Саша пил чай.

Проводив жениха, Надя пошла наверх, где жила с матерью (нижний этаж занимала бабушка). Внизу, в зале, стали тушить огни, а Саша все еще сидел и пил чай. Пил чай он всегда подолгу, по-московски, стаканов по семь. Наде, когда она разделась и легла в постель, долго еще было слышно, как внизу убирала прислуга. Наконец все затихло, и только слышалось изредка, как в своей комнате, внизу, покашливал Саша.

№ 74

Наташа с утра не имела ни минуты свободной и ни разу не успела подумать о том, что предстоит ей.

В сыром, холодном воздухе, в тесноте колыхавшейся кареты она в первый раз представила себе то, что ожидает ее там, на бале, в освещенных залах — музыка, цветы, танцы, государь, вся блестящая молодежь **Петербурга...** То, что ее ожидало, было так прекрасно, что она не верила даже тому, что это будет: так это было несообразно с впечатлением холода и темноты кареты. Она поняла, что ее ожидает, только тогда, когда, пройдя по красному сукну подъезда, она вошла в сени и пошла рядом с Соней впереди матери между цветами по освещенной лестнице. Но, к счастью ее, она почувствовала, что глаза ее разбегались: она ничего не видела ясно, пульс ее забил сто раз в минуту и кровь стала стучать у сердца. Она шла, замирая от волнения и всеми силами стараясь скрыть его.

Наташа смотрела в зеркала и в отражении не могла отличить себя от других. Все смешивалось в одну блестящую процессию. Наташа слышала и чувствовала, что несколько голосов спросили про нее и смотрели на нее. Она поняла, что понравилась тем, которые обратили на нее внимание, и это наблюдение успокоило ее. «Есть такие же, как мы, есть и хуже нас», — подумала она.

Пьер шел, переваливаясь своим толстым телом, раздвигая толпу, кивая направо и налево так же небрежно и добродушно, как бы он шел по толпе базара.

Наташа с радостью смотрела на знакомое лицо Пьера, этого шута горохового, как называла его Перонская, и знала, что Пьер отыскивает в толпе их, и в особенности ее. Но, не дойдя до них, **Безухов**

остановился **возле** невысокого, очень красивого брюнета в белом мундире, который, стоя у окна, разговаривал с каким-то высоким мужчиной. Наташа тотчас же узнала невысокого молодого человека в белом **мундире**: это был Болконский.

Пьер подошел к князю и схватил его за руку.

— Вы всегда танцуете. Тут есть молодая Ростова, пригласите ее, — сказал он.

— Где? — спросил Болконский. Он пошел вперед, по направлению, которое ему указывал Пьер. Отчаянное замирающее лицо Наташи бросилось в глаза князю. Он предложил тур вальса.

«Давно я ждала тебя», — как будто сказала эта испуганная и счастливая девочка, поднимая свою руку на плечо князя **Андрея**.

Князь Андрей любил танцевать и, желая поскорее отделаться от умных разговоров, с которыми все обращались к нему, пошел танцевать и выбрал Наташу, потому что на нее указал ему Пьер и потому что она была первая хорошенькая женщина, попавшаяся ему на глаза. **Едва** он обнял этот тонкий, подвижный стан и она зашевелилась так близко от него и улыбнулась так близко ему, вино ее прелести ударило ему в голову: он почувствовал себя ожившим и помолодевшим, когда, переводя дыхание и оставив ее, остановился и стал глядеть на танцующих.

№ 75

Это было шесть-семь лет назад, когда я жил в имении помещика Белокурова, молодого человека, который вставал очень рано, ходил в поддевке, по вечерам пил пиво и все жаловался мне, что он нигде и ни в ком не встречает сочувствия. Он жил в саду во флигеле, а я в старом барском доме, в громадной зале с колоннами, где не было никакой мебели, кроме широкого дивана, на котором я спал, да еще стола, на котором я раскладывал **пасьянс**. Тут всегда, даже в тихую погоду, что-то гудело в старых печах, а во время грозы весь дом дрожал и, казалось, трескался на части, и было немножко страшно, особенно ночью, когда все десять **больших** окон освещались молнией.

Обреченный судьбой на постоянную праздность, я не делал решительно **ничего**. По **целым** часам я смотрел в свои окна на небо, на птиц, на аллеи, читал все, что привозили мне с почты.

Однажды, возвращаясь домой, я нечаянно забрел в какую-то незнакомую усадьбу. Солнце уже пряталось, и на цветущей ржи растянулись вечерние тени. Два ряда старых, тесно посаженных елей

стояли как две сплошные стены, образуя мрачную красивую аллею. Я легко перелез через изгородь и пошел по этой аллее, скользя по еловым иглам, которые тут на вершок покрывали землю. Направо, в старом фруктовом саду, нехотя, слабым голосом пела иволга, должно быть старушка. Но вот липы кончились; я прошел мимо белого дома с террасой и с мезонином, передо мною неожиданно развернулся вид на барский двор и на широкий пруд с купальней, с деревней на том берегу, с высокой узкой колокольней, на которой горел крест, отражая в себе заходившее солнце. На миг на меня повеяло очарованием чего-то родного, очень знакомого, как будто я уже видел эту панораму когда-то в детстве.

У белых каменных ворот, которые вели со двора в поле, стояли две девушки. Одна из них, постарше, тонкая, бледная, очень красивая, с целой копной волос на голове, имела строгое выражение и на меня едва обратила внимание; другая же, совсем молоденькая — ей было семнадцать—восемнадцать лет, не больше, — тоже тонкая и бледная, с большим ртом и с большими глазами, с удивлением смотрела на меня, когда я проходил мимо, сказала что-то по-английски и сконфузилась, и мне показалось, что и эти два милых лица мне давно уже знакомы. И я вернулся домой с таким чувством, как будто видел хороший сон.

№ 76

Некто Ивлев ехал однажды в начале июля в дальний край своего уезда. Тройку лошадей, мелких, но справных, с густыми гривами, нанял он на деревне, у богатого мужика. Правил ими сын этого мужика, малый лет восемнадцати, тупой, хозяйственный. Он все о чем-то недовольно думал, был как будто чем-то обижен. И, убедившись, что с ним не разговоришься, Ивлев отдался спокойной наблюдательности.

Ехать сначала было приятно: теплый день, хорошо накатанная дорога; с хлебов, простиравшихся на сколько глаз хватит, дул сладкий ветер, нес цветочную пыль, местами дымил ею, и вдали от нее было даже туманно.

Ивлев поглядел кругом: погода поскуучнела, со всех сторон натянуло туч и уже накрапывало — эти скромные деньки всегда оканчиваются окладными дождями. Старик, пахавший возле деревни, сказал, что дома одна молодая графиня, но все-таки заехали.

Ивлев сидел в темнеющей от дождя гостиной, болтая с графиней, и ожидал чая. Графиня все сводила разговоры на любовь и

между прочим рассказывала про своего соседа, помещика Хвошинского, который, как знал Ивлев еще с детства, всю жизнь был помешан на любви к своей горничной Лушке, умершей в ранней молодости. «Ах, эта легендарная Лушка, — заметил Ивлев шутливо, слегка конфузясь своего признания. — Оттого, что этот чудаковотворил ее, всю жизнь посвятил сумасшедшим мечтам о ней, я в молодости был почти влюблен в нее, воображал, думал о ней, Бог знает что, хотя она, говорят, совсем нехороша была собой». — «Да?» — сказала графиня не слушая.

Наконец босая девка с необыкновенной осторожностью подала на старом серебряном подносе крепкого чая и корзиночку с печеньем, засиженным мухами.

Когда поехали дальше, дождь разошелся уже по-настоящему. Места становились все беднее и глуше. Кончился рубез, лошади пошли шагом и спустились в какие-то еще не кошенные луга. Объехали какую-то старую плотину, потонувшую в крапиве, и давно высохший пруд — глубокую яму, заросшую бурьяном. На плотине, среди крапивы, мелкими бледно-розовыми цветочками цвел большой старый куст, то милое деревцо, которое зовут «Божьим деревом».

На бугре, куда вела оловянная от дождевой воды дорога, на месте леса, среди мокрой, гниющей щепы и листвы, среди пней и молодой поросли, горько и свежо пахнувшей, одиноко стояла изба. Ни души не было кругом, — только овсянки, сидя под дождем, звенели на весь редкий лес, поднимавшийся за избою, но, когда тройка, шлепая по грязи, поравнялась с ее порогом, откуда-то вырвалась целая орава громадных собак, черных, шоколадных, и с яростным лаем залаяла вокруг лошадей. В то же время неожиданно небо раскололось от оглушительного удара грома, и лошади понесли вскачь среди замелькавших перед глазами осиновых СТВОЛОВ...

№ 77

Появление Ибрагима, его наружность, образованность и природный ум возбудили в Париже общее внимание. Все дамы желали видеть его у себя; он присутствовал на ужинах, не пропускал ни одного бала и предавался общему вихрю со всей пылкостью своих лет и своей породы. Но мысль променять это рассеяние, эти блестящие забавы на суровую простоту Петербурга не одна ужасала Ибрагима — молодой африканец любил.

Графиня, уже не в первом цвете лет, славилась еще своею красотою, 17-ти лет, при выходе ее из монастыря, выдали ее за человека,

которого она не успела полюбить и который впоследствии никогда о том не заботился.

Графиня приняла Ибрагима учтиво, но безо всякого особого внимания: это польстило ему. Обыкновенно смотрели на молодого негра как на чудо, и это любопытство, хотя и прикрытое видом благосклонности, оскорбляло его. Он чувствовал: он для них род какого-то редкого зверя. Он даже завидовал людям, никем не замеченным, и почитал их ничтожество благополучием.

Мысль, что природа не создала его для взаимной страсти, избавила его от самонадеянности и притязаний самолюбия, что придавало редкую прелесть его обращению с женщинами.

Он понравился графине, которой надоели вечные шутки и тонкие намеки французского остроумия. Ибрагим часто бывал у нее. Мало-помалу она привыкла к наружности молодого негра и даже стала находить что-то приятное в этой курчавой голове, чернеющей посреди пудренных париков ее гостиной (Ибрагим был ранен в голову и вместо парика носил повязку). Ему было 27 лет от роду; он был высок и строен, и не одна красавица заглядывалась на него с чувством более лестным, нежели простое любопытство, но предубежденный Ибрагим или ничего не замечал, или видел одно кокетство. Когда же взоры его встречались со взорами графини, недоверчивость его исчезала.

Любовь не приходила ему на ум, а уж видеть графиню каждый день было ему необходимо. Графиня, прежде чем он сам, угадала его чувства. Что ни говори, а любовь без надежд трогает женское сердце вернее всех расчетов обольщения. В присутствии Ибрагима графиня следила за всеми его движениями, вслушивалась во все его речи; без него она задумывалась и впадала в обыкновенную свою рассеянность. Ничто так не воспламеняет любви, как ободрительное замечание постороннего. Любовь слепа и, не доверяя самой себе, торопливо хватается за всякую опору. Напрасно графиня, испуганная его страстью, хотела противопоставить дружбу и советы благоразумия, она сама ослабевала. И наконец, увлеченная силой страсти, ею же внушенной, изнемогая под ее влиянием, она ответила восхищенному Ибрагиму.

№ 78

В то время как Багратион подъезжал, из орудия, оглушая его и свиту, зазвенел выстрел, и в дыму, вдруг окружившем орудие, видны были артиллеристы, подхватившие пушку и, торопливо напрягаясь,

накатывавшие ее на прежнее место... Широкоплечий, огромный солдат, широко расставив ноги, отскочил к колесу. Второй номер трясушейся рукой клал заряд в дуло. Небольшой сутуловатый человек, офицер Тушин, спотыкнувшись на хобот, выбежал вперед, не замечая генерала и выглядывая из-под маленькой ручки.

Багратион окликнул офицера, и Тушин, робким и неловким движением, совсем не так, как салютуют военные, а так, как благословляют священники, приложив три пальца к козырьку, подошел к генералу. Хотя орудия Тушина были назначены для того, чтобы обстреливать лощину, он стрелял по видневшейся впереди деревне Шенграбен, перед которой выдвигались большие массы французов.

Никто не приказывал Тушину, куда и чем стрелять, и он, посоветовавшись со своим фельдфебелем Захарченком, к которому имел большое уважение, решил, что хорошо было бы зажечь деревню. «Хорошо!» — сказал Багратион на доклад офицера и стал оглядывать все открывавшееся перед ним поле сражения, как бы что-то соображая. С правой стороны ближе всего подошли французы. Пониже высоты, на которой стоял Киевский полк, в лощине речки слышалась хватающая за душу перекатная трескотня ружей, и гораздо правее, за драгунами, офицер указывал князю на обходившую наш фланг колонну французов. Налево горизонт ограничивался близким лесом. Князь Багратион приказал двум батальонам из центра идти на подкрепление, направо. Офицер осмелился заметить князю, что по уходе этих батальонов орудия останутся без прикрытия.

Князь Багратион обернулся к офицеру и тусклыми глазами посмотрел на него молча. Князю Андрею казалось, что замечание офицера было справедливо и что действительно сказать было нечего. Но в это время прискакал адъютант от полкового командира, бывшего в лощине, с известием, что огромные массы французов шли низом, что полк расстроен и отступает к киевским гренадерам. Князь Багратион наклонил голову в знак согласия и одобрения. Посланный туда адъютант приехал через полчаса с известием, что драгунский полковой командир уже отступил за овраг, ибо против него был направлен сильный огонь и он понапрасну терял людей и потому спешил стрелков в лес.

В то время как он отъезжал от батареи, налево тоже послышались выстрелы в лесу, и так как было слишком далеко от левого фланга, чтоб успеть самому приехать вовремя, князь Багратион послал туда сказать старшему генералу, тому самому, который представлял полк Кутузова, чтоб он отступил сколь можно скорее за овраг,

потому что правый фланг, вероятно, не в силах будет долго удерживать неприятеля. Про Тушина же и батальон, прикрывавший его, было забыто.

IV. Комплексные диктанты

№ 1

Длинной блистающей полосой тянется с запада на восток Таймырское озеро. На севере возвышаются каменные глыбы, за ними маячат черные хребты. Весенние воды приносят с верховьев следы пребывания человека: рваные сети, поплавки, поломанные весла и другие немудреные принадлежности рыбацкого обихода.

У заболоченных берегов тундра оголилась, только кое-где белеют и блестят на солнце пятнышки снега. Еще крепко держит ноги скованная льдом мерзлота, и лед в устьях рек и речонок долго будет стоять, а озеро очистится дней через десять. И тогда песчаный берег, залитый светом, перейдет в таинственное свечение сонной воды, а дальше — в торжественные силуэты и причудливые очертания противоположного берега.

В ясный ветреный день, вдыхая запахи пробужденной земли, мы бродим по проталинам тундры и наблюдаем массу прелюбопытных явлений: из-под ног то и дело выбегает, припадая к земле, куропатка; сорвется и тут же, как подстреленный, упадет на землю крошечный куличок, который, стараясь увести незваного посетителя от гнезда, тоже начинает кувыркаться у самых ног. У основания каменной россыпи пробирается прожорливый песец, покрытый клочьями вылинявшей шерсти, и, поравнявшись с камнями, делает хорошо рассчитанный прыжок, придавливая лапами выскочившую мышь. А еще дальше горностай, держа в зубах серебряную рыбу, скачками проносится к нагроможденным валунам.

У медленно тающих ледничков начнут оживать и цвести растения, первыми среди которых будут розы, потому что они развиваются и борются за жизнь еще под прозрачной корочкой льда. В августе среди стелющейся на холмах полярной березы появятся первые грибы, ягоды — словом, все дары короткого северного лета. В поросшей жалкой растительностью тундре тоже есть свои прелестные ароматы. Когда наступит лето и ветер заколышет венчики цветов, жужжа, прилетит и сядет на цветок шмель — большой знаток чудесного нектара.

А сейчас небо опять нахмурилось и ветер бешено засвистел, возвещая нам о том, что пора возвращаться в дощатый домик полярной станции, где вкусно пахнет печеным хлебом и уютом человеческого жилья. Завтра начинаются разведывательные работы.

№ 2

Начало грозы

Еще только одиннадцатый час на исходе, а уже никуда не денешься от тяжелого зноя, каким дышит июльский день. Раскаленный воздух едва-едва колыхнется над немощеной песчаной дорогой. Еще не кошенная, но наполовину иссохшая трава никнет и стелется от зноя, почти невыносимого для живого существа. Дремлет без живительной влаги зелень рощ и пашен. Что-то невнятное непрерывно шепчет в полудремоте неугомонный кузнечик. Ни человек, ни животное, ни насекомое — никто уже больше не борется с истомой. По-видимому, все сдались, убедившись в том, что сила истомы, овладевшей ими, непобедима и непреодолима. Одна лишь стрекоза чувствует себя по-прежнему и как ни в чем не бывало пляшет без усталости в пахучей хвое. На некошенных лугах ни ветерка, ни росинки. В роще, под пологом листвы, так же душно, как и в открытом поле. Вокруг беспредельная сушь, а на небе ни облачка.

Полуденное солнце, готовое поразить каждым своим лучом, жжет невыносимо. Бесшумно, едва приметно струится в низких берегах кристально чистая вода, зовущая освежить истомленное зноем тело в прохладной глубине.

Но отправиться купаться не хочется, да и незачем: после купания еще больше распаришься на солнцепеке.

Одна надежда на грозу: лишь она одна может разбудить скованную жаром природу и развеять сон.

И вдруг впрямь что-то грохочет в дали, неясной и туманной, и гряда темных туч движется с юго-восточной стороны. В продолжение очень короткого времени, в течение каких-нибудь десяти—пятнадцати минут, царит зловещая тишина и все небо покрывается тучами.

Но вот, откуда ни возмись, в мертвую глушь врывается резкий порыв ветра, который, кажется, ничем не сдержишь. Он стремительно гонит перед собой столб пыли, беспощадно рвет и мечет древесную листву, безжалостно мнет и приклоняет к земле полевые злаки. Яркая блеснувшая молния режет синюю гущу облаков. Вот-

вот разразится гроза и на обнаженные поля польется освежающий дождь. Хорошо бы в пору укрыться от этого совсем неожиданного, но желанного гостя. Добежать до деревни не удастся, а усесться в дупло старого дуба впору только ребенку. Гроза надвигается: изредка вдалеке вспыхнет молния, слышится слабый гул, постепенно усиливающийся, приближающийся и переходящий в прерывистые раскаты, обнимающие весь горизонт. Но вот солнце выглянуло в последний раз, осветило мрачную сторону небосклона и скрылось. Вся окрестность вдруг изменилась, приняла мрачный характер, и гроза началась.

№ 3

Тихий сентябрьский день был на исходе. По лесным дорогам в гору двигались искусно замаскированные ветвями пушки и трехтонки, шли караваны груженных, по-видимому, минами лошадей. У всех в этот день было приподнятое настроение: обессиленные за последние дни бойцы, расположившись небольшими, но плотными группками или поодиночке, наспех писали письма и, вполголоса переговариваясь, подкреплялись тушенкой.

Уже совсем стемнело и в ущелье стало холодно, когда, покинув позиции, батальоны отправились в путь. Было непонятно, как в густом лесу, при едва брезжащем свете луны, двигаясь на ощупь, люди найдут свое место в горах и приготовятся к бою. Однако командиры рот заранее изучили окрестности, и поэтому отход протекал нормально.

Неприятель, в течение ночи почти не пытавшийся штурмовать, на рассвете в открытую ринулся на нашу арьергардную роту, оставленную в теснине... Но никто из фашистов не видел, как на вершине кристаллических скал, укрытые охапками легких стелющихся растений, едва зыблущихся на ветру, расположились наблюдатели, буквально не сводившие глаз с врага.

Взволнованные долгим ожиданием, готовые стоять насмерть, лежали бойцы на скалах, а на дорогах недоступные огню шли фашисты. Опасность была настолько велика, что ни у кого не возникла мысль пренебречь ею или хотя бы приуменьшить ее.

И в эту минуту как будто расколосось небо, загрохотали пушки и минометы, тысячекратным эхом канонада отразилась в горах, и в блистающую, кристально чистую голубизну неба поднялся изжелта-багровый дым.

С хриплыми, далеко не стройными голосами, бойцы бросились

врукопашную, и было хорошо видно, как по дороге суматошно, словно шарики рассыпанной ртути, метались фашисты. Только ночью гитлеровцы нащупали почти незащищенное место и, прорвав оборону, врассыпную бросились по теснине. Так закончился бой...

№ 4

Лебедь

Лебедь по своей величине, силе, и красоте, и величавой осанке давно и справедливо назван подлинным царем всего подводного птичьего мира. Белый как снег, с блестящими небольшими глазами, длинношей, он прекрасен, когда невозмутимо спокойно **плывет** по темно-синей зеркальной поверхности воды. Но все его движения преисполнены безыскусной прелести: начнет ли он пить и, зачерпнув носом воды, поднимет голову вверх и вытянет шею; начнет ли купаться, нырять, как заправский пловец, залихватски плескаясь своими могучими крыльями, далеко распространяя брызги воды; распушит ли крыло по воздуху, как будто длинный косой парус, и начнет беспрестанно носом перебирать в нем каждое перышко, проветривая и суша его на солнце, — все непостижимо живописно и величаво в нем.

Лебединых стай я не видывал в тех местах Оренбургской губернии, где я постоянно охотился и где мне не раз встречались косяки других птиц: лебеди бывают там только пролетом. Однако бывает и так: несколькими лебедям, пребывающим в холостом состоянии, понравится привольное место неподалеку от моей дощатой временки, и они, если только не будут **отпуганы**, прогостят в течение недели, а то и более. Откуда они прилетают и куда улетают — я не знаю. Однажды их гостевание продолжалось три месяца, а, может быть, было бы и более, пока не случилось **пренеприятнейшее**: местный старожил, не кто иной, как объездчик нашего участка, убил одного наповал для пуха, непревзойденные достоинства которого известны нам.

В большинстве старинных песен, особенно в южнорусских, лебедь преподносится как роскошная, благородная птица, никогда не бросающая братьев по стае в несчастье. Обессилевшие, обескровившие, они будут отчаянно защищать других. Лебеди не склоняются даже перед непреодолимыми препятствиями.

Небезызвестна их недюжинная сила. Говорят, что, если собака бросится на детей лебедя или кто-то приблизится к нему, легкораненому, он ударом крыла может прибить до смерти. Так же, как и в

песнях, неизбежно прекрасен этот образ и в сказках. Воистину легендарная птица!

№ 5

Отправляя в разведку Метелицу, *Левинсон* наказал ему во что бы то ни стало вернуться этой же ночью. Но деревня, куда был послан взводный, на самом деле лежала много дальше, чем предполагал *Левинсон*: Метелица покинул отряд около четырех часов пополудни и на совесть гнал жеребца, согнувшись над ним, как хищная птица, жестоко и весело раздувая тонкие ноздри, точно опьяненный этим бешеным бегом после пяти медлительных и скучных дней, — но до самых сумерек бежала вслеп, не убывая, тайга — в шорохе трав, в холодном и грустном свете умирающего дня. Уже совсем стемнело, когда он выбрался наконец из тайги и придержал жеребца возле старого и гнилого, с провалившейся крышей омшаника, как видно, давным-давно заброшенного людьми.

Он привязал лошадь и, хватаясь за рыхлые, осыпающиеся под руками края сруба, взобрался на угол, рискуя провалиться в темную дыру, откуда омерзительно пахло задушенными травами. Приподнявшись на цепких полусогнутых ногах, стоял он минут десять не шелохнувшись, зорко вглядываясь и вслушиваясь в ночь, невидный на темном фоне леса и еще более похожий на хищную птицу.

Метелица прыгнул на седло и выехал на дорогу. Ее черные, давно неезженные колеи едва проступали в траве. Тонкие стволы берез тихо белели во тьме, как потушенные свечи.

Он поднялся на бугор: слева по-прежнему шла черная гряда сопков, изогнувшихся, как хребет гигантского зверя; шумела река. Верстах в двух, должно быть возле самой речки, горел костер, — он напоминал Метелице о сиром одиночестве пастушьей жизни; дальше, пересекая дорогу, тянулись желтые, немигающие огни деревни. Линия сопков справа отворачивала в сторону, теряясь в синей мгле; в этом направлении местность сильно понижалась. Как видно, там пролегло старое речное русло; вдоль него чернел угрюмый лес.

«Болото там, не иначе», — подумал Метелица. Ему стало холодно: он был в расстегнутой солдатской фуфайке поверх гимнастерки с оторванными пуговицами, с распахнутым воротом. Теперь он походил на мужика с поля: после германской войны многие ходили так, в солдатских фуфайках.

Он был уже совсем близко от костра, — вдруг конское тревожное ржание раздалось во тьме. Жеребец рванулся и, вздрагивая могучим

телом, заворил страстно и жалобно. В то же мгновение у огня качнулась тень и Метелица с силой ударил плетью и взвился вместе с лошадьёю.

№ 6

В лесу

Небольшая дорожка вела нас через свежескошенный луг, и мы вволю налюбовались веселым полевым пейзажем. Как только мы вошли в лес, внимание наше привлек незнакомый нам доселе знак, вырубленный на сосне. Он напоминал изображение оперенной стрелы, длиной не менее полутора-двух метров, так что оперение охватывало ствол во всю его ширину.

Приглядевшись к одной из сосен, мы увидели, что у нижнего конца стрелы там, где положено быть наконечнику, прикреплен к дереву железный колпачок, наполненный белой массой, похожей на топленое масло. Тогда память подсказала читанное в ученых книгах и даже стихах небезызвестное слово «живица».

Сегодня сосна оказалась с таким же фантастическим значком, и третья, и четвертая...

Всмотревшись в неясную далекую глубину бора, мы увидели, что все сосны, как одна, несут на себе изображение огромной стрелы. Сквозь сосны вскоре проглянули невысокие постройки, и мы, предварительно спросив у продавщицы магазинчика, сидевшей на заваulinке у своего сельпо и щелкавшей тыквенные семечки, очень скоро нашли технорука. Это был молодой мужчина невысокого роста, с малозаметными усиками, в простой, в полоску, рубахе с резинками на рукавах, в шевитовых брюках, заправленных в валяные сапоги. Звали его Петр Иванович. Он, извиняясь за свой внешний вид, сообщил нам, что весной застудил ноги и теперь вынужден даже в жару ходить в валенках. Рассказывая, он незаметно подвел нас к домику и, смущаясь, пригласил войти. В комнате с высокой дощатой перегородкой, сплошь увешанной плакатами и картинками с видами леса, нас встретила молодая красивая хозяйка, с черными до блеска волосами и ярко-голубыми глазами. На ней было скромное ситцевое платье с какими-то замысловатыми разводами совершенно непонятного цвета. Не успели мы как следует поздороваться с ней, как она уже поставила на стол большое деревянное блюдо с вареными грибами, чашку с печеным в золе картофелем, квашеную капусту, моченые яблоки, молоко, хлеб.

Мы впоследствии несколько дней кряду с благодарностью вспоминали гостеприимных хозяев в маленькой лесной деревеньке, от которых узнали много интересного о тайнах живицы.

№ 7

Портреты Крамского отличаются глубиной раскрытия не только психологии, характера модели, но и ее прелести и очарования.

Поиски Крамским красоты в жизни, желание подняться над будничностью, из обычного сделать необычное, прекрасное, радующее глаз выразились в знаменитой картине «Неизвестная».

Жажда прекрасного, способность очаровываться внешней красотой, гармонией, совершенством была в художнике так же сильна, как вера в необходимость самопожертвования, как преклонение перед силой человеческого духа, перед мужеством и стойкостью характера.

Сравнивая этюд к «Неизвестной» с картиной, мы видим в его основе тот же сюжет, ту же композицию и ту же модель. Беспристрастно и объективно раскрывая характер портретируемой, Крамской не наделяет ее ни красотой, ни обаянием; женщина и чопорна и надменна, губы презрительно сжаты, глаза высокомерно прищурены. Лицо полное и чуть одутловатое.

В картине возникает совсем другой образ. Чуть изменен поворот головы — она гордо поднята, с легким как бы снисходительным поклоном повернута направо. Это придает женщине грациозность и изящество вместо сдержанной чопорности. Все черты лица тоньше, изящней, изменилось выражение больших блестящих глаз, густо опущенных ресницами. Эстетическое наслаждение доставляет виртуозная передача нежной женской руки, затянутой в перчатку, бархата шубки, плотно облегающей фигурку, страусового пера, колышущегося на ветру. Крамской тонко чувствует красоту всего этого, но искусное изображение аксессуаров не отвлекает внимания художника от внутреннего смысла образа.

Эта красивая, но малопривлекательная женщина холодна и надменна. Она очень сдержанна, замкнута, но ее властный характер не трудно разгадать и в манере держаться, и в бесстрастном взгляде глаз. Внешняя красота, изысканность женщины не скрыли ее человеческой холодности. В этом портрете Крамской воплотил определенный тип женщины, в котором красота, лишенная душевного обаяния, составляет главную черту характера.

Образ «Неизвестной», сочетающий в себе красоту и одновременно душевную пустоту, — единственный в творчестве художника,

но столь интересный и значительный, что невольно становится своеобразной загадкой, скрывающей истинный замысел художника.

№ 8

Деревня Маниловка

Деревня Маниловка немногих могла заманить своим местоположением. Дом господский стоял на юру, то есть на возвышении, открытом всем ветрам. На покатох горы, одетой подстриженным дерном, были разбросаны по-английски две-три клумбы, пять-шесть берез небольшими купами возносили свои мелколистныя жиденькие вершины. Под двумя из них видна была небольшая, но высокая беседка с надписью: «Храм уединенного размышления»; пониже был покрытый зеленью пруд, отнюдь не диковинный в аглицких садах русских помещиков. У подошвы этого возвышения темнели серенькие бревенчатые избы, сразу сосчитанные нашим героем. Нигде между ними не было ни растущего деревца, ни какой-нибудь зелени. Вид оживляли две бабы, которые картинно подобравши платье и подтыкавшись со всех сторон, брели по колени в пруде, влача изорванный брeдeнь, где видны были два запутавшихся рака и блестела попавшая плотва. Даже самая погода весьма кстати прислужилась: день был неясный и не мрачный, а какого-то светло-серого цвета. Для пополнения картины не было недостатка в петухе-предвестнике переменчивой погоды, который, несмотря на голову, продолбленную до самого мозга носами других петухов, горланил очень громко, похлопывая крыльями, обдерганными, как старые рогожки. Поодаль в стороне темнел каким-то скучно-синеватым цветом сосновый лес.

Подъезжая ко двору, Чичиков заметил самого хозяина, стоящего на крыльце и приставившего руку ко лбу в виде зонтика над глазами, чтобы рассмотреть получше подъезжавший экипаж. По мере приближения брички к крыльцу глаза его делались веселее и улыбка раздвигалась более и более.

№ 9

В безветренную предыюльскую пору по извивающейся тропинке мы возвращаемся с охоты. У каждого за спиной холщовый мешочек, наполненный добычей, настрелянной в течение нескольких часов.

Охота была удивительно удачной, поэтому нас не расстраивало то, что четырех подстреленных уток собаки не могли разыскать.

Обессилев от ходьбы, мы улеглись у поваленной березы, покрытой

какой-то стелющейся растительностью. Не на расстеленной тканой скатерти, а на шелковистом мху, чуть-чуть высеребренном тонкой паутинкой, разложили мы дорожные яства. Среди них были купленные продукты и не купленные в магазине домашние изделия. Маринованные грибы, поджаренная колбаса, масляные ржаные лепешки, сгущенное молоко, говяжья печенька, печеный картофель, немного выжаренный в золе, и глоток напитка, настоящего на каком-то диковинном снадобье, покажутся вкусными на свежем воздухе самому сверхизысканному гурману.

Трудно сравнить с чем-либо то очарованье и наслаждение, которое испытываешь, когда лежишь у костра, на берегу безымянной речонки в лесной чащобе.

Возникают разговоры на самые необыкновенные и неожиданные темы: о трансъевропейских экспрессах, трансатлантических перелетах, сибирских морозах, обезьяньих проделках, искусных мастерах и о многом другом.

Изредка беседу нарушают непрошенные гости: оводы и комары. По справедливости они названы путешественниками бичом северных лесов.

Легонький ветерок едва-едва зыблет травы. Сквозь ветви деревьев виднеется голубое небо, а на сучочках кое-где держатся золоченые листочки. В мягком воздухе разлит пряный запах.

Вдалеке неожиданно появились свинцовые тучи, блеснула молния.

Вряд ли нам вовремя удастся укрыться от дождя.

К счастью, вблизи оказался домишко лесного объездчика — низенькое бревенчатое строение. Сынишка хозяина, стриженный мальчуган, одетый в короткое пальтишко, приветливо кивал нам головой.

Отблестали молнии, яростный ливень сначала приостановил, а затем и вовсе прекратил свою трескотню.

Стихии больше не спорят, не ссорятся, не борются.

Расстроенные полчища туч уносятся куда-то вдаль.

Выйдя из дома, мы вначале следуем по уже езженному проселку, а потом по асфальтированному шоссе, заменившему прежнюю немощеную дорогу.

№ 10

Андрей Болконский под Аустерлицем

Смешанные, все увеличивающиеся толпы бежали туда, где, казалось, пять минут назад войска проходили мимо императоров.

Болконский чувствуя, что невозможно не податься назад вместе с толпой, старался только не отставать от нее и оглядывался недоумевая и не в силах понять того, что делалось перед ним. Князь Андрей протеснился до Кутузова, на щеке которого он увидел кровь. «Вы ранены?» — спросил Болконский, удерживая дрожание нижней челюсти. «Рана не здесь, а вот где», — сказал Кутузов, прижимая платок к раненой щеке и указывая на бегущих...

Войска бежали такую густую толпою, что, раз попавши в середину толпы, трудно было из нее выбраться. С величайшим усилием выбравшись из потока, Кутузов со свитой, уменьшенной более чем вдвое, поехал на звуки артиллерийских выстрелов русской батареи; князь Андрей старался не отставать от него.

Французы атаковали батарею и, увидев Кутузова, выстрелили по нему. С этим залпом упало несколько солдат, и подпрапорщик, стоявший со знаменем, выпустил его из рук; знамя зашаталось и упало, задержавшись на ружьях соседних солдат.

Болконский, оглянувшись и указывая на расстроенный батальон, с отчаянным видом промышал: «Кутузов, что же это?» Но прежде, чем он договорил, князь Андрей, чувствуя слезы стыда и злобы, подступившие к горлу, уже соскакивал с лошади и бежал к знамени.

«Ребята, вперед!» — крикнул он по-детски пронзительно. «Вот оно!» — думал князь Андрей, схватив древко и с наслаждением слыша свист пуль, очевидно направленных именно против него. «Ура!» — закричал князь Андрей, едва удерживая в руках тяжелое знамя, и побежал вперед с несомненной уверенностью, что весь батальон побежит за ним.

Действительно, он пробежал один только несколько шагов, потом тронулся один, другой солдат, и весь батальон с криком «ура!» побежал вперед и обогнал его. Унтер-офицер батальона, подбежав, взял колебавшееся от тяжести в руках князя Андрея знамя, но тотчас же был убит. Князь Андрей опять схватил знамя и, волоча его за древко, бежал с батальоном. Он по-прежнему слышал над собою не перестававший свист пуль, и беспрестанно справа и слева от него охали и падали солдаты. Но он не смотрел на них: он вглядывался только в то, что происходило впереди его на батарее.

№ 11

Хотя для настоящего охотника дикая утка не представляет ничего особенного, но, за неимением другой дичи (дело было в начале сентября), мы отправились в Льгов. Льгов — большое степное село,

расположенное на болотистой речке Росоте. Эта речка верст за пять от Льгова превращается в широкий пруд, заросший густым тростником. Здесь водилось бесчисленное множество уток. Мы пошли с Ермолаем вдоль пруда, но, во-первых, у самого берега утка не держится, во-вторых, наши собаки не были в состоянии достать убитую птицу из сплошного камыша. «Надо достать лодку, пойдемте назад в Льгов!» — промолвил наконец Ермолай. Через четверть часа мы, сев в лодку Сучка, когда-то господского рыболова,плыли по пруду. К счастью, погода была тихая, и пруд словно заснул. Наконец мы добрались до тростников, и пошла потеха.

Утки, испуганные нашим неожиданным появлением, шумно поднимались и, кувыркаясь в воздухе, тяжело шлепались в воду. Всех подстреленных уток мы, конечно, не достали. Владимир, к великому удивлению Ермолая, стрелял вовсе не отлично. Ермолай стрелял, как всегда, победоносно. Я, по обыкновению, — плохо.

Погода стояла прекрасная, и, ясно отражаясь в воде, белые круглые облака высоко и тихо неслись над нами.

Когда мы уже собирались вернуться в село, с нами случилось неприятное происшествие.

К концу охоты, словно на прощанье, утки стали подниматься такими стаями, что мы едва успевали заряжать ружья. Вдруг от сильного движения Ермолая — он старался достать убитую птицу и всем телом налег на край — наше встхое судно наклонилось и торжественно пошло ко дну, к счастью, не на глубоком месте. Через мгновение мы стояли в воде по горло, окруженные всплывшими телами мертвых уток. Теперь я без хохота вспомнить не могу испуганных и бледных лиц моих товарищей (вероятно, и мое лицо не отличалось тогда румянцем), но в ту минуту, признаюсь, мне и в голову не приходило смеяться.

Часа два спустя мы, измученные, грязные, мокрые, достигли наконец берега и развели костер. Солнце садилось, и широкими багровыми полосами разбегались его последние лучи.

№ 12

Из сеней он (Чичиков) попал в комнату, тоже темную, чуть-чуть озаренную светом, выходившим из-под широкой щели, находившейся внизу двери. Отворивши эту дверь, он наконец очутился в свету и был поражен представшим беспорядком. Казалось, как будто в доме происходило мытье полов и сюда на время нагромоздили всю мебель. На одном столе стоял даже сломанный стул и рядом

с ним часы с остановившимся маятником, к которому паук уже приладил паутину. Тут же стоял прислоненный боком к стене шкаф со старинным серебром, графинчиками и китайским фарфором. На бюро, выложенном перламутровой мозаикой, которая местами уже выпала и оставила после себя одни желтенькие желобки, наполненные клеем, лежало множество всякой всячины: куча исписанных мелко бумажек, накрытых мраморным позеленевшим прессом с ячком наверху, какая-то старинная книга в кожаном переплете с красным обрезом, лимон, весь высохший, ростом не более лесного ореха, отломленная ручка кресел, рюмка с какой-то жидкостью и тремя мухами, накрытая письмом, кусочек сургучика, кусочек где-то поднятой тряпки, два пера, запачканные чернилами, высохшие, как в чахотке, зубочистка, совершенно пожелтевшая, которою хозяин, может быть, ковырял в зубах своих еще до нашествия на Москву французов.

По стенам навешано было весьма тесно и бестолково несколько картин, длинный пожелтевший гравюр какого-то сражения с огромными барабанами, кричащими солдатами и тонущими конями без стекла, вставленный в рамку красного дерева. Рядом с ним занимала полстены огромная почерневшая картина, писанная масляными красками, изображавшая цветы, разрезанный арбуз, кабанью морду и висевшую вниз головой утку.

№ 13

Песчаная отмель далеко золотилась, протянувшись от темного обрывистого, с нависшими деревьями берега в тихо сверкающую, дремотно светлеющую реку, пропавшую за дальним смутным лесом.

Вода живым серебром простиралась до другого берега, а ветер, настоящий на полевых травах, едва приметно колеблет молодую поросль, стелющуюся по карнизам крутого берега.

Задумчивая улыбка, не нарушаемая присутствием человека, лежит на всем: на синеве неба, на лениво-ласковой реке, *зыблущейся* под ветром, — и кажется, что эта улыбка так же таинственна, как и вся жизнь природы. Даже наполовину вытащенный дощаник, выдолбленная из дерева лодка, кажется не делом человеческих рук, а почернелым от времени, свалившимся с родного берега лесным гигантом, а рыбацья избушка, приютившаяся под самым обрывом, напоминает не что иное, как старый-престарый гриб.

Из избушки вышел немолодой, но крепкий старик в холстинной рубаше, прислушался к далеким звукам колокола, которые, обессиленные расстоянием, едва доносились сюда. И, двигая бровями,

как **наежившийся** кот шерстью, повернулся, и, тяжело ступая по хрустящему песку, подошел к разостланной бечеве с навязанными крючками и стал подтачивать их напильником и протирать сальной тряпкой, чтоб не ржавели в воде.

Чего только не видел на долгом веку старик, но он, приложив козырьком черную **ладонь**, долго любуется тем, как играет и колеблется нестерпимый для глаз блеск воды. Потом он берет узкое весло, лежащее поодаль, и сталкивает в воду лодку, невольно напоминающую при этом большого муравья, тащащего свою добычу.

№ 14

Глухариный ток

В весеннюю пору хорошо в лесу: воздух особенно свеж и пахуч, повсюду разносится запах прелых листьев и оттаявшей земли.

Впечатления, связанные с весенней охотой на глухарей, неизгладимы в моей памяти. Еще совсем не рассвело, и над спящим лесом плывет прозрачная ночная тишина, в которой ясно слышится каждый шорох и шепот. Хрустнет под ногой ветка, треснет ледяная корка, затянувшая неглубокое, но широкое болотце, и снова тишь.

Когда идешь по лесу, то время от времени останавливаешься и прислушиваешься. Хочется в срок добраться до места тока, когда глухарь еще не начинал своей песни. Внимательно слушаешь, и вдруг неожиданно раздается в воздухе резкий, отрывистый крик. Вскоре ему отвечает другой — и на болоте начинается звонкая переключка. Напряженно вслушиваешься в лесную мглу, поминутно взглядывая на стрелки часов.

На востоке, в глубине леса, между верхушками деревьев брезжит почти незаметный свет, и ночная тьма начинает понемногу рассеиваться.

Но вот уже в дали лесной слышатся неуловимые для неопытного охотника звуки глухариной песни. Характерное шелканье, щебетание слышится из отдаленной чащобы и наполняет предрассветную лесную тишину, переливаясь в воздухе таинственными и волнующими звуками.

Предоставьте время глухарям распеться, и тогда можете медленно и осторожно передвигаться в ту сторону, откуда виднеются первые отблески утренней зари и наиболее громко доносится песня глухаря. Передвигаться нужно как можно осторожнее, иначе приблизиться к птице вам не удастся. Стоит только глухарю замолчать, как

замираешь на месте и стоишь неподвижно. Запоет глухарь — снова двигаешься к месту глухарьего тока, где опять отчетливо слышится звонкая трель. В алом свете зари глухарь кажется массивной точеной фигурой из черного дерева. Лишь чуть заметное движение этой фигуры свидетельствует о том, что это не мертвый предмет.

№ 15

Едигей достал из лодки тяжелый кожаный бурдюк, наполненный водой, развязал его и выплеснул на прибрежную гальку вместе с водой золотого мекре. То была большая рыба. Могучая и красивая рыба. Она бешено заколотила золотым хвостом, изгибаясь, подпрыгивая, разметая вокруг мокрую гальку, и, широко разевая розовую пасть, обратилась к морю, пытаясь добраться до родной стихии, до прибоя. На какую-то недолгую секунду рыба вдруг замерла напряженно, затихла, пытаясь освоиться, оглядывая немигающими безупречно круглыми чистыми глазами тот мир, в котором нечаянно очутилась. Даже в сумеречном предвечерье зимнего дня непривычный свет ударил в голову, и увидела рыба сияющие глаза людей, склонившихся над ней, кромку берега и неба и в очень далекой перспективе над морем различила за редкими облаками на горизонте нестерпимо яркий для нее закат угасающего солнца. Задышаться начала. И рыба вскинулась. Заколотилась, закрутилась с новой силой, желая добраться до воды. Едигей поднял золотого мекре под жабры.

— Подставляй руки, держи, — сказал он Укубале.

Укубала приняла рыбину, как ребенка, на обе руки и прижала ее к груди.

— Какая она упругая! — воскликнула Укубала, ощутив ее пружинистую внутреннюю силу. — А тяжелая, как полено! И как здорово пахнет морем! И красивая какая! На, Едигей, я довольна, очень довольна. Исполнилось мое желание. Отпусти ее в воду поскорей...

Едигей понес золотого мекре к морю. Войдя по колено в набегающий прибой, он дал рыбе соскользнуть вниз. На какое-то короткое мгновение, когда золотой мекре падал в воду, отразилась в густой синеве воздуха вся золотая оснастка рыбы от темени до хвоста, и, блеснув, вспарывая воду стремительным корпусом, рыба уплыла в глубину...

№ 16

Овсяников придерживался старинных обычаев не из суеверия (душа в нем была довольно свободная), а по привычке. Он, например, не

любил рессорных экипажей, потому что не находил их покойными, и разъезжал либо в беговых дрожках, либо в небольшой красивой тележке с кожаной подушкой, и сам правил своим добрым гнедым рысаком. (Он держал одних гнедых лошадей.) Кучер, молодой краснотелый **парень**, остриженный в скобку, в синеватом армяке и низкой бараньей шапке, подпоясанный ремнем, почтительно сидел с ним рядом. Овсяников всегда спал после обеда, ходил в баню по субботам, читал одни духовные книги (причем с важностью надевал на нос круглые серебряные очки), вставал и ложился рано. Бороду, однако же, он брил и волосы носил по-немецки. Гостей он принимал весьма ласково и радушно, но не кланялся им в пояс, не суетился, не потчевал их всяким сушеным и соленым. «Жена! — говорил он медленно, не вставая с места и слегка повернув к ней голову. — Принеси господам чего-нибудь полакомиться». Он почитал за грех продавать хлеб — божий дар, и в 40-м году, во время всеобщего голода и страшной дороговизны, раздал окрестным помещикам и мужикам весь свой запас; они ему на **следующий** год с благодарностью внесли свой долг натурой. К Овсяникову часто прибегали соседи с просьбой рассудить, помирить их и почти всегда слушались его совета. Многие, по его милости, окончательно **размежевались**... Но после двух или трех ошибок с помещицами он объявил, что отказывается от всякого посредничества между особами женского пола. Терпеть он не мог **поспешности**, тревожной торопливости, бабьей болтовни и суеты.

№ 17

Проснувшись, я долго не мог сообразить, где я.

Надо мной расстилалось голубое небо, по которому тихо плыло и таяло сверкающее облако. Закинув несколько голову, я мог видеть в вышине темную деревянную церковку, наивно глядевшую на меня из-за зеленых деревьев, с высокой кручи. Вправо, в нескольких саженях от меня, стоял какой-то незнакомый шалаш, влево — серый неуклюжий столб с широкой дощатою крышей, с кружкой и с доской, на которой было что-то написано.

А у самых моих ног плескалась река.

Этот-то плеск и разбудил меня от сладкого сна. Давно уже он прорывался к моему сознанию беспокоящим шепотом и точно ласкающим, но вместе беспощадным голосом, который подымает на заре для неизбежного трудового дня. А вставать так не **хочется**...

Я опять закрыл глаза, чтоб отдать себе, не двигаясь, отчет в

том, как я очутился здесь, под открытым небом на берегу плещущейся речонки, в соседстве этого шалаша.

Понемногу в уме моем восстановились предшествующие обстоятельства. Предыдущие сутки я провел на Святом озере, у невидимого града Китежа, толкаясь между народом, слушая гнусавое пение нищих слепцов, страстные религиозные споры беспоповцев и скитников. Мне вспомнились утомленные лица миссионеров и священников, кучи книг на аналое, при помощи которых спорившие разыскивали нужные тексты в толстых фолиантах. На заре я с трудом протолкался из толпы на простор и, усталый, с головой, отяжелевшей от бесплодности этих споров, с сердцем, сжимавшимся от безотчетной тоски и разочарования, — поплелся восвояси. Тяжелые, нерадостные впечатления уносил я от берега Святого озера, от невидимого, но страстно **взыскуемого** народом города. Точно в душном склепе, при тусклом свете угасающей свечи, провел я всю эту бессонную ночь, прислушиваясь, как где-то за стеной кто-то читает мерным голосом заупокойные молитвы над заснувшей навеки народной мыслью.

Солнце уже встало над лесами и водами **Ветлуги**, когда я, пройдя около пятнадцати верст лесными тропами, вышел к реке и тотчас же свалился на песок, точно мертвый, от усталости и вынесенных с озера суровых впечатлений.

№ 18

Общая квартира Мечиславского и **Остроухова** состояла из двух комнат. Первая темная комната была обращена в прихожую, а светлая — в спальню.

Светлая комната была замечательна простенками необыкновенной ширины, как будто бы предполагали строить замок, а не двухэтажный дом. В громадном простенке стоял большой стол с зеленоватым маленьким самоваром. На круглом ржавом подносе, с маленькой решеточкой кругом, стояли два стакана. Напротив стола, у стены, находился массивный турецкий диван, обтянутый тиком, во многих местах разодранный, откуда виднелась другая материя. За диваном, у печки, стоял маленький простого дерева комод с разошедшимися ящиками и тут же **маленький** туалетный ящик с зеркалом.

Подругой стене тянулась длинная кровать с коротенькой периной и кожаными подушками, напоминавшая детей, выросших из своего платья. Возле кровати — разложенный стол, на нем запыленные роли, парики, бритвы, — все пересыпано табаком и пылью.

Остроухов даже не имел зеркала, а какой-то кусочек, обделанный в пеструю бумажку.

Противоположная стена от двери до окна была завешана разного рода платьями: тут висел французский кафтан с блестками, греческая рубашка, испанский плащ рядом с засаленным халатом, шубой и другими платьями.

Когда Остроухов возвратился домой, он застал Мечиславского лежащим на диване с ролью в руке. По нахмуренным бровям и взглядам исподлобья можно было догадаться, что Остроухов чем-то недоволен. Его умное лицо, разрисованное морщинами, имело обычное выражение утомления и грусти. Но Мечиславский не обратил внимания на своего друга: он слишком был погружен в свои мысли. Наконец он окликнул его после долгого молчания, и тот так вздрогнул, что роль выпала у него из рук. Мечиславский пугливо посмотрел на своего товарища и покачал головой: «Нехорошо, братец! На меня нечего смотреть, что я своей роли не знаю: память стала слаба. А вот ты, ты другое дело. Придется тебе смотреть на свою возлюбленную и в то же время подставлять ухо к суфлеру. Не годится, братец!»

Мечиславский, как пристыженный школьник, громко стал читать свою роль.

№ 19

Пахло жасмином в старой гостиной с покосившимися полами. Стгнивший, серо-голубой от времени балкон, с которого, за отсутствием ступенек, надо было прыгивать, тонул в крапиве, бузине, бересклете. В жаркие дни, когда его пекло солнце, когда были отворены осевшие стеклянные двери и веселый отблеск стекла передавался в тусклое овальное зеркало, висевшее на стене против двери, все вспоминалось нам фортепиано тети Тони, когда-то стоявшее под этим зеркалом. Когда-то играла она на нем, глядя на пожелтевшие ноты с заглавиями в завитушках, а он стоял сзади, крепко подпирая талию левой рукой, крепко сжимая челюсти и хмурясь. Чудесные бабочки — и в ситцевых пестреньких платицах, и в японских нарядах, и в черно-лиловых бархатных шаях — залетали в гостиную. И перед отъездом он с сердцем хлопнул однажды ладонью по одной из них, трепетно замиравшей на крышке фортепиано. Осталась только серебристая пыль. Но, когда девки, по глупости, через несколько дней стерли ее, с тетей Тоней сделалась истерика. Мы выходили из гостиной на балкон, садились на теплые доски — и

думали, думали. Ветер, пробегая по саду, доносил до нас шелковистый шелест берез с атласно-белыми, **испещренными** чернью стволами и широко раскинутыми зелеными ветвями, ветер, шумя и шелестя, бежал с полей — и зелено-золотая иволга вскрикивала резко и радостно, колом проносясь над белыми цветами за болтливыми галками, обитавшими с многочисленным родством в развалившихся трубах и в темных чердаках, где пахнет старыми кирпичами и через слуховые окна полосами падает на бугры серо-фиолетовой золы золотой свет; ветер замирал, сонно ползали пчелы по цветам у балкона, совершая свою неспешную работу, — и в тишине слышался только ровный, струящийся, как непрерывный мелкий дождик, лепет серебристой листвы **тополей...**

№ 20

Осенний свинцовый вечер; холодный дождь, мелкий, как пыль, неумоимо сеет на крыши домов Берлина, на зонтики почтенных немцев и камень мостовой; крупные, краснощекие люди торопливо разносят свои сытые тела, большие животы по **улицам**, скучно прямым.

Огромный город — сегодня весь мокрый, озябший и хмурый — утомительно правилен, он — точно шахматная доска, и кто-то невидимый гоняет по ней черные фигуры, молча играя трудную, сложную игру.

Между крыш, над черной, спутанной сетью деревьев, тускло блестит купол рейхстага, как золотой шлем великана-рыцаря, плененного и связанного толстыми цепями улиц, каменно-серыми звеньями домов.

Вспыхивают бледные, холодные огни, и вода на мостовой в щелях и выбоинах камня светится синевато, тонкие маленькие ручьи напоминают вены, густую, отравленную кровь. От огня родились тени, тяжелый город, еще более тяжелея, оседает к мокрой земле: дома становятся ниже, угрюмей, люди — меньше, суетливее; все вокруг стареет, морщится; гуще выступает сырость на толстых стенах, яснее слышен шум воды в водостоках, и покорно падают на плиты тротуара тяжелые капли с крыш.

Скучно. Этот город — такой большой, серый, хвастливо чистый — неуютен, как будто он создан не для людей, а напоказ, и люди живут **порабощенные** камнем. Они мечутся в улицах города, как мыши в мышеловке, жалко смотреть на них: жизнь их кажется бессмысленной, непоправимо, навсегда испорченной — никогда **сни**

не станут выше того, что создано ими до этого дня, не почувствуют себя в силе жить иначе — свободней и светлей.

Хрипло ухают и гудят автомобили, гремит и воет блестящий вагон трамвая, синие искры брызгают из-под его колес; недоверчиво хмурятся подслеповатые окна домов и холодно плачут о чем-то. Все кажется смертельно усталым, и всюду сырость, точно пот больного лихорадкой.

№ 21

Уже более трех часов прошло с тех пор, как я присоединился к мальчикам. Месяц взошел наконец; я его не тотчас заметил: так он был мал и узок. Эта безлунная ночь, казалось, была все так же великолепна, как и прежде. Но уже склонились к темному краю земли многие звезды, еще недавно высоко стоявшие на небе. Все совершенно затихло кругом, как обыкновенно затихает все только к утру: все спало крепким, неподвижным, предрассветным сном. В воздухе уже не так сильно пахло, — в нем снова как будто разливалась сырость... Недолги летние ночи! Разговор мальчиков угасал вместе с огнями... Собаки тоже дремали; лошади, сколько я мог различить, при чуть брезжущем, слабо льющемся свете звезд, тоже лежали, понутив головы... Сладкое забытие напало на меня; оно перешло в дремоту.

Свежая струя пробежала по моему лицу. Я открыл глаза: утро začínалось. Еще нигде не румянилась заря, но уже забелелось на востоке. Все стало видно, хотя смутно. Бледно-серое небо светлело, холодело, синело; звезды то мигали слабым светом, то исчезали; отсырела земля, кое-где стали раздаваться живые звуки, и жидкий, ранний ветерок уже пошел бродить и порхать над землею. Я проворно встал и подошел к мальчикам. Они все спали как убитые вокруг костра; один Павел приподнялся и пристально посмотрел на меня.

Я кивнул ему головой и пошел восвояси вдоль реки. Не успел я отойти двух верст, как уже полились кругом меня по широкому мокрому лугу, и спереди по холмам, от лесу до лесу, и сзади по длинной пыльной дороге, по сверкающим обгаренным кустам, и по реке, стыдливо синевшей из-под редящего тумана, — полились сперва алые, потом красные, золотые потоки молодого, горячего света... Все зашевелилось, проснулось, запело...

Всюду лучистыми алмазами зарделись крупные капли росы; мне навстречу, чистые и ясные, словно тоже обмытые утренней прохладой, пронесли звуки колокола, и вдруг мимо меня, погоняемый знакомыми мальчиками, промчался отдохнувший табун...

Я, к сожалению, должен прибавить, что в том же году Павла не стало. Он не утонул: он убили, упав с лошади. Жаль, славный был парень!

№ 22

Хорошо идти по земле ранним утром. Воздух еще не знойный, но уже не холодный, приятно освежает. Солнце, еще не вошедшее в силу, греет бережно и ласково. Под косыми лучами весьма неяркого утреннего света все кажется рельефнее, выпуклее: и мостик через неширокую, но полную водой канаву, и деревья, подножья которых еще затоплены тенью, а темно-зеленые верхушки влажно поблескивают (сквозь них брезжут лучи солнца), и невысокие, но сплошь покрытые бесчисленным количеством листьев кусты. Даже небольшие неровности на дороге и по сторонам ее бросают свои маленькие тени, чего уж не будет в яркий полдень.

В лесу то и дело попадаются болотца, черные и глянцевиые. Тем зеленее кажется некошенная трава, растущая возле них. Иногда из глубины безгранично обширного леса прибежит рыженький приятно журчащий ручеек. Он пересекает дорожку и торопливо скрывается в смешанном лесу. А в одном месте из лесного мрака выполз, словно гигантский удав, сочный, пышный поток мха. В середине его почти неестественной зелени струится ярко-коричневый ручеек.

Нужно сказать, что коричневая вода этих мест несколько не мутна. Она почти прозрачна, если зачерпнуть ее граненым стаканом, но сохраняет при этом золотистый оттенок. Видимо, очень уж тонка та торфяная взвесь, что придает ей этот красивый цвет.

На лесной дороге, расходясь веером, лежали бок о бок тени от сосен, берез и елей. Лес был не старый, но чистый, без подлеска.

Километра через два слева и справа от бороздчатой дороги тянулись быстрорастущие кусты, какие могут расти только по берегам небольшой речонки. Возле них всюду была видна молодая поросль.

№ 23

Под легким дуновением знойного ветра море вздрагивало и, покрываясь мелкой рябью, ослепительно ярко отражавшей солнце, улыбалось голубому небу тысячами серебряных улыбок. В пространстве между морем и небом носился веселый плеск волн, взбегавших на пологий берег песчаной косы. Все было полно живой радости: звук и блеск солнца, ветер и соленый аромат воды, жаркий воздух и желтый песок. Узкая длинная коса, вонзаясь острым шпилем в безграничную

пустыню играющей солнцем воды, терялась где-то вдаль, где знойная мгла скрывала землю. Багры, весла, корзины да бочки беспорядочно валялись на косе. В этот день даже чайки истомлены зноем. Они сидят рядами на песке, раскрыв клювы и опустив крылья, или же лениво качаются на волнах. Когда солнце начало спускаться в море, неугомонные волны то играли весело и шумно, то мечтательно ласково плескались о берег. Сквозь их шум на берег долетали не то вздохи, не то тихие, ласково зовущие крики. Солнце садилось, и на желтом горячем песке лежал розоватый отблеск его лучей. И жалкие кусты ив, и перламутровые облака, и волны, взбегавшие на берег, — все готовилось к ночному покою. Одинокий, точно заблудившийся в темной дали моря, огонь костра то ярко вспыхивал, то угасал, как бы изнемогая. Ночные тени ложились не только на море, но и на берег. Вокруг было только безмерное, торжественное море, посеребренное лунной, и синее, усеянное звездами небо.

№ 24

Обыкновенная земля

В Мещерском крае нет никаких особенных красот и богатств, кроме лесов, лугов и прозрачного воздуха. И тем не менее этот край нехоженных троп и непуганых зверей и птиц **обладает** большой притягательной силой. Он так же скромн, как картины Левитана, но в нем, как и в этих картинах, заключается вся прелесть и все незаметное на первый взгляд разнообразие русской природы. Что можно увидеть в Мещерском крае? Цветущие, никогда не кошенные луга, стелющиеся туманы, сосновые боры, лесные озера, высокие стога, пахнущие сухим и теплым сеном. Сено в стогах остается теплым в течение всей зимы. Мне приходилось ночевать в стогах в октябре, когда иней покрывает траву на рассвете, и я вырывал в сене глубокую нору. Залезешь в нее — сразу согреешься и спишь в продолжение всей ночи, будто в натопленной комнате. А над лугами ветер гонит свинцовые тучи. В Мещерском крае можно увидеть, вернее, услышать такую торжественную тишину, что бубенчик заблудившейся коровы слышен издали, почти за километры, если, конечно, день безветренный. Летом в ветреные дни леса шумят великим океанским гулом и вершины гигантских сосен гнутся вслед пролетающим облакам.

Вот невдалеке неожиданно блеснула молния. Пора искать убежища для спасения от неожиданного дождя. Надеюсь, удастся **скрыть**ся вовремя вон под тем дубом. Под этим естественным, созданным

щедрой природой шатром никогда не промокнешь. Но вот отблестали молнии, и полчища туч унеслись куда-то **вдаль**. Пробравшись через мокрый папоротник и какую-то стелющуюся растительность, выбираемся на едва приметную тропинку. Как **прекрасна** Мещера, когда привыкнешь к ней! Все становится родным: крики перепелов, суеутивный стук дятлов, и шорох дождей в рыжей хвое, и плач ивы над заснувшей рекой.

№ 25

Серпилин смотрел на **дорогу** и на все, мимо чего ехали, с неослабным вниманием, с особой остротой зрения, рождавшейся от мысли, что, может быть, придется проститься со всем этим.

Ледяная, разьеженная грузовиками дорога, с накатанными до блеска буграми и впадинами, такими твердыми, что, кажется, их не взять никакой весне. Сколько видит глаз — ни одного населенного пункта. Все живое живет и мерзнет в землянках или приткнулось к редким развалинам, оставшимся **после** осенних боев. К таким вот, как эти двухметровые кирпичные стены в полукилометре от дороги.

Впоследствии, вспоминая эту дорогу, Серпилин видел вереницы машин. На одном из встречных **тяжело** груженных чем-то грузовиков везли знакомые ящики с концентратами. С питанием на фронте последний месяц было неплохо, а с топливом — бедственно. Телеграфные столбы поодаль от дороги — самые верные свидетели. К каждому протянулось от дороги по несколько цепочек следов. А у столбов для несведущего глаза странный вид: от подножия и на высоту поднятой человеческой руки все они кверху или книзу расширяются до нормальной толщины, а в середине обструганы до пределов возможного. На каждом оставлено ровно столько дерева, только чтоб не сломалось от ветра.

Дорога в батальон, куда направлялись Серпилин и **Птицын**, ординарец, была небезопасна: постреливали. Вот и сейчас в трехстах метрах, там, куда они добирались, хлопнула мина, издаека доносился приглушенный гул артиллерийской канонады. Под аккомпанемент этих привычных звуков Серпилин думал о том, что **Птицыну**, этому далеко не молодому и многосемейному человеку (по гражданской специальности счетоводу), сам бог велел быть ординарцем. Что касается храбрости, то Птицын был не храбрее и не трусливее других: человек как человек. **Боязнь** смерти выражалась у него только в одном: под огнем ординарец старался держаться впритирку к Серпилину, полагая в душе, что генерала не убьет.

Теперь по деревням уже не водят медведей. Да и цыгане стали редко бродить: большей частью они живут в тех местах, где приписаны, и только иногда, отдавая дань своей вековой привычке, выбираются куда-нибудь на выгон, натягивают закопченное полотно и живут целыми семьями, занимаясь ковкой лошадей, коновальством и барышничеством. Мне случалось видеть даже, что шатры уступали место на скорую руку сколоченным дощатым балаганам. Это было в губернском городе: недалеко от больницы и базарной площади, на клочке еще не застроенной земли, рядом с почтовой дорогой.

Из балаганов слышался лязг железа; я заглянул в один из них: какой-то старик ковал подковы. Я посмотрел на его работу и увидел, что это уже не прежний цыган-кузнец, а простой мастеровой; проходя уже довольно поздно вечером, я подошел к балагану и увидел старика за тем же занятием. Странно было видеть цыганский табор почти внутри города: дощатые балаганы, костры с чугунными котелками, в которых закутанные пестрыми платками цыганки варили какие-то яства.

Цыгане шли по деревням, давая в последний раз свои представления. В последний раз медведи показывали свое искусство: плясали, боролись, показывали, как мальчишки горох воруют. В последний раз приходили старики и старухи, чтобы полечиться верным, испытанным средством: лечь на землю под медведя, который ложился на пациента брюхом, широко растопырив во все стороны по земле свои четыре лапы. В последний раз их вводили в хаты, причем, если медведь добровольно соглашался войти, его вели в передний угол, и сажали там, и радовались его согласию как доброму знаку.

В течение прошлого лета мне пришлось жить в старинной подмосковной усадьбе, где было настроено и сдавалось несколько небольших дач. Никак не ожидал я этого: дачи под Москвой, никогда еще не жил дачником без какого-то ни было дела в усадьбе, столь непохожей на наши степные усадьбы, и в таком климате.

В парке усадьбы деревья были так велики, что дачи, кое-где построенные в нем, казались под ним малы, имея вид туземных жилищ под деревьями в тропических странах. Пруд в парке, наполовину затянутый зеленой ряской, стоял как громадное черное зеркало.

Я жил на окраине парка, примыкавшего к негустому смешанному лесу; дощатая дача моя была не достроена, неконопаченные стены, нестроганные полы, мебели почти никакой. От сырости, по видимому никогда не исчезавшей, мои сапоги, валявшиеся под кроватью, обрастали бархатом плесени.

Все лето почти непрерывно шли дожди. Бывало, то и дело в яркой синеве скапливались белые облака и вдали перекачивался гром, потом начинал сыпать сквозь солнце блестящий дождь, быстро превращавшийся от зноя в душистый сосновый пар. Как-то неожиданно дождь заканчивался, и из парка, из леса, с соседних пастбищ — отовсюду снова слышалась радостная птичья разноголосица.

Перед закатом по-прежнему оставалось ясно, и на моих дощатых стенах дрожала, падая в окна сквозь листву, хрустально-золотая сетка низкого солнца.

Темнело по вечерам только к полуночи: стоит и стоит полусвет запада по совершенно неподвижным, притихшим лесам. В лунные ночи этот полусвет как-то странно мешался с лунным светом, тоже неподвижным, заколдованным. И по тому спокойствию, что царило повсюду, по чистоте неба и воздуха все казалось, что дождя уже больше не будет. Но вот я, засыпая, вдруг слышал: на крышу опять рушится ливень с громовыми раскатами, кругом беспредельная тьма и в отвес падающие молнии.

Утром в сырых аллеях, на лиловой земле, расстилались пестрые тени и ослепительные пятна солнца, цокали птички, называемые мухоловками, и хрипло трещали дрозды. А к полудню опять парило, находили облака и начинал сыпать дождь.

№ 28

Он сердито швырнул окурок, зашипевший в луже, засунул руки в карманы расстегнутого, развеваемого ветром пальто и, нагнув еще не успевшую проясниться от дообеденных уроков голову и ощущая в желудке тяжесть скверного обеда, принялся шагать сосредоточенно и энергично. Но как ни шагал, все, что было кругом, шло вместе с ним: и наискось ливший дождь, мочивший лицо, и заношенный студенческий мундир, и громадные дома, чуждо и молчаливо теснившиеся по обеим сторонам узкой улицы, и прохожие, мокрые, угрюмые, которые казались в дождь все, как один. Все это знакомое, повторяющееся день изо дня, надоедливо шло вместе с ним, ни на минуту, ни на мгновение не отставая.

И вся обстановка его теперешней жизни, все одна и та же.

повторяющаяся изо дня в день, казалось, шла вместе с ним: утром несколько глотков горячего чая, потом бесконечная беготня по урокам.

И все дома его клиентов были на один манер, и жизнь в них шла на один манер, и отношения к нему и его к ним были одни и те же. Казалось, он только менял в течение дня улицы, но входил к одним и тем же людям, к одной и той же семье, несмотря на разность физиономий, возрастов и общественного положения.

Он позвонил. Долго не открывали. Загринов стоял насупившись. Дождь все так же косо мелькал, чисто омытые тротуары влажно блестели. Извозчики, нахохлившись, дергали вожжами так же, как и всегда. В этой покорности чувствовалась своя особенная, недоступная окружающим жизнь.

В пустой, голой, даже без печки комнате стояли три стула. На столе лежали две развернутые тетради с положенными на них карандашами. Обыкновенно при входе Загринова у стола его встречали, глядя исподлобья, два плечистых угрюмых реалиста.

Старший, вылитая копия отца, был в пятом классе. Глядя на этот низкий заросший жесткими волосами лоб, на эту срезанную назад тяжелую, неправильную голову, казалось, что в толстом черепе оставался очень небольшой уголок для мозга.

Загринов никогда не видел их матери, но почему-то казалось, что в младшем сквозь тяжелую оболочку отца сквозили мягкие, женственные черты матери, живые, жаждущие света, жизни. Казалось, он делал тщетные усилия и попытки выбиться из какой-то тяжелой, давившей обстановки, бился угрюмо, не умея и не имея с кем поделиться, отвести душу.

Со своими учениками Загринов никогда ни о чем постороннем не заговаривал. Между ним и его учениками всегда стояла стена отчуждения. В доме так же царила строгая, суровая тишина, как будто никто не ходил, не разговаривал, не смеялся.

№ 29

Метель

Долго мы ехали, но метель все не ослабевала, а, наоборот, как будто усиливалась. День был ветреный, и даже с подветренной стороны чувствовалось, как непрестанно гудит в какую-то скважину снизу. Ноги мои стали мерзнуть, и я напрасно старался набросить на них что-нибудь сверху. Ямщик то и дело поворачивал ко мне обветренное

лицо с покрасневшими глазами и обиндевшими ресницами и что-то кричал, но мне не разобрать было ничего. Он, вероятно, пытался приободрить меня, так как рассчитывал на скорое окончание путешествия, но расчеты его не оправдались, и мы долго плутали во тьме. Он еще на станции уверял, что к ветрам всегда притерпеться можно, только я, южанин и домосед, претерпевал эти неудобства моего путешествия, скажу откровенно, с трудом. Меня не покидало ощущение, что предпринятая мною поездка вовсе не безопасна.

Ямщик уже давно не тянул свою безыскусную песню; в поле была полная тишина, белая, застывшая; ни столба, ни стога, ни ветряной мельницы — ничего не видно. К вечеру метель поутихла, но непролицаемый в поле мрак — тоже невеселая картина. Лошади как будто заторопились, и серебряные колокольчики зазвенели на дуге.

Выйти из саней было нельзя: снегу навалило на пол-аршина, сани непрерывно въезжали в сугроб. Я насилу дождался, когда мы подъехали наконец к постоялому двору.

Гостеприимные хозяева долго нянчились с нами: оттирали, обогревали, потчевали чаем, который, кстати сказать, здесь пьют настолько горячим, что я ожег себе язык, впрочем, это нисколько не мешало нам разговаривать по-дружески, будто мы век знакомы. Непреодолимая дрема, навеянная теплом и сытостью, нас, разумеется, клонила ко сну, и я, поставив свои валяные сапоги на протопленную печь, лег и ничего не слышал: ни пререканий ямщиков, ни перешептывания хозяев — заснул как убитый. Наутро хозяева накормили незваных гостей и вяленой олениной, и стреляными зайцами, и печенной в золе картошкой, напоили теплым молоком.

№ 30

Ночь в Балаклаве

В конце октября, когда дни еще по-осеннему ласковы, Балаклава начинает жить своеобразной жизнью. Уезжают обремененные чемоданами и баулами последние курортники, в течение долгого здешнего лета наслаждавшиеся солнцем и морем, и сразу становится просторно, свежо и по-домашнему деловито, точно после отъезда нашумевших непрошенных гостей.

Поперек набережной расстилаются рыбачьи сети, и на полированных булыжниках мостовой они кажутся нежными и тонкими, словно паутина. Рыбаки, эти труженики моря, как их называют, ползают по разостланым сетям, как будто серо-черные пауки, исправляющие

разорванную, воздушную пелену. Капитаны рыболовецких баркасов точат иступившиеся белужьи крючки, а у каменных колодцев, где непрерывной серебряной струйкой лепечет вода, судачат, собираясь здесь в свободные минуты, темнолицые женщины — местные жительницы.

Опускаясь за море, садится солнце, и вскоре звездная ночь, сменяя короткую вечернюю зарю, обволакивает землю. Весь город погружается в глубокий сон, и наступает тот час, когда ниоткуда не доносится ни звука. Лишь изредка хлопает вода о прибрежный камень, и этот одинокий звук еще более подчеркивает ничем не нарушаемую тишину. Чувствуешь, как ночь и молчание слились в одном черном объятии.

Нигде, по-моему, не услышишь такой совершенной, такой идеальной тишины, как в ночной Балаклаве.

№ 31

На сенокосе

Трава на некошеном лугу, невысокая, но густая, оказалась не мягче, а еще жестче, однако я не сдавался и, стараясь косить как можно лучше, шел не отставая.

Владимир, сын бывшего крепостного, не переставая махавший косой, почему зря резал траву, не выказывая ни малейшего усилия. Несмотря на крайнюю усталость, я не решался попросить Владимира остановиться, но чувствовал, что не выдержу: так устал.

В это время Владимир сам остановился и, нагнувшись, взял травы, не торопясь вытер косу и стал молча точить. Я не спеша опустил косу и облегченно вздохнул, оглядевшись.

Невзрачный мужичонка, прихрамывая шедший сзади и, по-видимому, тоже уставший, сейчас же, не доходя до меня, остановился и принялся точить, перекрестившись.

Наточив свою косу, Владимир сделал то же с моей косой, и мы не медля пошли дальше. Владимир шел мах за махом, не останавливаясь, и, казалось, не чувствовал никакой усталости. Я косил из всех сил, стараясь не отставать, и все более ослабевал. С деланным безразличием махая косой, я все более убеждался, что у меня не хватит сил даже для считанных махов косы, нужных, чтобы закончить ряд.

Наконец ряд был пройден, и, вскинув на плечо косу, Владимир пошел по уже хоженному покосу, ступая по следам, оставленным

каблуками. Пот, не унимаясь, скатывался с моего лица, и вся рубаха моя была мокра, словно моченная в воде, но мне было хорошо: я ВЫСТОЯЛ.

№ 32

Вернув Маргарите подарок *Воланда*, *Азazelло* распрощался с нею, спросил, удобно ли ей сидеть. Гелла сочно расцеловалась с Маргаритой, кот приложился к ее руке, и провожатые тотчас растаяли в воздухе, не считая нужным утруждать себя подъемом по лестнице. Грач, включив фары, выкатил в ворота мимо мертво спящего человека в подворотне, и огни большой черной машины пропали среди других огней на бессонной и шумной Садовой.

Через час в одном из арбатских переулков, в подвале маленького домика, в первой комнате, где все было так же, как было до страшной осенней ночи прошлого года, за столом, накрытым бархатной скатертью, под лампой с абажуром, возле которой стояла вазочка с ландышами, сидела Маргарита и тихо плакала от пережитого потрясения и счастья. Перед ней лежала исковерканная огнем тетрадь и возвышалась стопка нетронутых тетрадей. Домик молчал. В соседней маленькой комнате спал мастер, и его ровное дыхание было беззвучно.

Наплакавшись, Маргарита взялась за не тронутую огнем тетрадь и поняла: именно ее она перечитывала перед свиданием с *Азazelло* под Кремлевской стеной. Не пытаясь уснуть, Маргарита рассматривала рукопись, гладила ее, как гладят любимую кошку, и, поворачивая тетрадь в руках, оглядывала со всех сторон, то останавливаясь на титульном листе, то открывая конец. На нее накатала вдруг ужасная мысль, что все это колдовство, что тетради исчезнут из глаз и что, если она, проснувшись, сейчас окажется в своей спальне в особняке, ей придется идти топить.

Но эта страшная мысль, как отзвук долгих страданий, переживаемых ею, была последней. Ничто не исчезало: всеильный *Воланд* был действительно всеилен. Маргарита могла сколько угодно, хотя бы до самого рассвета, шелестеть листами тетрадей, разглядывать их и целовать и перечитывать слова: «Тьма, пришедшая со Средиземного моря, накрыла ненавидимый прокуратором город... Да, тьма...»

№ 33

Сумерки, может быть, и были причиной того, что внешность прокуратора резко изменилась. Он как будто на глазах постарел,

сгорбился и, кроме того, стал тревожен. Один раз он оглянулся и почему-то вздрогнул, бросив взгляд на пустое кресло, на спинке которого лежал плащ. Приближалась прозрачная ночь, вечерние тени играли свою игру, и, вероятно, усталому прокуратору померещилось, что кто-то сидит в пустом кресле. Допустив малодушие, пошевелив брошенный плащ, прокуратор, оставив его, забежал по балкону, то подбегая к столу и хватаясь за чашу, то останавливаясь и начиная бессмысленно глядеть в мозаику пола.

В течение сегодняшнего дня уже второй раз на него пала тоска. Потирая висок, в котором от утренней боли осталось только ноющее воспоминание, прокуратор все силился понять, в чем причина его душевных мучений, и, поняв это, он постарался обмануть себя. Ему ясно было, что, безвозвратно упустив что-то сегодня утром, он теперь хочет исправить упущенное какими-то мелкими и ничтожными, а главное, запоздавшими действиями. Но это очень плохо удавалось прокуратору. На одном из поворотов, круто остановившись, прокуратор свистнул, и из сада выскочил на балкон гигантский остроухий пес в ошейнике с золочеными бляшками.

Прокуратор сел в кресло; Банга, высунув язык и часто дыша, уселся у ног хозяина, причем радость в глазах пса означала, что кончилась гроза и что он опять тут, рядом с человеком, которого любил, считал самым могучим в мире, повелителем всех людей, благодаря которому и самого себя пес считал привилегированным существом, высшим и особенным. Но, улегшись у ног хозяина и даже не глядя на него, пес сразу понял, что хозяина его постигла беда, и поэтому Банга, поднявшись и зайдя сбоку, положил лапы и голову на колени прокуратору, что должно было означать: он утешает своего хозяина и несчастье готов встретить вместе с ним. Это он пытался выразить и в глазах, скашиваемых к хозяину, и в насторожившихся, наостренных ушах. Так оба они, пес и человек, любящие друг друга, встретили праздничную ночь.

№ 34

Я проснулся ранним утром. Комната была залита ровным желтым светом, будто от керосиновой лампы. Свет шел снизу, из окна, и ярче всего освещал бревенчатый потолок. Станный свет — неяркий и неподвижный — был вовсе не похож на солнечный. Это светили осенние листья.

За ветреную и долгую ночь сад сбросил сухую листву. Она лежала разноцветными грудками на земле и распространяла тусклое сияние,

и от этого сияния лица людей казались загорелыми. Осень смешала все чистые краски, какие существуют на свете, и нанесла их, как на холст, на далекие пространства земли и неба.

Я видел сухую листву, не только золотую и пурпурную, но и фиолетовую, и серую, и почти серебряную. Краски, казалось, смягчились из-за осенней мглы, неподвижно висели в воздухе. А когда беспрерывно шли дожди, мягкость красок сменялась блеском: небо, покрытое облаками, все же давало достаточно света, чтобы мокрые леса могли загораться вдали, как величественные багряные и золотые пожары. Теперь конец сентября, и в небе какое-то странное сочетание наивной голубизны и темно-махровых туч. Временами проглядывает ясное солнце, и тогда еще чернее делаются тучи, еще голубее чистые участки неба, еще чернее неширокая проезжая дорога, еще белее проглядывает сквозь полуопавшие липы старинная колокольня.

Если с этой колокольни, забравшись по деревянным расшатанным лестницам, поглядеть на северо-запад, то сразу расширится кругозор. Отсюда особенно хорошо видна речонка, обвивающая подножие холма, на котором раскинулась деревня. А вдали виднеется лес, подковкой охвативший весь горизонт.

Стало смеркаться, с востока наносило то ли низкие тучи, то ли дым гигантского пожара, и я вернулся домой. Уже поздним вечером вышел в сад, к колодцу. Поставив на сруб толстый фонарь, достал воды. В ведре плавали желтые листья. Никуда от них не спрятаться — они были повсюду. Стало трудно ходить по дорожкам сада: приходилось идти по листьям, как по настоящему ковру. Мы находили их и в доме: на полу, на застеленной кровати, на печке — всюду. Они были насквозь пропитаны их винным ароматом.

№ 35

После полудня стало так жарко, что пассажиры перебрались на верхнюю палубу. Несмотря на безветрие, вся поверхность реки кипела дрожащей зыбью, в которой нестерпимо ярко дробились солнечные лучи, производя впечатление бесчисленного множества серебряных шариков. Только на отмелях, там, где берег длинным мысом врезался в реку, вода огибала его неподвижной лентой, спокойно синевшей среди этой блестящей ряби.

На небе не было ни тучки, но на горизонте кое-где протянулись тонкие белые облака, отливавшие по краям, как мазки расплавленного металла. Черный дым, не подымаясь над трубой, стлался за парходом длинным грязным хвостом.

Снизу, из машинного отделения, доносилось непрерывное шипение и какие-то глубокие, правильные вздохи, в такт которым ~~в~~драгивала деревянная палуба «Ястреба». За кормой, догоняя ее, бежали ряды длинных широких волн; белые курчавые волны неожиданно бешено вскипали на их мутно-зеленой вершине и, плавно опустившись вниз, вдруг таяли, точно прятались под воду. Волны без устали набегали на берег и, разбившись с шумом об откос, бежали назад, обнажая песчаную отмель, всю изъеденную прибоем.

Это однообразие не прискучивало ~~Вере~~ Львовне и не утомляло ее: на весь божий мир она глядела сквозь радужную пелену тихого очарования. Ей все казалось милым и дорогим: и пароход, необыкновенно белый и чистенький, и капитан, здоровенный толстяк в парусиновой паре, с багровым лицом и звериным голосом, охрипшим от непогод, и лоцман, красивый чернобородый мужик, который вертел в своей стеклянной будочке колесо штурвала, в то время как его острые, прищуренные глаза неподвижно глядели вдаль.

Вдали показалась пристань — маленький красный ~~дош~~атый домик, выстроенный на барке. Капитан, приложив рот к рупору, проведенному в машинное отделение, кричал командные слова, и его голос, казалось, выходил из глубокой бочки: «Самый малый! Задний ход!»

Около станции толпились бабы и девчонки; они предлагали пассажирам сушеную малину, бутылки с кипяченым молоком, соленую рыбу, вареную и печеную баранину.

Жара понемногу ~~спад~~ала. Пассажиры заметили, как солнце садилось в пожаре ~~к~~роваво-пурпурного пламени и растопленного золота. Когда же яркие краски поухли, то весь горизонт осветился ровным пыльно-розовым сиянием. Наконец и это сияние померкло, и только невысоко над землей, в том месте, где закатилось солнце, осталась неясная длинная розовая полоска, незаметно переходившая вверху неба в нежно-голубоватый оттенок вечернего неба.

№ 36

Стелется бескрайняя равнина и, простираясь до самого горизонта, лежит свободно, просторно, открытая настежь всем ветрам. Издавна она славилась сенокосными лугами, пастбищами да вольным житьем овечьих стад. Весной тут наливались соком такие некошенные травы, полыхало такое ~~разноц~~ветие, что когда проходила косилка, то следом за ней расстилалась будто не трава, а ковер из цветов. Давно не стало в этих местах ни трав, ни цветов: вдоль и поперек

погуляли плуги, и теперь стояла, покачивая золочеными колосьями, пшеница. Только кое-где на пригорке ранним июньским утром поднимался, как необыкновенное чудо, полевой мак, темно-красный, похожий на затерявшийся в пшеничном царстве одинокий огонек, или на древнем кургане подставляла в ветреную погоду свои развевающиеся кудри ковыль-трава. Цепко держалась также полынь, не умирала, сизым дымком причудливо курилась то близ дороги, то на выгоне, примыкавшем к хутору.

У моей бабушки с полынью связана древняя дружба. «Полынь — растение полезное», — говорила она. Земляной, мазанный глиной пол в своей хате бабушка устилала полынью, словно зеленым пахучим ковром. Идешь по такому коврику, а он зыблется, потрескивает под ногами и издает ни с чем не сравнимый аромат. Бабушке были известны и целебные свойства полыни. При каких только болезнях не применяла она ее, и одним из бабушкиных пациентов был не кто иной, как я сам.

Когда я учился в пятом классе, у меня заболело горло и бабушка перво-наперво приготовила отвар цветков полыни — это была такая горечь, какой я никогда не пробовал, однако горло вскоре прошло. Прополощешь горло отваром, положишь на нос веточки с цветочками, хорошенько подышишь ими — и хвори как не бывало.

Впоследствии в течение многих лет, особенно в те минуты, когда вспоминаю о бабушке и о хуторе, я чувствую такой приятный для меня запах полыни, и он, этот запах, словно невидимым магнитом, каждую весну тянет туда, на приволье, где я вырос.

№ 37

Старик с мальчиком и собакой обошли весь дачный поселок и уже собирались сойти к морю. По левую сторону оставалась еще одна, последняя дача. Ее не было видно из-за высокой каменной стены, над которой возвышались запыленные кипарисы, похожие на длинные черно-серые веретена. Только сквозь чугунные ворота, похожие своей причудливой резьбой на кружево, можно было рассмотреть уголок свежего, точно ярко-зеленого шелка, газона, круглые цветочные клумбы и вдали, на заднем плане, крытую сквозную аллею. Посередине газона стоял садовник, поливавший из длинного рукава-шланга розы. Он прикрывал пальцем отверстие трубы, и от этого в фонтане бесчисленных брызг солнце играло всеми цветами радуги.

Дедушка собирался пройти мимо, но, заглянув в ворота, оста-

новился в недоумении: на клумбах возвышались диковинные яркие цветы; в водоемах плескалась прозрачная вода; перед домом стояли два блестящих зеркальных шара, в которых странствующая труппа отразилась вверх ногами.

Перед балконом была утоптанная площадка. Сергей расстелил на ней свой коврик, а дедушка, установив шарманку, уже приготовился вертеть ручку, как вдруг неожиданное и странное зрелище привлекло их внимание.

На террасу из внутренних комнат выскочил, как бомба, издавая пронзительные крики, мальчик лет восьми. Он был в легком матросском костюмчике, с обнаженными руками. Белокурые волосы растрепались у него небрежно по плечам. Следом за мальчиком выбежало еще шесть человек: две женщины в фартуках; старый толстый лакей с длинными седыми бакенбардами; сухопарая рыжая девица в синем клетчатом платье; молодая, болезненного вида, но очень красивая дама в кружевном голубом капоте и, наконец, толстый лысый господин в золотых очках. Все они были сильно встревожены.

Женщины в фартуках, всплескивая руками, щебетали скоро-скоро подобострастными и испуганными голосами. Красноносая девица кричала что-то очень внушительное, но совершенно непонятное, очевидно на иностранном языке. Рассудительным басом уговаривал мальчика господин в золотых очках.

Между тем виновник этой суматохи, ни на секунду не прекращая своего визга, с разбегу повалился на каменный пол и с сильным ожесточением принялся дрыгать руками и ногами во все стороны.

— Дедушка Лодыжкин, что же это такое с ним? — спросил удивленный Сергей шепотом. — Никак, драть его будут?

— Начинай, Сергей! Я знаю! — распорядился дедушка и с решительным видом завертел ручку шарманки.

№ 38

Миновав дремучие заросли, мы перешли вброд речонку, на берегу которой заметили следы углежого. К полудню мы подошли к ступенчатому склону, сложенному, по-видимому, искусным каменщиком, и скоро увидели домишко с крышей из оцинкованного железа. А вот и ветхий дощатый заборишко, за которым видны молодые яблоньки, вишенки и черешенки. Тут же находится и немудреное хозяйство: десяток кур и воинственный петушок, взлетевший зачем-то на крыльцо. Робко и не надеясь, что кто-то захочет при-

спешат по инстинкту, чтобы послушать, о чем **калякает** народ, и посмотреть, на что он смотрит.

№ 41

Немного времени спустя я распрощался с офицерами и вышел из палатки. Вечерело; люди одевались в шинели, приготавливаясь к зоре. Роты выстроились в линейках, так что каждый батальон образовал замкнутый квадрат. Барабаны пробили зорю, откуда-то издали послышались слова команды: «Полки, на молитву, шапки долой!» И двенадцать тысяч человек обнажили головы. «Отче наш, иже еси на **небеси**», — начала наша рота. Семьдесят хоров, по двести человек в каждом, пели каждый сам по себе; выходили диссонансы, но молитва все-таки звучала трогательно и торжественно.

Понемногу начали затихать хоры. Солдаты укладывались спать. В нашей палатке, где, как и в других, помещалось шестеро на пространстве двух квадратных сажень, мое место было с краю. Я долго лежал, смотря на звезды. Семь звезд Большой Медведицы блестели низко над горизонтом, гораздо ниже, чем у нас на Севере. Смотря на Полярную звезду, я думал, что именно в этом направлении должен быть Петербург, где я оставил мать, друзей и все самое дорогое. Над головой блестели знакомые созвездия; Млечный Путь не тускло светился, а сиял ясною, торжественно спокойной полосой света. На юге какие-то большие звезды незнакомого, не видимого у нас созвездия горели, одна красным, другая зеленоватым огнем.

Спать не хотелось; я встал и начал бродить по сырой траве между нашим батальоном и артиллерией. Темная фигура поравнялась со мной, гремя саблею; по ее звуку я догадался, что это офицер, и вытянулся во фронт. Офицер подошел ко мне и оказался Венцелем.

— Не спится, Владимир Михайлович? — спросил он мягким и тихим голосом, почти шепотом.

Мы разговорились. Венцель, видимо, очень много читал и, как сказал один офицер, знал и языки. Замечание капитана о том, что он «стихи долбит», тоже оказалось верным: мы заговорили о французах, и Венцель, обругав натуралистов, перешел к сентименталистам и импрессионистам и даже с чувством продекламировал «Декабрьскую ночь» Мюссе. Он читал хорошо: просто, и выразительно, и с хорошим французским выговором. Кончив, он помолчал и прибавил: «Да, это хорошо; но все французы вместе не стоят десяти строк Шиллера, Гете и Шекспира».

Ясные дни миновали, и Марусе опять стало хуже. На все наши ухищрения, с целью занять ее, она смотрела равнодушно своими большими потемневшими глазами, и мы давно уже не слышали ее смеха. Тогда я решил обратиться к своей сестре Соне. У нее была большая кукла, с ярко раскрашенным лицом и роскошными льняными волосами, подарок покойной матери. На эту куклу я возлагал большие надежды и потому, отозвав сестру в боковую аллею сада, попросил мне дать ее на время. Я так убедительно просил ее об этом, так живо описал ей бедную больную девочку, у которой никогда не было своих игрушек, что Соня, которая сначала только прижимала куклу к себе, отдала мне ее и обещала в течение двух-трех дней играть другими игрушками, ничего не упоминая о кукле. Маруся, которая увядала, как цветок осенью, казалось, вдруг ожила. Маленькая кукла сделала почти чудо: Маруся, давно уже не сходившая с постели, стала ходить, водя за собою свою белокурую дочку, по временам даже бегала, по-прежнему шлепая по полу босыми ногами.

Зато мне эта кукла доставила много тревожных минут. Прежде всего, когда я нес ее за пазухой, направляясь с ней на гору, в дороге мне попался старый Януш, который долго провожал меня глазами. Потом дня через два старушка-няня заметила пропажу и стала соваться по углам, везде разыскивая куклу. Соня старалась унять ее, но своими наивными уверениями, что ей кукла не нужна, что кукла ушла гулять и скоро вернется, только вызвала недоумение служанок и возбуждала подозрение, что тут не простая пропажа.

Отец ничего еще не знал, однако в тот же день остановил меня на пути к садовой калитке и велел остаться дома. На следующий день повторилось то же, и только через четыре дня я встал рано утром и махнул через забор, пока отец еще спал.

На горе дела опять были плохи. Маруся опять слегла, и ей стало еще хуже: лицо ее горело странным румянцем, белокурые волосы раскидались по подушке; она никого не узнавала. Рядом с ней лежала злополучная кукла, с розовыми щеками и глупыми блестящими глазами.

Ветер, не затихавший в течение долгих, томительных часов, упал. Приумолкшие волны несли изломанные остатки ледяных полей, словно искалеченные обломки гигантского корабля. Тучи поспешно сбегали с небесного свода, униженного ярко мерцавшими звездами, и

северная ночь, прозрачная и холодная, как синие льды, раскинулась над глухо рокотающим бескрайним морем, еще не улегшимся после недавней бури.

Понемногу море очищалось ото льда, и только одинокие глыбы покачивались на волнах. Вокруг не было ни души, и лишь на одной из льдин неясно выделялся силуэт высокой фигуры. Это был не кто иной, как Сорока. Одетый в некрашенный дубленый полушубок, он искусно работает багром, и гибкий шест бурлит и пенит воду. Кругом простирается необъятная белая равнина, над которой низко стеются дымчато-серые облака.

Сорока поднял голову: вверх сквозь тонкий пар мороза блеснула золотая Медведица. Сорока толкает вперед тяжелую льдину, а в голове теснятся невеселые думы: далеко в море вынесло, вторые сутки ни разу не ел. Из последних сил бьется охотник, понимает, что нельзя шутить с морозом. Старик помор знает, что, если останешься без движения, морозище обоймет, повеет и проникнет насквозь холодным дыханием. Каких только ужасных историй не рассказывают на побережье! Сон постепенно овладевает человеком...

Неожиданно раздался протяжный удар ледяных громад. На мгновение Сорока как бы очнулся, но, к удивлению, никак не мог открыть глаз, точно слипшихся с мороза. Как далекая зарница в глущую ночь, мелькнуло смутное сознание опасности. Сорока поднялся, встряхнулся и пошел наугад, руководствуясь какими-то неуловимыми для незнакомого с морем человека приметам...

Сияя величавой красотой, тихо дремлет над спокойным морем ночь, затканная морозным туманом.

№ 44

Солнце невыносимо печет. Зной, разлитый в переполненном блеском воздухе, неподвижно стоит над морем, в котором на недосыгаемой глубине синее опрокинутое небо.

Андрейка, не разгибаясь, вместе с дедом выбирает из тянувшейся вдоль лодки сети добычу, которой набилось туда множество.

Жара, усталость мало-помалу смиряют Андрейку, и негодование на деда у него улегается. А дед, и не подозревая Андрейкиных каверз, преспокойно посасывая трубку, выбирает рыбу на корме. Он доволен сегодняшним уловом, и его нависшие, лохматые брови несколько приподнялись. К вечеру он надеялся осмотреть все сети и ночью вернуться домой.

Вдруг Андрейка услышал голос:

— Андрейка, спускай сеть да ставь парус!

Андрейка уставился на деда: что с ним случилось? Ведь еще и половину сетей не досмотрели — видно, прошел косяк и рыбы набилось множество, да никогда они раньше ночи и не возвращались домой...

Но старик не любил повторять приказаний, и Андрейка, торопливо опустив в воду сеть, выполнил приказание, не смея расспрашивать деда. Парус обыкновенно подворачивали вниз и приспускали только во время сильной бури, чтоб уменьшить площадь парусности, когда ветер чересчур уже рвал. Между тем кругом стоял все тот же неподвижный зной, — нечем было дышать, и все так же на недосягаемой высоте и в бездонной глубине, друг против друга, синели тонкой синевой два небесных свода, и вода между ними пропадала из глаз.

— Садись на весла, — приказал дед.

Андрейка беспрекословно взялся за весла и стал грести, обливаясь потом.

Вверху, не особенно высоко, над морем, несло белое, ослепительно блестящее облачко с разорванными краями. Дед Все поглядывал то на облачко, то на горизонт, в синеве которого терялись и вода, и небо: оттуда, теснясь, густо лезли круглые барашки. Они торопливо выбирались с особенной и необъяснимой при полном затишье поспешностью.

Андрейка, измученный, задыхающийся от зноя и напряжения, стал испытывать глухое беспокойство. Дед, все подгонявший Андрейку, сам сел на весла, и тяжело нагруженная лодка пошла скорее по направлению, где должен был открыться берег.

№ 45

Когда я вошел в Притынный кабачок, в нем уже собралось довольно многочисленное общество. Посередине комнаты стоял Яшка Турок, худой и стройный человек лет двадцати трех, одетый в длинный кафтан голубого цвета. Он смотрел удалым фабричным малым и, казалось, не мог похвастаться отличным здоровьем. Его впалые щеки, большие беспокойные серые глаза, прямой нос с тонкими, подвижными ноздрями, белый покатым лоб с закинутыми назад светло-русыми кудрями, крупные, но красивые, выразительные губы — все его лицо изобличало человека впечатлительного и страстного. Он был в большом волнении: мигал глазами, неровно дышал, руки его дрожали, как в лихорадке, — Яков, прозванный

Турком, потому что действительно происходил от пленной турчанки, был по душе художник во всех смыслах этого слова, а по званию — черпальщик на бумажной фабрике у купца.

Яков помолчал, взглянул кругом и закрылся рукой. Когда же наконец Яков открыл свое лицо — оно было бледно, как у мертвого; глаза едва мерцали сквозь опущенные ресницы. Он глубоко вздохнул и запел... Первый звук его голоса был слаб и неровен и, казалось, не выходил из его груди, но принёсся откуда-то издалека, словно залетел случайно в комнату. Странно подействовал этот трепещущий, звенящий звук на всех нас; мы взглянули друг на друга, а жена Николая Ивановича так и выпрямилась... За этим первым звуком последовал другой, более твердый и протяжный, но все еще, видимо, дрожащий, как струна, когда, внезапно прозвенев под сильным пальцем, она колеблется последним, быстро замирающим колебанием, за вторым — третий, и, понемногу разгораясь и расширяясь, полилась заунывная песня: «Не одна во поле дороженька пролегала», — пел он, и всем нам сладко становилось и жутко. Я, признаюсь, редко слыхивал подобный голос: он был слегка разбит и звенел как надтреснутый; он даже сначала отзывался чем-то болезненным; но в нем была неподдельная глубокая страсть, и молодость, и сила, и сладость, и какая-то увлекательно-беспечная, грустная скорбь. Русская, правдивая, горячая душа звучала и дышала в нем и так и хватала вас за сердце, хватала прямо за его русские струны. Песнь росла, разливалась. Яковом, видимо, овладело упоение: он уже не робел, он отдавался весь своему счастью; голос его не трепетал более... Он пел, совершенно позабыв и своего соперника, и всех нас, но, видимо, поднимаемый, как бодрый пловец волнами, нашим молчаливым, страстным участием.

№ 46

Суходол

Разразился ливень с оглушительными громовыми ударами и оглушительно быстрыми, огненными змеями молний, когда мы под вечер подъезжали к Суходолу. Черно-лиловая туча тяжело свалилась к северо-западу, величаво заступила полнеба напротив. В стороне от дороги, у самого поворота в Суходол, увидали мы высокую и престранную фигуру не то старика, не то старухи. Затемно приехали в усадьбу, где от дедовского дубового дома, не раз горевшего, остался вот этот, невзрачный, полусгнивший. Запахло самоваром,

посыпались расспросы. Мы пошли бродить по темнеющим горницам, ища балкона, выхода на галерею и сад. В углу прихожей чернел большой образ, толсто окованный серебром и хранивший на оборотной стороне родословную господ, писанную давным-давно. Доски пола в зале были непомерно широки, темны и скользки. Пахло жасмином в старой гостиной с покосившимися полами. Стнивший серо-голубой от времени балкон, с которого, за отсутствием ступенек, надо было спрыгивать, тонул в крапиве. Только сад был, конечно, чудесный: широкая аллея в семьдесят раскидистых берез, дремучие заросли малины, акации, сирени и чуть ли не целая роша серебристых тополей.

А в полдень по-прежнему озарен был сумрачный зал солнцем, светившим из сада. Цыпленок, неизвестно зачем попавший в дом, сиротливо пищал, бродил по гостиной. Уже исчезали те немногие вещественные следы прошлого, что заставляли мы в Суходоле. Дом ветшал, оседал все более.

Долги, тяжки были зимы. Холодно было в разрушающемся доме. По вечерам еле-еле светила единственная жестяная лампочка. Старая няня сидела в странном полусвете, доходившем из дома во внутренность ее ледяной избы, заставленной обломками старой мебели, заваленной черепками битой посуды, загроможденной рухнувшим набок старым фортепиано.

№ 47

Семи лет Андрейка уже во всем помогал деду. Вставали они рано — часа в три утра. Андрейка торопливо плескал себе в лицо холодной водой, вытирался подолом рубашки, торопливо крестился на ту часть неба, где горела утренняя заря, и, перевирая, читал «Отче наш» и «Свят, свят» — две молитвы, которые он только и знал.

И на море и дома дед заставлял Андрейку делать все наравне с собою: править парусами, грести, чинить, собирать, тянуть, спускать сети, обирать рыбу. И Андрейка все делал, надрываясь от непосильной работы. За малейший промах, недосмотр дед жестоко наказывал Андрейку. Стоило мальчику на море неверно положить руль или не вовремя подобрать парус, как дед подымался и тут же, не говоря ни слова, беспощадно сек мальчика просмоленной веревкой, от которой никогда не заживали рубцы. У Андрейки было худенькое загорелое личико, и сам он весь был маленький и худенький.

Жизнь у него проходила однообразно, кругом было только море, небо, степь да берег. Берег был голый, обнаженный, с размытыми

устьями оврагов, с песчаными косами и отмелями. Но все это однообразное пустынное пространство для **Андрейки** было населено и оживлено.

По степи, посвистывая, бегали или, как столбики, стояли у своих нор суслики; в воздухе, мелькая по иссохшей траве, плавали коршуны, ястребы; по курганам угрюмо чернели степные орлы. Над песчаным берегом носились крикливые белые чайки, подбирая выброшенную из сетей рыбу, иногда чуть **не** выхватывая ее из рук рыбаков; весною и осенью стоял несмолкаемый гам и шум от бесчисленной перелетной птицы.

Но более всего было населено море. Тут стадами ходили стерляди, осетры; в песке кишели мириады водяных вшей, ползали крабы. В конце июля море начинало цвести и по ночам светиться. Этот странный колеблющийся, то вспыхивающий, то угасающий голубовато-зеленый свет казался **Андрейке** таинственно связанным со всеми покойниками и утопленниками, которые нашли могилу в море.

Дед Агафон был молчалив и угрюм, но когда речь заходила об обитателях моря, морщины у него разглаживались, серые глаза добродушно смотрели из-под нависших бровей, и он был готов рассказывать по **целым** суткам.

№ 48

Сегодня я чувствую себя так, как будто бы гора свалилась с моих плеч. Счастье было так неожиданно! Но не стыдно ли радоваться смерти бедной тетки только потому, что она оставила наследство, дающее мне возможность бросить службу и вполне отдаться моему любимому занятию. Теперь я свободен, я художник!

Мне захотелось уйти куда-нибудь подальше от людей и от Петербурга; я взял краски и отправился на взморье. Вода, небо, сверкающий **вдали** на солнце город, **синие** леса, окаймляющие берега залива, верхушки мачт на кронштадтском рейде, десятки пролетающих мимо меня пароходов и кораблей — все показалось мне в новом свете. Все это мое, все это я могу схватить, и бросить на полотно, и поставить перед изумленной силою искусства толпою. Правда, не следовало бы продавать шкуру еще не убитого медведя; ведь пока я — еще не бог знает какой великий **художник**...

Лодка быстро разрезала гладь воды. Лодочник, рослый, здоровый и красивый парень в красной рубахе, без устали работал веслами, то нагибаясь вперед, то откидываясь назад. Солнце закатывалось

и так эффектно играло на его загорелом лице, что мне захотелось набросать его.

— Перестань грести, посиди минутку смирно, я тебя напишу, — сказал я.

Он бросил весла.

— Ты сядь так, будто весла заносишь.

Он взялся за весла, взмахнул ими, как птица крыльями, и так и замер в прекрасной позе. Я быстро набросал карандашом контур. С каким-то особенным радостным чувством я смешивал краски.

Лодочник скоро начал уставать: его удалое выражение лица сменилось скучным, он стал зевать, складки рубахи совсем пропали.

Конечно, я не стал читать ему лекции о значении искусства, а только сказал, что за эти картины платят хорошие деньги. Лодочник был совершенно удовлетворен и больше не разговаривал. Этул вышел прекрасный (очень красивы эти горячие тона освещенного заходящим солнцем кумача), и я возвратился домой совершенно счастливым.

№ 49

Перед охотой

Покамест дорога шла близ болот, в виду соснового леса, все время отклоняясь вбок, мы зачастую вспыхивали целые выводки уток, приютившихся здесь.

Мой спутник провожал глазами каждую птицу и втайне обдумывал план нашей будущей охоты. Заметив где-нибудь утиные стаи, он просил шофера остановиться, и мы подолгу и вволю любовались не в меру беспечными утками, плавающими посередине тростников.

Приятно было видеть такое обилие дичи, и мы вовсе не обращали внимания на мошек и комаров, которые вперемешку летали вокруг и облепляли нас, лишь только мы останавливались.

Движение вперемежку с остановками развлекало нас, несмотря на громадную потерю времени. Мой спутник признался, что нигде и никогда не видел такого множества дичи, и добавил, что эти места, знакомые ему до сих пор только понаслышке, поистине великолепны для охоты и по праву могут рассчитывать на широкую известность.

Наконец, миновав болота, мы пересекли небольшую, но глубокую речонку, которую без риска не перейдешь вброд, и поехали в сторону. Мало-помалу дорога стала подниматься, и мы въехали в

лес, который предстояло пересечь поперек. Нам хотелось поскорее выбраться из лесу.

А вокруг царил тишина. Сначала лес был не однородный, а смешанный, потом сплошь пошла одна сосна, да такая высокая, что впору **корабельной** мачте. Вплотную сомкнувшись своими вершинами, гигантские сосны непрерывно тянулись вдоль дороги, которую пересекали вылезающие наружу корни. Сторона, по-видимому, была глухая: везде виднелся лес, а полей по-прежнему не было.

Но вот сосна стала понемногу редеть, и сквозь стволы кое-где проглядывала невдалеке равнина. По-осеннему пахло сыростью. Вдали что-то блеснуло, но настолько неясно, что никак нельзя было рассмотреть, что это такое. Понапрасну всматривались мы вдаль: навстречу нам поднимался туман.

Тотчас после одного крутого поворота мы увидели **мельничную** плотину, из которой вкривь и вкось торчали пучки хвороста. Сама мельница была закрыта старыми ветками, усыпанными вороньими гнездами, издали похожими на наросты.

При нашем приближении десятки ворон с резким криком **разлетелись** врассыпную, неожиданно залаяли собаки, и впервые за весь день мы остановились у человеческого жилья.

№ 50

В одном большом городе был ботанический сад, а в этом саду — большая стеклянная оранжерея. Она была очень красива: стройные **витые** колонны поддерживали все здание; на них опирались легкие узорчатые арки, переплетенные между собою паутиной железных рам, в которые были **вставлены** стекла. Особенно хороша была оранжерея, когда солнце заходило и освещало ее золотисто-красным огнем. Тогда она вся горела, красные отблески играли и переливались, точно в огромном, мелко отшлифованном драгоценном камне.

Сквозь толстые **прозрачные** стекла виднелись заключенные в ней растения. Несмотря на величину оранжереи, им было в ней тесно. Корни переплетались между собой; садовники постоянно обрезают ветви, подвязывали проволоками листья, чтобы они **не** могли расти, куда хотят, но и это плохо помогало. Для растений нужен был широкий простор, родной край и свобода: они были уроженцы жарких стран, нежные роскошные создания; они помнили свою родину и тосковали по ней.

Как **ни** прозрачна была стеклянная крыша, но она не ясное небо. Иногда зимой стекла замерзали и в **оранжерее** становилось совсем

темно. Гудел ветер, рамы обындели, крыша покрывалась наметным снегом. Растения стояли и слушали вой ветра и вспоминали иной ветер, теплый, влажный. В оранжерее воздух был неподвижен; разве только иногда зимняя буря выбивала стекло, и резкая, холодная струя, полная инея, влетала под свод. Куда попадала эта струя, там листья бледнели, съеживались и увядали.

Но стекла вставляли очень скоро: ботаническим садом управлял отличный ученый директор, не допускавший никакого беспорядка, несмотря на то что большую часть своего времени проводил в занятиях с микроскопом в особой стеклянной будочке, устроенной в оранжерее.

Была между растениями одна пальма, выше и красивее всех. Директор, сидевший в будочке, называл ее по-латыни. Но это имя не было ее родным именем: его придумали ботаники. На пять сажен возвышалась она над верхушками всех других растений, и эти другие растения не любили ее: они завидовали ей. Этот рост доставлял ей только одно горе, потому что она лучше всех помнила свое родное небо и больше всех тосковала о нем, потому что ближе всех была к тому, что заменяло другим его: к гадкой стеклянной крыше.

№ 51

Между тем наступил вечер. Засветили лампу, которая, как луна, сквозила в трельяже с плющом. Сумрак скрыл очертания лиц и фигуры Ольги и набросил на нее как будто покрывало; лицо было в тени: слышался только мягкий, но сильный голос, с нервной дрожью чувства.

Она пела много арий и романсов, по указанию Штольца; в одних выражалось страдание, в других — радость, но в звуках уже таился зародыш грусти.

Ольга в строгом смысле была не красавица, то есть не было ни белизны в ней, ни яркого колорита щек и губ, и глаза не горели лучами внутреннего огня; ни кораллов на губах, ни жемчуга во рту не было, ни миниатюрных рук, как у пятилетнего ребенка.

Но если б ее обратить в статую, она была бы статуя фации и гармонии. Несколько высокому росту отвечала величина головы, величине головы — овал и размеры лица. Кто ни встречал ее, даже рассеянный, и тот на мгновение останавливался перед этим так строго и обдуманно, артистически созданным существом.

Нос образовывал чуть заметно выпуклую, грациозную линию; губы тонкие и большею частью сжатые: признак непрерывно устремленной на что-нибудь мысли. То же присутствие говорящей мысли светилось

в зорком, всегда бодром, ничего не пропускающем взгляде темных, серо-голубых глаз. Брови придавали особенную красоту глазам: они не были дугообразны, не округляли глаз двумя тоненькими ниточками — нет, это были две русые, пушистые, почти прямые полоски, которые лежали симметрично.

Обломов вспыхивал, изнемогал, с трудом сдерживал слезы, и еще труднее было душить ему радостный, готовый вырваться из души крик. Давно не чувствовал он такой бодрости, такой силы, которая, казалось, вся поднялась со дна души, готовая на подвиг.

Он в эту минуту уехал бы даже за границу, если б ему оставалось только сесть и уехать. В заключение она запела «Каста дива»; все восторги, молнией несущиеся мысли в голове, трепет, как иглы, пробегающий по телу, — все это уничтожило Обломова: он изнемог.

Он не спал всю ночь: грустный, задумчивый проходил он взад и вперед по комнате; на заре ушел из дома, ходил по Неве, по улицам, бог знает что чувствуя, о чем думая...

№ 52

В лесу стояла та особенная тишина, которая бывает только осенью. Неподвижно висели мохнатые ветви, не качалась ни одна вершина, не слышалось ничьих шагов, лес стоял молча, задумчиво, прислушиваясь к своей собственной вековой думе.

И когда, отломившись от родного дерева, мертвая сухая веточка падала, переворачиваясь и цепляясь пожелтевшими иглами за живые, чуть вздрагивающие ветви, было далеко слышно.

Вверху не было видно печального северного неба, хмуро закрывала его густая хвоя, и, как колонны, могуче вздымались вверх красные стволы гигантских сосен. Царил покой безлюдья, точно под огромным темным сводом молчаливых колонн.

Между стволами, которые сливались воедино, мелькало что-то живое. Кто-то беззвучно шел, и прошлогодняя хвоя, толсто заставлявшая землю, мягко поглощала шаги. Сосны расступились и опять смыкались в сплошную красную стену.

Мальчик лет двенадцати, туго подпоясанный кожаным ремнем, за которым торчал топор, в огромных, должно быть отцовских, сапогах, наклонялся, приседал на корточки, что-то цеплял за ветки и стволы, и, когда шел дальше, позади на земле оставался целый ряд волосяных петель, и в них краснели прицепленные ягоды.

Мальчик ставил силки, внимательно запоминая местность в лесной чашобе.

Молчаливый лесной сумрак посветлел в одной стороне, и меж деревьев блеснул водный простор. С крутого песчаного берега открылось озеро. Необозримо уходило оно, отодвинув леса до синего горизонта, и изумрудно-зеленые острова бесчисленными стаями покрывали светлое лицо его. Узкими протоками оно тянулось в другие соседние озера, на сотни верст растянувшиеся по **бескрайнему**, молчаливому, суровому краю, с одной стороны которого катило тяжелые холодные волны Белое море, с другой — морозной мглой дышали ледяные поля Северного океана.

Бесчисленные стада уток, гусей и всякой пролетной водяной и болотной птицы с криком и шумом возились на воде, заслоняя и воду, и далеко виднеющийся лес, и изумрудно-зеленые острова.

Мальчик с Минуту постоял и пронзительно два раза свистнул. Озеро ожило. Как будто множество людей засвистало и отозвалось со всех сторон, и над водой, все ослабевая, понеслись замирающие тонкие звуки. Птица рванулась, взрывая воду, шумом заглушая умиравшее эхо.

№ 53

Четыре часа пополудни; день жаркий, но воздух чист и ароматен. Солнце усердно нагревает темно-серые стены большого, неуклюжего дома, стоящего вдали от прочих деревенских изб. Об **архитектуре** можно сказать одно; вероятно, он был недостроен, когда его покрыли крышей. Окна, маленькие и редкие, наглухо заперты. У дома есть и сад, но он нисколько не защищает его от солнца; кроме кустов сирени да акаций, не видно в нем никаких деревьев. Впрочем, в нем найдется все для деревенского сада: крытая аллея из акаций, несколько скамеек, расставленных на дурно выметенных дорожках, в стороны — гряды с клубникой. Полусгнившая терраса с колоннами и деревянными перилами, выкрашенными белой краской, выходит в сад, и от нее тянется дорожка к небольшой речонке, через которую перекинут дощатый мостик, сгнивший местами.

Вступив в дом, мы увидим одну из главных комнат, необыкновенно широкую и низкую, с полом, выкрашенным густо-коричневой краской, с закопченным потолком. Высокие стулья, выкрашенные белой краской, с соломенными подушками, привязанными к сиденью, жались плотно друг возле друга, окаймляя стены. Посредине комнаты — обеденный круглый стол с бесчисленными тоненькими ножками. В углу против окон — массивный флигель; на желтой закопченной стене — барометр, оправленный в черное дерево.

Под монотонный стук маятника по комнате ходила женщина пожилых лет, с лицом бледным и суровым. Закинув руки назад, она прохаживалась тяжелой поступью, погруженная в раздумье. Ее полутраурный туалет гармонировал с мрачностью комнаты: он состоял из темного ситцевого капота и бархатной пелеринки с бахромой.

У окна сидела девушка. Ситцевое полинялое светленькое платье с короткими рукавами оттеняло красивые руки. Коса ее, очень густая, спускалась на затылок. Черты лица были небольшие, исключая глаза — ясные и смелые; в очертании красивых губ, несмотря на детское еще выражение всего лица, чувствовалось уже столько энергии, что вы невольно догадались о силе характера. Гармония господствовала во всей фигуре девушки, начиная с огненных ее глаз до красивых пальцев, которыми она работала бисером на бумаге, — занятие, придуманное для потери зрения.

№ 54

Мохнатые сизые тучи, словно разбитая стая испуганных птиц, низко несутся над морем. Пронзительный, резкий ветер с океана то сбивает их в темную сплошную массу, то, словно играя, разрывает и мечет, громоздя в причудливые очертания.

Побелело море, зашумело непогодой. Тяжко встают свинцовые воды и, клубясь клокочущей пеной, с глухим рокотом катятся в мглистую даль. Ветер злобно роется по их косматой поверхности, далеко разнося соленые брызги. Вдаль излучистого берега колоссальным хребтом массивно поднимаются белые зубчатые груды нагроможденного на отмелях льда. Точно титаны в тяжелой схватке накидали эти гигантские обломки.

Ветер гудит между стволами вековых сосен, наклоняет стройные ели, качая их острыми верхушками и осыпая пушистый снег с печально поникших зеленых ветвей. Сдержанная угроза угрюмо слышится в этом ровном глухом шуме, и мертвой тоской веет от этого дикого безлюдья. Бесследно проходят седые века над этой молчаливой страной, а дремучий лес стоит, точно в глубокой думе, качает темными вершинами. Еще ни один его могучий ствол не упал под дерзким топором лесопромышленника: топи да непроходимые болота залегли в его темной чаще. А там, где столетние сосны перешли в мелкий кустарник, мертвым простором потянулась безжизненная тундра и потерялась бесконечной границей в холодной мгле низко нависшего тумана.

На сотни верст ни дымка, ни человеческого следа. Только ветер

крутит порошу да мертвая мгла низко-низко стелется над снеговой пустыней.

Раз в год и сюда заходит беспокойный человек, нарушая угрюмое безлюдье дикого побережья. Каждый раз, как ударит лютый мороз и проложат крепкие дороги через топи, а на море в мглистой дали обрисуются беспорядочные очертания полярных льдов, — с далеких берегов речки Мезени и из прибрежных селений, скрипя железными полозьями по насквозь промерзшему снегу, тянутся оригинальные обозы: низкие ветвисторogie северные олени, запряженные в длинные черные лодки на полозьях, рядом с которыми широко шагают косматые белые фигуры.

И с угрюмой досадой видит старый лес, как раскидываются станом на несколько верст незванные гости.

№ 55

Однажды весною, в час небывало жаркого заката, в Москве, на Патриарших прудах, появились два гражданина. Первый был не кто иной, как Михаил Александрович Берлиоз, председатель правления одной из московских литературных ассоциации, которая сокращенно именовалась МАССОЛИТ, и редактор толстого журнала, а молодой спутник его — поэт Иван Николаевич Поньрев, пишущий под псевдонимом Бездомный.

Писатели, попав в тень чуть зеленеющих лип, первым делом бросились к пестро раскрашенной будочке с надписью «Пиво и воды».

Да, следует отметить первую странность этого страшного вечера. Нигде: ни у будочки, ни во всей аллее, параллельной Малой Бронной улице, — не оказалось ни одного человека. В этот час, когда, кажется, и сил не было дышать и когда солнце, раскалив Москву, валилось куда-то за Садовое кольцо, никто не пришел под липы — аллея была пуста. Литераторы, напившись теплой абрикосовой и немедленно начав икать, уселись на скамейке.

Тут приключилась вторая странность, касающаяся одного Берлиоза. Он внезапно перестал икать, и сердце его, стукнув, на мгновение куда-то провалилось, потом вернулось, но с тупой иглой, засевшей в нем. Берлиоза, кроме того, охватил необоснованный страх, столь сильный, что ему захотелось тотчас же, не оглядываясь, бежать с Патриарших.

И тут из знойного воздуха, сгустившегося перед ним, возник прозрачный гражданин престранного вида. Не привыкший к необыкновенным явлениям, Берлиоз побледнел и, вытаращив глаза, в

смятении подумал: «Этого не может быть!» Но это, увы, было, и длинный гражданин, сквозь которого видно, не касаясь земли, качался перед ним и влево и вправо. Тут ужас до того овладел Берлиозом, что он закрыл глаза, а когда открыл их, увидел, что все кончилось: марево растворилось, клетчатый исчез, а заодно и тупая игла выско-чила из сердца.

№ 56

Внезапно все смолкло, и головы повернулись в одну сторону.

По степи, стелясь к самому жнивью, вытягиваясь в нитку, скакал вороной, а на нем седок в красно-пестрой рубахе навалился грудью и головой на лошадиную гриву, опустив по обеим сторонам руки. Ближе. Ближе. Видно, как изо всех сил рвется обезумевшая лошадь. Бешено отстает пыль. Хлопьями пены белоснежно занесена грудь. Потные бока взмылились. А седок, все так же уронив голову, шатается в такт лошади.

В степи опять зачернело. По толпе пробежало: «Второй скачет!»

Вороной доскакал, храпя и роняя белые клочья, и сразу перед толпой осел, покотившись на задние ноги; всадник в полосато-красной рубахе, как куль, перевернулся через лошадиную голову и глухо плюхнулся о землю, раскинув руки и неестественно подогнув голову.

Одни кинулись к упавшему, другие к вздыбившейся лошади, черные бока которой были липко-красные. «Да это Охрим!» — закричали подбежавшие, бережно расправляя стынувшего. На плече и груди кроваво зияла сеченая рана, а на спине черное *закипевшееся* пятнышко.

Подскакал второй. Лицо, потная рубаха, руки, босые ноги — все было в пятнах крови. Он спрыгнул с шатающейся лошади и бросился к лежащему, по лицу которого неотвратимо потекла прозрачно-восковая желтизна. Потом быстро стал на четвереньки, приложил ухо к залитой кровью груди, и сейчас же поднялся, и стоял над ним, опустив голову: «Сын! Мой Сын!»

Он постоял над мертвецом уронив голову. А в неподвижной тишине все глаза смотрели на него.

Он пошатнулся, впусую хватаясь руками, потом схватил уздцы лошади и стал садиться на все так же вздрагивавшую потными боками лошадь, судорожно выворачивавшую в торопливом дыхании кровавые ноздри.

И вот уже топот пошел по степи, удаляясь. Он во все плечо ударил плетью, и лошадь, покорно вытянув мокрую шею, прижав

уши, пошла карьером. Тени ветряных мельниц косо и длинно погнались за ним через всю степь.

№ 57

Волшебные черные кони, утомившись, несли своих всадников медленно, и неизбежная ночь стала их догонять. Чужая ее сзади, притих даже неугомонный Бегемот и, вцепившись крепко-накрепко в седло когтями, летел молчаливый и серьезный, распустив свой хвост. Ночь, закрыв иссиня-черным платком леса и луга, зажгла где-то далеко внизу печальные огонечки, теперь уже неинтересные и ненужные ни Маргарите, ни мастеру, — чужие огоньки. Ночь то, обгоняя кавалькаду, сеялась на нее сверху и выбрасывала в загрузившем небе белые пятнышки звезд, то летела рядом и, хватая скачущих за плащи, сдирала их с плеч, разоблачая обманы. И, когда Маргарита, обдуваемая прохладным ветром, открывала глаза, она видела, как меняется облик всех летящих к своей цели.

Вряд ли теперь узнали бы Коровьева-Фагота, самозванного переводчика при таинственном и не нуждающемся ни в каких переводах консультанте, в том, кто теперь летел непосредственно рядом с Воландом. На месте того, кто в драной одежде покинул Воробьевы горы под именем Коровьева-Фагота, теперь скакал, тихо звеня золоченой цепью поводка, темно-фиолетовый рыцарь с мрачнейшим и никогда не улыбающимся лицом.

Ночь оторвала пушистый хвост у Бегемота и, содрав с кота шерсть, расшвыряла ее клочья по болотам. Тот, кто был котом, потешавшим князя тьмы, теперь оказался худеньким юношей, демоном-пажом, лучшим шутком, какой существовал когда-либо в мире. Теперь притих и он, летел беззвучно, подставив свое молодое лицо под свет, льющийся от луны. Сбоку всех летел, блистая сталью доспехов, Азазелло. Луна изменила и его лицо: исчез бесследно нелепый безобразный клык, и кривоглазие оказалось фальшивым. У Азазелло оба глаза, пустые и черные, были одинаковые и лицо белое и холодное. Себя Маргарита видеть не могла, но она хорошо видела, как изменился мастер. Его волосы, белеющие при луне, сзади собрались в косу, и она летела по ветру. Подобно юноше демону, мастер летел, не сводя глаз с луны, но улыбался ей, как будто знакомой хорошо и любимой, и что-то бормотал сам себе по привычке, приобретенной в комнате № 118.

И наконец, Воланд летел тоже в своем настоящем обличье. Маргарита не могла бы сказать, из чего сделан повод его коня, и думала,

что самый конь — только глыба мрака, грива этого коня — туча, а шпоры всадника — белые пятна звезд. Так летели они в молчании долго...

№ 58

Василий Петрович, встав со стула, чувствовал себя в полном порядке. Однако ноги не совсем повиновались ему, и он не мог держать подсвечник так, чтобы стеарин не капал на ковер. Но, несколько справившись с непослушными членами, он пошел за Кудряшовым. Они прошли несколько комнат, коридор, узкий и темный, и очутились в каком-то сыром помещении. Шаги глухо стучали по каменному полу. Шум падающей где-то струи воды звучал бесконечным аккордом. С потолка висели сталактиты из туфа; целые искусственные скалы возвышались здесь и там. Масса тропической зелени прикрывала их, а в некоторых местах блестели темные зеркала.

— Что это такое? — спросил Василий Петрович.

— Аквариум, которому я посвятил два года, — ответил Кудряшов.

Он скрылся за зелень, и Василий Петрович подошел к зеркальному стеклу и стал рассматривать, что было за ним. Вдруг поток ослепительного света заставил его закрыть глаза, и когда он открыл их, то не узнал аквариума. Кудряшов в двух местах зажег электрические фонари: свет их проходил сквозь массу голубоватой воды, кишашую рыбами, наполненную растениями, резко выделявшимися на неопределенном фоне своими кроваво-красными и грязно-зелеными силуэтами. Скалы и тропические растения, сделавшиеся еще темнее, красиво обрамляли толстые золоченые стекла, сквозь которые была видна внутренность аквариума. В нем все закопошилось, бешено заметалось, испуганное ослепительным светом: стая большеголовых бычков носилась туда и сюда, поворачиваясь точно по команде; стерляди извивались, прильнув мордой к стеклу, точно хотели пройти через стеклянную преграду; смешная каракатица отцепилась от скалы, на которой сидела, и плыла задом-наперед, волоча за собой длинные причудливые щупальца.

Маленькая рыбка порывисто металась вверх и вниз и в стороны, спасаясь от какого-то длинного хищника. В смертельном страхе она выбрасывалась из воды, непрерывно пряталась под выступы скалы, а острые зубы везде ее нагоняли. Хищная рыба уже была готова схватить ее, как вдруг другая, подскочив сбоку, перехватила добычу:

рыбка исчезла в ее пасти. Преследовательница остановилась в недоумении, а похитительница скрылась восвояси.

— Это моя гордость и утешение, — промолвил Кудряшов. — Придешь сюда, сядешь и смотришь. Я люблю всю эту тварь за то, что она откровенна, не так, как наш брат — человек.

№ 59

Четвертого мая 1887 года я приехал в Кишинев и через полчаса узнал, что через город проходит пехотная дивизия. Так как я приехал с целью поступить в какой-нибудь полк и побывать на войне, это надо было рассматривать как не что иное, как удачно представившийся случай. Седьмого мая, в 4 часа утра, я уже стоял на улице в серых рядах, выстроившихся перед квартирой полковника.

Музыка грянула: от полковника выносили развевающиеся знамена. Раздалась команда, полк выровнялся и беззвучно сделал на караул. Потом поднялся ужасный крик: скомандовал полковник, за ним батальонные и ротные командиры. Следствием всего этого было запутанное и совершенно непонятное для меня движение серых шинелей, кончившееся тем, что полк вытянулся в длинную колонну и мерно зашагал. Шагал и я, стараясь попасть в ногу и идти наравне с соседом. Ранец тянул назад, тяжелые сумки — вперед. Но, несмотря на все эти неприятности, музыка, стройное, тяжелое движение колонны, раннее свежее утро, вид штыков и лиц, загорелых и суровых, — все настраивало душу твердо и спокойно.

Нас влекла неведомая тайная сила: нет силы большей в человеческой жизни. Каждый отдельно ушел бы домой, но вся масса ~~шла~~, повинувшись не дисциплине, не чувству ненависти к неизвестному врагу, не страху наказания, а тому неведомому и бессознательному, что долго еще будет водить человечество на кровавую бойню — самую крупную причину всевозможных людских бед и страданий.

За кладбищем открылась глубокая долина, уходившая в даль гуманную. Дождь пошел сильнее; кое-где, далеко-далеко, тучи, раздаваясь, пропускали солнечный луч, тогда косые и прямые полосы дождя казались серебряными. Иногда тучи сдвигались: становилось темнее; дождь шел чаще. Через час после выступления я почувствовал, как будто струйка холодной воды побежала у меня по спине.

Первый переход был невелик: всего восемнадцать верст от Кишинева. Однако, с непривычки нести на себе такой груз, я, добравшись до отведенной нам хаты, сначала даже сесть не мог: прислонился ранцем к стене, да так и стоял минут десять не шевелясь, а потом уснул как убитый, проспав до четырех часов утра.

№ 60

Давно наступили долгие весенние сумерки, темные от дождевых туч, тяжелый вагон грохотал в прохладном поле, — в полях весна была еще ранняя, — шли кондуктора по коридору вагона, спрашивая билеты, а Митя все еще стоял возле дребезжащего окна, чувствуя запах Катиной перчатки.

Утром был Орел, пересадка и провинциальный поезд возле дальней платформы. И Митя почувствовал: какой это простой, спокойный и родной мир по сравнению с московским, уже отошедшим куда-то в тридцатое царство. Поезд из Орла шел не спеша. Митя не спеша ел тульский пряник, сидя в почти пустом вагоне.

Проснулся он только в Верховье. Поезд стоял, было довольно многолюдно, но тоже как-то захолустно. Приятно пахло чадом станционной кухни. Митя с удовольствием съел тарелку щей, потом опять задремал, — глубокая усталость напала на него. А когда он опять очнулся, поезд мчался по весеннему березовому лесу, в открытое окно пахло дождем и как будто грибами, а вдали уже мелькали по-весеннему печальные огоньки станции. Все тонуло в необыкновенных мягких сумерках, и опять Митя дивился и радовался: как спокойна, проста, убога деревня. Тарантас нырял по ухабам, дубы за двором богатого мужика высились еще совсем нагие, неприветливые, чернели грачиными гнездами. У избы стоял странный, как будто из древности, мужик: босые ноги, рваный армяк, баранья шапка на длинных прямых волосах.

Когда Митя, на другой день по приезде, проспавши двенадцать часов, вымытый, во всем чистом, вышел из своей солнечной комнаты, — она была окнами в сад, на восток, — и прошел по всем другим, то живо испытал чувство их родственности и мирной, успокаивающей и душу и тело простоты. Везде все стояло на своих прежних местах, как и много лет тому назад, и так же знакомо и приятно пахло; везде к его приезду все было прибрано. Веснушчатая девка домывала только гостиную, примыкавшую к лакейской, как ее называли еще до сих пор.

Горничная Параша, босая, белоногая, шла по залитому полу и

сказала дружелюбно-развязной скороговоркой, вытирая пот с разгоревшегося лица: «Идите кушайте чай, мамаша еще до свету уехала на станцию со старостой, вы, наверное, и не слышали...»

№ 61

Десятого марта с вечера пал над Гремячим Логом туман, до утра с крыш куреней журчала талая вода, с юга, со степного гребня, шел теплый и мокрый ветер. Первая ночь, принявшая весну, стала над Гремячим, окутанная черными шелками наплывавших туманов, тишины, овеванная вешними ветрами. Поздно утром взмыли порозовевшие туманы, оголив небо и солнце, с юга уже мощной лавой ринулся ветер; стекая влагой, с шорохом и гулом стал оседать крупнозерный снег, побурели крыши, черными пятнами покрылась дорога; а к полудню яростно всклокоталась светлая, как слезы, нагорная вода и бесчисленными потоками устремилась в низины, в сады, омывая горькие корневища вишенника, топя прибрежные камыши.

Дня через три уже оголились доступные всем ветрам бугры, промытые до земли склоны засияли влажной глиной, нагорная вода помутилась и понесла на своих вскипающих волнах желтые шапки пышно взбитой пены, вымытые хлебные корневища, сухие вывочки с пашен.

В Гремячем Логу вышла из берегов речка. Откуда-то с верховьев ее плыли источенные солнцем голубые льдины. На поворотах они выбивались из русла, кружились и терлись, как огромные рыбы на нересте. Иногда струя выметывала их на берег, а иногда льдина, влекомая впадавшим в речку потоком, относилась в сады и плыла между деревьями, со скрежетом налезая на стволы, круша садовый молодняк, рани яблони, пригибая густейшую поросль вишенника.

За хутором призывно чернела освобожденная от снега зябь. Возвращенные лемехами пласты тучного чернозема курились на солнце паром. Великая благодатная тишина стояла в полуденные часы над степью. Над пашнями — солнце, молочно-белый пар, волнуемый выщелк раннего жаворонка да манящий клич журавлиной стаи, вонзающейся грудью построенного треугольника в густую синеву безоблачных небес. Над курганами, рожденное теплом, дрожит, струится марево; острое зеленое жало травяного листка, отталкивая прошлогодний отживший стебелек, стремится к солнцу. Высушенное ветром озимое жито словно на цыпочках поднимается, протягивая листки навстречу солнечным лучам. Но еще мало живого в степи, не проснулись от зимней спячки сурки и суслики, в леса подался зверь,

изредка пробежит по старику бурьяну полевая мышь да пролетят разбившиеся на брачные пары куропатки.

№ 62

Стоит Сорока на льдине, в руках длинный багор держит и пристально смотрит в холодную даль. Рыбак застыл в напряженном ожидании. Все приметы к тому, что быть промыслу: птица кричит, с моря низко по ветру летит и ветер-глубник встал. И зорко всматривается он в холодную даль, старается разглядеть, нет ли добычи.

Отовсюду ползли безжизненные серые зимние сумерки, завлакивая пустынный берег. Там и сям из-за массивных ледяных глыб виднелись фигуры, напряженно всматривающиеся вдаль.

Ветер зашумел, разорвал туман и колеблющейся пеленой отнес безжизненную мглу к самому горизонту. Тяжело надвигались ледяные поля, и смешанный гул висел над ними, непохожий на морской прибой.

Огляделся Сорока, видит: день совсем кончается. Сквозь разорванную мглу скользнул последний безжизненный луч, заиграл мириадами искорок, отразился во льду и на мгновение бледно осветил и глухо рокочущее льдистое море, и этот бесприютный, одетый печальным саваном берег, и сотни разбросанных вдоль него человеческих фигур.

Первые воды прилива добежали до берега. Смолкли шумевшие до того волны. И как придвинулись ледяные поля к самому берегу — гул пошел окрест. Послышалось могучее шипение, шорох, треск ломающихся глыб, словно надвигалось стоногое чудовище. Передовые льдины, сжатые тяжело напиравшей массой, рассыпая белую пыль, ползли на вершину, громоздились в причудливые горы. Движение ледяной массы, встретив преграду, превратилось в колоссальную энергию разрушения: в несколько минут вдоль всего берега ломаными очертаниями тяжело поднялись новые громады.

Сорока спустился на лед одним из первых. Прыгая со льдины на льдину, скользя, проваливаясь по пояс в наметенный ветром снег и лед, он бежал вперед. Ледяные обломки с грохотом валились по его следам. Всем его существом овладела одна мысль, неотступная, напряженная, как дрожащая струна, отдававшаяся в груди: «Кабы напасть, поспеть... Царь небесный!» Осколки льда брызгами летели из-под ног. Ветер свистел в ушах и бил в лицо ледяными иглами, одевая бороду и усы пушистым инеем. А он ничего не замечал и бежал бешено вперед.

Мы возвращались с охоты с далеко не заурядной добычей — восьмьюдесятью четырьмя дикими утками, настрелянными в течение нескольких часов. Обессилив от охоты и совершенного пути, мы разместились для отдыха под старым вязом и по-товарищески стали угощать друг друга съестными припасами, взятыми из дому.

Солнце, почти невидимое сквозь **свинцово-черные** тучи, обложившие небо, стоит высоко над горизонтом. Дальше серебристые горы, обвеянные мглой, кажутся диковинными. Легонький ветерок колышет травы, не успевшие засохнуть. Сквозь ветви деревьев виднеется темно-синее небо, а на сучочках кое-где висят золоченые листья. В мягком воздухе разлит пряный запах, напоминающий запах вина.

Неожиданно низкие, черные тучи с необыкновенной быстротой поплыли по небу. Нужно не медля убираться из лесу, чтобы в пору **укрыться** и не вымокнуть под ливнем. К счастью, недалеко избушка лесного объездчика, в которой приходится задержаться на добрых полчаса.

Но вот отблистали молнии, отгрохотал гром. Яростный ливень вначале приостановил, а затем и вовсе прекратил свою трескотню. Стихии больше не спорят, не ссорятся, не борются. Расстроенные полчища туч уносятся куда-то вдаль.

На очищающемся небе резко вырисовывается чуть-чуть колышущаяся верхушка старой березы. Из-за облачка вот-вот выглянет солнышко. Осматриваешься вокруг и поражаешься, как мгновенно после дождя преобразается все окружающее.

Освеженная рожь благодарно трепещет. Все живое суетится и мечется. Над камышом ручья кружатся темно-синие стрекозы. Шмель что-то жужжит не слушающим его насекомым, уже не чувствующим опасности. Из ближних рощ, с пашен и пастбищ — отовсюду доносятся радостная птичья разноголосица.

Любезно простившись с уже не молодой хозяйкой, женой объездчика, мы отправляемся в путь. В какой-нибудь полусотне метров от избушки узенький, но быстрый ручей, вытекающий из лесной чащобы. Его не перепрыгнешь и вброд не перейдешь. Ищем перехода. Наконец находим шаткий дощатый мостик, по которому можно пройти только поодиночке. Неукатанной дорогой идем по лесоразработке, простирающейся на несколько километров. На пути попадают вперемежку то еще не сложенные в ряд дрова, то не распиленные восьмиметровые сосновые бревна.

Выйдя из леса, мы сначала следуем по уже езженному проселку,

а затем по асфальтированному шоссе, заменившему старую немощеную дорогу. Еще один километр, и мы дома.

№ 64

Месторождение бокситов

Все участники экспедиции были налицо, и наш руководитель объявил: «В субботу мы летим в Свердловск. Ознакомьтесь по карте с периферией области и приготовьтесь к дороге. Самолет поведет небезызвестный летчик Птицын».

Геннадий Кузьмич Птицын — авиатор-энтузиаст, не раз проявлявший удивительное бесстрашие во время трансевропейских и трансатлантических полетов, беспристрастный водитель, влюбленный в свою профессию. По внешности Птицын — типичный уралец: блондин, низкого роста, коренастый, с обветренным и загорелым лицом. Он с легким презрением относится к людям, которые не восторгаются достижениями современной авиации.

У нашей экспедиции немало задач, но основное задание — исследовать месторождение бокситов на Северном Урале для вновь строящегося алюминиевого завода у города Каменск-Уральского.

По прибытии на место назначения мы, разбившись на небольшие группки, отправляемся к бокситам. В течение нескольких часов приходится пробираться дремучим, густым лесом. По обеим сторонам извилистой дорожки растет кудреватый папоротник, в глубине разрослись какие-то диковинные, причудливые травы. Разговоры замирают, а мы, очарованные, молча идем в глубь чащобы. Слышен только шорох и шепот листвы, жужжание насекомых и птичьи голоса.

В пол-одиннадцатого мы находимся в полумиле от месторождения, но кто-то предлагает отдохнуть, с чем нельзя не согласиться. Быстро собираем валежник, разжигаем костер. Пахнет женой хвоей, едкий дымок синеватыми струйками поднимается вверх. Через полчаса, в продолжение которых никому не хочется двинуться с места, мы получаем кипяченую в нашем неизменном спутнике-чайнике воду для чая, варенный на пару и печенный в золе картофель.

На огонек откуда-то прибежали деревенские мальчишки и девочки, а с ними молоденький щенок, похожий на волчонка. Мы предлагаем ребятам присоединиться к нашей компании, расположиться у костра. Рыжий веснушчатый мальчонка задумал достать из

пепла самую большую печеную картофелину и ожег себе руку. Зонька и Олечка, члены нашей экспедиции, быстро и по-хозяйски смазали ожог вазелином.

— Пора двигаться, товарищи! Если удастся, а наше намерение не может не удаться, сегодня мы обследуем месторождение бокситов, — сказал наш руководитель.

Вскоре мы убедились, что он рассчитал верно, правильными оказались и расчеты наших профессоров и преподавателей.

№ 65

На охоте

Был прекрасный июльский день, один из тех дней, которые случаются только тогда, когда погода установилась надолго. С самого раннего утра небо было ясно; утренняя заря не пылала жаром, а разливалась кротким румянцем. Солнце, еще не раскаленное, как во время знойной засухи, но тускло-багровое, как перед бурей, светлое и приветливо-лучезарное, всплывало над длинной тучкой, освежая ее. Тучка блистала, и блеск ее был подобен блеску кованого серебра. В такие дни около полудня обыкновенно появляются высокие облака; они почти не трогаются с места, но далее, к небосклону, они сдвигаются, и кое-где между ними пробиваются сверху вниз сверкающие солнечные лучи.

Точь-в-точь в такой день я охотился за тетеревами. В течение дня я настрелял довольно много дичи; наполненный рюкзак немилосердно резал мне плечо. Вечерняя заря погасла, и в воздухе, еще светлом, хотя не озаренном более лучами восходящего солнца, начали густеть и разливаться холодные тени. Быстрыми шагами прошел я кусты, взобрался на небольшой холм и вместо ожидаемой знакомой равнины с белой церковью в отдалении увидел совершенно другие, незнакомые мне места. У ног моих тянулась узкая долина, а справа возвышался частый осинник. Я остановился в недоумении и оглянулся. «Да, — подумал я, — куда же это я попал? Видимо, я чересчур забрел влево». Я поскорее выбрался на другую сторону холма и пошел, забирая вправо. Я добрался до леса, но там не было никакой дороги: какие-то нескошенные низкие кусты широко растлались передо мной, а за ними, далеко-далеко, виднелось пустынное поле.

Между тем ночь приближалась и росла, как грозовая туча. Все кругом быстро чернело и утихало, одни перепела изредка кричали.

Небольшая птица, неслышно и низко мчавшаяся на своих мягких крыльях, почти наткнулась на меня и пугливо нырнула в сторону. Я уже с трудом различал отдаленные предметы, только одно поле белело вокруг. Я отчаянно устремился вперед, словно вдруг догадался, куда следовало идти, обогнул бугор и очутился в неглубокой, кругом распаханной ложине. Я окончательно удостоверился в том, что заблудился совершенно, и, уже нисколько не стараясь узнавать окрестные места, почти совсем потонувшие во мгле, пошел прямо, по звукам, наугад.

Около получаса шел я так, с трудом переставляя ноги. Казалось, что отроду не бывал я в таких пустынных местах: нигде не было видно ни огонька, не слышно ни звука. Бесконечно тянулись поля, кусты, словно из-под земли вставали перед самым моим носом. Я уже собирался прилечь где-нибудь до утра, как неожиданно узнал, куда я зашел. Эта местность была известна у нас под названием Бежин Луг.

№ 66

Над портом стоит потемневшее от пыли, мутно-голубое небо. Жаркое солнце смотрит в зеленоватое море, точно сквозь тонкую серую вуаль. Оно почти не отражается в воде, рассекаемой ударами весел, паровых винтов, острыми килями судов, борющихся с высокими морскими волнами. Они, закованные в гранит, бьются о борта судов и ропшут, вспененные, загрязненные разным хламом. Звон якорных цепей, грохот сцепленных вагонов, металлический вопль железных листов, падающих откуда-то на немощеную мостовую, крики тружеников-грузчиков, юных матросов и таможенных солдат — все эти звуки сливаются в оглушительную музыку рабочего дня. Но голоса людей еле-еле слышны в нем, слабы и смешны. И сами люди, первоначально родившие этот шум, работающие на износ и живущие впроголодь, смешны и жалки. Потные, оборванные, согнутые под тяжестью товаров, они суетливо бегают в тучах пыли. Люди ничтожны по сравнению с окружающими их колоссами, горами товаров, гремящими всю вагонами. Созданное ими поработило и обезличило их.

Стоя под парами, тяжелые пароходы-гиганты свистят, шипят, и в звуке, рожденном ими, чудится насмешливая нота презрения к серым, пыльным фигурам людей. Длинные вереницы грузчиков, несущих на своих плечах тысячи пудов хлеба в железные животы судов для того, чтобы заработать несколько фунтов того же хлеба для

своего желудка. Вот так бок о бок и уживаются друг с другом рваные, потные, отупевшие от усталости, шума и зноя люди и могучие, блестящие на солнце машины, созданные этими людьми.

Раздалось одиннадцать ударов в колокол. Когда последний звук замирал, страстная музыка труда звучала уже тише. Наступало обеденное время. Грузчики, бросив работать, рассыпались по гавани шумными группами. Вдруг появился Гришка Челкаш, старый травленный волк, несомненно хорошо знакомый всем в этой местности. Он был бос, в старых, поношенных штанах, в грязной ситцевой рубаше с разорванным воротом. Длинный, немного сутулый, он медленно шагал по дощатому тротуару и, поводя своим горбатым хищным носом, кидал вокруг себя острые взгляды. Он как будто выматривал кого-то. Его густые и длинные усы то и дело вздрагивали, как у кота, а заложенные за спину руки потирали одна другую. Даже здесь, среди сотен таких же, как и он, босяцких фигур, он сразу обращал на себя внимание своим сходством с ястребом. В этой бешеной сутолоке порта Челкаш чувствовал себя прекрасно. Впереди ему улыбался солидный заработок, требующий немного труда и много ловкости. Он мечтал о том, как загуляет завтра поутру, когда в его кармане появятся кредитные бумажки.

Содержание

Предисловие.....	3
I. Словарные диктанты.....	4
Безударные гласные в корне слова.....	4
Проверяемые безударные гласные.....	4
Непроверяемые безударные гласные.....	5
Чередующиеся гласные в корне.....	7
Гласные после шипящих и <i>ц</i>	10
Употребление букв <i>э, е</i>	12
Звонкие и глухие согласные.....	13
Непроизносимые согласные.....	13
Двойные согласные.....	14
Употребление <i>ь</i> во всех частях речи и формах слов.....	16
Разделительные <i>ь</i> и <i>ъ</i>	18
Гласные <i>ы, и</i> в корне после приставок.....	19
Правописание приставок.....	20
Приставки на <i>з</i> и приставка <i>с-</i>	20
Приставки <i>пре-</i> и <i>при-</i>	21
Правописание слов с <i>под-, полу-</i>	24
Правописание <i>и</i> и <i>ни</i> в словах различных частей речи.....	24
Правописание имен числительных.....	29
Правописание сложных слов.....	30
Правописание наречий.....	32
Правописание <i>не</i> и <i>ни</i>	37
Слитное и раздельное написание <i>не</i> со словами.....	37
Употребление <i>не</i> и <i>ни</i>	39
Правописание предлогов, союзов, частиц.....	40
II. Орфографические диктанты.....	42
III. Пунктуационные диктанты.....	73
IV. Комплексные диктанты.....	143
Ключи.....	204
I. Словарные диктанты.....	204
II. Орфографические диктанты.....	218
III. Пунктуационные диктанты.....	248
IV. Комплексные диктанты.....	319

По вопросам оптовых закупок обращаться:
тел./факс: (095) 785-15-30, e-mail: trade@airis.ru
Адрес: Москва, пр. Мира, 106

Наш сайт: www.airis.ru

Вы можете приобрести наши книги
с 11⁰⁰ до 17³⁰, кроме субботы, воскресенья,
в киоске по адресу: пр. Мира, д. 106, тел.: 785-15-30

Адрес редакции: 129626, Москва, а/я 66

Издательство «Айрис-пресс» приглашает к сотрудничеству
авторов образовательной и развивающей литературы.

По всем вопросам обращаться
по тел.: (095) 785-15-33, e-mail: editor@airis.ru

Учебное издание

Ткаченко Наталья Григорьевна

**300 ДИКТАНТОВ
ДЛЯ ПОСТУПАЮЩИХ В ВУЗЫ**

Издание четвертое

Оформление *А. М. Драговой*
Технический редактор *С. С. Коломеец*
Компьютерная верстка *Г. В. Доронина*
Корректор *З. А. Тихонова*

Подписано в печать 12.05.03. Формат 84х108/32. Печать офсетная.
Печ. л. 12. Усл. печ. л. 20,16. Тираж 5000 экз. Заказ № 283.

ООО «Издательство «Айрис-пресс»»
113184, Москва, ул. Б. Полянка, д. 50, стр. 3.

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленных диапозитивов
в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93

Н. Г. Ткаченко

Тесты по грамматике русского языка: В 2 частях

В сборник включены тесты, тесты-диктанты по орфографии и по пунктуации русского языка.

Пособие предназначено для абитуриентов, слушателей подготовительных курсов. Может быть использовано преподавателями в качестве дидактического материала по русскому языку. 256 и 384 с., обложка

Тесты по грамматике русского языка. Контрольные работы

Сборник контрольных работ содержит задания по орфографии, задания по пунктуации, контрольные по пунктуации (в их основе — тексты классической литературы), которым сопутствуют задания по фонетике, словообразованию и морфологии. Сборник предназначен для проверки навыков грамотного письма у учащихся в старших классах общеобразовательной школы, лицеев, гимназий, а также подготовительных курсов вузов. Данные контрольные работы могут использоваться в качестве как обучающего, так и закрепляющего материала, причем как под руководством преподавателя, так и самостоятельно. 288 с., обложка

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЙРИС-ПРЕСС

Русский язык:
Полный справочник школьника и абитуриента
Сост. М. Е. Булаева

Справочник составлен на основе книг и учебных пособий Д. Э. Розенталя, И. Б. Голуб, М. А. Теленковой, Л. А. Чешко, С. Е. Крюкова, Н. Г. Ткаченко, М. И. Мешеряковой, Т. В. Торкуновой, Е. В. Шишкина. Теоретический материал охватывает программу общеобразовательных школ, школ с углубленным изучением русского языка и, частично, программу высших учебных заведений. Правила даются в традиционном изложении и в виде обобщающих таблиц. Сведения по практической стилистике дополняются закрепляющими заданиями. Кроме того, в справочнике представлено большое количество упражнений, диктантов, текстов для изложений. Особую ценность справочнику придают рекомендации по написанию сочинений (подготовка к написанию, типичные ошибки, требования к сочинению и критерии оценки).

640 с., с илл., обложка

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЙРИС-ПРЕСС И

НАШИ РЕГИОНАЛЬНЫЕ ДИЛЕРЫ

Воронеж	« ООО «Амиталь» (0732) 23-63-26 e-mail: mail@amital.vrn.ru Воронеж, ул. 25-го января, д. 28
Екатеринбург	• ООО «Алис» (3432) 55-10-06 e-mail: alis@mail.ur.ru Екатеринбург, ул. Мамина-Сибиряка, д. 137
Иркутск	» ООО «ПродаЛитЪ» (3952) 59-13-80 e-mail: prodalit@irk.ru Иркутск, ул. Байкальская, д. 172
Казань	» ООО «Аист-Пресс» (8432) 43-60-31 e-mail: astp@kai.ru Казань, ул. Декабристов, д. 182
	• ООО «Таис» (8432) 72-27-82, 72-34-55 e-mail: tais@bancorp.ru Казань, ул. Гвардейская, д. 9а
Красноярск	» ООО «Литэкс» (3912) 55-50-35/36/37 e-mail: mail@litex.ru Красноярск, ул. Дудинская, д. 3а
Краснодар	» ООО «Букпресс» (8612) 62-55-48 e-mail: dges@mail.kuban.ru Краснодар, ул. Товарная, 5
Минск	» ООО «Современное слово» (10-375-172) 42-07-52, 38-38-52 e-mail: newbook@tut.by Минск, ул. Центральная, 14
Новосибирск	» ООО «Топ-книга» (3832) 36-10-28, 26-62-39 e-mail: office@top-kniga.ru Новосибирск, ул. Арбузова, д. 1/1
Пермь	» ООО «Азбука+» (3422) 64-12-26 e-mail: azb_plus@perm.raid.ru Пермь, ул. Героев Хасана, д. 10
Ростов-на-Дону	» ООО «Алтай» (8632) 44-10-92, 62-37-95 e-mail: altay@info-don.ru Ростов-на-Дону, ул. Соборная, д. 26
Санкт-Петербург	« ООО «Оникс-С» (812) 520-61-57 e-mail: onyx@mail.axon.ru Санкт-Петербург, пр. Передовиков, 13/2
Тюмень	» ООО «Фолиант» (3452) 27-36-06, 27-36-11 e-mail: foliant@tyumen.ru Тюмень, ул. Харьковская, д. 83а
Хабаровск	» ООО «Мирс» (4212) 23-54-47 e-mail: sale_book@bookmirs.khv.ru Хабаровск, ул. Ким Ю Чена, д. 21
Челябинск	» ООО «ИнтерСервис ЛТД» (3512) 21-33-74 e-mail: intser@chel.surnet.ru Челябинск, Свердловский тракт, д. 14
Южно-Сахалинск	• ООО «Эврика-Трейд» (4242) 79-64-33 Южно-Сахалинск, НПР Новоалександровск, ул. Советская, д. 104